

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

І Ю Н Ъ.

1899 годъ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская низиѣ въ началѣ XIX в. (Продолж.) Н. О. Дубровинъ.	481—508	A. И. Михайловскаго-Данилевскаго). Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.	627—650
II. О связяхъ учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ. Сообщ. П. В. Петровъ.	509—510	XI. Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочин. Н. К. Шильдера). П.	651—670
III. Изъ записокъ барона (внѣслѣдствіи графа) М. А. Корфа. (Продолж.)	511—542	XII. Изъ воспоминаній стараго педагога, Александръ Овсянниковъ.	671—693
IV. Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина. (Оконч.) Александръ Залдинъ.	543—557	XIII. Россія и Франція въ 1870 году. (По бумагамъ генерала Флери). Перев. В. В. Тимошукъ.	695—711
V. Татьяна, Онегинъ и Ленскій. (Къ литературной исторіи Пушкинскихъ типовъ). (Окончан.) В. В. Сиповскій.	559—580	XIV. Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтъ-содержателемъ станціи Лопасни. Сообщ. О. К. Шамбигаго.	713—715
VI. Памяти В. Г. Васильевскаго, Акад. Л. Н. Майковъ.	581—585	XV. Записная книжка „Русской Старины“. На 26-е мая 1899 года. (Стихотвореніе). Ал. Из. С.—въ. (стр. 558). — Отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ архангельск. губернатору 11-го февр. 1826 г. Сообщ. І. Блиновъ. (586). — Два письма М. А. Милорадовича — П. А. Сафонову. (694). — Письмо И. И. Дмитриева — къ А. И. Тургеневу. 16 марта 1820 г. Москва (712). Объявленіе о преміи Л. Ф. Пантелѣева (716).	
VII. Передъ Тильзитомъ. (Всепопданнѣишія донесенія В. О. Попова и князя Лобанова-Ростовскаго 1807 г.) Сообщ. Н. О. Дубровинъ.	587—596	XVI. Библиографическ. листокъ. (на оберткѣ).	
VIII. Изъ прошлаго. (Воспомин. офицера генеральн. штаба о войнѣ 1877—1878 гг.). П. Д. Паренцовъ.	597—618		
IX. Къ біографіи архіепископа Макарія, А. Слезскійскій.	619—626		
X. Представители Россіи на Венскомъ Конгрессѣ въ 1815 году. (Изъ воспомин.			

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ архіепископа Макарія. Грав. И. Хельмидкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стр. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.

1899.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Къ биографіи А. С. Пушкина. Материалы изъ архивовъ и другихъ мало-извѣстныхъ источниковъ. Н. Невзорова, директора С.-Петербургской 7-й гимназіи. Спб. 1899 г. Цѣна 40 к. съ пересылк.

Передъ нами небольшая по объему, но очень интересная по содержанию книга Н. К. Невзорова, содержащая въ себѣ свѣдѣнія о А. С. Пушкинѣ, почерпнутые изъ архивовъ и другихъ источниковъ и впервые появляющіяся въ печати.

На первомъ планѣ напечатана «копія съ брачнаго обыска о желающихъ вступить въ бракъ женихъ Х-го класса Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, и о невѣстѣ г-на Николая Афанасьевича Гончарова дочери его дѣвѣцѣ Наталіи Николаевнѣ Гончаровой».

Эта копія во всѣхъ отношеніяхъ съ точностію снята съ подлиннаго документа (изъ метрической книги), хранящагося въ Москвѣ при Вознесенской, что на Царицыной улицѣ, церкви, гдѣ вѣнчались А. С. Пушкинъ и Н. Н. Гончарова. Этотъ брачный обыскъ имѣетъ значеніе, во-первыхъ, въ томъ отношеніи, что указываетъ на рядъ лицъ, участвовавшихъ при заключеніи обыска и совершеніи бракосочетанія; во-вторыхъ, не будучи лишены интереса со стороны формы брачныхъ обысковъ прежняго времени, представляетъ подписи нѣкоторыхъ лицъ въ обыскѣ, отличающіяся своеобразною орфографіей. Женихъ, какъ видно изъ воспроизведеннаго факсимиле брачавшихся и поручителей, подписался: „къ сему обыску во всемъ вышеописаномъ ¹⁾ вышеозначенный Х-го класса ²⁾ Александръ Сергѣевъ сынъ Пушкинъ руку приложилъ“. Отецъ невѣсты подписался такъ: „къ сему обыску по невѣстѣ Отецъ ея, Коллежскій Ассессоръ, Николай Афанасьевъ сынъ Гончаровъ, руку приложилъ“.

О смерти А. С. Пушкина г. Невзоровъ, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее: въ метрической книгѣ с.-петербургской церкви Сваса Нерукотвореннаго Образа, что при главныхъ конюшняхъ (нынѣ церковь придворной конюшенной части), за 1837 годъ, въ третьей части объ умершихъ, подъ статьей № 7, въ графѣ: „когда и кто именно померъ“ записано слѣдующее: перваго числа февраля ³⁾ скончался Дворя Его Императорскаго Величества Камеръ-Юнкеръ Титулярный Советникъ Александръ Сергѣевъ Пушкинъ, 36-ти лѣтъ.

Далѣе Н. К. Невзоровъ, привелъ выдержку

¹⁾ Надъ буквою и поставлена черточка—знакъ удвоенія.

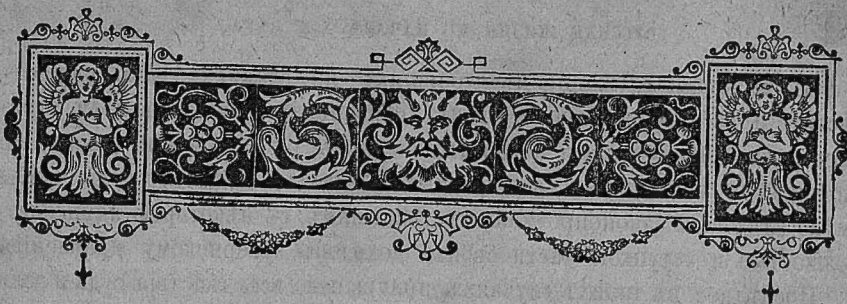
²⁾ Надъ буквою с—такая же черточка.

³⁾ Это число неправильно значитъ днемъ смерти Пушкина: 1-го февраля происходило отпѣваніе, умеръ же онъ 29-го января.

изъ письма В. А. Жуковскаго на имя С. Л. Пушкина, гдѣ Жуковский, между прочимъ, писалъ: „мы на рукахъ отнесли Пушкина въ гробу въ подвалъ, гдѣ надлежало ему оставаться до отправления изъ города“,—замѣчаетъ, что, по словамъ старожиловъ, нынѣ служащихъ при церкви, —тѣло Пушкина на время, до перевезенія въ Святныя Горы, поставлено было не въ подвалъ, а при входѣ въ церковь, внизу, къ сѣверу, въ особо устроенной комнатѣ, гдѣ въ ту пору хранилась погребальная колесница, на которой привезено было изъ Таганрога тѣло покойнаго императора Александра I; рядомъ съ этой погребальной колесницей поставленъ былъ и гробъ Пушкина.

Извѣстно, что тогдашній с.-петербургскій митрополитъ Серафимъ, согласно уставамъ православной церкви, осуждающей поединки, проистекающіе изъ личнаго самолюбія, воспротивился отданію при погребеніи Пушкина торжественныхъ почестей, какъ напр.: архіерейскому служенію при отпѣваніи, вынесенію тѣла поэта для отпѣванія въ Исаакіевскій соборъ. Объясненіе этого нежеланія отдать погребальныя почести Пушкину заключается въ господствовавшихъ въ то время взглядахъ на дуэли и самоубійства. Выразителемъ взглядовъ православной церкви на самоубійства и дуэли былъ митрополитъ московскій Филаретъ. Для разъясненія этихъ взглядовъ, г. Невзоровъ приводитъ въ подлинникѣ очень интересное письмо митрополита Филарета по поводу представленія ректора московской духовной академіи съ ходатайствомъ разрѣшить отпѣваніе по обычному православному обряду самоубійцы-студента этой академіи, а также и самое просительное письмо ректора съ резолюціей митрополита Филарета.

Далѣе изъ книги Н. К. Невзорова мы узнаемъ, что въ газетахъ за январь и февраль 1837 года не было никакихъ свѣдѣній о дуэли, болѣзни, отпѣваніи и похоронахъ А. С. Пушкина. Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 24, отъ 31-го января, въ отдѣлѣ „внутреннія извѣстія“ было напечатано: „Вчера, 29-го января, въ 5-мъ часу пополудни скончался Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Русская литература не терпѣла столь важной потери со времени смерти Карамзина“. Эта краткая замѣтка была перепечатана въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 11, отъ 6-го февраля. Въ „Литературныхъ прибавленіяхъ“ къ „Русскому Инвалиду“ было напечатано: „Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!.. Болѣе говорить о немъ не имѣемъ силы, да и не нужно: всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

VII ¹⁾.

Администрація: губернскія учрежденія и отношенія ихъ къ судамъ. — Медленность въ рѣшеніи дѣлъ. — Множество колодниковъ. — Обиліе ничего недѣлающихъ чиновниковъ и недостатокъ работниковъ. — Неудовольствіе, выраженное императоромъ Сенату и мѣры къ искорененію безпорядковъ. — Губернаторы, ихъ злоупотребленія, самоуправство и своеволія. — Стряпчие и прокуроры.

1816
Близайшее наблюденіе за дѣйствіями ниже-земскихъ и уѣздныхъ судовъ принадлежало губернскимъ правленіямъ, съ губернаторами во главѣ. «Это были почти повсемѣстно просто помойныя ямы. Губернаторъ направлялъ дѣла какъ хотѣлъ; второстепенными дѣлами заправлялъ одинъ совѣтникъ, который въ этомъ же (губернскомъ) правленіи и службу началъ; а мы, всѣ прочіе, подписывали то, что намъ давали подписывать» ²⁾.

Ни губернский предводитель, ни дворянское собраніе не получало отъ губернскаго правленія не только издаваемыхъ во всенародное извѣстіе указовъ, но даже и тѣхъ, которые входили въ законъ, а между тѣмъ требовали по нимъ исполненія ³⁾.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1899 г.

²⁾ Воспоминанія А. М. Фадѣева. „Русскій Арх.“ 1891 г. № 2, стр. 310.

³⁾ Записка ярославскаго губернскаго предводителя Николая Майкова, 9-го марта 1808 г. Арх. министерства внутреннихъ дѣлъ, департ. Полиціи, дѣло, 1808 г., № 348.

Въ то время служащіе въ губерніяхъ не ставили цѣлью добросовѣстное и честное исполненіе своихъ обязанностей, не выражали стремленія къ общему благу, а заботились лишь о соблюденіи бумажнаго порядка и извлеченіи матеріальныхъ выгодъ. Поэтому суды могли смѣло слѣдовать законопротивнымъ дѣйствіямъ, съ нѣкоторою лишь осторожностью и уступкою части своихъ доходовъ губернскому правленію.

Послѣднее въ такихъ случаяхъ прикрывало всѣ дѣйствія суда и если проситель былъ человѣкъ бѣдный, не имѣвшій возможности подать жалобу въ одну изъ высшихъ инстанцій, то дѣло оставалось многіе годы безъ изслѣдованія и даже прекращалось. Губернское правленіе часто не знало, что дѣлается въ судахъ, такъ какъ суды не заносили многихъ дѣлъ въ списокъ, представляемый въ правленіе. Если же дѣло было важно, по лицамъ въ немъ участвовавшимъ, то, для собственной безопасности, губернское правленіе посылало въ судъ понудительный указъ, цѣль котораго была единственно «торговая». Указъ этотъ заносился въ журналъ губернскаго правленія, приносилъ ему взятку и оставался безъ исполненія, ибо земскій судъ, въ обезпеченіе себя, велъ второй «ложный журналъ своихъ ежедневныхъ по уѣзду дѣйствій, никѣмъ не засвидѣтельствованный и изъ котораго усмотрѣть можно, что ему будто бы некогда было немедленно заняться исполненіемъ предписаннаго». Такихъ понудительно-торговыхъ указовъ посылалось губернскимъ правленіемъ по одному и тому же дѣлу отъ трехъ до четырехъ и всѣ они вознаграждались подарками. Случалось, что губернское правленіе штрафовало членовъ земскаго суда вычетомъ изъ жалованья по 15 или 20 рублей, но судьи возмѣщали эти деньги съ подсудимыхъ.

«Въ образѣ управленія губерніи (Курской), доносилъ кн. Куракинъ ¹⁾, не нашелъ я достодолжной заботливости управляющихъ о народномъ благосостояніи, съ одной стороны по малому вниманію къ дѣламъ просителевымъ, а съ другой—по самоуправію въ отправленіи и рѣшеніи дѣлъ». Въ губернскихъ правленіяхъ по одному и тому же дѣлу составлялись разныя опредѣленія и притомъ одно другому противорѣчившія. Войдя въ стачку съ губернскимъ правленіемъ суды производили денежныя взысканія въ свою пользу; употребляли по нарядамъ людей казнѣ принадлежащихъ по хозяйственнымъ своимъ заведеніямъ; брали на свои надобности хлѣбъ изъ запасныхъ магазиновъ, не платили за него денегъ и не возвращали его, распоряжались по своему произволу рекрутскими очередями и проч.

«Земскій судъ, писалъ М. Н. Муравьевъ, вмѣсто высокаго и почтеннаго назначенія своего—блюстителя порядка и благочинія въ уѣздѣ—

¹⁾ 20-го февраля 1806 г. Сборникъ собствен. его величества канцеляріи, вып. VIII, 155 и 156.

сдѣлался по большей части хозяинъ дерзкій и наглый въ своихъ поборахъ, особенно гдѣ мало помѣщиковъ и болѣе казенныхъ имѣній и оброчныхъ крестьянъ; низкій, подлый и искательный передъ помѣщиками съ уважительнымъ голосомъ, напротивъ того дерзкій передъ бѣднѣйшими и всегда неукротимый и жадный въ своихъ поборахъ.

«Тотъ, который самъ сего не видѣлъ, конечно не повѣритъ сей подлой торговлѣ двухъ исполнительныхъ важнѣйшихъ инстанцій въ губерніи, но не менѣе того, по несчастію, сіе есть истина, которая часто доказывается на опытѣ».

Полнѣйшая безнаказанность чиновничества въ этомъ направленіи разжигала алчность и усиливала страсть къ лихоимству. Изыскивали способы какъ бы сорвать съ кого было можно, изобрѣтались дѣла и привлекались къ отвѣтственности люди ни въ чемъ неповинные. Конечно, эта доля падала преимущественно на людей беззащитныхъ и простой народъ. Таковы, напримѣръ, были всѣ дѣла, извѣстныя тогда подъ названіемъ «по мертвому тѣлу». По полученіи извѣстія о найденномъ мертвомъ тѣлѣ, судъ тотчасъ же являлся въ ближайшее селеніе и объявлялъ покойника умершимъ насильственной смертью. Начиналось слѣдствіе — и поселяне, для избавленія себя отъ тасканія по судамъ, подносили значительную дань — и тогда давалось ложное показаніе врача, что смерть послѣдовала отъ апоплексіи или перепоя. Судъ разрѣшалъ похоронить тѣло и удалялся къ производству новыхъ злоупотребленій. Если же крестьяне не давали взятки, то ихъ таскали по судамъ и нерѣдко томили въ тюрьмахъ и острогахъ по нѣскольکو лѣтъ.

Другою и притомъ постоянною доходною статьею для судовъ, губернскихъ правленій, губернаторовъ и вообще для мѣстныхъ властей была починка дорогъ, — эта тягчайшая повинность для населенія. На починку дорогъ дѣлался нарядъ рабочихъ, часто не соотвѣтственный величинѣ имѣнія помѣщика и не разбирая времени года. Распоряженія о починкѣ дорогъ, нарочно, производились въ самую рабочую пору и неисполненіе распоряженій губернскаго начальства могло быть прикрито только взяткою, составлявшею значительный доходъ мѣстныхъ властей.

«Необозримыя пространства, писалъ А. Якубовичъ ¹⁾, малое народонаселеніе, семь мѣсяцевъ слякоти или зимы, глинистая почва (не говоря о злоупотребленіяхъ) — суть уже непреодолимые препятствія. За пятьдесятъ и болѣе верстъ, во время пахоты, собираютъ на работы. Сколько рукъ отнимаютъ отъ сохи затѣмъ, чтобы труды осенью истребляла весна, а весенніе — осень. Съ тѣхъ поръ, какъ введенъ новый

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ императору Николаю 23-го декабря 1825 г. Госуд. Арх. I.

образъ разрабатыванія дорогъ, сообщенія стали затруднительнѣе и Россія въ общемъ итогѣ потеряла десятую часть всего рабочаго скота, не говоря о капиталѣ и трудахъ».

Не было никакой справедливости и порядка въ распредѣленіи дорожной повинности между помѣщиками и поселянами; ближайшія къ мѣсту починокъ несли тяготу, а отдаленнѣйшіе и тѣ, которые были въ силахъ откупиться, оставались покойными. Никто не слѣдилъ за правильностію нарядовъ, и губернаторы, «безпечные во всемъ, что касается исполненія своихъ настоящихъ обязанностей», часто позволяли себѣ самоуправство, «исполняемое только слабѣйшими и бѣдными»; исправники слѣдовали ихъ примѣру, отчего и происходило совершенное неуваженіе приказаній исполнительной власти ¹⁾.

Въ разговорѣ съ арестованнымъ П. Коховскимъ, императоръ Николай I спросилъ, отчего онъ не писалъ императору Александру I объ извѣстныхъ ему неурядицахъ?

— Многіе, очень многіе писали, отвѣчалъ онъ, но не внимали имъ.

«Хорошо не упомяну, говорилъ П. Коховскій ²⁾, кажется въ Ярославлѣ, дворяне, отягощенные губернаторомъ частыми перемѣнами, вводимыми имъ для исправленія дорогъ, въ проѣздѣ государя, прийдя представляться его величеству, хотѣли подать просьбу, отъ всего сословія, на притѣсненія, сдѣланныя губернаторомъ. Губернаторъ зная то, предупредилъ государя, что дворяне будутъ на него жаловаться за усилія, сдѣланныя имъ для поправленія дорогъ. Императоръ выйдя къ дворянамъ изволилъ сказать: «Я благодарилъ вашего губернатора за примѣрную исправность дорогъ; онъ сказалъ мнѣ, что вы ему въ томъ много содѣйствовали и мнѣ пріятно изъяснить вамъ мою благодарность».

«Что оставалось дворянамъ? молчать, терпѣть и кланяться! Сіе происшествіе довольно вездѣ извѣстно. Генераль-адъютантъ баронъ Дибичъ былъ тогда въ вояжѣ съ его величествомъ и долженъ хорошо знать сей случай».

Дорожная повинность была одною изъ самыхъ тяжелыхъ и давала всѣ способы земскому начальству къ притѣсненію какъ дворянъ, такъ и казенныхъ крестьянъ. Губернаторы часто давали новое направленіе дорогамъ, по ихъ мнѣнію болѣе удобное, но приводить ихъ проекты въ исполненіе было крайне разорительно для населенія. Сколько тысячъ верстъ было изрыто и перерыто въ Россіи, и часто въ лѣтніе мѣсяцы

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева императору Николаю. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 111.

²⁾ Въ письмѣ генераль-адъютанту Левашеву 24-го февраля 1826 г. Государств. Арх. I.

земледѣльцы отрывались отъ полевыхъ работъ для проложенія и починки дорогъ, а нивы ихъ въ это время пустѣли.

Такое нерадѣніе къ общему благу и безпечная жизнь чиновничества были причиной того, что вообще всѣ дѣла рѣшались очень медленно и десятки лѣтъ лежали неисполненными.

— Въ свѣтѣ больше занимаются наружностію, — говорилъ преосвященный Амвросій, приводя къ присягѣ судей ¹⁾, — тѣми знаменитыми отличіями, кои ослѣпляютъ очи; тѣми блестящими украшеніями, кои привлекаютъ взоры; тѣми очаровательными величаніями, кои поражаютъ воображеніе; мечтами величія, нежели исполненіемъ долга, чести и добродѣтели. Что слышимъ мы? Чтобы поддержать свое мѣсто, чтобы содѣлать значительнымъ свой чинъ, чтобы гремѣть своимъ именемъ, чтобы быть чиновначальникомъ по сердцу свѣта, надлежить имѣть, говорятъ, пышный столъ, избранными яствами уставленный, надлежить имѣть великолѣпную колесницу, надлежить облекаться въ блестящую златомъ одежду, надлежить быть украшену отличіями, привлекающими взоры народные, надлежить окружать себя ласкателями раболѣпными, кои бы непрестанно воскурятъ кадило самоугодію, надлежить обиловать серебромъ и златомъ, надлежить богатѣть, роскошествовать, веселиться! А добродѣтель? — О! вооруженному мечемъ власти не нуженъ утлый посохъ добродѣтели! А попеченіе о благѣ сущихъ подъ рукою нашею? — Когда ими заниматься тамъ, гдѣ все призываетъ къ удовольствію, къ забавамъ, къ разсѣянности! Довольно исполнить и обязанности свѣта, быть во всѣхъ собраніяхъ, предсѣдать за всѣми столами, не опускать ни одной игры, сдѣлать всѣмъ знаемымъ (знакомымъ) посѣщеніе. А дѣла служенія общественнаго? — Ихъ можно утверждать именемъ власти и не читавши. А творить судъ и милость? — Можно, когда сіе входитъ въ расчетъ власти, выгодъ жизни или уваженія свѣта. Но обиженные вопіютъ о правосудіи? — Пусть вопіютъ они; вопли ихъ можно заглушить силою власти. Но притѣсненные неправдою проливаютъ слезы горести, страданія, слезы, отъ коихъ каменная душа должна растаять яко воскъ? — Пусть проливаютъ они слезы, яко воду, только бъ намъ было весело, говорятъ, въ свѣтѣ. Но прозорливое правительство обьиметъ, наконецъ, неправды твои и востребуетъ отчета въ дѣлахъ власти твоея? — Пусть требуетъ оно; можно все выставить глазамъ правительства въ привлекательныхъ краскахъ, можно всему дать иной видъ, можно и неправду украсить цвѣтами правды. Но совѣсть, яко стражъ не дремлющій на стражѣ своей, будетъ угрызать душу твою? — О! совѣсть есть страшилище простодушныхъ, а не приставникъ дѣламъ нашимъ! Но Богъ, передъ очами котораго всѣ я на га и откровенна? — Онъ милосердъ!

¹⁾ 17-го января 1815 г. „Слова и рѣчи преосвященнаго Амвросія“. Изд. 1856 г. стр. 270—272.

На милосердіе Божіе рассчитывали тѣ, которые были гораздо виновнѣе и преступнѣе многихъ томившихся въ тюрьмахъ и ожидавшихъ ихъ рѣшенія. Проходили многіе годы, заключенные старились, теряли здоровье, прежде чѣмъ выходили изъ тюремъ оправданными или оставленными въ подозрѣнія. Виновниковъ въ ихъ горькой участи никогда не оказывалось. Дворянство, послѣ трехъ лѣтъ службы, уходило не сдавая дѣлъ вновь выбраннымъ, и нерѣшенные дѣла оставались забытыми, даже и высочайшіе указы неисполненными.

«Всемиловѣйшій государь! писала въ 1823 году вдова генералъ-маіора Чесменскаго. Два года искала я правосудія отъ всеюду, отъ нижней инстанціи до высшаго правительства въ государствѣ, но нигдѣ не обрѣла его. Вездѣ знатность и богатство возвышаютъ голосъ, а законы молчатъ... Два года я ищу правосудія и, съ высочайшимъ твоимъ указомъ въ рукѣ, взываю объ исполненіи оного! Меня влекутъ отъ одной инстанціи къ другой, даже до Правительствующаго Сената. Здѣсь ожидала я конца моимъ страданіямъ, но тщетно! Послѣ двухъ-лѣтнихъ притѣсненій, прошедши длинную лѣстницу мытарствъ судебныхъ и достигши высшей степени, меня опять свергаютъ внизъ, чтобы снова начать мое несчастье...

«Но если вашему императорскому величеству угодно будетъ дѣло сіе, по существу своему никакимъ спорамъ не подверженное, подвергнуть еще разбирательству, то дерзаю просить единственной милости, — зная силу и богатство враговъ моихъ, — предоставь оное разсмотрѣнію такой довѣренной особы, къ какой вліяніе знатности и богатства приступить не смѣютъ. Таковымъ весь свѣтъ чтитъ тайнаго совѣтника М. М. Сперанскаго, друга истины, вельможу правосуднаго, судію нелицемѣрнаго, защитника притѣсняемыхъ и преданнѣйшаго своему всемиловѣйшему монарху».

Такія блестящія единицы были рѣдки въ составѣ тогдашней административной машины. Большинство же было, если не преступно, то лѣниво и нерадиво. «У насъ весьма мало людей, писалъ графъ С. Р. Воронцовъ гр. Ростопчину¹⁾, и едва-ли найдется человѣка три на всемъ протяженіи громаднаго царства, чтобы приносить пользу и постановить преграду тѣмъ безпорядкамъ, которые проникли во всѣ отрасли управленія и въ особенности въ область правосудія. Когда остановишься на этой послѣдней мысли, то просто содрогаетесь».

Виленскій губернаторъ (впослѣдствіи графъ) Л. Л. Беннигсенъ по нѣскольку мѣсяцевъ не давалъ рѣшенія по дѣламъ, уже оконченнымъ и требовавшимъ лишь нѣсколькихъ словъ резолюціи. «Онъ, какъ иностранецъ, доносилъ П. Искрицкій²⁾, — не совсѣмъ знаетъ русскій языкъ и

¹⁾ Русскій Арх. 1872 г. Т. II, стр. 2195.

²⁾ Виленскій губернский уголовныхъ дѣлъ страпчій въ письмѣ къ министру юстиціи отъ 28-го октября 1805 г.

производство дѣлъ по гражданской части. Дѣла, у него производимыя, остаются на отвѣтственности правителя канцеляріи, отъ способности и честности котораго зависитъ и успѣхъ оныхъ».

Пользуясь этимъ, первый департаментъ главнаго вилenskaго суда дѣйствовалъ по произволу, присваивалъ непринадлежащія ему дѣла по частнымъ просьбамъ, останавливалъ рѣшенія низшихъ инстанцій и нерѣдко оставлялъ безъ наказанія убійцъ. Дѣла 1801—1803 гг., по которымъ содержалось множество заключенныхъ, онъ оставилъ вовсе безъ разсмотрѣнія, а занялся новѣйшими, неважными, но доходными.

Такой же порядокъ былъ и въ другихъ губерніяхъ, и заключенные въ тюрьмѣ за простое бродяжничество или за неимѣніе письменнаго вида, сидѣли въ ней нѣсколько лѣтъ, не получая никакого опредѣленія дальнѣйшей ихъ судьбы. Тюрьмы были переполнены повсюду, арестанты содержались въ ужасномъ видѣ и городничіе, не отпуская имъ положенныхъ денегъ на содержаніе, посылали въ міръ просить милостыню ¹⁾.

«Въ московскомъ острогѣ, писалъ гр. О. В. Ростовчинъ императору Александру I ²⁾,—нашелъ я много доказательствъ, что правосудіе мало занимается бѣдными. Тутъ есть по два и по три года забытые люди. Заточеніе оговоренныхъ и свидѣтелей сопрягается съ участіемъ преступниковъ, доколь законное наказаніе сихъ (преступниковъ) не постигнетъ. Нельзя довольно соболѣзновать объ участи человѣческой увѣрять, что лѣнь, корысть и плутовство, по волѣ останавливаютъ, даже уничтожаютъ, силу законовъ и дѣйствіе милосердія вашего и, вмѣсто терпѣнія, надежды и раскаянія, вселяютъ въ души сихъ (несчастныхъ уже заточеніемъ) отчаяніе, ужасъ, увѣреніе въ неизбѣжной гибели отъ несправедливости и долговременнаго забытія въ острогѣ. Графъ Гудовичъ ³⁾ въ немъ съ пріѣзда своего въ Москву не былъ и, наполня первые дни нѣсколько присутственныхъ мѣстъ бранью и шумнымъ увѣреніемъ, что онъ плутовъ не терпитъ, оставилъ ихъ въ покоѣ...»

По милости этихъ плутовъ тысячи забытыхъ людей томились въ тяжелой неволѣ. При этомъ, на примѣръ, въ Курской губерніи заключенные помѣщались безъ раздѣленія дворянъ отъ простолюдиновъ, больныхъ отъ здоровыхъ, мужчинъ отъ женщинъ. «Преступники содержатся въ самомъ тѣсномъ, темномъ и почти подземельномъ погребѣ съ сильною и нетерпимою тяжестью воздуха». Въ 1803 году, въ Петербургской губерніи, было заключенныхъ въ тюрьмахъ 4845 человекъ, изъ которыхъ графъ А. С. Строгановъ, во время ревизіи присутственныхъ мѣстъ, на-

¹⁾ Рапортъ кievскаго прокурора Илличевскаго 7-го октября 1808 г. №38 Арх. министерства юстиціи, дѣло № 3181.

²⁾ «Русскій Арх.» 1881 г. Кн. III (1), стр. 216.

³⁾ Генералъ-фельдмаршалъ, графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, тогдашній главнокомандующій въ Москвѣ.

шелъ возможнымъ выпустить 4607 человекъ, а оставилъ только 238 человекъ. Императоръ Александръ благодарилъ его за такой человеколюбивый подвигъ ¹⁾. Въ 1804 году въ Вятской губерніи было нерѣшенныхъ дѣлъ 1082 и колодниковъ 781 человекъ ²⁾; въ 1806 году въ Курской губерніи было въ одной палатѣ уголовного суда 609 нерѣшенныхъ дѣлъ, въ числѣ коихъ были дѣла возбужденныя съ 1799 г. «Судя по количеству дѣлъ нерѣшенныхъ, доносилъ кн. Куракинъ ³⁾, и соображая оное съ временемъ поступленія ихъ, долженъ сказать, что не нашелъ я тутъ желаемой дѣятельности и должнаго попеченія въ исполненіи указовъ Правительствующаго Сената». Въ Херсонской губерніи въ 1810 году были нерѣшенные дѣла, начатыя съ основанія губерніи, число которыхъ доходило до 6000 и колодниковъ болѣе 600 человекъ.

«Какъ же къ таковой запущенности дѣлъ, доносилъ прокуроръ ⁴⁾, поступаетъ оныхъ въ нижнія (присутственные) мѣста вновь непрерывно и ежедневно во многомъ количествѣ, и арестантовъ, чему я самъ былъ очевидцемъ, приводилось въ губернской городъ вдругъ въ одинъ день по сто и болѣе человекъ, то судя по безопасности присутственныхъ мѣстъ въ рѣшеніи оныхъ, достоверно полагать можно, что число нерѣшенныхъ дѣлъ годъ отъ году будетъ усугубляться и тѣмъ успокоеніе тяжущихся, подсудимыхъ и содержащихся встрѣтитъ не токмо затрудненіе, но и самую невозможность». Херсонская палата уголовного суда доносила въ свое оправданіе, что для скорѣйшаго рѣшенія дѣлъ она собирается даже по субботамъ, хотя день этотъ по генеральному регламенту означенъ свободнымъ. Она говорила, что не успѣваетъ въ рѣшеніи дѣлъ потому, что писать некому, что нѣтъ приказныхъ, которые часто «въ здѣшнемъ краю болѣютъ». Тѣ же, «кои сколько-нибудь получаютъ навыкъ въ письмоводствѣ, по малому жалованью уходятъ, опредѣляясь на выгоднѣйшія мѣста» ⁵⁾.

Лица, не относившіяся безучастно къ такому положенію дѣлъ, должны были принимать суровыя и строгія мѣры. «Губернское правленіе, писалъ М. М. Сперанскій ⁶⁾, къ маю мѣсяцу будетъ очищено отъ несмѣтнаго количества дѣлъ—несмѣтнаго потому, что въ самомъ дѣлѣ и числа ихъ не знали. Земскіе суды вымету и вычищу при себѣ въ каждомъ городѣ и такимъ образомъ надѣюсь все поставить au courant».

¹⁾ Рескриптъ графу Строганову 11-го августа 1803 г. Арх. Сената.

²⁾ Арх. минист. юстиціи, дѣло 1808 г. № 4271.

³⁾ 20-го февраля 1806 г. Сборникъ собствен. его величества канцеляріи, вып. VIII, 158.

⁴⁾ Отъ 22-го марта 1811 г. Тамъ же, дѣло № 2963.

⁵⁾ Представленіе херсонской палаты министру юстиціи отъ 10-го іюня 1811 г. № 1366. Арх. мин. юст., дѣло № 2963.

⁶⁾ Въ письмѣ А. А. Столыпину 20-го марта 1817 г. изъ Пензы. „Русскій Арх.“ 1870 г. Т. II, стр. 1130.

На сколько велико было небреженіе къ службѣ и обязанностямъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: 28-го іюня 1811 года министръ полиціи объявилъ высочайшее повелѣніе объ отмѣнѣ опредѣленія владимірскаго губернскаго правленія по просьбѣ крестьянъ помѣщицы Балакиревой, на неправильное рѣшеніе. Высочайшая воля объявлена была Сенату 4-го іюля; вѣдѣніе въ московскій Сенатъ отправлено только 20-го іюля и получено тамъ 1-го августа. Въ общемъ собраніи московскаго Сената оно доложено 9-го августа, передано въ VI департаментъ 28-го августа, заслушано тамъ 31-го августа; указы владимірскому губернатору и губернскому правленію посланы только 21-го сентября и получены 11-го октября. До 20-го октября крестьяне не знали еще о результатахъ своего прошенія и такимъ образомъ четыре мѣсяца было употреблено только на то, чтобы высочайшее повелѣніе могло изъ Петербурга достигнуть до Владиміра ¹⁾.

Такое небреженіе къ дѣламъ въ высшемъ учрежденіи, какимъ былъ Сенатъ, обращало на себя вниманіе императора. «Просматривая вѣдомости, доставленныя мнѣ изъ губерній о состояніи дѣлъ, писалъ онъ генераль-прокурору Беклешеву ²⁾, о числѣ колодниковъ и количествѣ недоимокъ, нахожу, что во многихъ изъ нихъ (губерніяхъ) содержатся долговременно колодники по дѣламъ, давно уже внесеннымъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената; что недоимки отъ многихъ лѣтъ остаются безъ взысканія, потому что на представленія присутственныхъ мѣстъ нѣтъ отъ него (Сената) разрѣшенія. Сіе коснѣніе высшаго мѣста даетъ примѣръ и предлогъ къ медленности судамъ ему подвластнымъ, а потому и поручаю вамъ обратить на дѣла сіи особое ваше вниманіе, и, приказавъ ихъ поспѣшнѣе приготовить, предложить къ разсмотрѣнію и рѣшенію Правительствующаго Сената».

Для насъ, потомковъ, рескриптъ этотъ остался свидѣтелемъ какъ не исполнялась воля императора, который принужденъ былъ и послѣ того неоднократно повторять свои требованія о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ. Въ 1808 году Александръ объявилъ Московскому Сенату свое неудовольствіе и повелѣлъ общему собранію собираться по средамъ для рѣшенія дѣлъ и послѣ обѣда. Двумъ же департаментамъ VII и VIII приказано было рѣшать непремѣнно отъ 8-ми до 10-ти аппеляціонныхъ дѣлъ въ недѣлю ³⁾.

Если обвиненіе Сената въ медленности рѣшеній и можно считать справедливымъ, то въ оправданіе низшихъ инстанцій можно сказать, что онѣ были обременены перепиской часто ненужной и бесполезной.

¹⁾ Арх. министерства юстиціи, дѣло № 3639.

²⁾ Отъ 9-го октября 1801 г. Арх. Сената.

³⁾ Записки И. В. Лопухина. „Русскій Арх.“ 1884 г., № 1, стр. 143.

Напримѣръ, земскій судъ, кромѣ сношеній съ равными себѣ мѣстами, получалъ предписанія и указы: отъ уѣзднаго суда, губернскаго правленія, гражданской, казенной и уголовной палатъ; отъ генераль-губернатора, гражданского губернатора и изъ Сената. Чтобы только отвѣчать на всѣ полученныя имъ требованія, надо было много времени, а исполнять ихъ и свои текущія дѣла было почти невозможно. Поэтому въ каждомъ судѣ изъ-года-въ-годъ оставалось нѣсколько сотъ дѣлъ нерѣшенныхъ. Все это побудило императора Александра предложить Сенату ¹⁾ принять мѣры къ сокращенію и облегченію дѣлопроизводства, но предложеніе это долгое время оставалось безъ всякаго исполненія и дѣла по-прежнему тянулись до безконечности.

Въ апрѣлѣ 1802 года московскій военный губернаторъ генераль-фельдмаршалъ графъ Салтыковъ донесъ императору, что въ одной московской гражданской палатѣ накопилось болѣе 800 дѣлъ и что дѣла, поступившія въ 1797 году, далеки еще отъ очереди. Онъ просилъ объ усиленіи состава гражданской палаты ²⁾. Это было въ то время, когда въ большей части присутственныхъ мѣстъ было непомѣрное число чиновниковъ, которые, впрочемъ, только числились, но ничего не дѣлали. Для такихъ лицъ было изобрѣтено особое названіе «состоящихъ при разныхъ должностяхъ».

— Какъ при разныхъ должностяхъ, когда я ничего не дѣлаю?— спрашивалъ удивленный этимъ названіемъ С. П. Жихаревъ своего сослуживца по иностранной коллегіи В. А. Полѣнова.

— Да и другіе тоже ничего не дѣлаютъ,—отвѣчалъ спокойно Полѣновъ,—и есть между нами тайные и дѣйствительные статскіе совѣтники, а камеръ-юнкеровъ и много.

«Принялъ я въ 1808 году мѣсто, пишетъ В. Н. Геттунъ ³⁾, предложенное мнѣ министромъ удѣловъ графомъ Гурьевымъ, секретаря по общему присутствію департамента удѣловъ. Но, находясь въ сей должности около году времени, я почти ничего не дѣлалъ: ибо помощникъ мой все, безъ всякаго труда, успѣвалъ одинъ обрабатывать, а я только, гдѣ нужно, руку свою прикладывалъ и отъ нечего дѣлать рано выходилъ изъ департамента бродить на бульварахъ».

Въ канцеляріи попечителя Московскаго университета Кутузова было четыре чиновника, изъ которыхъ правитель канцеляріи Облеуховъ и помощникъ его Волоцкой, сыновья богатыхъ родителей, приходили къ Кутузову когда имъ было угодно и, поговоривъ съ нимъ, расходились

¹⁾ Указъ Сенату 24-го іюля 1801 г.

²⁾ Указъ Сенату 12-го апрѣля 1802 г.

³⁾ „Историческій Вѣстн.“ 1880 г., № 3, стр. 482.

въ разныя стороны. Все дѣло лежало на двухъ чиновникахъ—М. П. Третьяковѣ и Матвѣевѣ ¹⁾).

«Я все еще числюсь, писалъ графъ Рибопьеръ ²⁾, въ канцеляріи (князя Чарторыжскаго), но вмѣсто того, чтобы работать, едва нахожу себѣ мѣстечко среди 34-хъ лицъ, состоящихъ при его сіятельствѣ». Многие изъ нихъ не знали какъ отворяются двери въ иностранную коллегію; исключая дежурства весь этотъ народъ не зналъ никакой другой службы ³⁾. Эти лица, сами ничего не дѣлая, мѣшала и другимъ. Они причислялись къ разнымъ канцеляріямъ, чтобы получать чины, но въ сущности были люди неспособные, которые, оставаясь безъ всякихъ занятій, проводили праздную жизнь и въ большинствѣ случаевъ были коноводами въ разныхъ беспорядкахъ по городамъ. По произведенной ревизіи, въ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ Рязанской губерніи, сверхъ штатныхъ канцелярскихъ чиновниковъ, было приписано 26 оберъ-офицерскихъ дѣтей 190 дворянъ изъ недорослей ⁴⁾ и 123 челоѣка разночинцевъ— всего 339 челоѣкъ ⁵⁾.

— Сколько изобрѣтено новыхъ мѣстъ,—говорилъ Н. М. Карамзинъ,— сколько чиновниковъ ненужныхъ! ⁶⁾

А между тѣмъ дѣла оставались нерѣшенными за недостаткомъ знающихъ и добросовѣстныхъ исполнителей. «Опредѣленное число приказныхъ по присутственнымъ мѣстамъ, доносилъ П. Обресковъ ⁷⁾, а наипаче (по) губернскому правленію, въ соображеніи множества дѣлъ, крайне недостаточно, и жалованіе, по возвысившимся цѣнамъ на всѣ необхо-

¹⁾ Воспоминанія М. П. Третьякова. „Русская Старина“ 1892 г., № 7 стр. 128.

²⁾ 2-го (14-го) апрѣля 1802 г. „Рус. Арх.“ 1877 г., т. I, стр. 496

³⁾ Записки Ф. Ф. Вигеля ч. II, 16.

⁴⁾ Объ одномъ изъ такихъ недорослей сохранилось интересное рекомендательное письмо И. П. Архарова, писанное къ другу: „Любезный другъ Петръ Степановичъ! Доброго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дурачѣ; запиши его въ свою канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь—мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стоитъ; да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей“. Вслѣдствіе такой рекомендаціи юноша былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина („Русскій Арх.“ 1891 г., № 1, стр. 179. Приложение).

⁵⁾ Всеподд. рапортъ сенатора Рунича 11-го марта 1806 г. Арх. минист. юстиціи, д. № 4110.

⁶⁾ „Русск. Арх.“ 1870 г., т. II, стр. 2306.

⁷⁾ 24-го іюня 1810 г. Сборникъ собствен. Его Величества канцеляріи, вып. VIII, 173.

димые къ существованію запасы, такъ мало, что нѣтъ возможности имѣть людей съ достаточною въ дѣлахъ способностью».

По словамъ того же П. Обрескова, по недостаточности содержанія, не было чиновниковъ, желавшихъ служить въ Пермской и Вятской губерніяхъ. «Отчего происходитъ, что чиновника неспособнаго или подозрительнаго, начальство довольствуется переводомъ только въ другой уѣздъ, вмѣсто отрѣшенія, или просто увольненія отъ службы ¹⁾».

Въ 1808 году, въ теченіе долгаго времени въ Псковской губерніи не было предсѣдателя уголовной палаты, а въ губернскомъ правленіи недоставало многихъ членовъ, отчего, доносилъ А. Поликарповъ ²⁾, «дѣлается великое затрудненіе въ теченіи дѣлъ, а особливо въ уголовной палатѣ; я нигдѣ такого числа подсудимыхъ не видалъ».

Поликарповъ ошибался: въ Новгородской, Тверской и Ярославской губерніяхъ было то же самое. По заявленію генераль-губернатора этихъ трехъ губерній, принца Георгія Ольденбургскаго, запущенныхъ и нерѣшенныхъ дѣлъ было столько, что, при наличномъ составѣ судовъ, онъ не видѣлъ возможности искоренить существующее зло.

«Я сужу, писалъ принцъ ³⁾, что не только настоящіе члены нижнихъ въ Новгородской губерніи судовъ не могутъ окончить запущенныхъ дѣлъ, но и отъ тѣхъ, которые заступаютъ ихъ, при новыхъ выборахъ, не болѣе ожидать можно успѣха. Достоверно полагать можно, что число нерѣшенныхъ дѣлъ будетъ годъ-отъ-году усугубляться».

Чтобы установить хотя нѣкоторый порядокъ и отвѣтственность за небреженіе, принцъ Ольденбургскій предлагалъ:

1) При новыхъ выборахъ удерживать прежнихъ членовъ уѣздныхъ и земскихъ судовъ для окончанія старыхъ и запущенныхъ дѣлъ. Такою мѣрою «накажутся тѣ самые, кои, должнымъ усердіемъ и дѣятельностью, довѣренности къ нимъ дворянства не оправдали, и самое справедливое имъ наказаніе будетъ то, чтобы они окончили дѣла свои и принятыя на свою отвѣтственность отъ ихъ предмѣстниковъ».

2) Оставляемые для окончанія дѣлъ члены суда должны составлять временные суды, и чѣмъ поспѣшнѣе который изъ нихъ окончитъ запущенныя дѣла, тѣмъ скорѣе будетъ освобожденъ.

3) Такъ какъ положенное по штатамъ жалованье должны получать вновь избранные чиновники, то назначеніе жалованья членамъ временныхъ судовъ предоставить на усмотрѣніе дворянства.

«Сей примѣръ, добавлялъ принцъ Ольденбургскій, справедливаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 184.

²⁾ Отъ 30-го мая 1808 г. Арх. минист. внутрен. дѣлъ, департ. полиціи, д. № 359.

³⁾ Во всепод. донесеніи 2-го ноября 1809 г. Арх. Сената, копіи высочайшихъ повелѣній, кн. 303, листъ 388.

наказанія: каждаго тѣмъ, отъ чего кто бѣгаетъ, вѣроятно послужить всѣмъ въ наставленіе».

Императоръ Александръ одобрилъ такое мнѣніе и приказалъ привести его въ исполненіе. «Приложеніе сихъ мѣръ, сказано въ указѣ принцу ¹⁾, не только къ Новгородской, но и къ другимъ управляемымъ вами губерніямъ, если признаете вы то нужнымъ, можетъ принести истинную пользу. Я предполагаю распорядокъ сей обратить даже въ общее для всѣхъ губерній правило, на подобные сему случаи».

Конечно, при дѣятельности и энергичности губернаторовъ, распоряженіе это могло значительно подвинуть рѣшеніе дѣлъ и ихъ упорядоченіе, но къ сожалѣнію тогдашніе губернаторы сами во многихъ случаяхъ злоупотребляли властью и по своимъ нравственнымъ качествамъ не выдѣлялись изъ толпы.

— Званіе губернатора, — говорилъ П. Сумароковъ ²⁾, — важнѣе министра, имъ повелѣвающего. До послѣдняго можно не имѣть дѣла, никогда съ нимъ не встрѣчаться; напротивъ того, отъ губернатора зависитъ спокойствіе населенія, удовольствіе или неудовольствіе его. Губернаторъ довѣренное лицо вѣщеносца, и миллионъ народа движется по его мановенію.

Въ рукахъ губернатора были судъ и расправа. Отдача подъ судъ зависла отъ губернатора, и такъ какъ по недостатку положительных постановленій всегда можно было приискать къ тому поводъ, то большинство чиновниковъ находились въ полной власти губернаторовъ. Неудовиль имъ, они подвергались неминуемой гибели, ибо если ихъ и нельзя было обвинить, то временное отрѣшеніе отъ должности и медленность въ производствѣ суда лишало ихъ и семейства дневного пропитанія. Курскій губернаторъ отрѣшалъ чиновниковъ безъ всякаго слѣдствія и даже не требуя отъ нихъ объясненій, многіе губернаторы сажали совѣтниковъ губернскаго правленія на гауптвахты за то, что они не соглашались съ ихъ мнѣніемъ въ рѣшеніи дѣлъ. Это заставляло чиновниковъ быть слѣпыми орудіями губернаторовъ и не только потакать, но и стараться угодить имъ.

«Прочитавъ рапортъ Правительствующаго Сената, писалъ императоръ Александръ ³⁾, по дѣлу произведенному въ первомъ департаментѣ Тамбовской палаты суда и расправы о чиновникахъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ той губерніи, преданныхъ суду бывшимъ губернаторомъ дѣйств. ст. сов. Бахметевымъ за взятки, упущенія и разныя зло-

¹⁾ Отъ 14-го ноября 1809 г. Тамъ же, листъ 390.

²⁾ Въ своей запискѣ. Тамъ же, дѣло № 84.

³⁾ Въ указѣ Сенату 1-го августа 1801 г. Архивъ Сената, именныя указы, кн. 241.

употребленія, съ удивленіемъ усмотрѣли мы, что тотъ самый губернаторъ, который, чиновниковъ сихъ отрѣша отъ должностей, подвергъ сему осужденію, согласился съ рѣшеніемъ палаты, по произведенному изслѣдованію, не нашедшей ихъ виновными въ доносимыхъ преступленіяхъ. Поступокъ таковой, обнаруживая злоупотребленіе власти и прихотливое ея обращеніе на выслугу себѣ, съ отягощеніемъ судьбы людей, по званію губернатора особенному вниманію и попеченію его ввѣренныхъ, хотя бы и заслуживалъ надлежащее по законамъ взысканіе, но какъ Бахметевъ отъ службы уже отставленъ, то мы и ограничиваемся только тѣмъ, чтобъ поставить сіе дѣяніе его на замѣчаніе Правительствующаго Сената, для предостереженія и другихъ отъ подобныхъ поступковъ».

Такимъ образомъ соединеніе въ губерніи власти исполнительной вмѣстѣ съ судною порождало большое зло, и у честнаго человѣка часто отнималась всякая возможность не слѣдовать общепринятой въ губерніи порочной службы.

Злоупотребленія въ губерніяхъ были такъ велики, что, по словамъ М. Н. Муравьева ¹⁾, могли показаться неимовѣрными, и сдѣленіе злобыдо такъ сильно, «что и самыя ясныя дѣла, не могущія, какъ кажется, подвергнуться лицепріятію, служатъ довольно часто самыми богатыми источниками дохода нижнимъ и верхнимъ властямъ въ губерніи».

По свидѣтельству Н. М. Карамзина, большая часть губернаторовъ были люди безъ способностей или грабители, безъ совѣсти наживавшіеся и дававшие наживаться своимъ секретарямъ. «Не выѣзжая изъ Москвы, говоритъ онъ ²⁾, мы знаемъ, что въ такой-то губерніи начальникъ глупецъ и весьма давно, въ такой-то—грабитель и весьма давно. Слухомъ земля полнится, а министры не знаютъ того, или знать не хотятъ».

Министры знали, но при всеобщемъ пороцѣ, отсутствіи нравственности и воспитанія откуда было взять людей?

«Вашему величеству, писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей ³⁾, извѣстны тѣ трудности, кои представляются каждый разъ, когда дѣло идетъ о выборѣ губернаторовъ, и трудности сіи, если люди не поставлены будутъ въ надлежащій вѣкъ, отъ времени до времени болѣе будутъ умножаться и вѣще правительство озаботятъ».

Происходило это оттого, что на должности губернаторовъ назначались лица «ни наукой, ни опытностію вовсе не приготовленные»

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева отъ 23-го января 1827 г. Арх. Государств. Совѣта, дѣла комитета 1826 г., № 111.

²⁾ Въ своей запискѣ „О древней и новой Россіи“. „Русскій Архивъ“, 1870 г. т. II, 2336.

³⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 28-го марта 1806 г. Арх. Государственнаго Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 14.

къ тѣмъ важнымъ государственнымъ должностямъ, которыя они на себя принимали. Случалось нерѣдко, что губернаторами назначались канцелярскіе чиновники изъ министерствъ, — люди безъ всякихъ знаній, безъ воспитанія, безъ способностей, опытности и часто дурной нравственности; губернаторами назначались родственники вельможъ, люди завѣдомо порочные, «коихъ безчестіе служило о нихъ предисловіемъ».

Такіе люди, руководствуясь поговоркою, что не боги горшки лѣпятъ, смотрѣли на жизнь просто, а еще проще и храбрѣе на принимаемыя ими на себя обязанности. Одинъ изъ такихъ прямо говорилъ, что ѣдетъ на губернаторство для уплаты своихъ долговъ; «это слышали министры, но завсѣмъ тѣмъ его опредѣлили и онъ сдержалъ свое слово» ¹⁾. Для такихъ лицъ губернаторство было прекраснымъ источникомъ дохода, ежегодною арендою, которою они и пользовались въ самихъ широкихъ размѣрахъ, живя на счетъ губернскаго населенія.

— Ты утопаешь въ утѣхахъ, говорилъ преосвященный Амвросій обращаясь къ властямъ ²⁾, — мы утопаемъ въ слезахъ, ты пресыщаешься — мы гибнемъ голодомъ; вѣтръ разсѣянія восхищаетъ тебя отъ предмета къ предмету, отъ забавъ къ забавамъ, отъ суеты къ суетѣ, и сей вѣтръ разсѣянія твоего есть для насъ буря зельная, потопляющая насъ въ волнахъ бѣды и страданій. У тебя то столы, то собранія, то веселіе, то праздность; а намъ столы твои стѣютъ послѣднихъ крупицъ нашихъ; а веселія твои наполняютъ чашу жизни нашей и плачемъ и стenanіемъ! Ты празденъ, а приставники поставленные тобою или тобою управляемые не праздны; они бдѣтъ, неусыпно бдѣтъ еже восхитити нищаго, обогатиться на счетъ безпомощнаго, умножить сокровища свои корыстію несправедливою.

Эти слова производили впечатлѣніе, пока ихъ слушали, и при всеобщемъ пороки скоро забывались.

Несомнѣнно, что и тогда среди губернаторовъ были люди выдающіеся, желавшіе принести посильную пользу и заслужившіе уваженіе и благодарность современниковъ. Къ числу таковыхъ, въ десятихъ годахъ столѣтія принадлежали, напримѣръ, губернаторы: пермскій — Гермесь, вятскій — фонъ-Брадке, казанскій — Мансуровъ, нижегородскій — Руновскій и нѣкоторые другіе. Большинство же слѣдовало общему теченію жизни, предано было самоуправству и своеволію.

Кіевскій военный губернаторъ Феньшъ задумалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими гражданами поставить памятникъ св. Владиміру и не спра-

¹⁾ Записки графа О. П. Толстого „Русская Старина“ 1873 г., № 2, стр. 125. Записка П. Сумарокова, Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 84.

²⁾ Слова и рѣчи Амвросія. Изданіе Терскова 1856 г., стр. 273.

шивая разрѣшенія, привелъ это въ исполненіе. 15-го сентября 1802 г., въ день коронаціи императора Александра I, памятникъ былъ открытъ, и описаніе торжества открытія было отправлено въ Академію наукъ, для напечатанія въ издаваемыхъ ею «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Препровождая, неизвѣстно почему, министру юстиціи, а не другому кому-нибудь, чертежъ памятника, Феньшъ просилъ его только о томъ, чтобы онъ доложилъ объ этомъ происшествіи императору ранѣе, чѣмъ подробности открытія памятника появятся въ газетахъ. Свидѣтельствуя объ усердіи и преданности всѣхъ жителей къ государю, кievскій военный губернаторъ просилъ о награжденіи нѣсколькихъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ устройству памятника ¹⁾.

«Сколь пріятно мнѣ было видѣть, отвѣчалъ ему императоръ Александръ I ²⁾, знакъ усердія, изъявленнаго кievскими согражданами въ сооруженіи памятника святому и равноапостольному великому князю Владимиру, особенно по уваженію моему къ главной и благочестивой мысли сего памятника,—столько крайне я былъ удивленъ, что о предположеніи семъ отъ васъ предувѣдомленъ не былъ.

«Зданія сего рода, столько сами по себѣ важны, что не могутъ быть начинаемы съ единого вѣдома мѣстнаго начальства, и долъ онаго, весьма, по мнѣнію моему, ясный, есть доносить о нихъ высшему правительству. Я узналъ о семъ единственно изъ отношенія вашего къ бывшему генераль-прокурору ³⁾, на сихъ только дняхъ къ свѣдѣнію моему дошедшаго.

«Поставляя сіе особенно вамъ въ замѣчаніе, я тѣмъ не менѣе отдаю справедливость доброму намѣренію кievскихъ гражданъ и особливо за назначеніе построить богадѣльню въ пользу страждущаго человѣчества. Поручаю вамъ изъяснить за сіе мою имъ признательность».

Такимъ легкимъ замѣчаніемъ императоръ ограничилъ своеволие губернатора, несмотря на то, что 12-го августа того же 1802 года послѣдовалъ указъ «о не преступленіи губернаторами предѣловъ власти, назначенныхъ имъ закономъ».

— Чиновники, говорилъ П. Коховскій, облеченные довѣренностію монарха, должны быть неуспышными стражами закона. Одно строгое наблюденіе онаго миритъ гражданъ и водворяетъ спокойствіе. Отсутствие закона и справедливости всегда и вездѣ было причиною бѣдствій народовъ. Ничто столь сильно не оскорбляетъ и не раздражаетъ гражданъ,

¹⁾ Письмо Феньша министру юстиціи 18-го сентября 1802 г. Арх. мин. внутр. дѣлъ, дѣло № 485.

²⁾ Въ рескриптѣ отъ 21-го октября 1802 г. Тамъ-же.

³⁾ Съ образованіемъ министерствъ должность генераль-прокурора перешла къ министру юстиціи.

какъ нарушеніе правъ, данныхъ монархомъ и освѣщенныхъ временемъ. Въ государствѣ подъ властью самодержавною, часто цѣлыя области страдаютъ не отъ злонамѣренія правителей, въ нихъ поставленныхъ, но отъ неопытности и неблагоразумія оныхъ.

«Къ намъ опредѣленъ губернаторомъ камергеръ Васильчиковъ, писалъ изъ Новгорода преосвященный Евгеній¹⁾, — человекъ 28 лѣтъ отъ роду и ни въ какой статской службѣ не служившій. Таково счастье нашей губерніи: что ни годъ, то губернаторъ, и при мнѣ уже четвертый, но ни одинъ не былъ дѣятеленъ. Думаю, нѣтъ губерніи, которая бы столько запущена была и запутана, какъ наша. Всѣ дѣла чуть-чуть валяются, какъ черезъ колоду...»

Многіе губернаторы «вышли изъ предѣловъ почтенія къ законамъ, оставляя безъ исполненія какъ оныя, такъ и указы Правительствующаго Сената вновь насылаемые», и губернскія правленія были въ совершенной неизвѣстности о распоряженіяхъ правительства. Не радѣя о существенномъ, губернаторы замѣняли дѣло одною формою; главная забота была о томъ, чтобы очистить одну бумагу другою, а не войти въ сущность дѣла.

«Губернаторы, писалъ сенаторъ Ключаревъ²⁾, съ намѣреніемъ возбуждаютъ доносы, сами дѣлаются доносителями для пристрастныхъ пользъ и тѣснятъ хладнокровно несчастныхъ, погружаясь въ распутство и неблагопристойныя празднества съ палбою и иллюминаціями, изъ чего ясно обнаруживаютъ народу, что они живутъ и веселятся на счетъ тайныхъ, а часто и явныхъ взятокъ».

По ненависти и мщенію губернаторы возбуждали дѣла черезъ своихъ угодниковъ, тянули ихъ нѣсколько дѣтъ и во все это время держали обвиняемаго въ заключеніи. Если уголовная палата рѣшала дѣло не по желанію губернатора, то онъ не стѣсняясь давалъ предложеніе перерѣшить его. Это вело къ тому, что многіе предсѣдатели палатъ, какъ гражданской, такъ и уголовной, предпочитали составленныя ими по дѣламъ резолюціи приносить губернатору на предварительное разсмотрѣніе и рѣшать по его указанію³⁾.

Господинъ гражданскій предсѣдатель,
Есть сущій истинны Іуда и предатель.
Что и ошибкой онъ дѣлъ прямо не вершилъ;
Что съ кривды пошлой карманы начинилъ,

¹⁾ Впослѣдствіи митрополитъ кіевскій, въ письмѣ къ В. И. Македону 3-го апрѣля 1807 г. „Русскій Архивъ“ 1870 г., т. I, 855.

²⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 15-го апрѣля 1818 г. — „Сборникъ Собственной Е. И. В. канцеляріи“ т. VII, 256.

³⁾ „Сборникъ Собственной Е. И. В. канцеляріи“ вып. VII, стр. 258.

94181

Что онъ законами лишь беззаконье удить;
И безъ наличнаго довода дѣлъ не судить.
Однако хотъ и самъ всей пятерней беретъ
Но вѣщную его супруга дань деретъ ¹⁾.

Эта дань львиною долею поступала къ губернаторамъ не только отъ председателей палатъ, но отъ судей, полиціймейстеровъ, исправниковъ и вообще отъ всѣхъ уѣздныхъ и земскихъ властей.

Поэтому честные дворяне всѣми средствами уклонялись отъ выборовъ въ судьи и исправники, зная, что они должны платить ежегодно подати губернаторамъ, ихъ секретарямъ, председателямъ и совѣтникамъ правлений, а для этого обирать народъ, гдѣ можно и гдѣ случай дозволить. Если выбранныя дворянствомъ лица пытались поступать по совѣсти, то не избѣгали гоненій губернаторовъ и даже были предаваемы суду, подъ какимъ-либо предлогомъ. Ихъ мѣста замѣняли люди алчные, безстыдные, не имѣющіе понятіе о чести, — становившіеся всегда самыми близкими людьми губернатора. При содѣйствіи и участіи такихъ лицъ губернаторы заключали незаконные подряды, собирали значительныя суммы и покрывали мракомъ свои незаконныя дѣла.

Пермскій и Вятскій генералъ-губернаторъ Модерахъ, былъ человекъ опытный и весьма дѣятельный, но при ревизіи губерній въ 1810 году, оказался нелюбимымъ жителями. «Мнѣніе о немъ, доноситъ П. Обресковъ ²⁾, не въ пользу его относительно собственныхъ расчетовъ, а особливо по связямъ яко бы съ заводчиками. Многолюдное его семейство можетъ быть отчасти причиною нѣкоторыхъ предубѣжденій».

«Орловскій губернаторъ, писалъ графъ Растопчинъ ³⁾ — бывшій некогда во времена князя Алексѣя Куракина, офицеромъ сенатской ротной команды, есть величайшій негодай. Коммисары у продажи соли, городничіе и исправники должны ему доставлять каждый по тысячи рублей въ годъ. Негодаямъ дозволяется воровать, потому что никто не наказываетъ».

Нижегородскій губернаторъ Быховецъ, по всеобщей молвѣ, былъ большой взяточникъ. Иркутскій губернаторъ Трескинъ, отданный М. М. Сперанскимъ подъ судъ и лишенный впослѣдствіи чиновъ и дворянства, былъ величайшій грабитель. Супруга его поставила себѣ задачею для каждаго изъ восьми человекъ дѣтей собрать по пуду ассигнацій. Бѣлорусскій губернаторъ Сѣверинъ приобрѣлъ «трудами губернатор-

¹⁾ Полное собр. соч. Капниста, изд. 1849 г., стр. 19 и 20.

²⁾ 31-го іюня 1810 г. Сборникъ собственной его величества канцеляріи вып. VIII, 180.

³⁾ Графу Воронцову 7-го сентября 1802 г. «Русск. Арх.» 1887 г. № 2 стр. 173.

скими» имѣніе въ 400 душъ крестьянъ и былъ въ послѣдствіи за вѣзачничество отставленъ отъ службы ¹⁾).

Гродненскій губернаторъ Кошелевъ, въ 1803 году, былъ удаленъ отъ должности за то, что вмѣстѣ съ таможенными чиновниками покровительствовалъ контрабандѣ. Когда злоупотребленіе это было открыто сотникомъ Алексѣевымъ, то послѣдній былъ отравленъ ²⁾).

Харьковскій губернаторъ Артаковъ подговаривалъ городского голову Урюпина принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ городскихъ поборахъ. Когда Урюпинъ отказался, то Артаковъ, при содѣйствіи двухъ чиновниковъ врачебной управы, объявилъ Урюпина сумасшедшимъ, заключилъ его въ домъ умалишенныхъ, не спрашивая его родственниковъ, отдалъ имѣніе въ опеку посторонняго лица и велѣлъ выбрать другого голову. За такой противозаконный поступокъ Артаковъ 3-го ноября 1803 г. былъ уволенъ отъ службы ³⁾).

Дѣло костромского губернатора Пасынкова имѣло совершенно обратный характеръ. Здѣсь городской голова повиновался губернатору и попалъ подъ судъ за то, что согласился на покупку для купечества дома и на продажу части земли отъ этого дома губернаторской свояченицѣ, которая намѣрена была на украшенномъ окрестными видами мѣстѣ построить увеселительное заведеніе.

Новгородскій губернаторъ Жеребцовъ, въ восьмилѣтнее управленіе губерніею, облагалъ денежнымъ штрафомъ чиновниковъ и оставилъ 11.000 нерѣшенныхъ дѣлъ ⁴⁾).

Курскій губернаторъ Протасовъ открыто хвалился покровительствомъ Н. Н. Новосильцова и въ полномъ смыслѣ безчинствовалъ въ губерніи. Войдя въ соглашеніе съ предсѣдателемъ гражданской палаты Пузановымъ, онъ обиралъ губернію и продавалъ правду за деньги. Откупщики вина были обложены губернаторомъ ежегоднымъ окладомъ по 2.500 руб. съ cadaго города, которыхъ въ губерніи было пятнадцать. Исправники, выбираемые дворянствомъ, какъ люди честные, были смѣняемы и замѣняемы другими, обязанными платить губернатору по 500 рублей ежегодно. Лица эти, выручая деньги для уплаты начальству, не забывали и себя, притѣсняли жителей многочисленными поборами, покровительствовали ворами и грабителямъ. Грабежи въ домахъ и лавкахъ, конокрадство и уводъ лошадей силою, среди бѣла-дня, были дѣломъ обыкновеннымъ, и земская полиція, будучи сама участницею во всѣхъ противозаконныхъ поступкахъ, никогда не задерживала воровъ

¹⁾ „Записки Г. И. Добрынина“ изд. 1872 г. стр. 330.

²⁾ Арх. министер. внутр. дѣлъ.

³⁾ Арх. министер. внутр. дѣлъ.

⁴⁾ „Московскія Вѣдомости“ 1827 г., сентябрь.

и не находила украденнаго. Въ 1804 и 1805 гг. Протасовъ потребовалъ и получилъ отъ Курской городской думы по 3.000 руб. изъ доходовъ ярмарки и въ томъ числѣ 1.000 руб. золотомъ. Осматривая присутственныя мѣста въ г. Рыльскѣ и Обояни, онъ взялъ съ каждаго изъ городскихъ обществъ по 500 руб. и неизвѣстно сколько съ губернскихъ правленій за неправильное производство дѣлъ. Общество города Фатежа просило свести казенныхъ крестьянъ съ прилегающихъ къ городу земель и на удовлетвореніе переселяемыхъ ассигновало 5.000 р. Протасовъ взялъ впередъ 2.000 руб. и не принялъ никакихъ мѣръ къ удовлетворенію просьбы просителей. Въ Бѣлогородскомъ уѣздѣ исправникъ Пузановъ, родной братъ предсѣдателя гражданской палаты, соумышленника губернатора, собирать съ крестьянъ по 5 коп. съ души на свою свадьбу ¹⁾.

Калужскій губернаторъ Дмитрій Ардалионовичъ Лопухинъ отличался наибольшими безобразіями, это былъ второй Левъ Измайловъ, рассчитывавшій на безнаказанность своихъ поступковъ. Женатый на дочери Шереметева и приходившійся родственникомъ предсѣдателю Государственного Совѣта князю Петру Васильевичу Лопухину, калужскій губернаторъ считалъ себя настолько гарантированнымъ отъ законной кары, что въ злоупотребленіяхъ своею властью положительно не зналъ предѣловъ. Считая себя выше всѣхъ онъ презрительно относился ко всему калужскому обществу и позволялъ себѣ непристойныя выходки. Занявъ у помѣщика и извѣстнаго фабриканта Гончарова 30.000 руб., Лопухинъ обвинилъ его въ запрещенной карточной игрѣ и грозилъ сослать въ Сибирь. Черезъ секретаря же своего Гужева приказалъ сказать, что если Гончаровъ возвратитъ ему вексель, то онъ не назначитъ слѣдствія и не отдастъ его подъ судъ. Когда вексель былъ возвращенъ, то Лопухинъ у того же Гончарова взялъ еще 3.000 рублей.

Съ помѣщика Хитрова за убійство родного брата Лопухинъ взялъ 75.000 руб. и скрылъ преступленіе. Вскорѣ послѣ того онъ призвалъ къ себѣ опять Хитрова, подъ предлогомъ увѣщанія къ добпорядочной жизни, и взялъ съ него 5.000 руб.; по просьбѣ дѣвицы Баберовой приказалъ нижнеземскому суду отобрать у гвардіи прапорщика Гурьева жену, дѣтей и имѣніе. Присутствуя на дворянскихъ выборахъ вмѣшивался въ нихъ и грозилъ, что если будутъ выбраны не тѣ лица, которыхъ онъ желаетъ, то на мѣстахъ долго не останутся. Недовольный городскимъ головою Борисовымъ, отстаивавшимъ интересы города, онъ самовольно лишилъ его званія именитаго гражданина и приказалъ гу-

¹⁾ Записка объ изслѣдованіи кн. Куракинымъ Курской губерніи. Арх. министер. внутр. дѣлъ.

бернскому правленію предать его уголовному суду ¹⁾. Самопроизвольно, безъ суда, отнялъ у помѣщицы Хвостовой имѣніе и отдалъ его своему городничему Батурину; разорилъ чугунный заводъ купца Засыпкина за то, что тотъ не далъ ему взятки; кутилъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ архіереемъ извѣстнымъ Теофилактомъ Русановымъ, выбивалъ окна въ домахъ, мучилъ и жестоко наказывалъ крестьянъ, мѣщанъ и проч. Такихъ уголовныхъ и притѣснительныхъ дѣлъ насчитывалось до 34; но этимъ дѣлками Лопухина не ограничивались. Онъ ѣздилъ въ губернскомъ правленіи верхомъ на раздьяконѣ, приводилъ въ дворянское собраніе публичную женщину, распутствовалъ и такихъ поступковъ неприличныхъ губернатору оказалось болѣе 12. Все это дѣлалось съ полною увѣренностію въ безнаказанности.

Лопухинъ зналъ, что деньги, протекція и покровительство знатныхъ лицъ ²⁾ сильнѣе правительственной власти, сильнѣе закона, что и оказалось на дѣлѣ. Безпрерывные доносы и жалобы на калужскаго губернатора заставили однакоже императора Александра отправить въ Калугу сначала В. Н. Каразина ³⁾, а потомъ Г. Р. Державина. Эта послѣдняя командировка настолько характерна, что необходимо на ней остановиться, какъ на образчикѣ тогдашней администраціи и правосудія.

23-го ноября 1801 года Г. Р. Державинъ былъ потребованъ императоромъ, который поручилъ ему произвести слѣдствіе въ Калужской губерніи и передалъ ему множество доносовъ на Лопухина. Зная, что у послѣдняго есть сильные покровители, и увѣренный, что изъ слѣдствія ничего не выйдетъ, Державинъ прямо высказалъ Александру, что труды его пропадутъ даромъ, онъ наживетъ себѣ новыхъ враговъ и возбудитъ ненависть людей сильныхъ, отъ клеветъ которыхъ онъ и такъ страдаетъ.

— Какъ, развѣ ты не хочешь мнѣ повиноваться? спросилъ государь.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Державинъ, я готовъ исполнить волю вашу, хотя бы мнѣ жизни стоило—и правда передъ вами на столѣ семь будетъ. Только благоволите умѣть ее защищать; ибо

¹⁾ О послѣдствіяхъ ревизіи въ Калугѣ въ 1802 г. Г. Р. Державиннымъ, статья И. Четыркина. „Извѣстія Калужской ученой архивн. комисіи“ 1895 г. № 4, стр. 23 и 24.

²⁾ Насколько сильны были тогда протекція и покровительство — видно изъ слѣдующаго. Сынъ фельдмаршала князь Александръ Николаевичъ Салтыковъ, бывшій въ то время членомъ Государственнаго Совѣта сказалъ однажды А. М. Фадѣеву, „что у тогдашнихъ министровъ скорѣе можетъ добиться опредѣленія въ должности какой либо негодяй, посредствомъ камердинеровъ черезъ подкупъ, нежели порядочный человѣкъ по рекомендаціи отца его“ „Русск. Арх.“ 1891 г. № 2, стр. 305.

³⁾ „Извѣстія Калужской ученой Арх. Комис.“ 1893 г., выпускъ III, 8.

всѣ дѣла дѣлаются черезъ бояръ. Екатерина и родитель вашъ бывали ими безпрестанно обмануты, такъ что я, по многимъ порученіямъ отъ нихъ, хотя все, что честь и вѣрность требовали, дѣлалъ, но правда всегда оставалась въ затмѣніи, и я презираемъ.

— Нѣтъ! съ увѣрительнымъ тономъ возразилъ императоръ, — я тебѣ клянусь, поступлю какъ должно.

Государь поручилъ Державину самому написать себѣ указы, одинъ секретный, а другой открытый. Въ первомъ было сказано ¹⁾: «Вы отправляетесь подъ видомъ отпуска въ Калужскую губернію; но въ самомъ дѣлѣ поручаются вамъ отъ меня извѣты, частію отъ безымяннаго извѣстителя, а частію отъ такихъ людей, которые открытыми быть не желаютъ: вы усмотрите изъ нихъ весьма важныя злоупотребленія, чинимыя той губерніи губернаторомъ Допухинымъ и его соучастниками. Поелику же, съ одной стороны, нѣтъ о нихъ ни отъ кого формальныхъ жалобъ и доносовъ, безъ коихъ слѣдствія производить законы запрещаютъ; а съ другой — не могу я безъ содраганія сердца слышать о таковыхъ зловердныхъ происшествіяхъ, какъ то: издѣйствіи, тиранствіи невинныхъ и вообще о таковыхъ преступленіяхъ, которыя никакъ попускаемы быть не должны». ²⁾

Державину было повелѣно узнать «скрытымъ образомъ» ²⁾ общественное мнѣніе о поступкахъ губернатора, и если доносы и жалобы подтвердятся, то объявить официально второй указъ, въ которомъ было сказано: ³⁾ «Въ проѣздѣ вашъ черезъ Калужскую губернію, поручаю вамъ въ губернскомъ и уѣздномъ городахъ, въ которомъ вы разсудите, по присутственнымъ мѣстамъ обозрѣть порядокъ дѣлъ и производство правосудія; и ежели найдутся обиженные и притѣсненные, то принявъ отъ нихъ жалобы и доносы, удостовѣриться, по данному вамъ особому наставленію, о истинѣ оныхъ и донести мнѣ немедленно».

5-го января 1802 года Г. Р. Державинъ выѣхалъ изъ Петербурга и, прибывъ въ Калугу, остановился въ домѣ городского головы купца Бороздина, человѣка пользующагося всеобщою довѣренностью. Изъ разспросовъ какъ его, такъ и другихъ лицъ Державинъ убѣдился, что всѣ

¹⁾ Отъ 25-го декабря 1801 г. „Полн. собр. сочин. Державина“ изданіе Я. К. Грога, т. VI, стр. 131.

²⁾ Насколько подобныя дѣла опасались производить открыто, видно изъ того, что въ указѣ Державину было сказано: „Для производства при васъ письменныхъ дѣлъ, дабы сокрыть теперь прямую цѣль вашего отсюда отъѣзда, возьмите вы съ собою извѣстнаго вамъ, служащаго въ канцеляріи Сената, секретаря Соломку, и еще одного изъ находящихся не у дѣлъ, кого вы заблагодарсудите. Изъ коихъ о первомъ послѣ дадите знать начальству, а послѣднему общайте пристойное жалованье“.

³⁾ Отъ 25-го декабря 1801 года.

доносы справедливы, и тогда, прибывъ въ губернское правленіе, онъ потребовалъ туда губернатора и предъявилъ ему указъ объ осмотрѣ присутственныхъ мѣстъ въ губерніи. Начались допросы и слѣдствіе, но такъ какъ Лопухина всѣ боялись и показывали неохотно, то Державинъ просилъ его удалить, что и было исполнено указомъ отъ 8-го февраля 1802 года.

Между тѣмъ Лопухинъ отправилъ въ Петербургъ нарочнаго курьера къ своимъ покровителямъ—къ генераль-прокурору Беклешову, князю П. В. Лопухину, Д. П. Трошинскому, оберъ-гофмейстеру Торсукову и къ другимъ покровителямъ. Онъ писалъ имъ, что Державинъ завелъ у себя тайную канцелярію и при помощи жестокихъ пытокъ вымогаетъ обвиненія на губернатора. Державинъ въ то время еще пользовался довѣріемъ императора, который по полученіи извѣста Лопухина, препроводилъ его къ Гавріилу Романовичу. «Здѣсь прилагаю, писалъ ему государь ¹⁾, просьбу губернатора на васъ, чего бы мнѣ и не должно было дѣлать, но зная вашу честность и что у васъ личностей нѣту, я увѣренъ, что оное не послужитъ ни къ какой переменѣ въ вашемъ поведеніи съ Лопухинымъ. Увѣренъ также, что умѣренностію вашею вы отнимите способы у него на столь нелѣпныя притязанія на вашъ счетъ. Пребываю навсегда съ искреннимъ уваженіемъ вамъ доброжелательный».

Не желая возражать лично на обвиненія Лопухина, Г. Р. Державинъ поручилъ вице-губернатору собрать въ губернское правленіе всѣхъ допрошенныхъ и, въ присутствіи предсѣдателей гражданской и уголовной палаты, спросить ихъ, чѣмъ они были при допросахъ изнуряемы и мучимы Державинымъ и показанія ихъ, записавъ въ журналъ, представить прямо государю. Такъ и было сдѣлано, а самъ Державинъ, собравъ данныя о поведеніи Лопухина, отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ въ началѣ апрѣля 1802 года.

Положеніе свое въ столицѣ онъ нашелъ значительно измѣнившимся. Государь нѣкоторое время уклонялся отъ встрѣчи съ Державинымъ, но наконецъ принялъ его весьма сурово.

— На васъ есть жалобы, сказалъ Александръ сердито.

— Я знаю, государь, отвѣчалъ Державинъ; вы мнѣ изволили прислать ихъ подлинникомъ.

— Отчего же это?

— Я васъ теперь пространнымъ объясненіемъ не обезпкою, которое изволите прочесть со временемъ, не торопясь, а теперь смѣю только представить подлинный рапортъ губернатора, въ которомъ онъ вамъ

¹⁾ Въ рескриптѣ отъ 8-го февраля 1802 г. Полн. собр. соч. Державина, изд. Я. К. Грота, т. VI, 133.

доносить, что жестокими моими поступками въ заведенной мною тайной канцеляріи губернія вся встревожена и что онъ ожидаетъ дурныхъ послѣдствій отъ народа.

— Такъ, сказалъ государь,—я этотъ рапортъ видѣлъ и послалъ его къ вамъ. Что вы мнѣ на него скажете?

— Я ничего не скажу, отвѣчалъ Державинъ,—а вотъ другой рапортъ того же губернатора ко мнѣ отъ того же самаго мѣсяца и числа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что въ губерніи все обстоитъ благополучно.

— Какъ! вскрикнулъ государь, взглянувъ на тотъ и другой рапорты: такъ онъ бездѣльникъ! Напиши указъ, чтобы судить его.

— Нѣтъ, государь, позвольте мнѣ теперь не повиноваться.

— Какъ?

— Такъ: когда вы изволили во мнѣ усумниться, то неуждно ли будетъ вамъ лично удостовѣриться во мнѣ и приказать пересмотрѣть мое слѣдствіе, нѣтъ-ли въ немъ какихъ натяжекъ къ обвиненію невинности.

— Хорошо, отвѣчалъ государь и приказалъ составить комитетъ.

Комитетъ ¹⁾ занимался болѣе четырехъ мѣсяцевъ и наконецъ представилъ докладъ, по которому Лопухинъ былъ преданъ суду ²⁾.

Подъ давленіемъ сильныхъ родственниковъ и покровителей Лопухина дѣло его тянулось долго. Въ маѣ 1803 года графъ Ѳ. В. Ростопчинъ писалъ кн. Циціанову: «Калужской исторіи конца до сихъ поръ нѣтъ. Лопухинъ, бывшій губернаторъ, живетъ очень весело въ Петербургѣ... и мнѣ кажется, что весьма пріятное мѣсто быть атаманомъ разбойниковъ» ³⁾.

Протянувъ дѣло три года, Сенатъ призналъ Лопухина невиновнымъ, и такимъ образомъ обѣщаніе, данное императоромъ Г. Р. Державину, осталось неисполненнымъ.

При такомъ состояніи администраціи и при такомъ правосудіи сколько было соблазна подражать Лопухину—и губернаторы своевольничали.

Иркутскій губернаторъ Трескинъ, сынъ смоленскаго священника, не признавалъ ни закона, ни общественныхъ приличій. По праздникамъ онъ устраивалъ торжественные выходы и заставлялъ присутствовавшихъ дамъ цѣловать свою руку, а изъ мужчинъ онъ допускалъ къ рукѣ только старшихъ чиновниковъ и купцовъ первой гильдіи. Онъ прика-

¹⁾ Въ составъ комитета были назначены: графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ, графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ и Г. Р. Державинъ. Комитету поручено было подробно разсмотрѣть всѣ бумаги и войти съ всеподданнѣйшимъ докладомъ за общимъ подписаніемъ всѣхъ членовъ.

²⁾ 16-го августа 1802. Сочиненія Державина, т. VI, 772.

³⁾ „Девятнадцатый вѣкъ“ изд. П. И. Бартенева, кн. II, стр. 11 и 78.

зываетъ мѣстному архіерею являться на свои вечера, а вице-губернатору—подавать себѣ пубу. Въ торжественные дни архіерей могъ говорить проповѣдь не иначе, какъ съ разрѣшенія губернатора, передаваемого черезъ полиціймейстера.

Смоленскій генераль-губернаторъ князь Хованскій самовольно арестовывалъ не только чиновниковъ, но и дворянъ, мирно жившихъ въ своихъ имѣніяхъ.

На одной изъ почтовыхъ станцій въ губерніи отставной маіоръ Гриневъ содержалъ лошадей. На эту станцію пріѣхалъ адъютантъ кн. Хованскаго и, имѣя подорожную на двѣ лошади, взялъ три и за третью не заплатилъ прогоновъ. Требуя очень скорой ѣзды, онъ наскочилъ на камень, не удержался въ телѣгѣ, вывалился изъ нея и расшибся, но телѣга не была опрокинута. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, адъютантъ пожаловался генераль-губернатору, что на станцію, содержимой Гриневымъ, ямщики не умѣютъ править. Кн. Хованскій приказалъ вытребовать Гринева въ Смоленскъ и посадить его на гауптвахту. Губернаторъ не рѣшился исполнить приказанія и просилъ Хованскаго, чтобы онъ или самъ, или черезъ своего чиновника арестовалъ маіора. Князь опомнился, сдѣлалъ выговоръ Гриневу и приказалъ ему ѣхать домой. Впрочемъ, Хованскій и не то еще дѣлалъ: онъ отправлялъ чиновниковъ изъ Смоленской губерніи на гауптвахту въ Калугу, арестовывалъ дворянъ за то, что встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, не снимали шапку, и хвалился тѣмъ, что при встрѣчѣ Александра I въ г. Бѣломъ, онъ докладывалъ императору, что сажаетъ дворянъ на гауптвахту и государь будто-бы одобрилъ его дѣйствія.

«Дворянство руссiйское, писалъ П. Коховскій ⁴⁾, высочайше дарованной ему грамотой, чиновники гражданскіе, многими постановленіями и между прочимъ учрежденіемъ о губерніяхъ, освобождены отъ всякаго ареста. Только по уголовному преступленію дворянинъ арестовать быть можетъ. Несмотря на сіи узаконенія, господа генераль-губернаторы и гражданскіе губернаторы присваиваютъ себѣ власть арестовать дворянъ, говоря въ оправданіе свое: «Почему дворянъ не арестовать, (когда) въ полкахъ офицеры арестуются; неужели лучше отдать подъ судъ, чѣмъ посадить на гауптвахту». Они забываютъ, что сила не въ арестѣ, а въ нарушеніи права. Отдать подъ судъ еще не значитъ осудить, но быть наказываему прихотью лица равнаго, — ибо передъ закономъ мы всѣ равны, — вопреки данныхъ правъ, есть обида нестерпимая, хотя бы и одному лицу нанесенная, но въ немъ все общество оскорблено ею.

«Дворяне съ стѣсненнымъ сердцемъ переносятъ обиды, имъ дѣлае-

⁴⁾ Въ собственноручномъ письмѣ генераль-адъютанту Левашеву отъ 24 февраля 1826 года.

мыя, но чтобы они не чувствовали оныхъ, кто можетъ это подумать? Клянусь!—я отъ многихъ дворянъ слышалъ и они мнѣ говорили со слезами: «вотъ до какихъ временъ мы дожили, что и губернаторы въ силахъ отнимать у насъ права наши и располагать нами по произволу своему. Пусть лучше государь отниметъ отъ насъ права, намъ данныя, пусть издастъ указъ, что онъ даетъ власть генераль-губернаторамъ насъ арестовать, намъ легче будетъ повиноваться, чѣмъ терпѣть насиліе отъ равныхъ себѣ». Это ропотъ убитыхъ горестію, глубоко прочувствовавшихъ всю тягость своего положенія. Куда прибѣгнуть, гдѣ искать защиты бѣдному дворянину, не имѣющему никакихъ связей, никакихъ способовъ? Если законы не ограждаютъ отъ насилій сильнаго, то естественно человѣку самоуправленіе (т. е. самоуправство); но какія ужасныя могутъ произойти отъ того послѣдствія».

Эти слова лучше всего характеризуютъ тогдашнюю администрацію: съ одной стороны своеволие правителей, съ другой—отсутствіе правительственной власти и въ общемъ беззащитность общества.

Хотя для защиты населенія было поставлено око государево въ лицѣ стряпчаго въ уѣздѣ и прокурора—въ губерніи, но это мало помогало дѣлу. Какъ стряпчій такъ и прокуроръ обязаны были наблюдать за правосудіемъ, за порядкомъ дѣлъ въ правленіяхъ, палатахъ и судахъ, но въ большинствѣ случаевъ, они приносили не пользу, а вредъ. Сознавая, что при общепринятомъ отправленіи службы одно лицо, особенно подчиненное, не въ состояніи прекратить зла, ибо въ противномъ случаѣ будетъ угнетено всѣми властями въ губерніи—стряпчіе были просто членами земскаго суда и «участниками во всѣхъ лицепріятіяхъ и безпорядкахъ равно и выгодъ его» ¹⁾.

Начальники ихъ, прокуроры присвоили себѣ преобладающее право въ губерніяхъ: заводили распри съ губернаторомъ ²⁾, давали обидныя предложенія, своевольствовали, ябедничали и вмѣсто пользы порождали несогласія и разстройство въ правленіи. Если къ тогдашнимъ отношеніямъ губернаторовъ и прокуроровъ между собою и нельзя примѣнить слово «мѣстничество», то можно примѣнить слова И. Ф. Горбунова, что прокуроры «сами себя выше понимать хотѣли». Они старались обезличить власть губернатора, опорочить его дѣйствія, заводили рѣзкую переписку, требовали отъ губернаторовъ объясненій, посылали протесты генераль-прокурору, даже въ Сенатъ—и губернаторы совершенно неожиданно получали выговоры.

¹⁾ Записка М. Н. Муравьева. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 111.

²⁾ Объ этихъ расприхъ см. „Русск. Арх.“ 1865 г., № 3, стр. 358.

«Можетъ быть, писалъ графъ Кочубей ¹⁾, неудобства сіи меньше бы ощутительны были, если бы, по крайней мѣрѣ, опредѣлены были точныя границы дѣйствія губернскихъ прокуроровъ, но какъ кромѣ нѣкоторыхъ общихъ правилъ, о должности ихъ ничего не положено, то и выходитъ, что чиновники, сіи поставляютъ почти повсемѣстно обязанностію своею быть въ непремѣнныхъ пререканіяхъ и противоположности съ дѣйствіемъ губернской власти, и власть сія, управляющая именемъ императорскаго величества, которая установлена къ охраненію порядка и подчиненности, такимъ образомъ подвергается униженію. Трудно, конечно, изъяснить какъ такое мѣсто (губернаторское) находится можетъ подъ цензурою совсѣмъ посторонняго лица и на какихъ правилахъ само лицо, одно только въ губерніи, поставлено безъ всякой надъ собою цензуры и отчета.

«Послѣ сего можетъ ли быть удивительно, что званіе начальниковъ губерній столь мало нынѣ уважается и что люди благонамѣренные и способные не только не ищутъ сихъ мѣстъ, но даже и тѣ, кои теперь ихъ занимаютъ, часто покушаются ихъ оставить и можетъ быть многіе изъ нихъ оставили бы, если бы разными личными убѣжденіями и надеждою лучшею не были отъ сего отвлекаемы».

Никто изъ порядочныхъ людей не желалъ, конечно, нести на себѣ тяжесть голословнаго и единоличнаго обвиненія прокурора, тѣмъ болѣе, что сами блюстители порядка и законности были не безупречны въ своемъ поведеніи:

О! Прокуроръ,

Чтобъ въ ризѣ мнѣ сказать,—существеннѣйшій воръ.

Вотъ прямо въ точности всевидящее око:

Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ зѣтитъ онъ далеко.

Не цапнетъ лишь того, чего не досягнуть.

За праведный доносъ, за ложный, онъ беретъ;

Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,

За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,

За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ

И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ ²⁾.

Виленскій губернский прокуроръ Высочинъ не доносилъ о происшествіяхъ и злоупотребленіяхъ въ губерніи, никогда не бывалъ въ присутствіи, проводилъ время на охотѣ и жилъ въ свое удовольствіе ³⁾. Курскій прокуроръ велъ себя еще болѣе предосудительно. Говоря, что родственникъ министра, онъ грабилъ населеніе и преслѣдовалъ тѣхъ,

¹⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 28-го марта 1806 г., Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г., № 14.

²⁾ „Ябеда“ комедія В. Капниста. Полн. собр. соч. изданія 1849 г., стр. 21.

³⁾ Арх. минист. юстиціи, дѣло 1805 г., № 1429.

которые въ томъ ему не содѣйствовали. Онъ изнурялъ колодниковъ губернскаго острога, заставляя ихъ строить себѣ домъ въ Курскѣ, не платилъ имъ денегъ и принуждалъ кормиться подаяніемъ. Развѣзжая по губерніи на обывательскихъ подводахъ, никогда не платилъ прогоновъ, въ присутственные часы не являлся на службу, своего лакея, ѣздившаго у него на запяткахъ, опредѣлилъ въ число приказныхъ и исхода-тайствовалъ ему чинъ. По неудовольствію на дворянъ заключалъ ихъ въ тюрьму и содержалъ подъ изнурительнымъ карауломъ. Прикрывая злоупотребленія всякаго рода, прокуроръ смѣщалъ секретарей судовъ, не платившихъ ему оброковъ, и сажалъ на ихъ мѣста новыхъ, не имѣвшихъ никакого понятія о своей должности. «Отъ сего, — писалъ неизвѣстный графу В. П. Кочубею ¹⁾, — въ уѣздныхъ городахъ присутственными мѣстами и прочими причиняются разныя послабленія, отягощенія и прочія беззаконія, оставаясь въ забвеніи по недоносамъ спрячкихъ».

Многіе прокуроры получали значительныя выгоды отъ своей умышленной недѣятельности и наживали тѣмъ состоянія. Вообще губернская администрація, будучи сама порочна, не въ состояніи была защитить населеніе отъ неправосудія, злоупотребленія власти, лихоимства, и для искорененія такого зла правительству приходилось прибѣгать къ частымъ ревизіямъ губерній.

Н. Дубровинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Письмо уединеннаго деревенскаго жителя 24-го февраля 1805 г. Арх. минист. внутр. дѣлъ № 166.

О связях учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ ¹⁾.

1.

Секретная записка начальника главного штаба его императорскаго величества П. В. Голенищеву-Кутузову ²⁾.

9-го апрѣля 1826 г. № 28. Царское Село.

«Начальникъ главного штаба его императорскаго величества, препровождаѣ при семъ къ его превосходительству Павлу Васильевичу записку о сочиненіяхъ Пушкина и о комиссіонерѣ его, надворномъ совѣтникѣ Плетневѣ, покорнѣйше проситъ объясниться съ нимъ начальникомъ главного штаба о семъ Плетневѣ, при свиданіи».

На этой запискѣ сдѣлана, вѣроятно Голенищевымъ-Кутузовымъ отмѣтка слѣдующаго содержанія:

«Запискою объяснено, что Плетневъ знаетъ Пушкина какъ литератора; смотритъ за печатаніемъ его сочиненій и вырученныя за продажу оныхъ деньги пересылаетъ къ нему по просьбѣ и препорученію г. Жуковскаго.

«Поведенія примѣрнаго, жизни тихой и уединенной; характера скромнаго и даже болѣе робкаго. Въ прочемъ изустно объявлено генералъ-маіору Арсеньеву имѣть за нимъ надзоръ».

¹⁾ Объ отношеніяхъ А. С. Пушкина къ Плетневу, см. у Я. К. Грота: „Пушкинъ и его лицейскіе товарищи“. Р е д.

²⁾ С.-Петербургскій генераль-губернаторъ.

2.

Секретное письмо барона И. И. Дибича П. В. Голенищеву-Кутузову.

23-го апрѣля 1826 г. № 34.

Полковой штабъ гренадерскаго короля
Прусскаго полка

По докладу моему отношенія вашего превосходительства, что надворный совѣтникъ Плетневъ, особенныхъ связей съ Пушкинымъ не имѣеть, а знакомъ съ нимъ только какъ литераторъ, государю императору угодно было повелѣть мнѣ, за всѣмъ тѣмъ, покорнѣйше просить васъ, милостивый государь, усугубить всевозможное стараніе узнать достоверно, по какимъ точно связямъ знакомъ Плетневъ съ Пушкинымъ и брать на себя ходатайство по сочиненіямъ его, и чтобы ваше превосходительство изволили приказать имѣть за нимъ ближайшій надзоръ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю быть, и проч.

3.

Письмо П. В. Голенищева-Кутузова—барону И. И. Дибичу.

29-го мая 1826 г. № 8.

На секретное отношеніе вашего превосходительства отъ 23-го сего апрѣля № 34 имѣю честь увѣдомить, что надворный совѣтникъ Плетневъ дѣйствительно не имѣеть особенныхъ связей съ Пушкинымъ, а только по просьбѣ г. Жуковскаго смотрѣлъ за печатаніемъ сочиненій Пушкина и вырученныя за продажу оныхъ деньги пересылалъ къ нему, но и сего онъ нынѣ не дѣлаетъ и совершенно прекратилъ всякую съ нимъ переписку.

При семъ долгомъ поставляю присовокупить, что высочайшая воля относительно имѣнія ближайшаго надзора за г. Плетневымъ исполнена.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть, и проч.

Приписка: «Чрезъ дежурнаго штабъ-офицера объявлено г. генералъ-маіору Арсеньеву имѣть за г. Плетневымъ секретное и неослабное наблюденіе».

Собщишь П. В. Петровъ.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

II ¹⁾.

Вопросъ о составленіи и печатаніи во всеобщее свѣдѣніе Свода изъ отчетовъ министерствъ.—Противодѣйствіе тому графа Чернышева, князя Меншикова и графа Канкринна.—Императоръ Николай и докторъ Енохинъ.—Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій.—Основаніе имъ училища Правовѣдѣнія.—Докторъ Мандтъ.—Отъѣздъ барона Корфа за границу.—А. Д. Боровковъ въ должности государственнаго секретаря.—Взглядъ императора на службу и обязанности.—Встрѣча архимандрита Фотія съ государемъ.—Петербургскій комендантъ Мартыновъ.—Обворожительныя черты характера Николая I.—Кончина графа Новосильцева и назначеніе графа И. В. Васильчикова предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта.—Выговоръ императора Николая барону Корфу.—Графъ Н. С. Мордвиновъ.—Возвращеніе государя изъ за границы въ 1838 году.—Путешествіе на перекладной.—Императоръ Николай на лѣсахъ Исаакіевскаго собора.—Сватовство герцога Лейхтенбергскаго.—Возобновленіе Фельдмаршальской залы въ Зимнемъ дворцѣ.

Отчеты почти всѣхъ министерствъ печатаются у насъ теперь въ общее свѣдѣніе. Косвенною тому причиною былъ я, или, точнѣе сказать, работа, сдѣланная мною и имѣвшая первоначально другое предназначеніе. Подробности всего этого дѣла едва ли кому-либо, даже изъ современниковъ памяtnыя, представляютъ довольно любопытную страницу для исторіи царствованія императора Николая и тогдашней нашей администраціи.

При первомъ образованіи министерствъ, въ 1802 году, каждому

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ 1899 г., май.

министру вѣдно было отдавать Сенату ежегодный отчетъ какъ въ управленіи частью, такъ и въ ассигнованныхъ на нее суммахъ. Сенатъ, съ своей стороны, долженъ былъ, изслѣдовавъ (подлинныя слова закона) отчетъ въ присутствіи министра, требовать отъ него нужныхъ поясненій, сличать его показанія съ донесеніями разныхъ мѣстъ и разсматривать всѣ высочайшіе указы и повелѣнія, послѣдовавшія по его части въ теченіе года, и затѣмъ подносить отчетъ государю съ своимъ мнѣніемъ.

Этотъ, нѣкоторымъ образомъ конституціонный порядокъ, въ первые два или три года дѣйствительно соблюдался, хотя, впрочемъ, и не по всѣмъ министерствамъ; но потомъ разсмотрѣніе отчетовъ Сенатомъ превратилось въ одинъ письменный обрядъ, а наконецъ и самый этотъ обрядъ временемъ и силою обстоятельствъ пресѣкся.

Въ 1811 году, при новомъ образованіи министерствъ (дѣйствующемъ, какъ извѣстно, еще и теперь), отчеты раздѣлены на три части: 1) отчеты въ суммахъ, которые вѣдно отдавать государственному контролю, 2) отчеты въ дѣлахъ, которые предназначено вносить для разсмотрѣнія въ Государственный Совѣтъ и потомъ печатать, и 3) отчеты о видахъ и предположеніяхъ къ усовершенію каждой части, которые вѣдно министрамъ подносить непосредственно на высочайшее воззрѣніе, съ тѣмъ, чтобы они оставались у государя.

Оба послѣднія постановленія никогда вполнѣ выполняемы не были. Опадала и удаленіе отъ дѣлъ творца министерскаго образованія 1811 г., Сперанскаго, отозвались и на этомъ предметѣ. Въ 1812 году поступило въ Совѣтъ только самое малое число отчетовъ, а съ 1813 года доставленіе ихъ совсѣмъ прекратилось. Одинъ графъ Канкринъ, принявъ министерство финансовъ въ 1823 году, внесъ, вдругъ за десять лѣтъ, отчеты, остававшіеся отъ его предшественника и съ тѣхъ поръ постоянно продолжалъ представлять въ Совѣтъ такіе же по своему управленію. Печатаемо не было рѣшительно ничего ⁴⁾.

Третья эпоха въ порядкѣ министерскихъ отчетовъ началась съ царствованія императора Николая.

Рескриптомъ 30-го сентября 1826 года, на имя тогдашняго председателя комитета министровъ князя Лопухина, повелѣно было, чтобы къ 1-му января 1827 года каждый министръ представилъ его величеству, черезъ сей комитетъ, отчетъ о своей части за 1826 годъ, съ приложеніемъ и счетовъ денежныхъ суммъ. Потомъ, въ февраль 1828 года вѣдно, чтобы министры поспѣшили представленіемъ своихъ отчетовъ

⁴⁾ Печатаніе извѣстныхъ отчетовъ графа Кочубея по министерству внутреннихъ дѣлъ относится къ эпохѣ предыдущей и съ 1808 года тоже прекратилось.

тѣмъ же порядкомъ и за 1827 годъ, соблюдая сей порядокъ и на будущее время ¹⁾).

Такимъ образомъ, средоточіемъ отчетовъ (кромя по министерству финансовъ) сдѣлался, вмѣсто Совѣта, комитетъ министровъ. Но какъ сей послѣдній, ни по составу его, ни по множеству текущихъ занятій, ни по самому порядку производства въ немъ дѣлъ, не могъ разсматривать отчетовъ, то все ограничилось одною формою: министры (не всѣ, однако же, какъ ниже видно будетъ) присылали свои отчеты при самыхъ краткихъ запискахъ, а комитетъ, не читая отчетовъ и, слѣдственно, не постановляя по нимъ и заключенія, подносилъ государю въ подлинникахъ. Потомъ, если были какія-нибудь замѣчанія или приказанія отъ самого государя, они приводились въ дѣйствіе черезъ комитетъ, а въ противномъ случаѣ, по возвращеніи отъ его величества, сдавались въ комитетскій архивъ.

Между тѣмъ, еще въ 1827 году государь собственноручною резолюціею указалъ, чтобы въ канцеляріи комитета ежегодно составляемъ былъ изъ всѣхъ министерскихъ отчетовъ общій Сводъ, по формѣ, въ какой представлялись тогда отчеты отъ управленія Царства Польскаго. Но въпослѣдствіи это высочайшее повелѣніе, кажется, было забыто и какъ дальнѣйшихъ подтвержденій не послѣдовало, то управлявшій дѣлами комитета Гежелинскій, отъ обыкновенной ли его небрежности или по недостатку средствъ и времени, ни самъ за сказанное дѣло не принимался, ни другимъ его не поручалъ, такъ что ни тогда, ни послѣ не было сдѣлано и приступа къ исполненію высочайшей воли.

Въ началѣ 1831 года, когда, съ отрѣшеніемъ Гежелинскаго отъ должности, возложено было на меня привести въ порядокъ все имъ запущенное, въ бумагахъ его стыскалось и упомянутое высочайшее повелѣніе. По докладу моему о немъ, высочайше утвержденнымъ журналомъ комитета 7-го февраля 1831 года опредѣлено: «Поступившіе отъ нѣкоторыхъ министерствъ отчеты до 1830 года, какъ покрывающіеся уже отчетами, собственно, за сей годъ, оставить при дѣлахъ комитета безъ дальнѣйшаго производства; по поступленіи же всѣхъ отчетовъ за 1830 годъ составить изъ нихъ въ канцеляріи комитета, для представленія его величеству, одинъ общій». Но хотя съ 6-го мая 1831 года

¹⁾ Сроки представленія отчетовъ неоднократно измѣнялись. Вмѣсто 1-го января, какъ велѣно было представить ихъ за 1826 годъ, потомъ установлено подносить ихъ къ 1-му марта. Но какъ и тутъ опытъ показавъ невозможность общаго исполненія, то въ 1834 году комитетъ признавалъ за необходимое, для полноты и большаго совершенства отчетовъ, продлить срокъ представленія по 1-е іюня. Государь, однако же, не изъявилъ на это согласія и, въ собственноручной резолюціи, приказалъ, чтобы отчеты представлялись не позже 1-го мая.

должность управляющаго дѣлами комитета была окончательно замѣщена мною, однако сіе положеніе также осталось безъ исполненія и не могло даже и быть исполнено, токъ какъ за 1830 годъ поступило въ комитетъ чрезвычайно мало отчетовъ.

Въ началѣ 1832 года я счелъ долгомъ снова напомнить объ этомъ дѣлѣ, и въ февралѣ предсѣдатель комитета министровъ, князь Кочубей, объявилъ, «что государю императору благоугодно было возобновить высочайшее повелѣніе, въ 1827 году данное, чтобы изъ всѣхъ отчетовъ, его величеству за 1831 годъ представляемыхъ, составленъ былъ въ комитетѣ министровъ одинъ общій отчетъ, возложивъ таковую работу въ особенности на управляющаго дѣлами комитета». Вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно было этотъ Сводъ отчетовъ «составить съ возможнымъ раченіемъ, на случай высочайшаго соизволенія предать оный тисненію». Наконецъ въ другомъ, тогда же состоявшемся объяснительномъ высочайшемъ повелѣніи, прибавлено, что «его величество, изъявляя высочайшую волю о составленіи и напечатаніи такового Свода, имѣть изволить двоякую цѣль: во-первыхъ, дабы собственно самому имѣть въ общемъ обзорѣ точное свѣдѣніе о дѣйствіяхъ и состояніи каждой части управленія, въ томъ наипаче отношеніи, что таковыя своды доставятъ его величеству болѣе удобства обращать вниманіе на тѣ предметы, кои требовать могутъ особыхъ распоряженій или посрѣдствій, такъ какъ министры имѣютъ обязанность въ отчетахъ своихъ не только излагать положеніе частей, имъ ввѣренныхъ, но и представлять о видахъ къ улучшенію оныхъ; во-вторыхъ, чтобы не оставлять безъ общей извѣстности той дѣятельности и того усерднаго старанія, которыя начальствующими разныхъ частей государственнаго управленія къ усовершенствованію оныхъ прилагаются, согласно волѣ его величества и постояннымъ его стараніямъ, дабы государство процвѣтало и подданные удостовѣрялись, что таково есть искреннее и непрѣмѣнное желаніе его величества». Проектъ этого повелѣнія написалъ самъ князь Кочубей, со словъ государя, а прежде объявленія комитету еще разъ представлялъ эту бумагу на его утвержденіе.

Такое изъявленіе воли государя показало всю важность въ его глазахъ предположеннаго начинанія, и я принялся за работу съ пламеннымъ усердіемъ, со всѣмъ энтузіазмомъ молодого человѣка, съ полнымъ желаніемъ произвести что-нибудь не рядовое, а по возможности хорошее и отчетливое. Способы, которыхъ я потребовалъ для приведенія въ исполненіе высочайшей воли, были очень ограничены: испрашивалось всего только прибавки трехъ писцовъ къ штату комитетской канцеляріи, въ чемъ мнѣ, разумѣется, и не отказали. Но первое обозрѣніе матеріаловъ, имѣвшихся въ комитетѣ для общаго за 1831 годъ свода, тотчасъ обнаружило, что ихъ очень мало или совсѣмъ почти нѣтъ. От-

четы были получены лишь отъ почтоваго департамента, министерства просвѣщенія, государственнаго контроля и главнаго управленія путей сообщенія. Не доставало, слѣдственно, всего важнѣйшаго: отчетовъ обоихъ военныхъ управленій, министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи, императорскаго двора, синодальнаго, жандармской части и множества разныхъ установленій, подъ особыми начальствами состоящихъ. Я немедленно представилъ объ этой скудости матеріаловъ, недозволявшей помышлять даже о первомъ приступѣ къ работѣ, и государь—доказательство сколько это дѣло привлекало его вниманіе—въ поднесенномъ мною реестрѣ сдѣлалъ собственноручно всѣ нужныя разрѣшительныя отмѣтки. Такимъ образомъ, министерство иностранныхъ дѣлъ было имъ совсѣмъ исключено; противъ министерства финансовъ отмѣчено, чтобы объясниться съ министромъ; противъ жандармской части: «кромѣ секретной»; къ установленіямъ особыхъ вѣдомствъ прибавлены учрежденія императрицъ Маріи и Александры. Сверхъ того, разослано было ко всѣмъ начальствамъ циркулярное повелѣніе: 1) чтобы, для составленія предположеннаго Свода, они не замедлили поднести его величеству свои отчеты, и 2) что, для успѣшнѣйшаго совершенія сей работы, мнѣ предоставляется требовать отовсюду всѣ нужныя дополнителныя свѣдѣнія.

Симъ положено было рѣшительное начало если еще не самой работѣ, то, по крайней мѣрѣ, собранію матеріаловъ. Но и это первое дѣйствіе должно было встрѣтить огромныя, казавшіяся почти неодолимыми, затрудненія и препятствія. Нѣкоторые министерства (напримѣръ оба военныя и юстиціи) и разные отдѣльныя начальства до тѣхъ поръ не представляли никогда никакихъ отчетовъ (кромѣ денежныхъ въ контроль); другія ограничивали всю свою отчетность одними перечневыми вѣдомостями о нерѣшенныхъ дѣлахъ. Составленіе настоящаго, систематическаго отчета о дѣйствіяхъ представлялось, слѣдственно, для тѣхъ и другихъ, трудомъ совершенно новымъ, къ которому не было ни руководства, ни готовыхъ матеріаловъ, ни людей. Все это крайне замедляло присылку въ комитетъ частныхъ отчетовъ и нѣкоторые были получены уже въ позднюю осень, частью даже въ ноябрѣ. Сверхъ того, самъ я по крайне разстроенному здоровью, принужденъ былъ провести дѣтнее время на водахъ въ Ревелѣ. Оттого моя личная работа могла начаться не прежде августа и, за всѣмъ тѣмъ, этотъ, смѣю сказать, исполинскій трудъ совершенъ былъ въ четыре мѣсяца, ибо 5-го декабря онъ лежалъ уже готовый въ государевомъ кабинетѣ. Единственнымъ, но весьма полезнымъ мнѣ помощникомъ былъ нѣкто Теубель, въ то время начальникъ отдѣленія канцеляріи комитета министровъ, а впослѣдствіи правившій должность статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ, чело-
вѣкъ очень умный, просвѣщенный и трудолюбивый. Большая часть

предварительной работы была подготавлиема имъ по моему плану и безъ его трудовъ, не ослабѣвавшихъ при встрѣчѣ со всевозможными препятствіями, я едва ли бы успѣлъ сдѣлать то, чего мы вмѣстѣ достигли.

При томъ разнообразіи, какое являлось въ министерскихъ отчетахъ касательно болѣе или менѣе подробности содержавшихся въ нихъ свѣдѣній и самаго возрѣнія на предметы, прежде всего надобно было заняться пополненіемъ матеріаловъ. Дополнительные свѣдѣнія сего рода, во многомъ, впрочемъ, не удовлетворявшія требованіямъ и ожиданіямъ, получались изъ министерствъ въ продолженіе самой работы, частью же собраны были мною непосредственно въ подлежащихъ департаментахъ. Этотъ мелочный трудъ былъ крайне обременителенъ. Незнаніе и недостатокъ доброй воли въ тѣхъ чиновникахъ, отъ которыхъ требовались данныя, заставляли меня рыться лично въ подлинныхъ дѣлахъ. Множество любопытнаго отыскано было также въ актахъ Государственнаго Совѣта, самаго комитета министровъ, разныхъ комитетовъ временныхъ, архивовъ старыхъ и новыхъ. Все мнѣ было открыто и я всѣмъ пользовался съ жадностью, не одинъ разъ проходя, по алфавитамъ, и всѣ 50 томовъ «Полнаго Собранія Законовъ», чтобы обнять послѣдовательную цѣпь всѣхъ измѣненій нашего законодательства и отыскать связь прошедшаго съ настоящимъ. Между тѣмъ и текущая дѣла комитета должны были идти своимъ порядкомъ. Разумѣется, что въ эти четыре мѣсяца я не жилъ уже ни для семейства, ни для свѣта: работа брала у меня ежедневно по 15—16 и болѣе часовъ.

Вторая часть труда состояла въ совокупленіи собранныхъ матеріаловъ въ одно цѣлое, съ возможнымъ единствомъ плана и редакціи. Образцомъ, какъ выше сказано, данъ былъ отчетъ Царства Польскаго ⁴⁾. Но это значило втѣснить великана въ платье карлика! Сверхъ того, польскій отчетъ, которому предшествовали многіе за предыдущіе годы, обнималъ событія и распоряженія, собственно, одного года, а прежнее состояніе каждой части и всѣ постепенныя ея улучшенія предполагались уже извѣстными. У насъ, напротивъ, гдѣ никогда подобныхъ общихъ отчетовъ не бывало, представлялось необходимымъ, для общей связи и даже для самой вразумительности Свода, на случай его напечатанія, обращаться постоянно назадъ и указывать сперва начало и переходы каждаго предмета до настоящаго его положенія. Это было необходимымъ условіемъ перваго въ своемъ родѣ отчета, условіемъ, которое еще болѣе меня обременяло, но котораго исполненіе я самъ на себя добросовѣстно наложилъ, чтобы дать моей работѣ характеръ не

⁴⁾ Мнѣ присланъ былъ отчетъ за 1828 годъ, поданный въ 1830 году: онъ былъ послѣдній при конституціонномъ правленіи Польши.

только современной статистики, но и послѣдовательной исторіи. Затѣмъ, для удобства въ размѣщеніи предметовъ и въ дополненіи частныхъ отчетовъ какъ взаимно между собою, такъ и изъ другихъ источниковъ, я далъ главнымъ частямъ заглавія, заимствованныя не отъ названій и раздѣленій министерствъ, а отъ рода предметовъ. Подраздѣленія истекли сами собою отъ естественной связи частей и отъ большаго или меньшаго обилія собранныхъ матеріаловъ. Ученые выводы, сравненія, умозаключенія, всѣ вообще формы, чисто-ученымъ твореніямъ свойственныя, казались мнѣ въ работѣ такого рода совершенно неумѣстными, и потому я принялъ образъ редакціи чисто-повѣствовательный. Тутъ не было ни критики существующаго, ни желаній лучшаго, ни видовъ и надеждъ для переду: изображалось одно только настоящее и, по связи съ нимъ, прошедшее, безъ указаній на будущее. Такъ какъ Сводъ предназначался къ напечатанію, а въ отношеніи къ публикѣ не могло быть ни отчета, ни свода отчетовъ, то мы съ княземъ Кочубеемъ долго также размышляли о приличнѣйшемъ для этой работы наименованіи. Наконецъ, по общему совѣту, рѣшено было назвать ее: «Обозрѣніе всѣхъ частей государственнаго управленія въ 1831 году».

«Обозрѣніе» состояло изъ текста и изъ таблицъ ¹⁾.

Таблицъ было приложено 108; нѣкоторыя въ колоссальныхъ размѣрахъ. При министерскихъ отчетахъ не было и третьей ихъ части, но и тѣ всѣ пришлось передѣлать и приспособить къ общему плану.

¹⁾ Содержаніе и раздѣленіе текста:

I. Духовныя дѣла. 1) Управленіе церкви грекороссійской. 2) Управленіе иновѣрныхъ исповѣданій.

II. Народное просвѣщеніе.

III. Полиція и внутреннія дѣла (въ обширнѣйшемъ смыслѣ). 1) Общественное благочиніе. 2) Повинности. 3) Народное продовольствіе. 4) Колоніи. 5) Разныя отрасли земледѣлія и домоводства. 6) Пути сообщенія. 7) Почты. 8) Медицинская полиція. 9) Общественное призрѣніе (со включеніемъ и всѣхъ благотворительныхъ заведеній разныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ). 10) Государственное благоустройство: а) Устройство мѣстныхъ управленій. б) Народосчисленіе. в) Составъ народонаселенія. г) Дворянскія общества. д) Города. е) Столицы. ж) Строительная часть въ губерніяхъ з) Селенія. и) Ссылные. н) Россійско-американскія колоніи.

IV. Судъ. (Движеніе судебныхъ дѣлъ; новые законы 1831 года; судопроизводство).

V. Военныя силы. (Состояніе арміи и флота; исторія и состояніе военныхъ поселеній; военно-учебныя заведенія).

VI. Государственные доходы и расходы: 1) Разныя вѣтви и движеніе государственныхъ доходовъ. 2) Государственный кредитъ. 3) Казначейство или движеніе и оборотъ поступившихъ суммъ. 4) Ревизія счетовъ (контроль).

VII. Удѣлы.

Наружность работы соответствовала внутреннему богатству собранныхъ въ ней и частью никому дотолѣ недоступныхъ свѣдѣній. Все было переписано и переплетено съ невиданною у насъ прежде роскошью и даже украшено виньетками, работы одного изъ моихъ же чиновниковъ (Обыденнаго, вскорѣ послѣ умершаго). Въ такомъ видѣ я вручилъ мое произведеніе, 3-го декабря 1832 года, князю Кочубею, съ докладною отъ меня запискою государю, въ которой подробно описывалъ ходъ работы, ея расположеніе и матеріалы. Въ этотъ день я впервые, послѣ четырехъ мѣсяцевъ, наслаждался безцѣннымъ отдыхомъ!

5-го декабря, т. е. наканунѣ именинъ государя, трудъ мой поднесенъ былъ Кочубею, при особомъ и отъ него докладѣ, въ которомъ: «свидѣтельствуя объ усердіи и особенномъ прилежаніи, съ коими дѣйствительный статскій совѣтникъ баронъ Корфъ исполнилъ возложенное на него порученіе, съ толикими трудностями по новости и сложности своей сопряженное», онъ представлялъ: не угодно ли будетъ государю повелѣть, чтобы отчеты министровъ военнаго, морского и финансовъ въ томъ видѣ, какъ они введены въ Сводъ, «были предварительно сообщены имъ, министрамъ, съ тѣмъ чтобы они могли еще ближе вникнуть, не нужно ли чего либо изъ оныхъ при печатаніи исключить, или представить иное въ другомъ видѣ». Онъ прибавлялъ далѣе, что «можно равнымъ образомъ и къ другимъ министрамъ отчеты ихъ препроводить, хотя впрочемъ въ сихъ послѣднихъ, какъ кажется, не находится ничего, что не могло бы имѣть полной гласности».

На сей докладъ имъ же, Кочубею, объявлено было высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія:

- 1) Сводъ отчетовъ—напечатать.
- 2) Отчеты министровъ военнаго, морского и финансовъ препроводить предварительно къ нимъ, для разсмотрѣнія въ вышеозначенномъ смыслѣ.
- 3) О напечатаніи Свода отчетовъ снести съ начальствомъ типографіи II-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи.

Симъ, казалось, окончательно была опредѣлена участь этого важнаго дѣла. Но ему предстоялъ другой, тогда, конечно, совсѣмъ непредвидѣнный исходъ.

Министры военный (графъ Чернышевъ) и начальникъ главнаго морского штаба (князь Меншиковъ) отвѣчали, что доставленная имъ работа совершенно удовлетворительна, но напечатать, въ общемъ ея составѣ, отчеты ихъ частей вовсе неудобно. Первый, т. е. Чернышевъ, причиною къ тому приводилъ, что сколько ни полезно въ отчетахъ самому государю откровенное показаніе всѣхъ свѣдѣній о личномъ составѣ войскъ и о военномъ хозяйствѣ, столько же обнародованіе ихъ можетъ вести къ разнымъ неблагоприятнымъ сужденіямъ и заключеніямъ, вѣ

и внутри государства; если же исключить сіи свѣдѣнія изъ отчета, то онъ потеряетъ всю занимательность и всякое значеніе. Послѣдній, т. е. Меншиковъ, изъявлялъ опасеніе, чтобы ежегодное обнародованіе нашихъ морскихъ силъ и способовъ къ увеличенію ихъ по видамъ правительства, особенно въ Черномъ морѣ, не дало повода къ разнымъ вопросамъ со стороны иностранныхъ державъ.

Но всего любопытнѣе и сильнѣе былъ отвѣтъ министра финансовъ (графа Канкринъ). Обращаясь отъ своего отчета и къ прочимъ, онъ доказывалъ неудобство изданія въ свѣтъ общаго ихъ Свода главнѣйше слѣдующими доводами:

1) Не малая часть Свода состоитъ изъ статистическихъ свѣдѣній, которыя для общаго понятія о дѣлѣ могутъ быть необходимы, но иногда слишкомъ дробны, иногда неудовлетворительны, и вообще могутъ дать поводъ къ недоразумѣніямъ.

2) Нельзя ожидать, чтобы публика судила о сихъ отчетахъ хотя съ нѣкоторою справедливостію, а скорѣе должно предвидѣть критику и толки о томъ, что дѣйствія правительства были малозначительны. Это свойственно духу нашего времени, а притомъ, если отдѣлить отъ отчетовъ побочную часть статистики и дѣйствія текущія, то, собственно въ разрядъ высшихъ административныхъ мѣръ, они и въ самомъ дѣлѣ едва ли представляютъ довольно улучшеній, чтобы удовлетворить увеличеннымъ требованіямъ умовъ. Посему напечатаніе отчетовъ скорѣе можетъ обратиться къ порицанію, нежели къ похвалѣ дѣйствій правительства. Если же напечатанное сообщить только не многимъ, то и тогда оно не останется тайною для большей части публики и многія несправедливыя сужденія распространятся по одной наслышкѣ.

3) Обращаясь въ частности къ отчету министерства финансовъ, нельзя не замѣтить, что много сказано о частяхъ подчиненныхъ, между тѣмъ какъ о главныхъ должно было выговариваться съ осторожностію; почему всякъ догадается, что сказано не все, а подобныя умолчанія не премѣнно возбуждаютъ и неправильныя догадки и неудовольствіе.

Вслѣдствіе того Канкринъ полагалъ, что если въ другихъ государствахъ сдѣлалось уже неизбѣжнымъ публиковать отчеты о дѣйствіяхъ правительства, то въ нашемъ монархическомъ правленіи обнародованіе ихъ, такъ сказать, въ массѣ едва ли еще не преждевременно. Можно, продолжалъ онъ, принять, напротивъ, гораздо полезнѣйшій видъ откровенности, печатая отдѣльно, въ полуофіціальномъ видѣ и въ разное время, отчеты по частнымъ предметамъ, по которымъ нельзя ни подозрѣвать умолчаній, ни видѣть общую связь управленія. Такимъ образомъ можно будетъ обходить цѣлые департаменты, не возбуждая въ публикѣ неудовольствій.

Въ заключеніе министръ присовокуплялъ нѣчто въ родѣ извиненія

или очистки передо мною въ томъ, что сказано имъ было болѣе по случаю, нежели на счетъ моей работы.

«Впрочемъ—писаль онъ—такое мнѣніе мое отнюдь не относится къ порицанію самаго составленія Свода, которому я отдаю всю справедливость: трудъ, подъятый при семъ случаѣ составителемъ, будучи притомъ для него постороннимъ, заслуживаетъ вполне уваженія».

Всѣ эти отвѣты князь Кочубей представилъ государю и отсюда сдѣланъ былъ первый шагъ къ отмѣнѣ прежняго повелѣнія. Комитету объявлено, что государь, по разсмотрѣніи сказанныхъ отзывовъ, «не отвергая что въ отчетахъ, собственно лицу его представляемыхъ и служившихъ главными къ Своду матеріалами, конечно быть могутъ предметы, которые неудобно обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, высочайше повелѣть изволилъ: какъ самый Сводъ, такъ и отзывы министровъ, внести въ комитетъ министровъ, съ тѣмъ чтобы, разсмотрѣвъ оныя немедленно, комитетъ представилъ его величеству заключенія свои о томъ, какія изъ частей помянутаго Свода могутъ быть напечатаны, и всѣ ли вмѣстѣ, или отдѣльно по каждой части?»

Для исполненія сего комитетъ тотчасъ собрался въ чрезвычайномъ засѣданіи. Заключение его уже нѣкоторымъ образомъ предопредѣлялось вышеизложенными отзывами министровъ и особенно министра финансовъ, который и въ самомъ этомъ засѣданіи былъ душою всѣхъ сужденій. Чернышевъ и Меншиковъ не пріѣхали, а для прочихъ членовъ это дѣло было совсѣмъ новое. Кочубей съ своей стороны, прежде сильно настаивавшій на напечатаніи Свода, прочитавъ отвѣты министровъ, тотчасъ заколебался, а послѣ личныхъ съ ними объясненій и совѣтъ уже перемѣнилъ свои мысли. Такимъ образомъ вышелъ примѣчательный журналъ 6-го мая 1833 года.

Комитетъ начиналъ его замѣчаніемъ, что дѣло сіе сопряжено въ послѣдствіяхъ своихъ съ важнѣйшими государственными интересами; почему и необходимо вникнуть въ оное со всею внимательностію.

За тѣмъ вопросъ обсуживаемъ былъ съ двухъ сторонъ: 1) вообще касательно отчетовъ министерскихъ, 2) въ частности, касательно составленнаго мною изъ нихъ Свода.

Въ отношеніи къ первому предмету комитетъ находилъ, что воля государя,—чтобы движеніе разныхъ частей государственнаго управленія не оставалось безъ общей извѣстности и чтобы, черезъ гласность ихъ, подданные удостовѣрились въ желаніи правительства о возможномъ ихъ усовершеніи, въ большей части министерствъ можетъ быть исполнена, безъ всякихъ неудобствъ, печатаніемъ частныхъ ихъ отчетовъ; причемъ умолчаніе о нѣкоторыхъ предметахъ не нарушитъ общей связи и самый отчетъ не утратитъ черезъ то существеннаго своего достоинства. Но распространить ту же мѣру на оба министерства воен-

ныя и на министерство финансовъ крайне затруднительно и даже едва ли не совершенно невозможно, ибо составъ военныхъ силъ, или все то, чѣмъ государство можетъ располагать для внѣшней обороны и охраненія внутренняго спокойствія, всегда составляло у насъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ тайнъ, а ограничиться здѣсь одними частными умолчаніями, какъ въ отчетахъ прочихъ министерствъ—нельзя. Съ другой стороны, если въ кругу министерства финансовъ есть, конечно, цѣлыя части, не требующія тайны, и если въ немъ сосредоточиваются такія свѣдѣнія, которыхъ гласность даже весьма полезна, то все сіе и теперь уже печатается въ издаваемыхъ при разныхъ департаментахъ журналахъ, слѣдственно съ тою степенью офиціальности, которая достаточно обезпечиваетъ вѣрность сихъ свѣдѣній. Но есть, напротивъ, другіе предметы, и именно, подобно отчетамъ военнымъ, самые важнѣйшіе, которыхъ обнародованіе невозможно. Таковы, на примѣръ, государственная роспись, обороты казначейства, состояніе недоимокъ, дефициты, ресурсы правительства и пр. Нѣкоторые и изъ этихъ предметовъ, правда, болѣе или менѣе извѣстны публикѣ, по частнымъ слухамъ и соображеніямъ, но самый сей способъ извѣстности отнимаетъ у нихъ всякую достовѣрность и всѣ сужденія обращаетъ въ однѣ лишь догадки.

Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ:

- 1) Годичные по каждой части отчеты вносить на высочайшее воззрѣніе, по прежнему, черезъ сей комитетъ.
- 2) Отчеты военныхъ управленій, по возвращеніи отъ его величества, хранить въ архивѣ комитета, безъ дальнѣйшей огласки.
- 3) Изъ отчетовъ министерства финансовъ предоставить министру печатать, какъ и прежде, въ издаваемыхъ при его департаментахъ журналахъ, тѣ части или статьи, которыхъ обнародованіе не можетъ, по его усмотрѣнію, сопряжено быть ни съ какими неудобствами.
- 4) Затѣмъ отчеты всѣхъ прочихъ министровъ, по возвращеніи отъ его величества, обращать къ нимъ, дабы, за исключеніемъ подлежащаго гласности и собственныхъ ихъ предположеній къ улучшенію части, все прочее было печатаемо въ общее извѣстіе.

Въ отношеніи ко второму предмету, то-есть къ составленному мною Своду, комитетъ противопоставлялъ обнародованію его въ общемъ составѣ два особенно важныя препятствія.

Во-первыхъ, въ Сводѣ изображены состояніе и дѣйствія всѣхъ частей управленія; слѣдственно, къ нему прилагается то, что сказано выше о невозможности печатанія отчетовъ военныхъ и финансоваго въ частности.

Во-вторыхъ, частные отчеты порознь по каждому министерству, хотя бы они и были напечатаны, всегда сохранять видъ и форму

отчета, представленнаго государю его министромъ. Но въ какомъ видѣ и въ какой формѣ могъ бы быть изданъ, не для государя уже, а въ общее свѣдѣніе, слѣдственно для публики, Сводъ, составленный изъ совокупности всѣхъ отчетовъ и изъ многихъ другихъ актовъ?

Неудобствъ сихъ комитетъ считалъ возможнымъ избѣжать, обратясь къ указанной въ высочайшемъ повелѣніи другой мысли, именно, чтобы разныя статьи Свода напечатать по каждой части отдѣльно. Въ этомъ онъ находилъ ту выгоду, что обнародованныя, такимъ образомъ, съ нужными пропусками, выписки изъ работы, собственно для государя составленной, не раскроютъ того, что должно оставаться въ тайнѣ и вмѣстѣ не возродятъ и никакихъ неумѣстныхъ ожиданій на будущее время.

Посему комитетъ полагалъ:

1) Изъ составныхъ частей Свода напечатать: а) Управление духовныхъ дѣлъ; б) Народное просвѣщеніе; в) Полицію и внутреннія дѣла; г) Судъ; д) Изъ части о военныхъ силахъ—военно-учебныя заведенія; е) Удѣлы.

2) Вмѣстѣ съ текстомъ этихъ статей напечатать и ихъ таблицы.

3) Все это издать не въ общей массѣ, а порознь, по статьямъ, соображаясь со сродствомъ предметовъ, озаглавливая каждую статью такъ: «О состояніи такихъ-то частей государственнаго управленія, или такихъ-то заведеній и т. п. въ 1831 г.».

4) Печатаніе произвести по распоряженію и усмотрѣнію каждого министра, передавъ для сего каждому же списокъ съ его части изъ общаго Свода.

5) Прежде напечатанія каждой части, повѣрить въ подлежащемъ министерствѣ содержащіяся въ ней свѣдѣнія и, буде нужно, дополнить оныя, такъ какъ нѣкоторыя статьи, за неимѣніемъ еще позднѣйшихъ отчетовъ, представлены были въ Сводъ по актамъ не 1831, а 1830 года; вмѣстѣ же съ тѣмъ исключить все неподлежащее гласности, если бы, за сдѣланными уже умолчаніями, еще гдѣ-нибудь такіе предметы оказались.

6) Такъ какъ планъ, составныя части и подробности Свода отчетовъ ближе всего извѣстны его редактору, то всѣ помянутыя дополненія и исключенія производить въ министерствахъ не иначе, какъ по предварительному съ нимъ сношенію.

Тяжко мнѣ было, въ качествѣ управляющаго дѣлами комитета, писать самому этотъ смертный приговоръ работѣ, стоявшей мнѣ столько трудовъ и усилій; но какъ я тогда, во внутреннемъ сознаніи, самъ раздѣлялъ убѣжденіе членовъ комитета, противъ высочайшаго повелѣнія выговоренное, такъ и теперь остаюсь неизмѣнно при тѣхъ же мысляхъ. Къ тому, что сказано и можно еще было сказать въ журналѣ

комитета, прибавлю здѣсь два уваженія, на которыя тамъ только косвенно намекалось: 1) Въ министрѣ, печатающемъ свой отчетъ отдѣльно, можно предполагать побужденіемъ къ тому желаніе, основанное на благородномъ самолюбіи показать, что ввѣренная ему часть не бездѣйствуетъ, а идетъ впередъ. Онъ сообщаетъ публикѣ то, въ чемъ далъ отчетъ государю; слѣдственно, судъ публики можетъ упадать только на него лично. Но что значило бы печатанье отчета о государственномъ управленіи въ цѣломъ его составѣ, котораго главою есть одинъ монархъ? Не было ли бы это, нѣкоторымъ образомъ, отчетомъ самого государя своему народу и на кого тутъ обратился бы судъ публики? Ясно, что такой отчетъ возбудилъ бы сперва ожиданіе, а потомъ, можетъ быть, и требованіе, чтобы за нимъ слѣдовали каждагодно такіе же: понятія, не свойственныя образу нашего правленія, новизна, во всякомъ случаѣ болѣе опасная, чѣмъ полезная. Довольно здѣсь сослаться на примѣръ извѣстнаго *Compte-rendu* Неккера. 2) Каждому мыслящему наблюдателю извѣстно, что въ русскомъ народѣ, особливо въ полуобразованныхъ сословіяхъ и въ многочисленномъ классѣ чиновниковъ средняго и низшаго разряда, таится много, если не прямо оппозиціонныхъ началъ, то духа мелочной критики и порицанія правительственныхъ мѣръ. Каждое новое постановленіе, какая бы ни была его цѣль, тотчасъ подвергается въ канцеляріяхъ столько же строгимъ, сколько часто и неосновательнымъ пересудамъ, а посредствомъ многочисленнаго сонма чиновниковъ они находятъ свой отголосокъ и въ другихъ сословіяхъ. Какъ отдать на жертву этому придиричивому разбору картину всѣхъ жизненныхъ силъ государства, всѣхъ мѣръ, принятыхъ въ общемъ составѣ и ходѣ его управленія, всѣхъ сокровенныхъ пружинъ его движенія!

Сколько родилось бы тутъ нареканій не только противъ исполнителей, не только противъ матеріаловъ, но, повторяю, и противъ той власти, которую можетъ судить одинъ Богъ, и какая, наконецъ, была бы польза, еслибъ, сорвавъ вдругъ завѣсу съ организма нашей государственной жизни, Россію, грозную, могущественную Россію, сильную именно преданностью народа, подвергнуть, на непризванномъ судѣ, мелочному анализу и разложенію во внутреннихъ, не всегда благовидныхъ ея тайнахъ?

Какъ бы то ни было, но и императоръ Николай уступилъ благоразумнымъ и патріотическимъ убѣжденіямъ его совѣтниковъ. Заключение комитета удостоилось безусловнаго высочайшаго утвержденія и Сводъ отчетовъ 1831 года былъ—первымъ и послѣднимъ. Согласно сказанному заключенію, нѣкоторыя части его были напечатаны въ газетахъ и журналахъ, другія отдѣльно; но всѣ, будучи выпущены въ свѣтъ спу-

стя долгое время, отрывочно и безъ общей связи, прошли почти незамѣченные публикою.

Въ государственномъ отношеніи эта работа осталась, однако же, не совсѣмъ безплодною. Съ одной стороны въ министерствахъ, изъ примѣра Свода 1831 года, увидѣли, какъ надобно составлять отчеты. Послѣ истекшихъ съ тѣхъ поръ двадцати пяти лѣтъ, въ такую эпоху, гдѣ я смотрю на свой молодой трудъ съ хладнокровнымъ безпристрастіемъ посторонняго наблюдателя, смѣю сказать это безъ смѣшного самопоклоненія, ибо множество послѣдующихъ отчетовъ представляли, и въ системѣ и въ образѣ изложенія, одни живые сколки съ сообщенныхъ имъ выписокъ изъ моего Свода. Министерство юстиціи, которое, во время собранія мною матеріаловъ, не могло удовлетворить ни одного изъ моихъ вопросовъ, дало, за 1833 годъ, первый правильный отчетъ, содержавшій въ себѣ тѣ же самыя вопросы, но на этотъ разъ уже и съ отвѣтами на нихъ. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, представлявшемъ дотолѣ, подъ именемъ отчета, одинъ исходящій реестръ своихъ предписаній и отношеній, возобновилась, по крайней мѣрѣ, по внѣшней формѣ, блистательная эпоха отчетовъ 1803 и 1804 годовъ. Наконецъ, военное министерство и многія отдѣльныя вѣдомства, которыя прежде не давали совсѣмъ никакихъ отчетовъ, съ тѣхъ поръ стали подносить ихъ государю постоянно, за каждый годъ. Другимъ полезнымъ послѣдствіемъ было—печатаніе съ этого времени годовыхъ министерскихъ отчетовъ, вполнѣ, или въ пространныхъ извлеченіяхъ по всѣмъ частямъ, не требующимъ особенной тайны; распространяя массу статистическихъ и историческихъ свѣдѣній, это не могло не оживить нѣкоторымъ образомъ и самого хода администраціи.

Въ поѣздку государя, въ 1834 году, по разнымъ губерніямъ, при немъ находились только генераль-адъютантъ графъ Бенкендорфъ, управлявшій въ то время корпусомъ жандармовъ и III-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, статсъ-секретарь Позенъ и врачъ Енохинъ¹⁾. Вотъ что, на одномъ изъ остановочныхъ пунктовъ, Позенъ слышалъ изъ сосѣдней съ государевымъ кабинетомъ комнаты.

Въ кабинетѣ съ государемъ одинъ Енохинъ. Государь весель и разговорчивъ.

— Ты, Енохинъ,—говорилъ онъ,—изъ духовнаго званія и слѣдственно вѣрно знаешь духовное пѣніе.

— Не только знаю, государь, но въ молодости часто и самъ пѣвалъ на клиросѣ.

¹⁾ Между гр. Бенкендорфомъ и Позеномъ прибавлено графъ В. Адлербергъ.

— Такъ спой же что-нибудь, а я буду припѣвать.

И вотъ они поютъ вдвоемъ церковныя стихиры.

— Каково, Енохинъ?

— Прекрасно, государь, вамъ бы хотѣть самимъ на клиросѣ пѣть.

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня голосъ не дурень и еслибъ я былъ тоже изъ духовнаго званія, то, вѣроятно, попалъ бы въ придворныя пѣвчіе. Тутъ пѣлъ бы покамѣстъ не спалъ съ голоса, а потомъ... ну потомъ выпускаютъ меня, по порядку, съ офицерскимъ чиномъ хотѣ бы въ почтовое вѣдомство. Я, разумѣется, стараюсь подбиться къ почтъ-директору и онъ назначаетъ меня на тепленькое мѣстечко, на примѣръ, почтъ-экспедиторомъ въ Лугу. На мою бѣду, у лужскаго городничаго хорошенькая дочка. Я по уши въ нее влюбляюсь, но отецъ никакъ не хочетъ ее за меня выдать. Отсюда начинаются всѣ мои несчастія. Въ страсти моей, я уговариваю дѣвочку бѣжать со мною и похищаю ее. Объ этомъ доносятъ моему начальству, которое отнимаетъ у меня любовницу, мѣсто, хлѣбъ и напоследокъ отдаетъ меня подъ судъ. Что тутъ дѣлать, безъ связей и безъ протекцій?

Въ эту минуту вошелъ въ кабинетъ Бенкендорфъ.

— Слава Богу, я спасенъ: нахожу путь къ Бенкендорфу, подаю ему просьбу и онъ высвобождаетъ меня изъ бѣды!

Можно представить себѣ, какой неистощимый смѣхъ произвелъ въ слушателяхъ этотъ романъ ех *abrupto*, доказывающій, вмѣстѣ со многими другими анекдотами, веселую, обыкновенно, настроенность покойнаго государя и игривое его воображеніе.

Сынъ великой княгини, потомъ королевы Виртембергской Екатерины Павловны, принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, родившійся въ 1812 году и пожалованный, при самомъ крещеніи (22-го октября) въ полковники лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и Андреевскимъ кавалеромъ, прибылъ въ Россію, по окончаніи воспитанія своего за границею, еще очень молодымъ человѣкомъ, и именно въ 1830 году. Сначала служба его была военная, то-есть фронтовая и онъ былъ назначенъ баталіоннымъ командиромъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, при которомъ оставался и послѣ производства его, въ 1832 году, въ генераль-маіоры и въ 1834 году въ генераль-лейтенанты. Потомъ онъ хотя и былъ назначенъ (6-го декабря 1835 года) шефомъ Стародубовскаго кирасирскаго полка, которому впослѣдствіи (14-го апрѣля 1840 года) поведѣно именоваться «Кирасирскимъ Его Свѣтлости Принца Петра Ольденбургскаго» ¹⁾, но это назначеніе было только по-

¹⁾ Титулъ императорскаго высочества пожалованъ принцу, вмѣстѣ съ его супругою (принцессою Терезіею Нассаускою) уже позже, и именно въ 1845 году.

четнымъ, и дѣятельность принца была исключительно обращена къ гражданской службѣ, такъ что военного остался при немъ только мундиръ и чинъ (съ 16-го апрѣля 1841 года генераль-отъ-инфантеріи). Въ концѣ царствованія императора Николая главные титулы и обязанности принца были: предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ Государственномъ Совѣтѣ, предсѣдатель опекунскаго совѣта и главнаго совѣта женскихъ учебныхъ заведеній и сенаторъ. Примѣчательнѣйшую страницу въ біографіи принца, принадлежащую вѣстѣ и исторіи Россіи, составляло, конечно, учрежденіе, по его мысли и съ значительнымъ отъ него пожертвованіемъ, Императорскаго училища Правовѣдѣнія.

26-го октября 1834 года принцъ писалъ государю: «Всемилоостивѣйшее назначеніе присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ, приемлемое драгоцѣннымъ знакомъ отеческаго обо мнѣ попеченія вашего, постоянно доставляетъ мнѣ случай вникать ближайшимъ образомъ въ порядокъ и ходъ гражданского судопроизводства. Недостатокъ образованныхъ и свѣдущихъ чиновниковъ въ канцеляріяхъ судебныхъ мѣстъ составляетъ неоспоримо одно изъ важнѣйшихъ неудобствъ, препятствующихъ возвести часть сію на ту степень благоустройства, на которой ваше императорское величество желаете поставить всѣ отрасли управленія. Учебныя заведенія, нынѣ существующія, не удовлетворяютъ сей потребности государства. Молодые люди, получивъ въ оныхъ образованіе на собственный счетъ и потому пользуясь свободою избирать родъ гражданской службы, обыкновенно стремятся въ министерскіе департаменты, гдѣ и виды честолюбія, и способы содержанія болѣе льстятъ ихъ надеждамъ. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ они перемѣщаются въ высшія званія по судебнымъ и исполнительнымъ мѣстамъ, и такимъ образомъ минуютъ канцелярскія должности, не получивъ надлежащаго свѣдѣнія о порядкѣ дѣлопроизводства. Для устройства канцелярій, давно озабочивающаго правительство, полагаю необходимымъ, чтобы улучшеніе содержанія согласовано было съ образованіемъ людей, къ гражданской службѣ назначаемыхъ, и чтобы съ тѣмъ вмѣстѣ учреждена была правильная для нихъ постепенность въ повышеніяхъ. Убѣжденіе въ сихъ истинахъ возродило во мнѣ мысль о пользѣ учрежденія особеннаго училища Правовѣдѣнія. Многіе изъ опытнѣйшихъ и усерднѣйшихъ слугъ вашихъ помышляли и прежде меня о такомъ учрежденіи, но значительныя издержки, необходимыя для первоначальнаго устройства подобнаго заведенія, могли исполненію сей мысли препятствовать. Вамъ, государь, принадлежитъ все, что я имѣю, и самая жизнь моя! И еслибъ удѣленіемъ моего избытка могъ я содѣйствовать пользѣ службы вашего императорскаго величества, могъ быть полезенъ родинѣ, къ коей привязанъ душою, то почелъ бы себя безмѣрно счастливымъ. Побуждаемый

сими чувствами, я желалъ бы пожертвовать сумму, потребную на приобрѣтеніе дома и на первоначальное обзаведеніе училища Правовѣдѣнія».

Затѣмъ слѣдовало краткое изложеніе основаній, на которыхъ принцъ полагалъ учредить сіе училище и опредѣлить обязательную службу оканчивающихъ въ немъ курсъ; въ заключеніе же онъ предлагалъ, если мысль его будетъ принята, приступить къ составленію проекта положенія и штата.

Письмо это государь передалъ Сперанскому, съ слѣдующею надписью: «Благородныя чувства принца достойны уваженія. Прошу, прочитавъ, переговорить съ нимъ и мнѣ сообщить какъ ваши замѣчанія, такъ и то что съ принцемъ вами условлено будетъ». Составленные, вслѣдствіе того, по обоюдному ихъ соглашенію, проекты устава и штата внесены были въ Государственный Совѣтъ, гдѣ подверглись, однако, подробному разбору и многимъ перемѣнамъ, пока были, наконецъ, утверждены 29-го мая 1835 года и изданы при указѣ, въ которомъ сказано было, что государь вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность воздать справедливость побужденіямъ, на коихъ основано предположеніе принца, пріемля оныя доказательствомъ примѣрнаго его усердія къ общему благу и наслѣдственнаго ему глубокаго чувства любви къ отечеству». Принцъ на покупку и перестройку дома (на Фонтанкѣ, противъ Лѣтнаго сада, бывшій Неплюева), съ нужнымъ обзаведеніемъ, пожертвовалъ болѣе милліона (ассигнаціями) рублей. За все это, черезъ два дня послѣ подписанія указа (31-го мая) ему данъ былъ рескриптъ, въ которомъ государь говорилъ, сколь много цѣнить и достоинство мысли принца и образъ ея исполненія — мысли, въ ушешной наслѣдственною любовію къ отечеству, тогда какъ предложенный образъ исполненія означаетъ готовность содѣйствовать его пользамъ, не щадя достоянія»¹⁾.

Въ февралѣ 1837 года, послѣ болѣзни, едва не положившей меня въ гробъ и въ продолженіе которой императоръ Николай безпрестанно присылалъ навѣдываться о моемъ здоровьи и наконецъ, поручилъ меня искусству доктора Арндта, бывшаго въ то время его врачомъ, я явился благодарить государя за его милостивое участіе. Принявъ меня съ распростертыми объятіями и съ вопросомъ: «Ну что, оправился немножко, любезный мой Корфъ?» онъ велѣлъ рассказать себѣ весь ходъ моей болѣзни подробно, отъ начала до конца. Когда я коснулся разстроеннаго состоянія моихъ нервовъ, государь съ усмѣшкою возразилъ:

— Полно тебѣ въ наши лѣта такъ бабиться!

¹⁾ Указъ былъ написанъ мною, а рескриптъ Сперанскимъ, и я не безъ нѣкотораго самодовольствія увидѣлъ, что подчеркнутыя здѣсь слова были заимствованы имъ изъ моей редакціи.

Но потомъ опять съ участіемъ соблаговолилъ спрашивать, не болитъ ли у меня грудь, правда ли что пострадала моя память и пр., изъявляя надежду, что «все это поправится, на новую, такую же полезную службу мнѣ, какъ и до сихъ поръ». Далѣе онъ обратилъ рѣчь къ плану заграничнаго путешествія, которое врачи признавали необходимымъ для полнаго моего выздоровленія.

— Куда же ты ѣдешь: на Рейнъ или въ Богемію?

На отвѣтъ мой, что я думаю еще посоветоваться съ Мандтомъ, который, не задолго передъ тѣмъ пріѣхавъ изъ за границы, пользовалъ императрицу Александру Ѳеодоровну, онъ сказалъ:

— И прекрасно сдѣлаешь: Мандтъ очень искусный человѣкъ и тѣмъ больше искусный, что умѣетъ дѣйствовать не только на физику, но и на воображеніе. Съ моею женою онъ сдѣлалъ, просто, чудеса и мы оба отъ него въ восхищеніи. Не вѣрь здѣшнимъ докторамъ, если они его бранятъ: это оттого что онъ въ тысячу разъ умнѣе и ученѣе ихъ. Советуйся съ нимъ однимъ и одному ему довѣрай.

Поговоривъ за тѣмъ о недовѣріи своемъ вообще къ врачамъ и къ медицинѣ и о томъ, что противъ болѣзней хроническихъ, онъ считаетъ самыми вѣрными средствами: воды, климатъ, и развлеченіе, сопряженное съ заграничнымъ путешествіемъ государь вдругъ спросилъ:

— Но кто же заступитъ тебя на такое долгое время (на шесть мѣсяцевъ) по Совету?

— Государь, мнѣ объявлена уже ваша воля по этому предмету. Вамъ угодно было приказать, чтобы мою должность исправлять старшій по мнѣ въ государственной канцеляріи.

— Да, да, чтобы не пускать чужого козла въ огородъ. Но довольно ли надеженъ Боровковъ? Можно ли повѣрить ему такіа важныя обязанности?

— Онъ — человѣкъ надежный и по правиламъ и по знанію дѣла, хотя и не совсѣмъ отличный редакторъ, въ чемъ прошу ваше величество имѣть къ нему милостивое снисхожденіе. Дѣла при немъ, смѣю надѣяться, пойдутъ къ удовольствію вашего величества. Я вообще очень счастливъ товарищами: всѣ они люди благородные, знающіе, пользующіеся довѣріемъ членовъ Совета и публики. Получивъ уже единожды должное направленіе, каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое дѣло.

Тутъ государь удивилъ меня своимъ знакомствомъ съ личнымъ составомъ государственной канцеляріи. Спрашивая порознь о каждомъ изъ высшихъ ея чиновниковъ, онъ называлъ ихъ по фамиліямъ и входилъ въ подробности объ ихъ способностяхъ, свѣдѣніяхъ и надежности. Я отвѣчалъ, отдавая каждому заслуженную справедливость.

— У тебя такой напѣвъ, какой я рѣдко слышу отъ другихъ; каждый

какъ бы похвалить себя, а другихъ по-ниже. Но полно: я знаю, что все это и держится и идетъ тобою и очень боюсь твоего отсутствія, а между тѣмъ еще разъ благодарю за то, что ты такъ поднялъ и облагородилъ, сперва канцелярію комитета министровъ, а теперь государственную канцелярію. Мы съ тобою еще не сосчитались!

Когда, между прочими отзывами насчетъ чиновниковъ, я въ особенности рекомендовалъ Башуцкаго (правившаго тогда должность статсъ-секретаря въ гражданскомъ департаментѣ, послѣ сенатора) за благородство правилъ и высокое безкорыстіе, государь возразилъ:

— Сначала, я никакъ не могъ вразумить себя, чтобы можно было хвалить кого-нибудь за честность и меня всегда взрывало, когда ставили это кому въ заслугу; но послѣ пришлось, по неволѣ, свыкнуться съ этою мыслию. Горько подумать, что у насъ бываетъ еще противное, когда и я и всѣ мы употребляемъ столько усилій, чтобы искоренить это зло!

— Государь, отвѣчалъ я, въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Россія, въ ваше царствованіе, все таки далеко ушла противъ прежняго. Служивъ около десяти лѣтъ при императорѣ Александрѣ, я могу судить по сравненію. Теперь хоть въ высшихъ по крайней мѣрѣ степеняхъ, все чисто какъ ваши намѣренія, и если кто изъ насъ когда грѣшитъ, то по ошибкамъ, а конечно уже не по злой волѣ.

— О васъ и я такъ думаю. Но что еще дѣлается внизу, что въ серединѣ! Тамъ точно надо еще хвалить за безкорыстіе и вмѣнять въ достоинство то, что слѣдовало бы считать только за отсутствіе зла. Но объ этомъ можно бы толковать еще цѣлый часъ, а я и такъ замучилъ тебя, полубольного, этимъ длиннымъ разговоромъ.

Остальная часть бесѣды относилась уже ко мнѣ, къ моей женѣ, къ нашимъ домашнимъ дѣламъ и потому могла бы принадлежать скорѣе къ личной моей біографіи, чѣмъ къ предмету настоящихъ записокъ.

Въ нашей духовной іерархіи въ первой четверти настоящаго столѣтія явилось лицо, чрезвычайно примѣчательное въ разныхъ отношеніяхъ, именно архимандритъ Юрьева Новгородскаго монастыря Фотій. Сынъ простаго дьячка, обязанный всѣмъ самому себѣ, Фотій умѣлъ пріобрѣсти не простую пріязнь, а полную дружбу графа Аракчеева, свергнуть (въ 1824 г.), при помощи митрополита Серафима, генералъ-адъютанта Федора Петровича Уварова и того же Аракчеева, — князя Александра Николаевича Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; внушить слѣпое, рабское къ себѣ повиновеніе графини Орловой, дочери знаменитаго героя Чесменскаго; наконецъ

возвести на высшую степень благолѣпія и богатства древнюю Юрьевскую обитель, столь славную въ нашихъ лѣтописяхъ, но пришедшую, отъ разныхъ причинъ, въ запустѣніе и совершенную нищету. Жизнь его была всегда жизнью истиннаго отшельника, преисполненною всѣхъ возможныхъ лишеній для самого себя и щедрыхъ даваній бѣднымъ новгородскимъ монастырямъ и церквамъ, равно какъ множеству частныхъ лицъ. Несмотря однако же на все это, онъ былъ почти ненавидимъ въ обществѣ, которое называло его иезуитомъ, Тартюфомъ, волкомъ въ овечьей шкурѣ и пр. Этому нерасположенію способствовали, конечно, съ одной стороны, общая ненависть къ другу его Аракчееву, а съ другой—и то несоотвѣтственное иноческому званію дерзкое высокомеріе, которое Фотій ко всѣмъ оказывалъ, встрѣчая каждаго, безъ различія пола, лѣтъ и званія, хотя бы то былъ и высшій сановникъ, грубымъ «ты». Императоръ Николай, вѣроятно по нерасположенію къ Аракчееву, можетъ быть отчасти и по наговорамъ приближенныхъ лицъ, никогда не благоволилъ къ юрьевскому архимандриту. Въ 1835 году, когда государь впервые посѣтилъ его монастырь, Фотій лично самъ еще болѣе усилилъ это нерасположеніе. Онъ вышелъ на встрѣчу государя безъ облаченія и протянулъ неспрошено руку свою для цѣлованія. Государь обернулся къ провожавшему его графу Бенкендорфу и сказалъ по-французски:

— Vous conviendrez que je sais me maîtriser, — потомъ поцѣловалъ протянутую ему руку и пошелъ осматривать монастырь.

Но на другой день велѣно было вытребовать Фотія въ Петербургъ и здѣсь наставить его, какимъ образомъ должно встрѣчать императора. Его въ то время продержали и промучили въ Александро-Невской лаврѣ три недѣли и сказываютъ, что кромѣ смертельной раны, нанесенной его самолюбію, этотъ урокъ и разрѣшеніе возвратиться въ свою обитель, стоили ему до 30.000 рублей ассигнаціями.

Несмотря на то, въ февралѣ 1838 г., узнавъ о тяжелой болѣзни Фотія, государь явилъ заносчивому архимандриту особенный знакъ вниманія, тотчасъ отправивъ къ нему изъ Петербурга лейбъ-медика Маркуса, на рукахъ котораго онъ и умеръ.

Въ февралѣ 1838 года, скоростижно, послѣ бала въ Аничкиномъ дворцѣ, умеръ петербургскій комендантъ, нѣкогда командиръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка Мартыновъ, человекъ безъ образованія, безъ высокаго ума, но правдивый, честный и добрый. Государь очень былъ огорченъ смертью этого преданнаго и вѣрнаго слуги.

— Мы были съ нимъ знакомы тридцать лѣтъ, — сказалъ онъ, — и я у него бралъ первые уроки военной службы.

На мѣсто умершаго Мартынова назначенъ былъ петербургскимъ комендантомъ генералъ Захаржевскій, человекъ до безобразности туч-

ный. На замѣчаніе, что такой толстякъ едва ли пригоденъ для должности, требующей безпрестанной дѣятельности, даже и физической, государь отвѣчалъ:

— Напротивъ, отъ такого неповоротливаго меньше будетъ дразгъ чѣмъ отъ другого проворнаго, который сталъ бы бѣгать ко мнѣ за всякою бездѣлицею, вмѣсто того, чтобы самому расправляться. Мнѣ не нужно знать всѣхъ мелочныхъ шалостей молодыхъ офицеровъ и не мое, а коменданта дѣло d'y mettre le holà.

Царствованіе императора Николая было богато безчисленными чертами, то гениальными и потрясавшими душу какъ электрическая искра, то трогательными и умилительными, но всегда проявлявшими высокую, свѣтлую, поэтическую его душу. И тѣломъ и духомъ онъ былъ рожденъ повѣдывать, но кромѣ того и быть любимымъ и едва ли, не говоря уже о монархахъ, была когда-либо и обворожительная женщина, которая имѣла бы такое множество фанатическихъ, изступленныхъ обожателей. Но зато какъ и умѣлъ онъ владѣть умами и сердцаами!

Въ февралѣ 1838 г. государь посѣтилъ, какъ дѣлывалъ часто и прежде и послѣ, Пажескій корпусъ, гдѣ, подобно прочимъ военно-учебнымъ заведеніямъ, выставляются всегда, на одной доскѣ, имена воспитанниковъ, отличившихся добрымъ поведеніемъ, а на другой имена впавшихъ въ какую-нибудь погрѣшность. Подозвавъ прежде отличившихся пажей, онъ хвалилъ и благодарилъ ихъ и заключилъ словами: «Будьте увѣрены, что я и впередъ вашихъ именъ не забуду». — Потомъ дошла очередь до провинившихся. Пожуривъ ихъ отечески, онъ вдругъ беретъ губку и стираетъ имена ихъ съ черной доски.

— На этотъ разъ, — говоритъ онъ, — я отношу ваши шалости къ легкомыслію и, въ надеждѣ, что впередъ будете лучше, всю вину вашу беру на себя; но помните же, что ужъ теперь я за васъ отвѣчаю и не выдайте меня.

Слова и анекдоты въ подобномъ родѣ повторялись въ продолженіе тридцатилѣтняго царствованія ежедневно.

8-го апрѣля, въ 6 часовъ послѣ обѣда, мнѣ, по званію моему государственнаго секретаря, дали знать о кончинѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта графа Новосильцева, которую, при тяжелой его болѣзни, мы уже нѣсколько дней ожидали. Я тотчасъ поскакалъ къ нему въ домъ, гдѣ, пригласивъ ближайшаго изъ родныхъ и наслѣдника его сенатора Огарева, запечаталъ вмѣстѣ съ нимъ двери кабинета покойнаго, а оттуда поѣхалъ съ донесеніемъ о моихъ распоряженіяхъ къ государю, который въ то время, по случаю возобновленія сгорѣвшаго Зимняго дворца, жилъ въ Аничкиномъ дворцѣ. Почти у воротъ послѣдняго нагналъ

меня фельдъегерь съ запискою, собственноручно написанною государемъ: «Статсъ-секретарю барону Корфу». Вскрываю и нахожу, что я предварилъ высочайшую волю. «По случаю кончины Николая Николаевича Новосильцева, — писалъ государь, — нужнымъ считаю приказывать вамъ ¹⁾ немедленно опечатать бумаги, у него хранившіяся, что вы учините сейчасъ, вмѣстѣ съ тѣми изъ родныхъ, которые при немъ; по исполненіи мнѣ донести. Н.» 8-го апрѣля 1838 года.

По докладѣ государю о моемъ пріѣздѣ онъ принялъ меня въ ту же минуту и сказалъ:

— Я счелъ нужнымъ запечатать бумаги покойнаго графа, не потому что между ними могутъ быть дѣла Совѣта или комитета министровъ, а болѣе потому, что тутъ должна находиться переписка его съ братьями Александромъ и Константиномъ, которыхъ довѣренностію онъ долго пользовался и, можетъ статься, другія еще бумаги въ такомъ же родѣ. Разбѣри все это хорошенько и потомъ представь мнѣ подробныя описи по категоріямъ, а я назначу куда что передать.

Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ словъ о послѣднихъ минутахъ графа, о находившихся при немъ родственникахъ и пр., я спросилъ, не будетъ ли какихъ приказаній относительно погребенія, въ тайной надеждѣ, что можетъ быть это поведетъ къ вопросу о положеніи, въ какомъ остались дѣла покойнаго и родственниковъ его (у нихъ почти ничего не было), а вслѣдствіе того будетъ приказано похоронить его на казенный счетъ. Но государь отвѣчалъ равнодушно и почти холодно:

— Ну, что-жъ, братецъ, вѣдь намъ въ это не мѣшаться; пусть родные дѣлаютъ какъ хотятъ; впрочемъ, разумѣется, что по наружному церемоніалу должно быть соблюдено все приличіе, и по нарядамъ и пр. ты сдѣлаешь какъ было при похоронахъ прежняго предсѣдателя Совѣта князя Лопухина, потому что князь Кочубей умеръ въ Москвѣ и слѣдовательно не можетъ тутъ служить примѣромъ ²⁾.

Вообще я предполагалъ найти болѣе сочувствія, или по крайней мѣрѣ вида сочувствія, къ смерти графа, хотя и зная, что прямого, искреннаго расположенія къ нему не было, а особеннаго уваженія, при гласности въ дѣломъ Петербургѣ довольно безнравственной частной жизни покойнаго, также быть не могло ³⁾. Но всего замѣчательнѣе было за-

¹⁾ Говоря всѣмъ, не только приближеннымъ, но и вообще извѣстнымъ ему „ты“, императоръ Николай на бумагахъ никогда не называлъ никого иначе, какъ „вы“.

²⁾ Государь потомъ лично присутствовалъ при погребеніи Новосильцева въ Невскомъ монастырѣ.

³⁾ Новосильцевъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта, послѣ смерти князя Кочубей, лѣтомъ 1834 года и первая мысль о семъ назначеніи его была подана государю великимъ княземъ Микханломъ Павло-

ключеніе этой бесѣды, при которомъ государь выразилъ откровенное свое мнѣніе насчетъ окружавшихъ его въ ту эпоху людей.

— Болѣе всего, — сказалъ онъ, — озабочиваетъ меня теперь вопросъ о преемникѣ графу. Есть человѣкъ, душевно преданный мнѣ и Россіи, высокихъ чувствъ, всѣми любимый и уважаемый, но отъ котораго по слабости здоровья, почти совѣстно потребовать такой жертвы, да едва ли и самъ онъ согласится, — это графъ (послѣ князь) Илларионъ Васильевичъ (Васильчиковъ); бѣда еще и въ томъ, что онъ глухъ, смертельно глухъ! Всѣхъ способнѣе къ этой должности былъ бы, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ Михайло Михайловичъ (Сперанскій); но боюсь, что къ нему не имѣли бы полной довѣренности: онъ мой редакторъ ¹⁾ и потому его стали бы подозрѣвать въ пристрастіи ко мнѣ. Графъ Литта тоже человѣкъ съ высокими достоинствами, которымъ я отдаю полную и душевную справедливость, но у него не русское имя и притомъ онъ католикъ. Князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ) не годится ни по способностямъ, ни по лѣтамъ. Оставался бы еще графъ Петръ Александровичъ (Толстой); но этотъ тяжелъ, лѣнивъ и тоже не годится. Вообще надо еще хорошенько подумать, а вѣдь между тѣмъ дѣла не остановятся у васъ и въ теперешнемъ промежуточномъ порядкѣ.

Когда государь кончилъ свою рѣчь, я осмѣлился замѣтить, что обязанности предсѣдателя становятся съ каждымъ днемъ обременительнѣе, по множеству и безпрестанно увеличивающейся важности вновь поступающихъ дѣлъ.

— О, подожди только до будущей зимы — возразилъ государь — тогда мы внесемъ къ вамъ работы самыя важныя: поясненія и дополненія къ Своду, которыя надо будетъ разсматривать съ особенною внимательностію, можетъ быть даже въ экстренныхъ засѣданіяхъ.

Въ тотъ же день, вслѣдъ за моею аудіенціею былъ вечеръ у вдовы предшественника Новосильцова, княгини Кочубей, на которомъ присутствовала и вся царская фамилія. Увидя тутъ Васильчикова, государь отвелъ его въ сторону и, послѣ многихъ убѣжденій, согласилъ принять упразднившуюся должность Новосильцова ²⁾. Такимъ образомъ, по особенному стеченію обстоятельствъ, въ самый день смерти предсѣ-

вичемъ, какъ я самъ отъ него неоднократно слышалъ. Новосильцевъ, долго состоявъ при цесаревичѣ Константиинѣ Павловичѣ, пользовался полною его довѣренностію, а извѣстно, что мнѣніе и взглядъ цесаревича были всегда закономъ для младшаго изъ его братьевъ.

¹⁾ Сперанскій управлялъ въ то время II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, въ которомъ не задолго передъ тѣмъ окончено было, подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ государя, безсмертное созданіе «Свода» и изготовлялись разныя законодательные проекты.

²⁾ Указъ о семъ былъ подписанъ на другой день, 9-го апрѣля.

дателя Государственнаго Совѣта былъ у вдовы его предшественника вечеръ, на которомъ назначенъ ему преемникъ.

— Я принялъ это званіе — говорилъ мнѣ потомъ графъ Васильчиковъ — съ тяжкимъ сознаніемъ своей малоспособности, съ увѣренностію даже, что оно разрушить послѣдніе остатки слабаго моего здоровья; но принялъ и счелъ противнымъ долгу совѣсти отказаться отъ него собственно въ виду тѣхъ ничтожностей, которыя находилъ вокругъ себя въ числѣ кандидатовъ.

Изъ этого заключаю, что въ разговорѣ съ нимъ государь не называлъ, какъ мнѣ, Сперанскаго, потому что Васильчиковъ принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ почитателей его ума и государственныхъ достоинствъ.

Разборъ бумагъ графа Новосильцова былъ оконченъ мною въ нѣсколько недѣль, но по своимъ результатамъ не оправдалъ предвидѣній государя. Переписка съ императоромъ Александромъ I и съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ и всѣ важнѣйшія изъ другихъ бумагъ, которыя могли бы представить особенный интересъ, были расхищены въ Варшавѣ, во время мятежа 1830 года. Затѣмъ между оставшимися послѣ его смерти (бумагами) найдено было очень мало: большею частію безпорядочные отрывки, копія, незначущія подлинныя дѣла. Въ представленной мною подробной описи государь сдѣлалъ отмѣтки противъ каждой статьи: иное велѣно было сжечь, другое разослать, по роду дѣлъ, въ министерства, и только три вещи представить ему самому: 1) разные отрывочные матеріалы, по-русски и по-французски, для «конституціонной хартіи Россіи» плодъ одного изъ филантропическихкихъ мечтаній императора Александра въ первой половинѣ его царствованія, 2) собственноручную записку покойнаго графа съ разборъ статьи: «L'Empereur Nicolas», появившейся не задолго передъ тѣмъ въ «Revue de Paris», статьи, которая въ то время у насъ почти всѣхъ восхищала, но въ которой Новосильцовъ видѣлъ не иное что какъ самый ѣдкій пасквиль, прикрытый личиною похвалы и просто-сердечія, 3) копію съ польскаго письма, которымъ великій князь Константинъ Павловичъ въ 1824 году спрашивалъ кого то въ Берлинѣ о здоровьи своего брата — но котораго? по содержанію письма не было видно.

Я имѣлъ счастье сдѣлаться лично извѣстнымъ императору Николаю по законодательнымъ работамъ во II отдѣленіи собственной Его канцеляріи, на которыя онъ обращалъ въ первое время такое заботливое вниманіе, что ему подавались еженедѣльно подробныя вѣдомости о занятіяхъ каждаго изъ чиновниковъ отдѣленія поименно. Бывъ пожалованъ за сіи работы, въ одинъ и тотъ же день, въ коллежскіе

совѣтники, въ званіе камергера и значительнымъ денежнымъ награжденіемъ, я впервые представлялся его величеству на Елагиномъ острову, въ іюль 1827 года, и могу сказать, что съ самой этой минуты, при каждомъ свиданіи, при каждомъ случаѣ къ награждѣ, государь не переставалъ осыпать меня милостями и ласками, а позже счастливить меня и частыми знаками высокаго, особаго довѣрія. Въ длинный рядъ слѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ его царствованія, состоявъ съ 1831 года управляющимъ дѣлами Комитета министровъ и съ 1834 года государственнымъ секретаремъ, слѣдственно въ должностяхъ самыхъ приближенныхъ къ особѣ монарха, я только одинъ разъ имѣлъ несчастіе подпасть его гнѣву, и вотъ по какому случаю:

Въ первыхъ дняхъ мая 1838 года государь предполагалъ отправиться за границу, а между тѣмъ 22-го апрѣля окончено было въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣніе огромнаго проекта учрежденій мѣстныхъ управленій государственныхъ имуществъ, внесеннаго министромъ (тогда еще не графомъ) Киселевымъ. Какъ при поступленіи этого дѣла, а именно 25-го марта, председатель графъ Новосильцовъ объявилъ мнѣ высочайшую волю о разсмотрѣніи его въ Совѣтѣ сколь можно поспѣшнѣе, то оно и было окончено, при всей его обширности, менѣе, нежели въ мѣсяцъ, и всѣ эти обстоятельства, представляя 26-го апрѣля государю проектъ, я изложилъ въ приложенной отъ меня докладной запискѣ. Но вмѣсто ожиданнаго изъясненія удовольствія за такую быстроту, на другой день возвратилась отъ государя одна моя докладная записка, съ слѣдующею собственноручною его надписью: «вы забыли, кажется, что я привыкъ читать, а не просматривать присылаемыя бумаги, и для того приказалъ, чтобъ всѣ вѣдомства прислали мнѣ всѣ важныя бумаги не позже 15-го апрѣля, дабы успѣть прочесть; вамъ слѣдовало тоже исполнить, ежели же сего невозможно было, то испросить повелѣніе, что дѣлать съ симъ положеніемъ, когда оно будетъ готово: ибо мнѣ нѣтъ никакой возможности его читать, за близкимъ отъѣздомъ».

Упрекъ обожаемаго государя поразилъ меня тѣмъ болѣе, что я въ глазахъ его являлся тутъ какъ бы неисполнившимъ его волю и за тѣмъ, хотя съ увѣренностію въ своей безвинности, но съ стѣсненнымъ сердцемъ, я тотчасъ отвѣчалъ слѣдующею запискою.

«Вслѣдствіе сей часъ полученнаго мною высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести:

1) Высочайшая воля, чтобы всѣ важныя бумаги поднесены были вашему величеству не позже 15-го апрѣля, никѣмъ мнѣ объявлена не была и я узналъ о ней впервые изъ послѣдовавшей сегодня на всеподданнѣйшей моей запискѣ высочайшей резолюціи.

2) Генераль Киселевъ въ подносимомъ у сего письмѣ отъ 25-го апрѣля ¹⁾ увѣдомилъ меня, напротивъ, что ваше величество ожидать изволите представленія его проекта, для сколь можно скорого прочтенія до отъѣзда. Посему, поднеся тотъ проектъ тотчасъ на другой день, я думалъ въ точности исполнить священную волю вашего величества».

И что же? Тотъ самый Николай, котораго невѣжественные иностранцы и злонамѣренные крикуны старались всегда изображать такимъ непогрѣшимымъ и неподвижнымъ въ изъявленіяхъ своей воли, возвратилъ мнѣ эту объяснительную записку въ ту же минуту, съ слѣдующею новою надписью:

«Ежели такъ, то вы не виноваты, ибо приказаніе до васъ не дошло, видно, по ошибкѣ. Положеніе сіе, по огромности, требуетъ много времени для прочтенія и я никакъ не надѣюсь прочесть до отъѣзда, ибо и безъ того дѣлъ много, и возьму съ собой и пришло когда будетъ можно». При этомъ еще замѣчу одинъ знакъ нѣжной внимательности государя: записки мои съ его надписями, и первая и вторая, были посланы мнѣ не черезъ I-е отдѣленіе Собственной канцеляріи, какъ въ дѣлахъ Совѣта всегда и безъ изъятія дѣлалось, а прямо въ собственныя руки, съ его фельдъегеремъ. Государь явно изъяснилъ этимъ волю свою оставить дѣло, такъ сказать, домашнимъ и тайною между нами двумя. Подобныя черты драгоцѣнны для историка!

За всѣмъ тѣмъ это дѣло, начавшееся такъ для меня худо, хотя и безъ моей вины, должно было окончиться еще хуже, и на этотъ разъ, къ несчастію, уже прямо по моей винѣ.

Упомянутый выше проектъ, или, лучше сказать, цѣлое собраніе проектовъ, содержалъ въ себѣ около 800 листовъ, и не видя, при страшной поспѣшности, никакого средства переписать ихъ, по сдѣланному со стороны Совѣта поправкамъ и перемѣнамъ, въ маленькой государственной канцеляріи, я просилъ Киселева возложить это на многочисленныхъ его чиновниковъ, но съ тѣмъ, чтобы они приняли уже на себя и всю отвѣтственность за вѣрность переписки: ибо даже перечитать и провѣрить всѣ эти огромные фоліанты мнѣ, среди множества другихъ, тоже спѣшныхъ занятій, не было никакой возможности. Киселевъ обѣщалъ исполнить это со всею точностію, а правителю его канцеляріи, при отдачѣ ему бумагъ, я повторилъ еще разъ, что вѣрность переписки обратится на личную и непосредственную его отвѣтственность. Такимъ образомъ, будучи успокоенъ въ этомъ отношеніи и получивъ переписанные проекты обратно лишь за два дня до поднесенія ихъ государю, когда нельзя уже было и помышлять о какойнибудь повѣркѣ съ моей стороны, я отправилъ

¹⁾ Слѣдственно наканунѣ отсылки мною проекта къ государю.

ихъ не читавши. Но государь, еще до своего отъѣзда, успѣлъ прочесть все и высылалъ мнѣ тетради постепенно, съ собственноручными поправками замѣченныхъ описокъ, которыхъ было не мало; наконецъ 1-мая, наканунѣ выѣзда изъ Петербурга, онъ возвратилъ мнѣ и послѣднюю тетрадь, съ надписью: «Много описокъ; кто повѣрялъ столь небрежно, посадить на сутки на гауптвахту».

Что было мнѣ дѣлать по этой резолюціи, мнѣ, который, въ званіи государственнаго секретаря, отвѣтственнаго за все, что происходитъ и дѣлается въ канцеляріи Совѣта, хотя бы и другими, чувствовалъ и сознавалъ вполнѣ свою вину въ этомъ случаѣ? Я поѣхалъ къ графу Васильчикову, только за три недѣли передъ тѣмъ, по смерти Новосильцова, назначенному предсѣдателемъ Совѣта; объяснилъ ему весь ходъ дѣла и просилъ довести до свѣдѣнія государя, что въ государственной канцеляріи нѣтъ и не можетъ быть никого виноватаго кромѣ одного меня; почему я и ожидаю дальнѣйшихъ повелѣній его величества на мой счетъ. Графъ въ ту же минуту самъ отправился къ государю и вотъ что потомъ мнѣ передалъ:

Государь крайне разгнѣванъ. Онъ не хотѣлъ принять никакихъ оправданій спѣшностію дѣла и множествомъ другихъ проектовъ, также важныхъ, которые были поднесены ему на этой же недѣлѣ и гдѣ не нашлось ни одной описки.

— Если Корфъ—сказалъ онъ—не успѣлъ приготовить и прочесть бумагъ какъ слѣдовало, то долженъ былъ мнѣ донести, и я далъ бы ему отсрочку, а въ такомъ видѣ бумагъ мнѣ не представляютъ. Я люблю Корфа безъ души и самъ его вывелъ, съ нимъ никогда этого не случилось, а видно онъ теперь подумалъ, что, за скорымъ отъѣздомъ, я только прогляжу бумаги и не стану ихъ читать. Я доказалъ ему противное. Но именно потому, что этого никогда съ нимъ не случилось, надо принять мѣры, чтобъ это было и въ первый и въ послѣдній разъ.

— Je vous assure—продолжалъ Васильчиковъ—que j'ai dû fortement batailler pour votre défense et que ce n'est qu'après bien des objections de ma part qu'il a voulu s'arrêter à une mesure plus douce. Онъ приказалъ мнѣ сдѣлать вамъ завтра (это было въ воскресенье, а день общаго собранія Совѣта—въ понедѣльникъ) замѣчаніе въ присутствіи Государственнаго Совѣта, но велѣлъ выѣсть пожурить и Киселева.

Все это было высказано почтеннымъ старцемъ почти со слезами и онъ истинно тронулъ меня своимъ участіемъ.

— Что для меня всего тутъ больнѣе—отвѣчалъ я—это то, что такой случай, первый со мною въ восьмой годъ, что я состою при государѣ, долженъ былъ встрѣтиться именно на первыхъ порахъ моего съ вами сослуженія и я такъ худо вамъ рекомендую. Впрочемъ и

несчастіе имѣеть свою хорошую сторону, это мнѣ урокъ на цѣлую жизнь: не полагаться никогда на другихъ, а чужою опытностію умѣнь не будешь: надо все испытать самому!

Въ это время явился приглашенный графомъ (Васильчиковымъ) Киселевъ. Побывъ съ нимъ нѣсколько минутъ наединѣ, графъ позвалъ меня опять въ кабинетъ. Тутъ я нашелъ Киселева обратившимся всего въ сочувствіе. Блѣдный какъ полотно, онъ почти плакалъ о наведенной на меня непріятности; говорилъ, что если я могу казаться виноватымъ передъ государемъ, то передо мною истинно виноватъ одинъ онъ, Киселевъ; проклиналъ свою канцелярію, прибавляя, что если бы меня послали на гауптвахту, то онъ самъ отдалъ бы свою шпагу и пришелъ бы сидѣть со мною; превозносилъ какое то мнимое мое благородство въ томъ, что я принялъ всю вину на себя, тогда какъ такъ легко могъ сложить ее на другихъ; увѣрялъ, что если только увидить еще государя передъ его отъѣздомъ, то совершенно меня очистить и пр. Всѣ мы трое были крайне смущены и взволнованы.

Въ понедѣльникъ я явился въ Совѣтъ совѣтъ уже приготовленный къ предстоящей мнѣ непріятной сценѣ и, вмѣстѣ, къ отвѣту, когда сдѣлано мнѣ будетъ замѣчаніе: «что вижу въ немъ одно особенное монаршее снисхожденіе къ непростительной моей винѣ». Но пріѣхавшій въ слѣдъ за мною графъ Васильчиковъ, отозвавъ меня въ другую комнату, объявилъ наединѣ, «что беретъ на свою отвѣтственность не дѣлать мнѣ указаннаго замѣчанія, ибо не видитъ моей вины; что Киселевъ поступилъ благородно и вчера же въ письмѣ къ государю принялъ всю вину на себя; что вслѣдъ за этимъ и онъ, Васильчиковъ, собирается сей часъ послать къ государю (который, простясь со всѣми передъ отъѣздомъ, былъ уже въ Царскомъ Селѣ) нарочнаго съ донесеніемъ, что если виноватъ я, то виноватъ и онъ, подписавшій проекты безъ прочтенія ихъ; наконецъ, что онъ не сомнѣвается въ снисхожденіи государя ко всѣмъ этимъ совокупнымъ объясненіямъ». Такъ и сдѣлалось и я счастливо миновалъ перваго наказанія, которое должно было постигнуть меня послѣ двадцати одного года службы.

Записка къ государю Киселева, который имѣлъ любезность сообщить мнѣ съ нея копію, написана была очень правдиво, но вмѣстѣ и довольно искусно. Изяснивъ ходъ составленія и потомъ переписки проектовъ въ министерствѣ, онъ прибавлялъ, что, по данному ему отъ его чиновниковъ завѣренію о исправности корректуры, онъ объявилъ тоже самое и мнѣ, прося не задерживать болѣе сихъ проектовъ, дабы государь, до отбытія въ дальній путь, удостовѣрился въ окончаніи дѣла, высочайшею довѣренностію на него, Киселева, возложеннаго, что, при обращеніи вниманія на редакцію передѣланныхъ по указаніямъ Совѣта статей, описки ускользнули отъ корректоровъ, на которыхъ окончательно возло-

жено было это дѣло, и что я, основываясь на его завѣреніи, представилъ государю проекты, совѣтомъ уже одобренные, но въ которые, къ прискорбію, вкрались погрѣшности въ перепискѣ, единственно до его министерства относящіяся. Всю бумагу эту, довольно пространную, Киселевъ заключалъ такъ: «какъ министерство сіе высочайше ввѣрено моему вѣдѣнію, то, не изъея себя отъ отвѣтственности за упущенія по оному и сдѣлавъ надлежащее съ кого слѣдуетъ взысканіе, я повергаю сіе всеподданнѣйшее мое объясненіе на всеилостивѣйшее воззрѣніе, осмѣливаясь надѣяться, что ваше величество, во вниманіи къ сему откровенному объясненію, не поставитъ въ вину барона Корфа упущенія, происшедшаго по довѣрію его къ моему завѣренію».

Записки графа Васильчикова я не видалъ; но на другой день онъ объявилъ мнѣ, что государь отмѣнилъ повелѣніе о сдѣжаніи мнѣ замѣчанія и что такимъ образомъ все это останется между нами одними. И дѣйствительно, въ городѣ никто о томъ не узналъ.

Престарѣлый графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ, переставъ уже нѣсколько лѣтъ, за дряхлостію и болѣзнями, участвовать въ собраніяхъ Государственнаго Совѣта, въ 1838 году сталъ наконецъ просить объ увольненіи его отъ званія предсѣдателя гражданскаго департамента. Онъ состоялъ въ службѣ съ 1766 года, полнымъ адмираломъ съ 1797 года, членомъ Совѣта съ 1801 года и въ этотъ промежутокъ времени занималъ еще нѣсколько лѣтъ постъ морского министра. Не входя въ разсмотрѣніе, всегда ли онъ дѣйствовалъ правильно, безпристрастно и даже благоразумно, нельзя, однако же, было не отдать справедливости многимъ, отличавшимъ его высокимъ качествамъ, главное же не имѣть въ виду, что ему было 87-й годъ и что изъ нихъ 72 протекало на службѣ. Владѣя увлекательнымъ перомъ, онъ писалъ очень много въ своей жизни, особенно мнѣній по дѣламъ Совѣта, большею частью въ либеральномъ направленіи и въ оппозиціонномъ духѣ противъ министровъ, послѣ чего самъ распространялъ эти мнѣнія въ публикѣ и успѣлъ приобрести черезъ нихъ чрезвычайную популярность, какъ никто другой въ Россіи. Но правительство съ своей точки зрѣнія всегда смотрѣло на Мордвинова, можетъ быть и не безъ основанія, какъ на опаснаго болтуна и если иногда его и отличало, то единственно изъ уваженія къ его сану и, можно сказать, безконечной службѣ. Вообще, не говоря о массѣ, въ высшемъ нашемъ административномъ слоѣ мнѣнія о немъ были очень раздѣлены. Тогда какъ одни видѣли въ старомъ адмиралѣ чловѣка вышшаго ума и просвѣщенія, дѣйствовавшаго, если иногда и ошибочно, то по крайней мѣрѣ всегда добросовѣстно и съ желаніемъ общаго блага, съ истинною любовію къ Россіи, другіе, не признавая въ немъ никакихъ государственныхъ достоинствъ, считали его за тщеславнаго крикуна, дорожившаго лишь собственными интересами,

и возбуждали даже подозрѣнія относительно его безкорыстія за время, когда онъ управлялъ морскимъ министерствомъ. Какъ бы то ни было, государь тотчасъ согласился на его просьбу объ увольненіи; но согласился, вмѣстѣ, и на представленіе Васильчикова, чтобы угасающему сановнику дать, при этомъ случаѣ, для утѣхи и оживленія его, милостивый рескриптъ. Написать его было поручено мнѣ. Имѣя въ виду богатую фактами служебную дѣятельность графа, а равно высокое мнѣніе о немъ огромнаго большинства публики, я думалъ, что тутъ нужно нѣчто необыкновенное, нѣсколько разительное,—такой актъ, въ которомъ Мордвиновъ являлся бы болѣе лицомъ идеальнымъ, выражающимъ собою образъ почти столѣтняго слуги царя и отечества и поставленнымъ внѣ разнообразныхъ о немъ сужденій. Въ этомъ смыслѣ я почти съ плеча написалъ слѣдующій проектъ: «Графъ Николай Семеновичъ! Съ истиннымъ прискорбіемъ узналъ я о желаніи вашемъ сложить съ себя должность предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта,—должность, столь давно вами носимую и въ которой вы явили столько новыхъ доказательствъ вашего высокаго усердія къ престолу и отечеству и вашей нелицепріятной правоты. Но желая и съ моей стороны, при преклонныхъ лѣтахъ вашихъ, доставить вамъ успокоеніе послѣ многолѣтняго служебнаго поприща, всегдашнимъ неизмѣннымъ моимъ и моихъ предшественниковъ довѣріемъ ознаменованнаго, я не могъ не удовлетворить вашей просьбѣ. Вы сохраняете званія члена Государственнаго Совѣта, съ самаго учрежденія его на васъ возложенное, члена комитета финансовъ и наконецъ особаго комитета объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи, по мысли вашей воспріявшаго свое начало. Мнѣ же остается желать, да продлитъ благое Провидѣніе маститую и прекрасную старость вашу, на пользу и честь нашей любезной Россіи, привыкшей болѣе сѣмидесяти лѣтъ считать васъ среди самыхъ ревностныхъ и доблестныхъ сыновъ своихъ».

Васильчиковъ былъ чрезвычайно доволенъ этимъ проектомъ, который и отправилъ тотчасъ къ государю. Но государь продержалъ его у себя до личнаго свиданія съ графомъ.

— Я не могу одобрить этого проекта—сказалъ онъ тогда:—и поведеніе и служба Мордвинова были всегда двусмысленны, а послѣ такихъ великолѣпныхъ фразъ, что же осталось бы мнѣ сказать, въ подобномъ случаѣ, какому нибудь знаменитому фельдмаршалу? Я велѣлъ рескриптъ передѣлать.

И точно, рескриптъ былъ пересочиненъ, вѣроятно въ I-мъ отдѣленіи Собственной канцеляріи, и вышелъ самымъ обыкновеннымъ.

Императоръ Николай чрезвычайно любилъ море и морскія путешествія, хотя они почти никогда не сходили для него благополучно. Такъ, въ турецкую кампанію 1828 года, на переѣздъ его изъ Варны въ Одессу, отъ жестокой бури корабль «Императрица Марія» едва не погибъ со всѣми бывшими на немъ. Другой разъ, въ 1838 году, при возвращеніи изъ за-границы съ императрицею и великими князьями, на везшемъ ихъ изъ Штетина пароходѣ «Геркулесъ» сломалось колесо, и они должны были пристать къ Ревелю, откуда прибыли въ Петербургъ уже сухимъ путемъ. Такихъ случаевъ бывало съ государемъ множество и не даромъ онъ говаривалъ *«qu'il était amoureux de la mer, mais qu'elle ne lui payait de retour»*.

Упомянутое возвращеніе изъ Ревеля совершилось довольно оригинальнымъ образомъ. На пароходѣ находилось только три царскихъ экипажа: двѣ кареты и коляска. Одну карету государь назначилъ подъ императрицу, другую подъ великихъ князей, а коляску предоставилъ камеръ-юнкерамъ. Въ чемъ же ѣхать самому? Рѣшено—на перекладныхъ. Но государь непременно требуетъ, чтобы съ нимъ ѣхалъ такимъ же образомъ и графъ Орловъ. Въ 7-мъ часу вечера—это было въ послѣднихъ дняхъ сентября—подъѣхала къ Екатерининтальскому дворцу телѣжка, въ которую они усѣлись вдвоемъ. Если вспомнить колоссальность этихъ двухъ лицъ, не широкія эстляндскія почтовые телѣжки и бугроватую каменистую станцію отъ Ревеля до Йегелехта, то легко представить себѣ всю прелесть ихъ поѣздки. Рисковавъ нѣсколько разъ выпасть, они должны были, наконецъ, сидѣть рука объ руку и въ Йегелехтѣ порѣшили взять каждому по особой телѣжкѣ. Такъ они ѣхали всю ночь—мрачную, холодную сентябрьскую ночь, вдоль берега моря или вблизи отъ него, въ повозкахъ, которыя ничѣмъ не защищали ихъ отъ пронзительнаго вѣтра! Только къ разсвѣту, въ Йеве, на соединеніи большого заграничнаго тракта съ Ревельскимъ, въ 172-хъ верстахъ отъ Ревеля, они пересѣли въ коляску Орлова, возвращавшуюся изъ Берлина и остановленную тутъ передовымъ фельдъегеремъ государя.

26-го октября государь поднялся на дѣса новостроющагося Исаакиевскаго собора, для личнаго обзрѣнія работъ, и остался всѣмъ вполне доволенъ. Онъ долго любовался открывавшимися съ этой высоты видами на цѣлый Петербургъ и сожалѣлъ только объ одномъ, именно, что памятникъ Петра Великаго стоитъ нѣсколько въ сторонѣ отъ церкви, чѣмъ нарушается симметрія.

— *Malgré cela*—сказалъ онъ окружающимъ его членамъ комиссіи о построеніи собора—*jamais je n'oserai toucher à ce monument sacré et je me flatte que tout de même aucun de mes successeurs n'y mettra la main. Il m'est arrivé ces jours ci un jeune homme, un tout jeune homme de*

21 ans¹⁾, auquel, en lui montrant la ville, j'ai fait observer cette irrégularité. J'espère pourtant, me répondit-il, que jamais personne ne s'avisera de faire reculer Pierre le Grand. A ce mot seul déjà je me suis convaincu que le jeune homme était digne d'entrer dans ma famille.

По случаю обрученія герцога Лейхтенбергскаго съ великою княжною Марією Николаевною появилась въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ этомъ союзѣ, въ которой доказывалось, что онъ основанъ не на политическихъ соображеніяхъ и не на видахъ увеличенія и усиленія Россіи, въ чемъ она, при могуществѣ своемъ, не нуждается, а единственно на обоюдныхъ чувствахъ и на произвольномъ сердечномъ выборѣ. Статья, разумѣется, поднесена была на предварительный просмотръ государя и въ одномъ мѣстѣ, гдѣ сказано было: «нашъ великій и добрый государь», онъ вымаралъ оба эпитета.

Въ ночь съ 9-го на 10-е ноября государь уѣхалъ съ нареченнымъ своимъ зятемъ герцогомъ Лейхтенбергскимъ въ Москву. Оттуда они воротились 18-го числа, совершивъ путь частью въ саняхъ, частью на колесахъ. Государь пріѣхалъ въ 1-мъ часу по полудни, въ тотъ же день передъ обѣдомъ катался въ саняхъ съ великою княжною Марією Николаевною, а вечеромъ былъ въ театрѣ, хотя двѣ ночи провелъ въ дорогѣ и наконецъ, несмотря на все это, на слѣдующее утро выслалъ мнѣ огромные фоліанты совѣтскихъ дѣлъ, отправленные въ Москву, но тамъ его уже не заставшіе. Дѣятельность его, и физическая и моральная, всегда превосходила, казалось, силы обыкновенныхъ людей.

17-го декабря 1838 года государь имѣлъ удовольствіе отпраздновать годовщину бѣдственнаго пожара Зимняго дворца особеннымъ образомъ. Пожаръ начался въ Фельдмаршальской залѣ и потому, среди изумительной быстроты, съ которою вообще нашъ фениксъ возрождался изъ своего пепла, велѣно было къ 17-му числу возобновить именно эту залу непременно въ прежнемъ видѣ. Въ исполненіе царской воли, она воскресла опять какъ была годъ передъ тѣмъ и недоставало только люстръ и окончательной политуры на стѣнахъ. Въ день годовщины собрались туда вся царская фамилія, съ небольшою свитою, строительная коммиссія и отрядъ конной гвардіи, занимавшій тутъ караулъ въ роковой день, при томъ же офицерѣ (моемъ племянникѣ Мирбахѣ).

— Прошлаго года, ребята, — сказалъ государь привѣтствуя солдатъ, — вы въ этотъ день были первыми свидѣтелями начавшагося здѣсь пожара. Мнѣ хотѣлось, чтобы вы же были и первыми свидѣтелями возобновленія этой залы въ Зимнемъ дворцѣ.

Потомъ былъ совершенъ тутъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій, за нѣсколько дней передъ тѣмъ помолвленннй съ великою княжною Марією Николаевною.

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ

А. С. ПУШКИНА.

IV¹⁾.

бращаясь къ русской народной словесности, Пушкинъ говоритъ, что «нѣсколько сказокъ и пѣсень («Мысли въ дорогѣ»), безпрестанно подновляемыхъ изустнымъ преданіемъ, сохранили драгоцѣнныя, полуизглаженныя черты народности...» Старой словесности у насъ не существуетъ, за нами степь—и въ этой пустынѣ нашей литературы возвышается единственный памятникъ «Пѣснь о полку Игоревѣ». Послѣдующія словесныя произведенія все-таки, несмотря на большое количество ихъ, не создали у насъ литературы. Что же служить причиной этого отсутствія? «У насъ нѣтъ, пишетъ Пушкинъ, ни словесности, ни книгъ; всѣ наши знанія, всѣ наши понятія мы всегда черпаемъ въ иностранныхъ книгахъ; мы привыкли мыслить на чужомъ языкѣ; русскій языкъ не для кого еще не можетъ быть довольно привлекателенъ». Поэтъ ясно понималъ, что, при господствовавшей въ то время галломаніи и при бѣдности русской литературы сравнительно съ литературами западныхъ европейскихъ народовъ, богатые средства русскаго языка не находили соотвѣтственнаго себѣ употребленія подъ перомъ русскихъ писателей въ томъ или другомъ родѣ произведеній, и потому пребывали по нѣкоторымъ отдѣламъ еще въ грубомъ состояніи. Обвиняя въ этомъ пренебреженіи къ родному языку самихъ же русскихъ литераторовъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ май, 1899 г.

Пушкинъ замѣчаетъ: «Всѣ наши писатели на то жаловались, но кто же виновать, какъ не они сами?.. Ученость, политика, философія по-русски еще не изъяснялись. Проза наша еще такъ мало обработана, что даже въ простой перепискѣ мы принуждены создавать обороты для понятій самыхъ обыкновенныхъ, и лѣньность наша охотнѣе выражается на языкѣ чужомъ, коего механическія формы давно уже готовы и всѣмъ извѣстны». Писатели наши нисколько не заботятся о выработкѣ литературнаго языка, «который находится у насъ еще въ дикомъ состояніи» (письмо къ Вяземскому 13-го іюня 1825 г.); но и легкая проза, описательная и повѣствовательная, даже поэзія не могутъ привлекать къ себѣ вслѣдствіе несовершенства языка. «Наши писатели, (замѣтка «О слоgъ»), считая низостью изъяснять просто вещи обыкновенныя, думаютъ оживить дѣтскую прозу дополненіями и вялыми метафорами», не догадываясь, что «точность, опрятность, простота—первыя достоинства прозы, что она требуетъ мыслей, а не блестящихъ выраженій». Будучи самъ строгъ въ точности даже поэтическаго языка своего, задумываясь надъ точнымъ значеніемъ каждаго слова и строго критикуя съ этой стороны чужія произведенія, Пушкинъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ успѣхъ въ этомъ отношеніи, напр., Дельвига: «Дельвигъ! поздравляю тебя—добился ты, наконецъ, до точности языка, единственной вещи, которой у тебя недоставало». Стихи тоже требуютъ суммы идей гораздо значительнѣе, чѣмъ это бываетъ у нашихъ писателей, которые думаютъ привлекать публику и двигать литературу «воспоминаніями о протекшей юности». Словомъ, прежде всего Пушкинъ требуетъ отъ слога простоты, качества, положеннаго имъ въ основу слога собственныхъ произведеній, и осуждаетъ грубыя неправильности въ слоgъ и языкѣ. Очень довольный, напр., «Марей-Посадницей» Погодина со стороны содержанія, онъ прибавляетъ: «Одна бѣда—слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности—и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымъ Городомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его, усѣченій, сокращеній—тѣмъ. Но знаете-ли? И эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе. Разумѣется, сообразно съ духомъ его. И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность» (декабрь 1830 г.). Сопоставляя эти слова съ слѣдующими стихами изъ III главы «Евгенія Онѣгина»:

„Какъ усть румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки
Я русской рѣчи не люблю“...

мы видимъ, что Пушкинъ различалъ грамматическія ошибки, противныя духу языка, отъ ошибокъ, не противныхъ ему; первыхъ онъ не терпѣлъ, хотя и самъ дѣлалъ ихъ въ прозѣ, а вторыя даже любилъ.

Нападая на пристрастіе къ избитымъ, изысканнымъ длиннотамъ

слога, онъ въ то же время утверждаетъ, что простота вовсе не исключаетъ «цвѣтущаго» слога: говоря объ авторѣ 15-ти томной «Естественной исторіи» Бюффона, онъ ставитъ образцомъ описательной прозы «его слогъ, цвѣтущій, полный», разумѣя подъ этимъ нѣчто противоположное слогу писателей старой школы, видѣвшихъ это свойство «въ вялыхъ метафорахъ». Но «цвѣтущій» слогъ и «блескъ» его Пушкинъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ ставилъ въ непрерывную связь съ содержаніемъ. Въ поэтическомъ слогѣ цѣнилъ Пушкинъ то, что называлъ «размашкою слога». Такъ (въ письмѣ 25-го мая 1825 г. къ Вяземскому) онъ отдаетъ слогу Рылѣева (поэма: «Войнаровскийъ») предпочтеніе передъ слогомъ Козлова (поэма: «Чернецъ»), имѣя въ виду эту живость его: «въ Рылѣевѣ есть болѣе замашки или размашки въ слогѣ». Но достаточно было замѣтить ему риторичность — и произведение болѣе не встрѣчалось съ его стороны пощадъ: за эту риторичность онъ осудилъ «Думы» того же Рылѣева, назвавъ ихъ «дрянью».

Желая русскому языку успѣшнаго развитія въ литературѣ, Пушкинъ признавалъ необходимымъ дать ему болѣе свободы, т. е. избавить его отъ ига теорій, вносящихъ въ его формы утомительное однообразіе и допустить болѣе широкое пользованіе тѣми средствами, которыя могутъ быть заимствованы какъ изъ славянской книжной, такъ и изъ живой, устной, простонародной, даже иностранной рѣчи; но при этомъ онъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы все заимствованное было сообразно съ духомъ русскаго языка, и указывалъ на пользу изученія языка простого народа, представляющаго неисчерпаемый источникъ богатствъ, алмазъ для умѣющаго гранить. Литераторы должны обратиться къ изученію старинныхъ пѣсенъ, сказокъ для совершеннаго знанія свойствъ русскаго языка, и «прислушиваться къ московскимъ просвирамъ: онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ».

Народная словесность наша представляетъ много истинной поэзіи въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности, по мнѣнію Пушкина, есть цѣлая поэма. Но народная словесность, по его же опредѣленію, есть стволъ, корень — только одно изъ развѣтвленій, только почва, на которой возникаетъ литература (записки Смирновой, ч. I, ст. 146), но сама она не можетъ составлять и не составляетъ всей литературы; древніе же наши памятники представляются Пушкину совершенно ничтожными. Новая русская словесность явилась при Елизаветѣ и была отголоскомъ новообразованнаго общества. Литература XVIII и начала XIX вѣка находитъ въ Пушкинѣ строгаго судью: въ Ломоносовѣ онъ уважалъ великаго человѣка, но «конечно» не великаго поэта; «онъ понималъ истинно источникъ русскаго языка и красоты оного», въ чемъ и заключается главная его

заслуга въ отношеніи словесности. «Мы напрасно искали бы въ первомъ нашемъ лирикѣ пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія», составляющихъ отличительныя качества истиннаго лирическаго поэта. — По мнѣнію Пушкина, В. К. Тредьяковскій имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшія понятія нежели Ломоносовъ и Сумароковъ; но несмотря на чувство изящнаго, присущее Тредьяковскому, Пушкинъ признавалъ его въ высшей степени бездарнымъ поэтомъ. — Сумароковъ въ глазахъ Пушкина былъ ничтожнѣйшій изъ подражателей, слабое дитя чужихъ уроковъ, завистливый гордецъ, безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ, поправшій свою речью и вкусъ и умъ.

Державина Пушкинъ ставилъ ниже Ломоносова. «Этотъ чудакъ, писалъ онъ, не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка; онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. — Вотъ почему онъ и долженъ бѣсѣть всякое разборчивое ухо. — Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. — Что же въ немъ? Мысли, картины и движенія истинно поэтическія; читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого то чуднаго подлинника. — Ей Богу, его геній думать по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ... У Державина должно будетъ сохранить одъ восемь да нѣсколько отрывковъ а прочіе сжечь». —

Называя И. И. Дмитріева старымъ вралемъ, Пушкинъ спрашиваетъ, что такое Дмитріевъ? «Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова, всѣ его сатиры — одного изъ твоихъ (кн. П. Вяземскаго) посланій, а все прочее — одного стихотворенія Жуковскаго. — «Ермакъ» такая дрянь, что мочи нѣтъ. — По мнѣ Дмитріевъ ниже Нелединскаго и стократъ ниже стихотворца Карамзина».

Такимъ образомъ мы находимъ у Пушкина уже совершенно определенное представленіе о писателяхъ прошлаго вѣка, и Пушкинъ уже не колеблется признать за ними только историческое значеніе или совершенно отвергнуть всякое литературное достоинство (какъ, наприм., у Сумарокова). Въ сущности это были первые зачатки историко-художественной критики, которую уже вскорѣ послѣ этого предпринялъ Бѣлинскій.

Переходя къ рѣчи объ отношеніяхъ поэта къ современнымъ ему писателямъ, мы должны прежде всего замѣтить, что въ сужденіяхъ Пушкина о нихъ играла любовь его къ родной словесности, которая часто бывала причиной снисходительности его сужденій. Онъ, напр., сочувственно встрѣтилъ произведенія барона Розена за усилія этого писателя выучиться русскому языку; Пушкинъ призналъ даже присутствіе въ немъ драматическаго таланта въ болѣе степени, чѣмъ у Кукольника и Хомякова. Всякая литературная попытка, въ которой сказывалась живая мысль или чувство, вызвала симпатію великаго

поэта. Такъ, живымъ одобреніемъ встрѣтилъ онъ сказку Ершова: «Конекъ-Горбунокъ», съ сочувствіемъ отнесся онъ къ поэту-самоучкѣ Слѣпушкину и убѣждалъ послѣдняго не подражать ему, а идти своей дорогой! Особенныя симпатіи Пушкина возбуждали поэзія Козлова и судьба его: растроганный присылкой поэмы «Чернецъ» и собственно-ручной подписью слѣпного пѣвца, Александръ Сергѣевичъ, оцѣнивая поэму, отвѣтилъ ему прекраснымъ стихотвореніемъ, заканчивающимся такимъ образомъ:

„О милый братъ! Какіе звуки!
Въ слезахъ восторга внемлю имъ:
Чудеснымъ пѣніемъ своимъ
Онъ усыпилъ земные звуки.“

По выходѣ въ свѣтъ извѣстныхъ романовъ Загоскина и Лажечникова, Пушкинъ привѣтствуетъ ихъ появленіе. Въ письмѣ къ Лажечникову онъ, отдавая предпочтеніе въ художественномъ отношеніи «Ледяному дому» сравнительно съ «Послѣднимъ Новикомъ», справедливо отмѣчаетъ въ первомъ романѣ несоблюденіе исторической истины, но тѣмъ не менѣе предсказываетъ автору, что многія страницы его романа «будутъ жить, доколѣ не забудется русскій языкъ». «Юрія Милославскаго» онъ противопоставляетъ романамъ, изобилующимъ несообразностями, мелочами, упущеніями, отсутствіемъ жизненности, и говоритъ, что этотъ романъ «переноситъ насъ въ 1612 г.», что живость и занимательность и соблюденіе исторической истины доказываютъ несомнѣнное дарованіе автора. Съ какимъ восторгомъ, наконецъ, отнесся Пушкинъ къ появленію «Иліады» Гнѣдича, знакомитъ насъ слѣдующая замѣтка: «Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частью устремились на блестящія бездѣлки, когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами древности, когда поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но токмо легкомысленное занятіе—съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніемъ и совершенію единаго, высокаго подвига». Какъ подѣйствовало на Пушкина чтеніе «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича, лучше всего видно изъ словъ его: когда корабль Гнѣдича, по выраженію Пушкина, вошелъ въ пристань, нагруженный сокровищами Греціи (1825 г.), онъ написалъ:

„Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи:
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой“. (1830 г.).

Пушкинъ утверждалъ, что этотъ знаменитый трудъ Гнѣдича долженъ имѣть «важное, вліяніе на отечественную словесность». Высоко цѣня талантъ Гнѣдича, онъ побуждаетъ его къ созданію эпической поэмы на сюжетъ изъ русской исторіи: «Тѣнь Святослава, писалъ Пуш-

кинъ Гяѣдичу въ 1825 г., скитается невоспѣтая... А Владимиръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарскій? Исторія народа принадлежитъ поэту».

Словомъ, каждое незаурядное явленіе въ области родной литературы встрѣчало восторженный привѣтъ со стороны Пушкина, находило въ немъ тонкаго и благожелательнаго цѣнителя.

Но не всегда, конечно, привѣтствовалъ Пушкинъ благосклоннымъ отзывомъ и современныхъ ему писателей. Рылѣевъ, на котораго онъ возлагалъ большія надежды и которому онъ общалъ министерство на Парнасъ (письмо къ брату Льву въ февралѣ 1825 г.), удостоился искреннихъ похвалъ строгаго критика за поэмѣ «Войнаровскій»: «Войнаровскій полонъ жизни; это несравненно лучше всѣхъ его думъ: слогъ его возмужалъ и становится истинно повѣствовательнымъ, чего у насъ почти еще нѣтъ» (письмо къ Л. С. Пушкину). Самому Рылѣеву о томъ же «Войнаровскомъ» онъ писалъ: «Думаю, что ты уже получилъ мои замѣчанія на Войнаровскаго. Прибавлю одно: вездѣ, гдѣ я ничего не сказалъ, должно подразумѣвать знаки восхищенія, прекрасно и проч.» Но живое эстетическое чувство подсказало Пушкину мысль о художественной слабости «Думъ» Рылѣева. Въ томъ же письмѣ къ послѣднему (1825 г.) онъ говоритъ, что «Думы», хотя въ нихъ и встрѣчаются стихи живые, «вообще слабы изображеніемъ и изложеніемъ, всѣ на одинъ покрій, составлены изъ общихъ мѣстъ; національнаго русскаго нѣтъ ничего, кромѣ именъ, исключая «Ивана Сусанина», первой думы, по которой Пушкинъ сталъ подозрѣвать въ Рылѣевѣ истинный талантъ. Чрезвычайно рѣзко высказывается Пушкинъ объ этихъ «Думахъ» въ письмѣ къ Вяземскому (25-го мая 1828 г.): «Думы дрянъ, пишетъ онъ, и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm (т. е. глупый), а не отъ польскаго, какъ казалось бы съ перваго взгляда». «Думы Рылѣева и цѣляютъ, а все не впадаютъ», прибавляетъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому.

«Россійскаго Парни, философа рѣзваго, пѣвца радости, пѣвца забавы», Батюшкова, Пушкинъ очень цѣнилъ за стихъ и за усовершенствованіе русскаго поэтическаго языка, для котораго «Батюшковъ сдѣлалъ то же самое, что Петрарка для италіанцевъ». Но когда талантъ Пушкина созрѣлъ и содержаніе литературы расширилось, измѣнилось и мнѣніе Пушкина о «наперсникѣ Аенія». Свидѣтельствомъ этого позднѣйшаго мнѣнія остались сообщенныя недавно замѣтки Пушкина на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова. Замѣтки эти очень любопытны, и подробность ихъ свидѣлствуетъ, что самому Пушкину какъ хотѣлось провѣрить старыя впечатлѣнія и отдать себѣ отчетъ въ томъ, что остается дѣйствительно прекраснаго и прочнаго въ произведеніяхъ его прежняго любимца и учителя. Эта историческая по-

вѣрка оказывалась часто не въ пользу Батюшкова. Такъ, Пушкина неприятно поражаетъ излишество подражанія, «смѣшеніе древнихъ обычаевъ съ обычаями жителя подмосковной деревни» (по поводу «моихъ пенатовъ»); онъ отмѣчаетъ у Батюшкова разныя неловкости, излишества, неудачныя подробности, холодную напыщенность и бѣдность мысли, и не разъ въ его замѣткахъ стоитъ: «дурно», «вяло», «слабо», даже «пошло», «дрянь». Но въ другихъ случаяхъ Пушкинъ отмѣчаетъ истинно поэтическія мѣста, красивые обороты, удачные стихи. Напримѣръ, о посланіи къ Жуковскому онъ пишетъ: «Прекрасно, достойно блестящихъ и небрежныхъ шалостей французскаго остроумія, — и вездѣ языкъ поэзіи». Крылова прозорливый поэтъ ставилъ очень высоко и утверждалъ (совершенно справедливо), что онъ превзошелъ всѣхъ баснописцевъ и былъ выразителемъ духа русскаго народа («О предисловіи Лемонте къ переводу басенъ Крылова»). Передъ Жуковскимъ онъ благоговѣетъ и какъ передъ поэтомъ и какъ передъ человекомъ. Пушкинъ сознается, что самъ онъ «не стѣдствіе, а только ученикъ его» (письмо къ Вяземскому) и только тѣмъ и беретъ, что «не смѣетъ сунуться на дорогу его». Этотъ «въ бореньяхъ съ трудностью силать необычайный» имѣлъ рѣшающее вліяніе на духъ нашей словесности (письмо къ Бестужеву); «никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его» (письмо къ Вяземскому); его перевели бы на всѣ европейскіе языки, если бы онъ самъ менѣе переводилъ. Между прочимъ, это обстоятельство отчасти и печалитъ Пушкина: «Переводы (замѣчаетъ онъ въ письмѣ къ Вяземскому 1825 г.) избаловали его, онъ не хочетъ самъ создавать; онъ, какъ Voss, гений перевода». Творя «для немногихъ» Жуковский даетъ, по мнѣнію Пушкина, блаженство тому, кто его «восторгъ уразумѣлъ восторгомъ пламеннымъ и яснымъ». Какъ цѣнилъ Пушкинъ поэзію Жуковского, лучше всего видно изъ надписи его «Къ портрету Жуковского»:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость!

Эти стихи какъ нельзя лучше характеризуютъ и форму, и содержаніе поэзіи Жуковского, и то нравственное дѣйствіе, которое она производила на молодыхъ читателей, въ томъ числѣ и на самого Пушкина. Но высоко ставя стихотворенія своего бывшаго наставника въ поэзіи, Пушкинъ однако судилъ безпристрастно, видѣлъ и слабыя его стороны. Въ одномъ письмѣ къ Жуковскому онъ выражаетъ негодованіе, что поэтъ поручилъ выборъ стихотвореній своихъ для изданія гр. Блудову,

и, между прочимъ, говорить: «Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ (Блудовъ) не исключилъ изъ собранія посланія къ нему, произведенія, конечно слабаго». Указывая здѣсь же истинно поэтическія, но пропущенныя Блудовымъ произведенія Жуковского, Пушкинъ обнаруживаетъ то живое эстетическое чувство, которое такъ часто руководило имъ при оцѣнкѣ своихъ и чужихъ произведеній.

Воздастъ должное Пушкинъ и другому выдающемуся явленію въ области литературы своего времени. Изъ современныхъ писателей старшаго поколѣнія Н. М. Карамзинъ нашелъ въ немъ глубокаго цѣнителя и горячаго поклонника своего труда. Прежде всего Пушкинъ высоко цѣнилъ Карамзина за то, что послѣдній «освободилъ русскій языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ его къ живымъ источникамъ народнаго слова». Не цѣня въ немъ стихотворца, Александръ Сергѣевичъ восторженно относился къ его историческому труду. «Исторія Государства Россійскаго, говоритъ Пушкинъ, есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка». Передъ тѣмъ, когда Пушкинъ доканчивалъ «Бориса Годунова» и читалъ послѣдніе томы Карамзина, онъ писалъ Жуковскому въ 1825 г.: «Что за чудо эти два послѣдніе тома Карамзина! Какая жизнь! *C'est palpitant comme la gazette d'hier!*» Такъ глубоко цѣнилъ Пушкинъ этотъ великій трудъ, вліяніе котораго онъ признавалъ для себя благотворнымъ.

Тутъ кстати будетъ упомянуть, что иногда, но далеко не часто, у Пушкина къ оцѣнкѣ критика примѣшивалось расположеніе друга, хотя и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ оговориться: это дружеское расположеніе играло роль въ небольшомъ преувеличеніи только истинныхъ талантовъ. Съ такимъ дружескимъ расположеніемъ онъ относился, напр., къ Дельвигу, Баратынскому и Языкову, къ писателямъ, произведенія которыхъ не сятъ на себѣ печать несомнѣнной талантливости. Пушкинъ, ставя высоко ихъ поэзію, не допускалъ даже возможности осуждать ее. Въ письмѣ къ Дельвигу 1821 г. Пушкинъ высказываетъ свое мнѣніе о характерѣ таланта своего «парнаскаго брата» и побуждаетъ Дельвига, отличавшагося лѣнью, къ творчеству: «Ты все тотъ же талантъ прекрасный и лѣнивый. Долго ли тебѣ размѣнивать твой геній на серебряные четвертаки? Напиши поэму славную, только не «4 части дня» и не «4 времени года». Напиши своего «Монаха». Поэзія мрачная, богатырская, сильная, байроническая—твой истинный удѣлъ». Вообще Пушкинъ, еще въ стѣнахъ лицея замѣтившій, по его словамъ, «ранніе отпрыски прекраснаго таланта» Дельвига, и впослѣдствіи всегда и справедливо высоко цѣнилъ его меланхолическую музу. Столь же высоко цѣнилъ Пушкинъ поэтическій даръ другого своего друга, поэта Языкова, съ которымъ онъ сошелся на почвѣ Тригорскаго, воспѣтаго впоследствии Языковымъ; тамъ друзья проводили вдохновенныя и поэти-

ческія ночи и долгіе дни. Въ его произведеніяхъ Пушкинъ находитъ «избытокъ чувствъ и силъ и буйство молодое»; 14 августа 1826 г. онъ пишетъ Вяземскому объ Языковѣ: «Ты изумишься, какъ онъ развернулся и что изъ него будетъ. Если ужъ завидовать, такъ вотъ кому я долженъ бы завидовать. Аминь, аминь глаголю вамъ: онъ всѣхъ насъ, стариковъ, за поясъ заткнетъ».

Пушкинъ былъ прельщенъ виртуозностью стиха Языкова, ни у кого не достигавшаго ни прежде ни послѣ такихъ мастерскихъ, поражающихъ и ослѣпляющихъ оборотовъ, хотя запасъ поэтическихъ мотивовъ былъ у него и однообразенъ и скуденъ. Эта виртуозность дала право Пушкину писать Языкову: «Ваши стихи—вода живая, наши—вода мертвая, мы ею окатимъ «Современника»; опрысните его вашими кичими каплями» (14 апрѣля 1836 г.).

Особенно же высоко ставилъ Пушкинъ «непорочную музу» Баратынскаго (письмо къ Дельвигу въ 1823 г.). По мнѣнію Пушкина, это одинъ изъ первостепенныхъ нашихъ поэтовъ; въ раннихъ поэтическихъ опытахъ его уже проглядывали «зрѣлость и стройность необыкновенная, что предвѣстало намъ то, что впослѣдствіи было выполнено поэтомъ столь блистательнымъ образомъ». Еще въ 1822 году Пушкинъ писалъ Вяземскому: «Каковъ Баратынскій! Признайся, что онъ превзойдетъ и Парни и Ватюшкова, если впередъ зашагаетъ, какъ шагаль до сихъ поръ...» Позднѣе Пушкинъ, говоря о Баратынскомъ, неоднократно восклицаетъ: «Баратынскій—чудо! Баратынскій—предѣлъ!» и въ концѣ концовъ пришелъ къ тому выводу, что «Баратынскій выше Батюшкова и равенъ Жуковскому» (см. «Программу статьи о Баратынскомъ»). Гармонія его стиховъ, свѣжесть слога и точность выраженія, по словамъ нашего критика, поражаютъ читателя, обладающаго вкусомъ и чувствомъ: «Стихъ каждый повѣсти твоей звучитъ и блещетъ, какъ червонецъ», замѣчаетъ Пушкинъ въ «Посланіи къ Баратынскому». Всѣ произведенія Баратынскаго носятъ отпечатокъ вѣрности ума и истиннаго вкуса, состоящаго, по мнѣнію Пушкина, «не въ томъ, что въ безотчетномъ отверженіи *dédaigne* такое-то слово, такой-то оборотъ, но въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей»; вотъ почему все написанное имъ обращаетъ на себя особенное вниманіе ясностью и стройностью». Словомъ, Пушкинъ не допускаетъ и возможности осуждать поэзію Баратынскаго; напротивъ, его произведеніямъ онъ искренно отдаетъ предпочтеніе передъ своими: «Послѣ него, говорить онъ въ томъ же письмѣ къ Бестужеву, никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе... Баратынскій чудо; мои пьесы плохи». Глубоко задѣтый холодною публикой къ Баратынскому, Пушкинъ пытается дать объясненіе такому странному, на его взглядъ, явленію и приходитъ къ

тому заключенію, что, во-первыхъ, въ этомъ случаѣ играетъ роль все то же отсутствіе критики и общаго мнѣнія, о чемъ онъ такъ много скорбѣлъ: «Литература у насъ, говоритъ онъ съ горечью, не есть народная потребность, публика мало занимается писателями, журналисты судятъ о нихъ по наслышкѣ, безъ основательныхъ правилъ и свѣдѣній». Во-вторыхъ, читатели остаются все тѣ же «и развѣ только сдѣлались холоднѣе и равнодушнѣе къ поэзіи жизни»; между тѣмъ какъ поэтъ совершенствуется, талантъ его зрѣетъ, и произведенія его становятся недоступными пониманію публики: публика охладѣваетъ къ нему, а поэтъ тогда творитъ только для самого себя, совершенно игнорируя публику. Если бы не эти двѣ причины и эпиграммы Баратынскаго, не щадившія «правителей русскаго Парнаса», то Баратынскій долженъ былъ бы, по мнѣнію Пушкина, «занять степень, ему принадлежащую, и стать подлѣ Жуковскаго и выше пѣвца пенатовъ и Тавриды» (Батюшкова).

Глубокаго цѣнителя въ Пушкинѣ нашли Гоголь и Грибоѣдовъ. Пушкинъ не только первый похвалилъ Гоголя, но и вообще былъ первымъ изъ всѣхъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, заговорившимъ нашей публикѣ о Гоголѣ. Вотъ что писалъ онъ о Гоголѣ въ 1831 г. А. О. Воейкову, редактору Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду»: «Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки». Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился... Поздравляю публику съ истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. Ради Бога, возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на неприличіе его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало въ высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго». Позднѣе Пушкинъ писалъ по поводу же «Вечеровъ на хуторѣ»: «Всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ малороссійской природы, этой веселости простодушной и вмѣстѣ лукавой. Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставила насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина... Съ жадностью всѣ прочли и «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ», эту шутиливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія, и «Тараса Бульбу», коего начало достойно Вальтеръ-Скотта». Вотъ первыя замѣтки о Гоголѣ въ русской критической литературѣ. Эти замѣтки коротки, но какою задушевною радостью о новомъ не-

обыкновенномъ талантѣ проникнуты онѣ! Какъ много въ нихъ сказано, несмотря на ихъ краткость, какъ вѣрно и мѣтко все въ нихъ сказано! Не укрылась отъ Пушкина и та грусть, которая стала послѣ существеннѣйшею чертою Гоголевскихъ созданий, не укрылись за «видимымъ міру смѣхомъ» эти «незримыя, невѣдомыя ему слезы», которые такъ немногими замѣчаются въ первыхъ, еще столь озаренныхъ радостью жизни, произведеніяхъ Гоголя.

11-го января 1825 г. Пушкинъ привезъ въ Михайловское и прочиталъ Пушкину «Горе отъ ума», и вскорѣ же послѣ этого поэтъ въ письмѣ къ Бестужеву даетъ полный отчетъ о безсмертной комедіи Грибоѣдова. Онъ уклоняется въ этомъ отзывѣ отъ критики плана и завязки комедіи на томъ основаніи, что «драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собой признаннымъ»; но считая комедію превосходнымъ изображеніемъ «характеровъ и рѣзкою критикою нравовъ», Пушкинъ высказываетъ мнѣніе только о характерахъ, выведенныхъ Грибоѣдовымъ. Признавая высокое достоинство стиховъ Грибоѣдова, «половина которыхъ должна войти въ пословицу», признавая также тотъ несомнѣнный фактъ, что, въ обрисовкѣ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ комедіи, Грибоѣдовъ обнаружилъ «черты истинно-комическаго гения», Пушкинъ указываетъ нѣкоторые недочеты произведенія. Такъ онъ высказываетъ совершенно вѣрную мысль, что «Софья начертана неясно»; тонко подмѣчаетъ одну замѣчательную черту пьесы—недовѣрчивость Чацкаго къ тому, что Софья любитъ Молчалина; но тутъ же обвиняетъ Грибоѣдова въ томъ, что онъ не захотѣлъ, чтобы его комедія вертѣлась на этомъ, между тѣмъ какъ авторъ «Горя отъ ума» эту недовѣрчивость Чацкаго и сдѣлалъ одною изъ главныхъ пружинъ своей комедіи. Точно такъ же, высказывая совершенно вѣрное по существу свое замѣчаніе, что Молчалинъ долженъ быть трусомъ, чего, будто бы, нѣтъ у Грибоѣдова, Пушкинъ упускаетъ изъ виду, что Молчалинъ, дѣйствительно, и является трусомъ, когда въ четвертомъ актѣ прячется въ свою комнату, увидя Чацкаго и предугадывая появленіе Фамусова. Особенный интересъ представляетъ взглядъ Пушкина на Чацкаго. По мнѣнію Пушкина, умное дѣйствующее лицо въ комедіи—самъ Грибоѣдовъ, а Чацкій «пылкій, благородный и добрый малый, прошедшій нѣсколько времени съ очень умнымъ человекомъ (именно съ Грибоѣдовымъ) и напивавшійся его мыслями, островами и сатирическими замѣчаніями. Все, что говоритъ онъ, очень умно. Но кому говорить онъ все это? Фамусову? Скалозубу? На балѣ московскимъ бабушкамъ? Молчалину?—Это непростительно. Первый признакъ умнаго человѣка—съ перваго взгляда знать, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и не метать бисера передъ Репетиловыми и т. п.».

Полагаемъ, что сказаннаго совершенно достаточно для выясненія

отношеній нашего поэта къ представителямъ иностранной и русской литературы.

V.

Мы нарочно приводили, гдѣ требовалось, большія цитаты изъ писемъ и замѣтокъ Пушкина, чтобы передъ читателями нашими ярче выступалъ этотъ фейерверкъ, эти взрывы остроумія, которыми такъ изобилуютъ его критическіе отзывы.

Людей, близко стоявшихъ къ Пушкину, особенно привлекало къ нему полное отсутствіе чего-либо похожего на мелочное тщеславіе при постоянныхъ проблескахъ гениальнаго таланта и ума. Отсутствіе тщеславія въ его характерѣ мы уже не разъ могли наблюдать: оно обнаруживается и въ критическихъ отзывахъ его о собственныхъ произведеніяхъ и въ сопоставленіи ихъ съ произведеніями, напримѣръ, Баратынскаго, Языкова, Дельвига. Въ этомъ случаѣ его собственный отзывъ о себѣ какъ нельзя болѣе соответствуетъ дѣйствительности: «Надѣюсь, говорилъ Пушкинъ, что я никогда не буду достаточно мелочнымъ, чтобы завидовать славѣ другого поэта. Этого порока во мнѣ нѣтъ! Въ качествѣ добраго патриота я счастливъ, когда нахожу талантъ и предвижу будущность у начинающаго собрата» (Записки Смирновой, части I, стр. 299).

Лесингъ не даромъ говоритъ, что всякій поэтъ есть прирожденный критикъ, но, конечно, не всякій изъ нихъ способенъ понимать художество съ такою глубиной, какъ Пушкинъ. Онъ поражалъ своимъ обязательнымъ умомъ, тонкостью эстетическихъ сужденій, разнообразіемъ и обширностью познаній. Основная черта его натуры — чуткость, восприимчивость чувства — ярко сказывается въ его сужденіяхъ. Не даромъ же въ мартѣ 1837 года Гоголь, въ то время находившійся въ Римѣ, писалъ къ пріятелю подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Пушкина: «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы». [Безконечное эстетическое чувство и вѣрность литературныхъ сужденій Пушкина признавались и другими современниками, которые не даромъ называли его Протеемъ за способность ловить поэтическіе оттѣнки чувства, образа и мысли во всѣхъ предметахъ, подпадавшихъ его наблюденію.

Друзья Пушкина, привыкшіе считать его человекомъ безсознательнаго, непосредственнаго творчества, не призваннымъ къ роли литературнаго судьи, долго относили критическія замашки Пушкина къ капризу поэта, вздумавшаго попробовать себя на несвойственномъ ему поприщѣ; но потомъ онъ заставилъ ихъ признать за нимъ способность чувствовать всякую литературную фальшь и усматривать промахи въ логикѣ, языкѣ и сознаніи у современныхъ и старыхъ писателей; онъ обнаружилъ, какъ мы видѣли, въ своихъ замѣткахъ бездну тонкаго вкуса и какъ критикъ стоялъ несомнѣнно выше, не только заурядныхъ журнальных рецензентовъ своего времени, но и такихъ корифеевъ литературной критики, какъ А. Бестужевъ, князь Вяземскій и другіе. Его журнальныя статьи носятъ отпечатокъ яснаго ума, наполнены здравыми мыслями, отличаются строгостью сужденій, знаніемъ дѣла, тонкимъ и вѣрнымъ вкусомъ. Иначе и быть не могло: поэтъ, создавшій величайшія произведенія, при самомъ сильномъ дарѣ безсознательнаго творчества, не создалъ бы ничего великаго, если бы не былъ одаренъ также замѣчательнымъ умомъ, сильнымъ здравымъ смысломъ и тонкимъ вкусомъ.

Тѣмъ болѣе страннымъ кажется мнѣніе нѣкоторыхъ цѣнителей Пушкина, отмѣчающихъ слабость мыслительныхъ способностей, присущую, будто бы, нашему великому поэту. Правда, онъ не любилъ отвлеченныхъ формулъ, не былъ выдающимся теоретикомъ, но отвлеченная работа мысли была очень сильна у этого непосредственнаго, часто увлекаемаго инстинктомъ, художника. Его черновыя наброски, записки, программы и планы литературныхъ произведеній доказываютъ, что, исходя изъ непосредственнаго ощущенія, дѣйствовавшаго на его душу, онъ подвергалъ его строжайшей провѣркѣ разума, уравнивалъ стихійность перваго порыва мѣрной гармоніей мысли, и только это пережитое въ умѣ ощущеніе становилось основой его художественной работы. При знакомствѣ съ закулисной стороною его творчества, нельзя отказать ему въ способности и склонности къ отвлеченному мышленію, напротивъ, тутъ все указываетъ не только на развитіе художественной фантазій, но и на сильную работу отвлеченной мысли Пушкина. Можно, пожалуй, допустить только, что чуткость и воспримчивость преобладали у него надъ аналитической способностью; но говорить, что онъ не былъ вовсе мыслителемъ, по меньшей мѣрѣ—смѣло. Если Пушкинъ не былъ выдающимся теоретикомъ, то его сужденія объ отдѣльных писателяхъ и произведеніяхъ литературы удивительно вѣрны и мѣтки, такъ какъ у него не было недостатка, ни въ здоровомъ умѣ ни въ эстетическомъ вкусѣ. Чтобы вѣрно дѣлать общіе выводы или вѣрно прилагать къ фактамъ общіе принципы, нужны и особенная привычка и специальная способность къ тому. Но чтобы отличить одного писателя

отъ другого вовсе не требуется быть мыслителемъ. Благодаря своему уму и вкусу, онъ называетъ хорошими лучшихъ, дѣйствительно, писателей, восхищается именно тѣмъ, что было у этихъ писателей лучшаго.

Въ перепискѣ же своей онъ является мыслителемъ—новаторомъ, который имѣетъ свое умное никѣмъ еще не сказанное и часто очень мѣткое слово относительно людей и явленій русской и иностранной литературы. Онъ былъ недоволенъ состояніемъ русской критики, онъ стоялъ выше ея современнаго положенія.

Пушкинъ какъ будто ждалъ человѣка, который дастъ критикѣ твердое основаніе и направленіе, и призывалъ къ этому попеременно то Вяземскаго, то Бестужева, то Катенина, то Гоголя. Но основанія для дѣльнаго и серьезнаго изслѣдованія прошлаго и настоящаго литературы еще не были нажаты.

Своею дѣятельностью Пушкинъ открылъ новый періодъ въ нашей журналистикѣ—періодъ выработки нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ и эстетическихъ теорій. Высказывая свои мысли объ искусствѣ вообще, очерчивая удивительно мѣтко въ общихъ чертахъ различныя литературныя физіономіи, онъ, можетъ-быть, не далъ вполне законченныхъ критическихъ приговоровъ надъ писателями, но довольно ясно обнаружилъ основы своей критики, которыя, на нашъ взглядъ, можно свести къ такимъ положеніямъ. Истинный поэтъ весь предается своему вдохновенію и слушается только его голоса, разъ оно посѣщаетъ поэта; но искать вдохновенія, по мнѣнію Пушкина, есть «смѣшная и нелѣпая причуда: вдохновенія не сыщешь, оно само должно найти поэта» («путешествіе въ Эрзерумъ»). Въ самой внѣшней жизни истинный поэтъ долженъ быть самобытенъ и независимъ отъ всѣхъ условій общественнаго быта, и требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что «требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житія и образованности». Мнѣніе, будто бы польза есть условіе и цѣль изящной словесности, есть выдумка мелочныхъ и ложныхъ теоретиковъ: «цѣль художества есть идеаль, а не правоученіе». Вотъ что нужно, по мнѣнію Пушкина, для созданія истинно художественнаго произведенія. Выше всего Пушкинъ цѣнилъ планъ, т. е. построеніе цѣлаго, стройный распорядокъ частей его; вдохновеніе онъ видѣлъ въ полномъ обладаніи душевными способностями. Противопологая вдохновеніе восторгу или лирическому порыву, онъ главнымъ признакомъ перваго считалъ спокойствіе, которое, по словамъ поэта, «есть необходимое условіе прекраснаго». «Восторгъ, говоритъ онъ, продолжая то же сопоставленіе,—непродолжителенъ, непостояненъ слѣдовательно, не въ силахъ произвести истинное, великое совершенство». Условіемъ истинно-великаго, онъ считаетъ «постоянный трудъ».

которому онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ эпитетъ «упорнаго». Итакъ постоянный и упорный трудъ, безпрестанное усовершенствованіе «любимыхъ думъ», спокойное обладаніе душевными силами въ минуты вдохновенія, «сила ума, располагающаго частями въ отношеніи цѣлаго» — вотъ, по мнѣнію Пушкина, условія для созданія истинно великаго, вотъ на что должны быть устремлены главные заботы поэта. Постъ же этого ему слѣдуетъ озаботиться о характерѣ изображаемыхъ лицъ. Отмѣчая, напр., недостатки упоминавшейся нами драмы Погодина, онъ ставитъ писателю въ непремѣнную обязанность вѣрное изображеніе дѣйствительности, согласное съ исторической эпохой, съ законами природы и душевной жизни человѣка, спокойное, безпристрастное отношеніе автора къ изображаемой имъ дѣйствительности; въ изображеніи историческихъ моментовъ онъ выше всего ставилъ «глубокое изученіе достоверныхъ событій и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій» (отзывъ о сочиненіяхъ Георгія Конисскаго). Высказывая свое мнѣніе о творчествѣ Шекспира, Пушкинъ главнымъ образомъ указалъ на незамѣтность, скрытность личныхъ чувствъ автора и его взглядовъ, на отсутствіе явнаго намѣренія что-нибудь доказать, какъ на несомнѣнные принципы художественнаго творчества. Говоря о Баратынскомъ, поэтъ прежде всего цѣнитъ въ немъ стремленіе къ гармоніи частей, утверждая, что истинный вкусъ и состоитъ «въ чувствѣ соразмѣрности цѣлаго и сообразности частей». Что касается художественнаго способа выраженія мыслей, литературнаго языка, то о требованіяхъ Пушкина въ этомъ отношеніи мы уже много въ свое время говорили.

Показавъ намъ примѣры самостоятельнаго творчества, возродивъ въ людяхъ идею свободнаго и глубокаго созерцанія жизни, возведя литературу на высокое, подобающее ей мѣсто, «вельможа русской словесности» (по выраженію Сенковского) установилъ въ нашей литературѣ права и требованія художественной поэзіи, уничтожилъ всѣ старыя и узкія понятія и предразсудки, создалъ поэтическій языкъ, свободный отъ риторики и натянутости ¹⁾. Завѣщавъ грядущимъ поколѣніямъ истолкованіе литературы, онъ передалъ имъ и другой драгоцѣнный заветъ, въ которомъ сказалось сознаніе высокаго нравственнаго долга литературы, какъ силы образовательной: «дружина писателей и ученыхъ, говорилъ онъ, — стоитъ всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла». Этотъ заветъ, кстати сказать, былъ руководящимъ началомъ всей дѣятельности самого Пушкина.

Александръ Залдкинъ.

¹⁾ Пыпинъ. — «Характеристики литературныхъ мнѣній», 50.

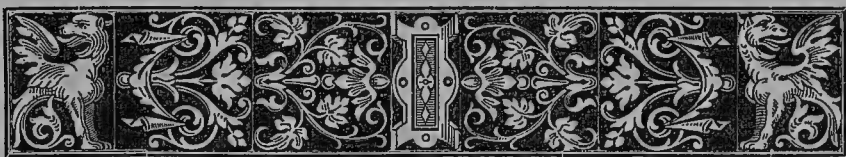
На 26-е мая 1899 года.

Замолкъ пѣвецъ — забыта лира,
И дивный звукъ ея затихъ,
Исчезъ отъ насъ любимецъ міра,
Но живъ его блестящій стихъ.
Увы, теперь того ужъ нѣтъ,
Чѣмъ увлекалъ насъ всѣхъ поэтъ:
Исчезъ отъ насъ и голосъ чудный,
И тотъ языкъ, что зналъ весь свѣтъ:
Блестящій, яркій, изумрудный,
Всегда живой, всегда игривый,
Всегда звучитъ въ немъ чудный тонъ,
И въ глубокихъ формахъ переливы,
То слышенъ въ немъ печальный стонъ,
То громъ грозы, ея порывы,
То легкій плескъ о берегъ волнъ,
Пріятныхъ грѣзъ и нѣги полнъ...

Теперь прошла ужъ сотня лѣтъ,
Какъ онъ взглянулъ на Божій свѣтъ,
Нашъ рѣдкій геній, нашъ поэтъ...
Теперь вездѣ кипитъ кипитъ,
Вѣнки лавровые сплетаются,
Идутъ отовсюду: нѣтъ палатъ,
Угловъ убогихъ, скромныхъ хатъ, —
И бюстъ поэта украшаютъ,
И съ чувствомъ теплымъ говорятъ:
„Живи безсмертно сотни лѣтъ,
„Живи въ сердцахъ людей, поэтъ,
„Пока кипитъ въ ихъ жилахъ кровь,
„А въ русскомъ теплится любовь...

Ал. Ив. С-въ.

Татьяна, Онѣгинъ и Ленскій.¹⁾

(Къ литературной исторіи Пушкинскихъ „типовъ“).

2. Онѣгинъ.

„Что-жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, или еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія-ли онъ?“

(„Евг. Онѣг.“, гл. VП, стр. XXIV).

Литературная исторія Онѣгина сложилась совершенно такъ же, какъ и исторія типа Татьяны: изъ ряда однородныхъ явленій сначала созданъ лишь «коллективный типъ», который затѣмъ, благодаря работѣ автора съ «натурщикомъ», получилъ живое, художественное воплощеніе.

Къ сожалѣнію, для доказательства реальности Онѣгинскаго облика въ нашемъ распоряженіи не окажется такого числа историческихъ фактовъ, взятыхъ непосредственно изъ жизни, сколько было, когда мы говорили выше о Татьянѣ. Это вполне понятно: Онѣгинъ—типъ болѣе скоропреходящій, чѣмъ типъ Татьяны: даже поколѣніе, близкое къ нему по времени, уже не узнавало въ немъ живого человека²⁾,—неудрено, что «специфическія» черты этого образа исчезли изъ русской жизни довольно быстро: увлеченіе имъ было, такъ сказать,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май, 1899 г.

²⁾ Ключевскій, „Евгеній Онѣгинъ и его предки“, „Р. М.“, 1887, № 2, 293. (Цитуемая статья почтеннаго ученаго, повидимому, близкая къ нашей работѣ по заглавію, однако совершенно расходится по своимъ задачамъ: для проф. Ключевскаго Пушкинскій герой—лишь предлогъ для того, чтобы бросить широкій взглядъ на всю прошлую жизнь русской земли,—мы ставимъ свою задачу гораздо уже).

«минутнымъ», — а потому, вслѣдъ за преклоненіемъ передъ Байрономъ, перевелись у насъ и байронисты — Онѣгины и Печорины, не успѣвъ оставить рѣзкаго слѣда въ современныхъ мемуарахъ...

Но если мемуары и записки почти не помогутъ намъ доказать, что во время появленія въ свѣтъ романа Пушкина въ тогдашнемъ обществѣ было не мало Онѣгиныхъ, — то поможетъ намъ въ этомъ отношеніи тогдашняя критика..

Князь Вяземскій, напримѣръ, даже въ слабыхъ, неясныхъ очертаніяхъ героевъ «Кавказскаго плѣнника» и «Цыганъ» узналъ современнаго чело-вѣка: «подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ нынѣш-немъ положеніи общества» — говоритъ онъ о «Кавказскомъ Плѣнникѣ» ¹⁾; Алеко, у него — «прототипъ поколѣнія нашего; лицо не условное — нѣтъ, перенесенное изъ общества» ²⁾. Разумѣется поэтому, и Онѣгинъ казался ему живымъ лицомъ.. Булгаринъ даже прямо заявилъ, что Онѣгиныхъ онъ встрѣчалъ въ Петербургѣ «дюжинами» ³⁾; Полевой призналъ въ героѣ Пушкинскаго романа «знакомаго» чело-вѣка, внутреннюю жизнь котораго онъ уже самъ «чувствовалъ», хотя безъ помощи Пушкина «не умѣлъ объяснить» ⁴⁾. Критикъ «Благонамѣреннаго» увидалъ въ Онѣгинѣ «портретъ воспитаннаго по модѣ русскаго дворянина» ⁵⁾; критикъ «Московскаго Вѣстника» нашелъ въ Пушкинскомъ героѣ «много русской правды» ⁶⁾. Кирѣевскій по поводу Онѣгина замѣтилъ, что «нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей», — поэтъ «цѣлый классъ людей пред-ставилъ въ его портретѣ» ⁷⁾. Шевыревъ назвалъ Онѣгина «ходячимъ типомъ западнаго вліянія на всѣхъ нашихъ свѣтскихъ людяхъ» ⁸⁾. Заклучимъ свои примѣры указаніемъ на то, что проф. Ключевскій въ своей рѣчи о Пушкинѣ, произнесенной въ день открытія памятника поэту, замѣтилъ, что «въ поэмахъ и романахъ Пушкина выставлены многіе типы XVIII и начала XIX вѣка, которые наглядно знакомятъ насъ съ характеромъ эпохи» ⁹⁾, — дальше идетъ перечисленіе такихъ типовъ, и среди нихъ Онѣгину отведено свое мѣсто. Это признаніе за героемъ Пушкина исторической вѣрности, признаніе, идущее отъ такого компе-тентнаго судьи, какъ проф. Ключевскій, должно вполне увѣрить насъ въ томъ, что для «коллективнаго типа» Пушкинъ могъ въ изобиліи найти матеріала въ русской жизни.

Что же такое этотъ Онѣгинъ, черты котораго настолько заинтере-совали Пушкина, что онъ занимался ихъ проясненіемъ чуть не въ тече-ніе всей своей литературной жизни? — Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь и «Кавказскій

¹⁾ Вяземскій, Соч., I, 76. ²⁾ Ibid., 316. ³⁾ «Сѣверная Пчела», 1826, № 132. ⁴⁾ «Моск. Телеграфъ», 1825 г., ч. 2, № 5, 48. ⁵⁾ «Благонамѣренный», 1825, ч. 29, № 9, 326. ⁶⁾ «Московский Вѣстникъ», 1828, ч. 7, № 4, 465. (статья N.N.). ⁷⁾ «Мо-сковск. Вѣстн.», 1828, ч. 8, № 6, 192. (статья 9.11). ⁸⁾ Трубачевъ, «Пушкинъ въ русской критикѣ», 287. ⁹⁾ «Вѣнокъ на памятникъ Пушкина», 32—3.

плѣнникъ», и Алеко изъ «Цыганъ», и, отчасти, нѣкоторые герои его повѣстей ¹⁾—несомнѣнные родственники Евгенія по духу... Думается намъ, что для объясненія пушкинскаго героя мы должны опять-таки обратиться прежде всего къ его библиотекѣ: излюбленные книги Онѣгина раскроютъ передъ нами его душу, а, кромѣ того, выяснятъ, какъ самъ творецъ смотрѣлъ на свое созданіе.

Припомнимъ строфы пушкинскаго романа, въ которыхъ говорится о томъ, какъ Татьяна забралась въ деревенскую библиотеку Онѣгина и стала перерывать его книги. Что же оказалось?—

„Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтенье разлюбилъ,
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ опалы исключилъ:
Пѣвца Гаура и Жуана,
Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ“ ²⁾.

Эти романы не только «читаются» Онѣгинымъ: они имъ изучаются,—
«на ихъ поляхъ» Татьяна—

„...встрѣчаетъ
Черты его карандаша:
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ,
То краткимъ словомъ, то крестомъ,
То вопросительнымъ крючкомъ“ ³⁾.

И далѣе слѣдуютъ знаменательныя слова:

„И начинаетъ понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснѣе, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чуждаеъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что-жъ онъ? Ужели подражанье,

¹⁾ Таковы, напримѣръ, Сильвіо („Выстрѣлъ“, Соч. II—на, IV, стр. 35, 37), Алексѣй („Барышня-крестьянка“, Ibid. 77, 86) и др. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 366—7. ³⁾ Ibid. 367.

Ничтожный призракъ, или еще
 Москвитъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
 Чужихъ причудъ истолкованье,
 Словъ модныхъ полный лексиконъ?
 Ужъ не пародія ли онъ?"¹⁾

Слово найдено. Да, онъ—пародія на литературныхъ героевъ, и притомъ пародія не такая поэтическая и невинная, какъ мечтательница-Таня, а болѣе опасная и неприятная, такъ какъ это—пародія на героевъ, проникнутыхъ безпросвѣтнымъ эгоизмомъ, скептицизмомъ, лишенныхъ и тѣни идеализма...

Припомнимъ жизнь Онѣгина въ Петербургѣ, когда онъ весь отдавался «наукѣ страсти нѣжной»... У кого научился 18-ти лѣтній «философъ», только-что вступившій въ жизнь, «лицемѣрить, таить надежду, ревновать, разувѣрять, заставить вѣрить, казаться мрачнымъ, изнывать, являться гордымъ и послушнымъ, внимательнымъ или равнодушнымъ» и пр.?²⁾... Кто выучилъ его—

„Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
 Умомъ и страстью побѣждать...”

Подслушать сердца первый звукъ,
 Преслѣдовать любовь...

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
 Сердца кокетокъ записныхъ!
 Когда жъ хотѣлось уничтожить
 Ему соперниковъ своихъ,
 Какъ онъ язвительно злословилъ!
 Какія сѣти имъ готовилъ!"³⁾

Изъ всего этого мы видимъ въ юношѣ-Онѣгинѣ уже ловкаго «специалиста по любовнымъ дѣламъ», умудренного «наукой»... Пушкинъ помогаетъ намъ понять, откуда получилъ Онѣгинъ свои знанія,—

„Любви насъ не природа учить.

Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,—
 И узнаемъ ее въ романѣ...
 ...Онѣгинъ это испыталъ"⁴⁾.

Какой же «романъ» научилъ Онѣгина «жизни», послужилъ для него школой любви? Пушкинъ опять самъ рѣшаетъ наше недоумѣние: его герой, оказывается, въ ранней юности увлекался «славою Ловласа»⁵⁾.

Ловласъ, герой ричардсоновскаго романа «Кларисса Гарлоу», дѣйствительно, обольстительный образчикъ «покорителя женскихъ сердецъ», до

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 238. ²⁾ Ibid. 367. ³⁾ Ibid., 239. ⁴⁾ Ibid., 238. ⁵⁾ Ibid., 304.

сихъ поръ не увядшій, а въ свое время, къ великому горю добродѣтельнаго автора, очаровавшій массу читателей и читательницъ... Этотъ неотразимый прелестникъ выработалъ въ себѣ искусство «покорять» женщинъ¹⁾; онъ изучилъ «психологію женскаго сердца»²⁾, и побѣды ему легки, но за легкими побѣдами онъ не гоняется³⁾; «борьба» увлекаетъ его⁴⁾, трудная «охота»⁵⁾ ему особенно пріятна. Однимъ словомъ, это — образцовый обольститель, которому, повидимому, очень удачно подражалъ 18-ти лѣтній Онѣгинъ⁶⁾.

Но, какъ извѣстно, чувства нашего Онѣгина рано остыли: «слава Ловласова въ его глазахъ обветшала»⁷⁾, — явилось разочарованіе, овладѣла имъ хандра, и на смѣну Ловласу другіе герои сдѣлались его образцами, —

„Какъ Child Harold, угрюмый, — томный,
Въ гостинныхъ появлялся онъ;
Ни слетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его.
Не замѣчалъ онъ ничего...“⁸⁾ —

Неутомимый «охотникъ» — Ловласъ поднадоѣлъ ему — и, вотъ, нашъ Онѣгинъ красиво драпировался въ плащъ Чайльдъ-Гарольда и другихъ родственныхъ ему по духу «скорбниковъ».

Когда на его пути встала дѣвушка, съ которой ему не предстояло никакой «борьбы», онъ оттолкнулъ ее, прикрываясь изъ вѣжливости холодомъ своей души... Не такъ ли и учитель его, Чайльдъ-Гарольдъ, отнесся къ Флорансъ? —

„Флоранса! если бъ сердце это
Я для любви не схоронилъ,
Тогда бъ, повѣрь, любовь поэта

¹⁾ Richardson, „Clarisse“, I, 423, 426, 430, 435, 440, II, 22, 27, VI, 212, IV, 54, 63. ²⁾ Ibid., IV, 298. ³⁾ Ibid., V, 249. ⁴⁾ Ibid., V, 249. ⁵⁾ Ibid., IV, 221. ⁶⁾ Пушкинъ хорошо зналъ романъ Ричардсона. Хотя онъ и скучалъ за нимъ, но, тѣмъ не менѣе, даже въ 1834 г. признавалъ за нимъ „необыкновенное достоинство“ (Соч., V, 216; еще: 249). Герои и героини Пушкина тоже хорошо знаютъ это произведеніе (Соч., III, 275, 303, IV, 350 — 1). Кромѣ Ловласа, хорошимъ учителемъ въ любовныхъ дѣлахъ былъ у насъ еще одинъ романтический герой — Фобласъ (Соч., III, 239, 303; IV, 358).. Что касается до Онѣгина, то не потому ли, между прочимъ, онъ пренебрегъ Татьяной, что ему легкая побѣда, какъ Ловласу, была слишкомъ неинтересна: „скучно было лицемерить“, „уничтожать предразсужденія, которыхъ не было и нѣтъ у дѣвочки въ тринадцать лѣтъ“ (Соч., III, 304). ⁷⁾ Пушкинъ, Соч., III, 303. ⁸⁾ Ibid., 250. Интересно, что самъ Пушкинъ, прежде общавшій друзьямъ произведеніе въ родѣ „Донъ-Жуана“ (Соч., VII, 56, 72), потомъ круто измѣнилъ свои первоначальные планы (Ibid., 117), — и его молодой вѣтренникъ, подъ вліяніемъ Чайльдъ-Гарольда, получилъ совсѣмъ другое освѣщеніе.

Къ твоимъ ногамъ я положилъ.
Но ты не можешь быть моею:
У насъ различныя пути...⁴⁾

Впрочемъ, пушкинскій герой не прочь пародировать иногда и модныхъ героевъ совсѣмъ иного пошиба. Напримѣръ, вся «проповѣдь» Онѣгина по адресу Татьяны, проповѣдь, которая оканчивается наставленіемъ:

„Учитесь властвовать собой!
Не всякій васъ, какъ я, пойметъ,—
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ“⁵⁾—

—въ его устахъ звучить какою-то непроходимую фальшью³⁾,—и намъ невольно припоминается идеальный Грандисонъ⁴⁾, который любилъ читать подобныя правоученія «неопытнымъ» дѣвицамъ, предлагавшимъ ему свою любовь...

Если мы обратимся теперь къ письму Онѣгина, то и тутъ мы встрѣтимся съ тѣмъ же вліяніемъ романовъ: на сцену появляется Руссо, съ извѣстнымъ уже намъ романомъ: «Новая Элоиза».

Сдѣлаемъ нѣсколько сопоставленій:

„Предвижу все: васъ оскорбитъ“⁵⁾—

«Предвижу впередъ всю силу вашего негодованія⁶⁾»...

„Чтобъ продлилась жизнь моя,
Я утромъ долженъ быть увѣренъ,
Что съ вами днемъ увижусь я!“⁷⁾—

«Я долженъ видѣть тебя каждый день... Я не могу жить безъ тебя; я это чувствую!»⁸⁾

„Желать обнять у васъ колѣни
И, зарыдавъ, у вашихъ ногъ
Излить мольбы, признанья, пени“⁹⁾...

«Сто разъ на день порывался я кинуться къ вашимъ ногамъ, облить ихъ моими слезами...»¹⁰⁾

„...притворнымъ хладомъ
Вооружить и рѣчь, и взоръ,
Вести спокойный разговоръ,
Глядѣть на васъ спокойнымъ взглядомъ...“¹¹⁾

¹⁾ Байронъ, Соч., I, 214. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 303. ³⁾ Самъ Пушкинъ подчеркиваетъ эту фальшь ироническимъ: „...такъ проповѣдовалъ Евгений“ (Ibid.). ⁴⁾ Герой другого романа Ричардсона. ⁵⁾ Пушкинъ, Соч., III, 395. ⁶⁾ J. J. Rousseau, „Nouv. Héloïse“, 32. ⁷⁾ Пушкинъ, Соч., III, 396. ⁸⁾ J. J. Rousseau, 122. ⁹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 397. ¹⁰⁾ J. J. Rousseau, 32. ¹¹⁾ Пушкинъ, 397.

«Какъ сохранить спокойствіе при такомъ волненіи?.. Какъ думать о разныхъ вещахъ, когда занять только однимъ?.. Нужно сдерживать рыданія; надо улыбаться, умирая...» ¹⁾ и т. д.

Прибавимъ къ этимъ примѣрамъ указаніе, что Онѣгинъ передъ сочиненіемъ своего письма такъ же бросился къ книгамъ, какъ раньше Татьяна; правда, онъ читалъ самыя разнообразныя произведенія, но фигурируютъ тутъ, между другими авторами, и Руссо, и М-ше Сталь ²⁾...

Какъ и типъ Татьяны, типъ Онѣгина, разочарованнаго, скучающаго юноши, для котораго изсякли живыя радости юности, намѣчается въ русской жизни со второй половины XVIII вѣка. Опять Карамзинъ поможетъ намъ въ нашихъ поискахъ: онъ и въ жизни столкнулся съ такимъ человѣкомъ, и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ не разъ намѣчалъ черты героя, уже смахивающаго немного на Онѣгина...

Мы говоримъ о другѣ его А. А. Петровѣ, юношѣ, который рано извѣрился въ жизни, рано замкнулся въ себя и для всѣхъ непосвященныхъ казался «мизантропомъ», нелюдимомъ, чудакомъ, если и не опаснымъ, то «непріятнымъ» ³⁾.. Только въ присутствіи юнаго Карамзина открывалась его усталая душа, и въ ней увидѣлъ нашъ писатель много такого, что было сокрыто отъ взора другихъ ⁴⁾. Мы знаемъ, что и Онѣгинъ могъ оттаивать иногда, — для этого ему тоже нуженъ былъ подходящій слушатель: Пушкинъ вспоминалъ, какъ они сентиментальничали по ночамъ съ Онѣгинымъ, какъ, —

„Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы! ⁵⁾“

Такъ уносились мы мечтой ⁶⁾
Къ началу жизни молодой! ⁷⁾

Конечно, основанія для тоски у Петрова были болѣе важныя: его мучили вопросы: «что я есть и что я буду?» ⁸⁾. — Въ вопросахъ любви онъ былъ, вѣроятно, настоящимъ ребенкомъ, но, въ сущности, складъ души у обоихъ одинаковъ. Прибавимъ къ этому живому образу литературный, вымышленный, «Людора» ⁹⁾ — героя одной неоконченной Карамзинимъ повѣсти. Передъ нами опять разочарованный, холодный, ко всему равнодушный юноша, которому нѣтъ дѣла до человѣчества, который живетъ вдали отъ людей, чуждается ихъ... Глядя на него, невольно припо-

¹⁾ J. J. Rousseau, 110. ²⁾ Пушкинъ, 398. ³⁾ Карамзинъ, Письма къ Дмитріеву, 27. ⁴⁾ Ibid, 34; см. еще: „Дѣтокъ на гробъ моего Агатона“ (Соч. Карамзина, III т.). ⁵⁾ Пушкинъ, Соч., III, 253—4. ⁶⁾ См. нашу работу: „Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ Русскаго Путешественника“, 50 и др. ⁷⁾ „Моск. Журн.“, V, 305—335.

минаемъ мы и Рэнэ, и героевъ Сталь (Освальда и Мондовиля), и нашего Онѣгина; какимъ онъ былъ, когда переѣхалъ въ деревню... Стоить только прибавить къ этимъ двумъ образамъ эгоизмъ, выраженный рѣзко, какъ у Онѣгина и Печорина,—и мы невольно признаемъ преемственность типа «разочарованнаго» юноши, начиная съ карамзинской эпохи ¹⁾.

Позднѣе, Батюшковъ переживалъ минуты такой же рѣзкой и глубокой разочарованности; недаромъ онъ зачитывался «Рэнэ» Шатобриана, недаромъ почтенный биографъ поэта академикъ Л. Н. Майковъ объяснялъ настроеніе своего героя, опять-таки, при помощи Рэнэ..

Изъ современниковъ Пушкина остановимъ наше вниманіе на А. Раевскомъ, хорошемъ знакомомъ нашего поэта; душа этого юноши была отмѣчена чертами, очень близкими къ онѣгинскимъ. Впрочемъ, у Раевского эти черты значительно рѣзче, глубже, чѣмъ у Онѣгина; недаромъ его образъ вдохновилъ Пушкина на созданіе такого сильнаго произведенія, какъ «Демонъ» ²⁾—

Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветой
Онъ Провидѣнье искушалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновеніе презиралъ...
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ! ³⁾

¹⁾ Если въ сентиментальной литературѣ (Юнгъ, Оссіанъ) намѣчаются уже мотивы этой душевной тоски, а въ „Вертерѣ“ мы имѣемъ уже типичнаго „скорбника“; то послѣ французской революціи „разочарованіе“, „хандра“, вырождается у Шатобриана въ пассивный эгоизмъ, а у Байрона—въ эгоизмъ боевой, граничащій порой съ человѣконенавистничествомъ. (Объ отношеніи Пушкина къ Байрону и Шатобриану см. нашу работу: „Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ“). ²⁾ То обстоятельство, что самъ Пушкинъ намѣревался печатно утверждать, будто „Демонъ“ вовсе не портретъ Раевского (Соч. I, 292).—ничего не доказываетъ: 1) своего объясненія, очень, къ тому же, нерѣшительнаго, онъ не напечаталъ,—стало быть, отказался отъ мысли опровергать общее мнѣніе о томъ, что А. Раевскій—оригиналъ „Демона“.—2) подобныя „объясненія“ Пушкина, сами по себѣ, цѣны особой не имѣютъ, такъ какъ онъ иногда пытался маскировать этимъ способомъ свои художественные замыслы: напримѣръ, онъ рѣшительно отвергъ всякое сходство между Онѣгинымъ и собою, хотя въ то же время въ частныхъ письмахъ прямо говоритъ, что жизнь героя въ деревнѣ срисовалъ со своей собственной,—3) самъ Раевскій признавалъ себя въ „Демонѣ“; многіе знавшіе его (Вигель, Е. Н. Раевская), тоже подтверждаютъ это... ³⁾ Пушкинъ, Соч., I, 292.

Конечно, здѣсь передъ нами оригиналъ идеализированъ,—въ красивой позѣ поставленъ онъ на пьедесталъ, освѣщенъ искусственно и облеченъ въ приличное демону одѣяніе,—но, стоитъ свести этого демона съ пьедестала, одѣтъ на него широкій боливаръ, модный костюмъ и лакированные ботфорты,—и передъ нами, какъ живой, встаетъ Раевскій-Онѣгинъ...

Вигель, знавшій Раевского близко, рисуетъ его человѣкомъ гордымъ, независимымъ, «съ непріязненнымъ чувствомъ ко всему человѣчеству...» «Въ немъ не было честолюбія, но изъ смѣшенія презрѣннаго самолюбія, лѣни, хитрости и зависти составленъ былъ его характеръ»¹⁾. Наружность его сохранила еще нѣкоторую пріятность, хотя тѣлесные и душевные недуги уже иссушили его и наморщили его чело. Въ умѣ его была твердость, но безъ всякаго благородства. Поэзія была ему дѣло вовсе чуждое (ср. Онѣгина), равнодѣрно и нѣжныя чувства²⁾ (ср. Онѣгина), въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣшное сумасбродство»³⁾. Съ женщинами онъ обращался «умѣло» и побѣды одерживалъ надъ ними легко, почему скоро и прослылъ опаснымъ человѣкомъ, и всѣ старались учтиво уклоняться отъ него⁴⁾. Сестра Раевского, Екатерина Николаевна, утверждаетъ, будто «разочарованіе» брата было напускнымъ, будто ему хотѣлось «потрунить» надъ Пушкинымъ, и потому онъ сталъ корчить ничѣмъ недовольнаго, разочарованнаго, надо всѣмъ грумящагося человѣка; поэтъ поддался искусной мистификаціи и написалъ своего «Демона»⁵⁾. Но едва ли эта «мистификація», обманувшая не одного Пушкина, а многихъ, была только шалостью,—слишкомъ ужъ она продолжительна и серьезна, если слѣды ея сказались не только на одномъ лирическомъ произведеніи, но и на письмѣ Пушкина, писанномъ, какъ думаютъ, все къ тому же Демону-Раевскому. Въ одномъ изъ такихъ писемъ мы видимъ обращеніе поэта къ какому-то «учителю», который совѣтовалъ ему въ жизни быть «*féroce, tyran, vindicatif*», который училъ его презирать людей, проповѣдывалъ эгоизмъ, рѣшительный, жестокий⁶⁾...

Этотъ образъ настолько близокъ къ Онѣгину, что мы рѣшаемся видѣть въ А. Раевскомъ главнаго «натурщика» для героя пушкинскаго романа. Это подтверждается, между прочимъ, сличеніемъ двухъ отрывковъ: одного, относящагося къ «Демону», другого—къ «Онѣгину».

«Демонъ», какъ извѣстно, начинается съ повѣствованія о томъ, какъ безмятежная жизнерадостность поэта была сначала омрачена скептицизмомъ «Демона», а потомъ была имъ побѣждена.

¹⁾ Вигель, Воспоминанія, VI, 169. ²⁾ Ibid, 170. ³⁾ Ibid, 171. ⁴⁾ Вигель, Воспоминанія, 171. ⁵⁾ Складчина, 373. ⁶⁾ Пушкинъ, Соч., VII, 25—6. Какъ увидимъ ниже, подобныя же совѣты въ 1822 г. подавалъ своему брату самъ Пушкинъ (Ibid., 43—4).

То же находимъ мы и въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

„Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору
И къ шуткѣ, съ желчью, пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ“¹⁾.

Въ черновыхъ наброскахъ мы найдемъ болѣе подробное объясненіе того, какъ овладѣвалъ Онѣгинъ-Демонъ душою поэта, уже подготовленнаго жизнью къ подобнымъ вліяніямъ:

Черновые наброски „Демона“.

Варианты къ XLV строфѣ 1-й главы Онѣгина.

„Таковъ онъ былъ...
Мое спокойное незнанье
Страстями возмущалъ,
И я его существованье
Съ своимъ, невиннымъ сочеталъ.
Я видѣлъ міръ его глазами...
Онъ общалъ...
Истолковать мнѣ все творенье,
И разгадать добро и зло...
Непостижимое волненье
Меня къ лукавому влекло...
...
Я сталъ взирать его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный владъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ“²⁾...

...
Мнѣ было грустно, тяжело, больно,
Но одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ,
Мою задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ,
Я неописанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ,
Я сталъ взирать его очами;
Отерылъ я жизни бѣдной владъ,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ“³⁾...

Если мы къ этому приближенію прибавимъ еще бѣглую характеристику, которую далъ Пушкинъ Онѣгину, назвавъ его «надменнымъ бѣсомъ», и хронологическую близость обоихъ произведеній (1823 г.), — то мы должны будемъ признать, что А. Раевскій, послужившій оригиналомъ для «Демона», въ такой же мѣрѣ близокъ и къ Онѣгину.

Кромѣ этого живого лица, очевидно, былъ у Пушкина «натурщикъ», взятый изъ литературы: поэтъ самъ указывалъ не разъ на Чайльдъ-Гарольда, какъ на образчикъ, которому подражалъ Онѣгинъ, распроставшись съ Ловласомъ: объ этомъ Пушкинъ говорить то въ подстрочномъ примѣчаніи: «черта охлажденного чувства, достойная Чайльдъ-Гарольда»⁴⁾, то не разъ прямо сравниваетъ своего героя съ Child Harold'омъ...⁵⁾ Наконецъ, кое-какія мелочи для своего Онѣгина списалъ Пушкинъ съ себя: многія мелкія черты его жизни въ Михайловскомъ повторены въ романѣ съ буквальною точностью, — объ этомъ

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 252—3. ²⁾ Пушкинъ, Соч., I, 293. ³⁾ Ibid, III, 253.

⁴⁾ Ibid, 243. ⁵⁾ Ibid, 250, 319.

свидѣтельствуешь, между прочимъ, Анненковъ: альбомъ Онѣгина, его костюмъ, времепрепровождение въ деревнѣ, отношеніе къ сосѣдямъ-помѣщикамъ—все это взято изъ жизни самого поэта ¹⁾. Самъ Пушкинъ признавалъ это: «въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь» ²⁾,—писалъ онъ Вяземскому; у сосѣдей своихъ деревенскихъ онъ, оказывается, «пользовался репутацией Онѣгина» ³⁾, жизнь свою онъ проводилъ, какъ «совершенный Онѣгинъ» ⁴⁾. Интересно, что это сходство не было только внѣшнимъ. Письмо Пушкина къ брату говоритъ намъ, что между нимъ и его героемъ было и духовное сродство. Въ самомъ дѣлѣ, насыщенный уроками Раевского, А. С. Пушкинъ, въ свою очередь, совершенно серьезно совѣтуетъ брату «презирать людей», относиться ко всѣмъ холодно, не увлекаться дружбой, не выказывать своей любви къ женщинамъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обладать ими... Всѣ эти уроки, по словамъ Пушкина, были результатомъ его «douleurieuse experience» ⁵⁾...

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ, собранныхъ нами для объясненія исторіи Онѣгина, видно, какимъ сложнымъ путемъ шло художественное воплощеніе того образа, въ которомъ современники Пушкина почти единогласно признали знакомыя черты моднаго молодого чело-вѣка. Съ необыкновеннымъ искусствомъ сохранилъ Пушкинъ въ теченіе многихъ лѣтъ основныя черты своего героя и, мѣняя много разъ «натурщиковъ», тѣмъ не менѣе, не исказилъ его сущности. Въ самомъ дѣлѣ, и Ловласъ, и Чайльдъ-Гарольдъ, и Раевскій, и самъ поэтъ, отчасти С.-Прё и Грандисонъ удѣлили, каждый кое-что, въ большей или меньшей мѣрѣ, Онѣгину,—а въ результатъ, изъ всѣхъ этихъ мозаичныхъ кусочковъ созданъ образъ, всегда вѣрный себѣ.

Въ чемъ же «сущность» этого образа? Думается намъ, главное въ Онѣгинѣ, это именно то, что онъ—«пародія», что это существо, ломающееся, копирующее «чужую» жизнь ⁶⁾. За это судьба и покарала его: когда живое, искреннее чувство овладѣло имъ, когда онъ забылъ свои ужимки и снялъ съ себя маскарадные украшенія,—было уже поздно. Между тѣмъ, можно думать, что любовь къ Татьянѣ проснулась въ его сердцѣ гораздо раньше вторичнаго свиданья: вѣдь въ Петербургѣ онъ съ первой встрѣчи обратилъ на нее особое вниманіе; онъ, получивъ ея посланіе,—

¹⁾ Анненковъ, „Матеріалы...“, 43, 67, 111: «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 235, 270. См. объ этомъ еще „Русск. Стар.“, 1899, № 5, 273—5. ²⁾ Пушкинъ, Соч., VII, 182. ³⁾ Ibid, 94. ⁴⁾ Ibid, 96. ⁵⁾ Ibid, 43—4. ⁶⁾ Другіе герои Пушкинскихъ произведеній тоже грѣшатъ этимъ же: Сильвіо, по натурѣ добродушный (IV, 37) чело-вѣкъ, корчитъ изъ себя какого-то „рокового героя“ (IV, 35); Чайльдъ-Гарольдомъ представился Алексѣй (Ibid, 77),—онъ оказывается даже „размышляль о томъ, какую роль играть ему“ въ присутствіи героини,—и рѣшилъ, что холодная расѣянность „всего приличнѣе“ (Ibid, 86). Влади-

„... живо тронуть былъ:
Языкѣ дѣвическихъ мечтаній
Въ немъ думы роемъ возмутилъ
И въ сладостный, безгрѣшный сонъ
Душою погрузился онъ“ ¹⁾.

Ея письмо онъ бережно сохранилъ ²⁾, и въ своей «холодной» повѣди не сумѣлъ скрыть искорокъ любви:

„Я, сколько ни любилъ бы васъ,
Я васъ люблю любовью брата
И, можетъ быть, еще нѣжнѣй“ ³⁾.

Прибавимъ къ этому пропущенную строфу (VI, гл. III), въ которой Пушкинъ изобразилъ своего героя сразу влюбившимся въ Татьяну:

Въ постелѣ лежа, нашъ Евгений
Глазами Байрона читалъ,
Но д. о. въ невольныхъ размышленій
Татьянѣ милой посвящалъ.
Проснулся онъ сегодня ранъ —
И мысль была все о Татьянѣ.
„Вотъ новое!“ — подумалъ онъ:
„Неужто я въ нее влюбленъ?“

„Посмотримъ!“ — И тотчасъ рѣшилъ
Сосѣдокъ навѣщать исправно.
Какъ можно чаще, всякій день:
„Вѣдь имъ досугъ, а мнѣ не лѣнь!“
Рѣшилъ, и скоро сталъ Евгений,
Какъ Ленскій“ ⁴⁾...

Такая легкая покорность чувству и простое, правдивое отношеніе къ любви было, конечно, не въ духѣ Онѣгина, — и эта интересная строфа выпущена была, какъ искажающая образъ героя, полного фальши и лжи даже передъ самимъ собою. Объ этой лжи говорить самъ поэтъ, когда, представляя читателю, вторично, послѣ долгой разлуки, своего героя, лукаво спрашиваетъ:

„Все тотъ же ль онъ, иль усмирился?
Иль корчитъ такъ же чудака?“

міръ Z, чтобы произвести большее впечатлѣніе, напускаетъ на себя „fatuité insolente“. (Ibid, 357), „корчитъ г-на Фобласа“ (Ibid, 358). Такимъ образомъ, начиная съ „Кавказскаго плѣнника“ и кончая героями повѣстей, Пушкинъ нѣсколько разъ рисовалъ человѣка, играющаго роль, — но, если создавая своего Плѣнника, поэтъ вѣрилъ еще тому, что рисуетъ дѣйствительно страдающаго героя, — и въ послѣднихъ произведеніяхъ, совершенно объективныхъ, прямо и рѣшительно изобличаетъ въ ихъ лицѣ обезьянчанье русскаго общества.

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 262. ²⁾ Ibid., 305. ³⁾ Ibid., 390. ⁴⁾ Ibid., 307—8.

Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
 Что намъ представить онъ пока?
 Чѣмъ нынѣ явится? Мельмотомъ,
 Космополитомъ, патріотомъ,
 Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
 Иль маской щегольнетъ иной?
 Иль просто будетъ добрый малый,
 Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?
 По крайней мѣрѣ, мой совѣтъ:
 Отстать отъ моды обветшалою.

 Довольно онъ морочилъ свѣтъ" ¹⁾.

Эти слова еще разъ подтверждаютъ сказанное нами, что Пушкинъ хотѣлъ въ своемъ героѣ изобразить одну изъ тѣхъ многочисленныхъ «пародій», которыми кишѣлъ тогдашній «свѣтъ». Многіе изъ этихъ мельмотовъ, космополитовъ, патріотовъ, гарольдовъ etc. были часто «добрые малые», но они старательно «морочили» себя и другихъ, волочасъ за модой, «корчили изъ себя чудаковъ», «носили маски»... Самъ Пушкинъ сильно грѣшилъ этимъ въ юности, — очень грѣшилъ и его герой. Съ лѣтами у обоихъ проснулася жажда правды, искренности...

Правда, Онѣгинъ и при вторичномъ свиданіи немного попробовалъ еще поломаться передъ Татьяной, но какъ легко онъ бросилъ все это, побѣжденный правдой своего чувства!.. Любовь овладѣваетъ имъ, — и холодные, «разочарованные герои» романовъ забываются, — «надменный бѣсъ» обращается въ несчастнаго человѣка ²⁾...

Что въ лицѣ Онѣгина Пушкинъ рисовалъ «русскую пародію»; видно, наконецъ, изъ того, что настоящая душа его героя не разъ себя обнаруживала въ теченіе всего романа. Припомнимъ въ первой главѣ бесѣды Онѣгина съ поэтомъ, когда они, —

„Воспомня прежнихъ лѣтъ романы,
 Воспомня прежнюю любовь,
 Чувствительны, безпечны вновь,
 Дыханьемъ ночи благосклонной
 Безмолвно упивались...“ ³⁾

Они тогда «уносились мечтой къ началу жизни молодой ⁴⁾», — и душа Онѣгина была тогда «полна сожалѣній» ⁵⁾... Дружба его съ Ленскимъ тоже показываетъ, что не всегда онъ корчилъ мизантропа, что порою свое холодное презрѣніе ко всѣмъ людямъ, безъ изъятія, смѣнялось у него добродушной, снисходительной «улыбкой», въ которой сквозить живое

¹⁾ Ibid., 282—3. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 385. ³⁾ Пушкинъ, Соч., III, 391, 393, 394—5, 395—7, 399. ⁴⁾ Ibid., 254. ⁵⁾ Ibid., 253.

чувство симпатіи¹⁾). Для «человѣконенавистника» онъ слишкомъ большое значеніе предавалъ смерти Ленскаго, «окровавленная тѣнь» котораго—

„Ему являлась каждый день“²⁾.

Для человѣка, въ которомъ умерли всѣ чувства, онъ слишкомъ легко отдается сердечному волненію; вѣдь онъ—

„...чуть съ ума не своротилъ,
Или не сдѣлался поэтомъ...“³⁾.

3. Ленскій.

„Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь,
И кудри черныя до плечъ“⁴⁾.

(„Евг. Онѣг.“, гл. II, стр. VI).

Поэтический образъ юнаго Ленскаго, рано унесеннаго могилою, обрисованъ Пушкинымъ очень бѣгло: передъ нами, въ сущности, только характеристика юноши и затѣмъ, какъ бы иллюстрація къ ней, стихи, сочиненные имъ передъ дуэлью. Но и этого немногаго, даннаго Пушкинымъ, вполне достаточно для вѣрнаго пониманія внутренней жизни Ленскаго.

Кромѣ этой существенной поддержки, идущей отъ самого Пушкина, данныя, почерпнутыя непосредственно изъ русской дѣйствительности той эпохи, помогутъ намъ доказать: 1) что, подобно Татьянѣ и Онѣгину, этотъ второстепенный герой пушкинскаго романа не вымышленъ великимъ художникомъ, а взятъ изъ русской жизни,—и 2) что художественное воплощеніе этого типа шло тѣмъ же порядкомъ, какой былъ указанъ нами выше, когда рѣчь шла о главныхъ герояхъ романа.

Что касается до Ленскаго, то выяснить его внутренній міръ можно легко изъ той прекрасной характеристики его, которую далъ самъ Пушкинъ въ строфахъ: VI—XII, XIII, XVI, XX, XXII второй главы: передъ нами обрисовывается очень яркими чертами образъ юноши-«die schöne Seele», «прекраснодушнаго» мечтателя-идеалиста, вѣрящаго утопіямъ, политическимъ и моральнымъ, сентиментальнаго, романтическаго...

Этотъ типъ сложился во второй половинѣ XVIII вѣка, въ «туманной Германіи» и нѣсколько позднѣе, къ концу того же вѣка, ярко обрисовался и у насъ⁴⁾.

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 267—8. ²⁾ Ibid., 387, 399. ³⁾ Ibid., 399. ⁴⁾ См. нашу работу „Н. М. Карамзинъ“, стр. 115, 400, Кожевниковъ, „Философія чувства“, ч. I, 636—8.

Съ его появленіемъ у насъ начинается переломъ русской литературы отъ французскаго псевдоклассицизма къ нѣмецкому романтизму; Карамзинъ стоитъ во главѣ этого новаго періода русской литературы; онъ же былъ несомнѣннымъ прародителемъ огромной толпы всѣхъ этихъ Ленскихъ, «полурусскихъ» юношей-идеалистовъ, пѣвцовъ своей «прекрасной» души.

Хотя между Карамзинымъ и Ленскимъ разстояніе въ тридцать лѣтъ, однако черты ихъ до того поразительно близки, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, почти безъ измѣненія можетъ быть приложена къ Карамзину, какимъ онъ былъ передъ путешествіемъ за границу: оба были поклонниками «туманной Германіи», оба увлекались и Кантомъ, и вольнолюбивыми мечтами, у обоихъ былъ «духъ пылкій и довольно странный», «всегда восторженная рѣчь и кудри черныя до плечъ»...

Когда Карамзинъ сблизился съ Петровымъ, онъ горѣлъ «пламеннымъ усердіемъ къ добру»¹⁾; какъ у Ленскаго,—

„Негодованье, ссжалѣнье,
Ко благу чистая любовь—

Въ немъ рано волновали кровь“²⁾.

Карамзинскую «искренность, живость, нѣкоторый жаръ чувства»³⁾ узнаемъ мы въ «пылихъ»⁴⁾, «восторженныхъ рѣчахъ»⁵⁾ Ленскаго, въ его «юномъ жарѣ, юномъ бредѣ»⁶⁾, въ его «пламенной молодости»⁷⁾...

«Милыя надежды» Карамзина, его «тайныя сомнѣнія»⁸⁾ волновали и Ленскаго,—

„... Мира новый блескъ и шумъ
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чуда подозревалъ“⁹⁾.

У обоихъ «душа воспламенилась» поэтическимъ огнемъ поэтовъ Германіи; разница лишь въ томъ, что Карамзинъ зачитывался Клопштокъ, Клейстомъ, а Ленскій—Шиллеромъ и Гёте... Оба въ своихъ произведеніяхъ гордо сохранили всегда возвышенныя чувства, порывы «дѣйственной мечты»¹⁰⁾. Оба проливали «живыя» слезы при разлукѣ, оба знали

¹⁾ Карамзинъ, Соч., III, 360. ²⁾ Пушкинъ, Соч., III, 263. ³⁾ Карамзинъ, Соч., III, 360. ⁴⁾ Пушкинъ, III, 267. ⁵⁾ Ibid., 262. ⁶⁾ Ibid., 267. ⁷⁾ Ibid., 270. ⁸⁾ Карамзинъ, Соч., III, 360. ⁹⁾ Пушкинъ, III, 263. ¹⁰⁾ Ibid., 263—4.

припадки «меланхоли», «гдѣ поблеклой жизни цвѣтъ, безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ»¹⁾).

Любопытно, что сходство простирается до того, что захватываетъ даже отношенія обоихъ къ ихъ друзьямъ, Онѣгину и Петрову: «гдѣ онъ (Петровъ) одобрялъ съ спокойной улыбкой, тамъ я (Карамзинъ) восхищался; огненной пылкости моею противопоставлялъ онъ холодную свою разсудительность»²⁾. Онѣгинъ тоже—

„...слушалъ Ленскаго съ улыбкой
И охлаждающее слово
Въ устахъ старался удержать...»³⁾

О чемъ же бесѣдовали друзья,—Онѣгинъ съ Ленскимъ и Петровъ съ Карамзинымъ?—Да буквально о томъ же: «разсуждали мы о происшествіяхъ міра, угадывали будущую судьбу человѣчества»⁴⁾, «разсуждали о нравственномъ мірѣ»⁵⁾, славили «преимущества осмагонадесять вѣка», «распространеніе духа общности», «тѣснѣйшую и дружлюбнѣйшую связь»⁶⁾ народовъ, вопрошали натуру о великихъ тайнахъ ея»⁷⁾,—

„Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предрасудки вѣковые
И гроба тайны роковыя“⁸⁾.

Сходство простирается даже до такой мелочи, какъ чтеніе Оссіана, которымъ и Карамзинъ, и Ленскій угощали своихъ друзей⁹⁾...

Припомнимъ нѣсколько писемъ, отправленныхъ Карамзинымъ къ Лафатеру,—и опять Ленскій, съ его душой, съ его чувствами, мыслями и интересами, ярко обрисовывается передъ нами...

Сдѣланное нами сопоставленіе, конечно, не приведетъ насъ къ заключенію, что Ленскій срисованъ съ Карамзина, но мы должны будемъ признать, что типъ юноши-идеалиста, типъ, занесенный къ намъ Карамзинымъ прочно привился къ русской жизни: онъ не умиралъ въ теченіе 30—40 лѣтъ и ко времени Пушкина сохранилъ свои яркія краски и духовные интересы.

Въ самомъ дѣлѣ, достаточно бѣлаго взгляда, чтобы убѣдиться, что послѣ Карамзина у насъ развелось не мало «прекраснодушныхъ» юношей, «сентиментальныхъ мечтателей, живущихъ идеальными чувствами»¹⁰⁾,— всѣ

¹⁾ Пушкинъ, Соч., III, 265. Если мы къ этому прибавимъ „сентиментальничанье“ Ленскаго (III, 312), то сходство обоихъ образовъ еще увеличится.

²⁾ Карамзинъ, Соч., III, 362; ³⁾ Пушкинъ, Соч., III, 267. ⁴⁾ Карамзинъ, 366.

⁵⁾ Ibid., 437. ⁶⁾ Ibid., 438. ⁷⁾ Ibid., 366. ⁸⁾ Пушкинъ, Соч., 267—8. ⁹⁾ Карамзинъ Соч., III, 361,—Пушкинъ, III, 268. ¹⁰⁾ См. 3-ю главу нашего изслѣдованія:

„Н. М. Карамзинъ, авторъ „Писемъ русскаго путешественника“.

они въ значительной степени люди «полурусскіе», очи ихъ направлены на любезную имъ Германію. Оставимъ мелкихъ представителей этого сорта людей, болѣею частью учениковъ и поклонниковъ Карамзина ¹⁾, и перейдемъ къ болѣе крупнымъ представителямъ этого типа.

Прежде всего бросается намъ въ глаза образъ Андрея Тургенева, юнаго поэта, съ чистымъ сердцемъ, «исполненнымъ любви къ прекрасному» ²⁾—друга Жуковского. Нѣкоторые стихи его, стихи, проникнутые чувствомъ свѣтлой грусти, но въ то же время любви и вѣры ³⁾, показываютъ намъ, что поэтическія грезы Ленскаго ему очень сродни,—онъ тоже—

„... пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическія розы...
Онъ пѣлъ поблѣдой жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ“ ⁴⁾..

Безмятежный идеализмъ, находившій утѣшеніе въ воспоминаніи «минувшихъ дней блаженныхъ» ⁵⁾ и въ надеждѣ на свѣтлое будущее ⁶⁾, предклоненіе передъ вѣчнымъ царствомъ любви ⁶⁾,—все это довольно характерныя черты и для пушкинскаго Ленскаго.. «Тѣнь веселая и мирная!»—взывалъ Жуковский къ своему покойному другу: «тѣнь твоя надо мною, она—собесѣдница безмолвныхъ часовъ моихъ, незримый хранитель моего сердца!» ⁷⁾. Къ этому прибавимъ увлеченіе А. Тургенева нѣмецкой литературой, за что его даже звали «нѣмцемъ» ⁸⁾, прибавимъ его восторженность и «пѣсни пламенны и музамъ, и свободѣ» въ «священномъ» кругу такихъ же «прекраснодушныхъ» юношей ⁹⁾—и опять обрисуются передъ нами свѣтлыя, ясныя черты Ленскаго...

Обратимся теперь къ Жуковскому. Опять полное совпаденіе съ Ленскимъ: весь первый періодъ поэтической дѣятельности «прекраснодушнаго» Жуковского, въ сущности, есть не что иное, какъ варіаціи на тѣ же темы, которыя разрабатывались Ленскимъ.—

„Въ немъ скорбь о неизвѣстномъ,
Стремленіе въ даль, любви тоска,
Томленіе разлуки“ ¹⁰⁾...

Развѣ не о такой поэзіи говоритъ Пушкинъ въ словахъ:

„Онъ пѣлъ любовь...
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,

¹⁾ Загаринъ, „В. А. Жуковский“, 28. ²⁾ Напр. Ibid., 46—7. Тихонравовъ, Соч., ч. I, 416. ³⁾ Пушкинъ, соч., III, 265. ⁴⁾ Тихонравовъ, соч., III, ч. I, 416. ⁵⁾ Ibid. ⁶⁾ Ibid. ⁷⁾ Ibid. ⁸⁾ Ibid., 416—7, 433—4. ⁹⁾ Тихонравовъ, Соч. III, ч. I, 416; ¹⁰⁾ Жуковский, Соч. I, 109.

Онъ пѣлъ поблѣклый жизни цвѣтъ
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ...⁴⁾

Правда, Ленскій былъ также и поклонникомъ нѣмецкой философіи; кромѣ того, довольно рѣзко подчеркнуты Пушкинымъ его «вольнолюбивыя» мечты. Но и эти черты отыщемъ мы въ русской жизни той эпохи: намъ поможетъ въ этомъ, хотя бы—князь А. И. Одоевскій, юноша-поэтъ, поплатившійся за свои вольнолюбивыя мечты Сибирью. Стоитъ намъ слегка ознакомиться съ этимъ образомъ, — и опять передъ нами станетъ тотъ же Ленскій: тотъ же —

„...блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живая“³⁾..

«Мысли его, рассказываетъ М. Бестужевъ, витали въ областяхъ фантазіи. Это былъ молодой пылкій человѣкъ и поэтъ въ душѣ»²⁾. Огаревъ, встрѣтившійся съ нимъ на Кавказѣ, рассказываетъ слѣдующій эпизодъ, характерный для Одоевскаго: «ночь была чудная. Мы сѣли на скамью, и Одоевскій говорилъ свои стихи. Я слушалъ, склоня голову. Это былъ рассказъ о видѣніи какого-то свѣтлаго женскаго образа, который передъ нимъ явился въ прозрачной мглѣ и медленно скрылся»¹⁾. Развѣ не тѣ же видѣнія посѣщали Ленскаго, когда онъ писалъ свою лебединую пѣснь передъ дуэлью: тотъ же воздушный, женскій образъ, легкій, полупрозрачный, проносящійся легкой тѣнью передъ чистыми очами юноши-поэта, умиленнаго, восхищеннаго.. Обратимся ли мы къ стихамъ Одоевскаго, — мы опять услышимъ музыкальные мотивы трогательной элегіи Ленскаго:

„Куда, куда вы удалились?...“

Мы услышимъ въ этихъ стихахъ ту же возвышенную, чистую грусть, освященную тою же вдохновенной любовью ко всему міру и безоблачнымъ оптимизмомъ.

Стоитъ сравнить, хотя бы, его элегію: «Умиравшій художникъ» съ стихами Ленскаго, — и мы еще разъ убѣдимся, до какой степени могъ Пушкинъ проникаться чужимъ настроеніемъ: стихи его Ленскаго совершенно въ тонѣ этой элегіи, —

„...едва лучи денницы
Моей коснулись зѣницы,
И свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ;
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлымъ!
Нѣтъ! Сновъ небесныхъ вистью смѣлой

¹⁾ Пушкинъ, Соч. III, 265; ²⁾ Одоевскій, Соч. (изд. подъ редакціей г. Мазаева), IX. ³⁾ Одоевскій, Соч., VII; ⁴⁾ Ibid, VIII.

Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною не допѣтой,
Не дозвучить въ земныхъ струнахъ.
И я, въ нетлѣніе одѣтый,
Ее дослышу въ небесахъ ¹⁾.

Развѣ не эти же думы роились въ головѣ Ленскаго, когда онъ думалъ о возможной смерти? Когда мысли его перенеслись къ Ольгѣ, — развѣ его поэтическія грезы не совпали съ грезами Одоевскаго:

„Улетѣлъ надеждъ блеснувшихъ
Лучезарный хороводъ,
Лишь одна изъ дѣвъ воздушныхъ
Запоздала. Сладкій взоръ,
Легкій шопотъ устъ послушныхъ,
Твой небесный разговоръ
Внятенъ мнѣ. Тебѣ охотно
Я ввѣряюсь всей душой...
Тихо плавай надо мной,
Плавай, другъ мой неотлѣтный!
Всѣ исчезли. Ты одна
На яву, во время сна,
Навѣваешь утѣшенье ²⁾).

Поэтъ, живущій въ «мірѣ мечтаній», преклоняющійся передъ «святѣйшей чувства» ³⁾, Одоевскій, задаетъ себѣ томительный вопросъ, который, конечно, мучилъ и Ленскаго:

„Зачѣмъ мучительною тайной
Непостижимый жизни путь
Волнуетъ трепетную грудь?
Какъ званый гость, или случайный,
Пришелъ онъ въ этотъ чуждый міръ,
Гдѣ скудно сердца наслаждение
И скорби съ радостью смѣшенье
Томить, какъ похоронный пиръ? —
Гдѣ насъ объемлетъ разрушенье,
Гдѣ колыбель — могилы дань,
Развалины цѣпь — поля и горы ⁴⁾!..

Если мы обратимся къ мемуарамъ того времени, — опять передъ нами пронесется нѣсколько чистыхъ юношескихъ образовъ, просвѣтленыхъ тѣмъ же идеализмомъ, которымъ пылала душа Ленскаго. С. Аксаковъ, напримѣръ, вспоминаетъ свою юность въ слѣдующихъ восторженныхъ выраженіяхъ: «Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія!» ⁵⁾... Тутъ, конечно, есть и

¹⁾ Одоевскій, Соч., 5; ²⁾ Ibid, 7; ³⁾ Ibid, 10. ⁴⁾ Одоевскій, Соч., 10; ⁵⁾ Г. Полливановъ указываетъ также на Кюхельбекера, какъ образчикъ поэта-идеалиста, воспитаннаго на нѣмецкой поэзіи и потому близкаго къ Ленскому (Пушкинъ, Соч., изд. Полливанова, IV, 467);

идеальная дружба и любовь, и преклонение передъ природой, и увлечение идеалистической литературой: Аксаковъ зачитывался романами Коцебу и Лафонтена, «читалъ ихъ по ночамъ—въ пустыхъ антресоляхъ—читалъ съ увлеченіемъ, съ самозабвеніемъ! Смѣшно сказать, но и теперь слова: «люби меня, я добръ, Фанни!» или: «мѣсяцы, блаженные мѣсяцы пролетали надъ этими счастливыми смертными», слова, сами по себѣ ничтожныя и пошлыя, заставляютъ сердце мое биться скорѣе по одному воспоминанію того восторга, того упоенія, въ которое приводили они пятнадцатилѣтняго юношу!»¹⁾... Прощаясь со своею университетскою жизнью, Аксаковъ раздражается цѣлымъ рядомъ восторженныхъ восклицаній: «прощай, шумная, молодая, учебная жизнь! Прощайте, первые, невозвратные годы юности пылкой, ошибочной, неразумной, но чистой и благородной!.. Стѣны гимназіи и университета, товарищи—вотъ, что составляло полный міръ для меня. Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства! Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, ко всѣмъ своекорыстнымъ расчетамъ и выгодамъ, ко всей житейской мудрости—и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному!»²⁾ Эти вдохновенныя строки говорятъ намъ о настроеніи цѣлаго поколѣнія молодежи и находятъ подтвержденіе въ рядѣ другихъ свидѣтельствъ. Изъ записокъ Жихарева мы узнаемъ, напримѣръ, что молодежь тогдашня увлеклась музыкой, «исполненною чувства и нѣмецкой мечтательности»³⁾, что трогательные стихи, отъ которыхъ «такъ и вѣетъ Маттисономъ», приводили въ умиленіе.

„На ея могилѣ есть цвѣтокъ незримый:
Всюду разливаешь онъ благоуханье.
Онъ—цвѣтокъ завѣтный, онъ—цвѣтокъ любимый.
Онъ—вспоминанье!
И вѣчно душистый, цвѣтокъ неизмѣнный
Не боится бури, не вянетъ отъ зноя,
Сторожить сохранно имя преселенной
Къ вѣчному покою!⁴⁾

Слушая соловья на могилѣ своей милой, идеальный юноша того времени обливался слезами и сочинялъ чувствительную элегію:

„...Пѣсня сладостна твоя;
Но стократъ нѣжнѣе
Раздавалась пѣснь ея
Слаще и милѣе!

¹⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 322. ²⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 338. ³⁾ С. Аксаковъ, Соч., I, 360; ⁴⁾ Жихаревъ, Записки, 42.

Пѣсня дѣвы молодой
 Въ сердце западала,
 Какъ воздушной арфы строй,
 Душу проникала.
 Много, много вась пѣвцовъ
 Съ весною прибудеть,
 Но весна почившей вновь
 Къ пѣснямъ не разбудить!
 Голосъ смолкъ, погаснулъ взоръ,
 Здѣсь она отцѣла,
 И къ пѣвцамъ безплотнымъ въ хоръ,
 Въ небо улетѣла! ¹⁾

Вотъ, передъ нами еще одинъ юноша—Телешовъ, о которомъ его ученица, графиня А. Д. Блудова, отзывалась съ самымъ живымъ сочувствіемъ: у него, оказывается, «была душа самая пылкая, нѣжная, женственная и, какъ у Ленскаго,

Всегда восторженная рѣчь...» ²⁾

Это былъ идеалистъ-pur sang, чистый образчикъ юноши-«die schöne Seele». Такимъ же былъ, повидимому, и С. Глинка, который, по собственному признанію, «делѣялъ сердце жзнію мечтательною», былъ «платонически влюбленъ», воспѣвалъ свою милую въ элегическихъ стихахъ ³⁾... Немудрено, что его записки переходятъ порой въ поэтическія импровизаціи, мечтательныя, сентиментальныя... Читая ихъ, мы опять вспоминаемъ все того же Ленскаго. «Былъ очаровательный іюльскій вечеръ. На голубомъ небѣ солнце въ безмятежномъ великолѣпнн спускалось на покой въ волны озеръ и золотило отражавшіяся въ нихъ вершины лѣсовъ. Остановя почтовую повозку, я бросился къ прелестямъ живописной природы. Мечты зародились въ головѣ моей. «По наукѣ, думалъ я, земной нашъ пріютъ кружится около солнца; по глазамъ — оно уклоняется отъ насъ. Да вѣдь надобно же отдохнуть когда-нибудь и этому солнцу, которое всѣмъ безъ разбору и приличій даритъ и свой блескъ, и красоту полей и луговъ, и золотыя жатвы нивъ!» Такъ мечталъ я, и всплывала луна, и солнце дружелюбно уступало ей владычество свое. Какой миръ въ мірѣ небесномъ! Какой миръ въ области безчисленныхъ свѣтилъ и свѣтовъ! А у насъ за клочки земли какія кипятъ и ссоры, и вражды, и бури военныя!» ⁴⁾... Вспоминая подъ старость свои юные «поэтическіе и мечтательные годы» жизни, Глинка рассказываетъ: «въ молодости моей, мечтая съ Юнгомъ, я бродилъ въ мѣстахъ уединенныхъ, въ глуши лѣсовъ; нерѣдко внималъ громовымъ раскатамъ, мечтая подъ дождемъ проливнымъ, пересочиня въ мысляхъ Юнговы ночи;

¹⁾ Жихаревъ, Записки, 70; ²⁾ „Русск. Арх.“, 1872, 1222; ³⁾ С. Глинка. Записки, 193. ⁴⁾ С. Глинка, 245.

возвращаясь домой, передавалъ бумагъ сумрачныя мечты свои. Отчего западало это раннее томленіе въ мою душу? Было ли это вѣстію, чтобы я готовился на борьбу съ жизнію труженнической? И отчего слезы, уныніе и въ юности моей сладостнѣе были для сердца моего утѣхъ, кружащихся въ вихрь большого свѣта?»¹⁾

Кромѣ этихъ приведенныхъ нами примѣровъ, мы для объясненія Ленскаго можемъ безъ труда набрать цѣлыя десятки, болѣе и менѣе, сходныхъ образовъ: въ любыхъ запискахъ той эпохи, нѣтъ-нѣтъ, и мелькнетъ образъ какого-нибудь «нѣжнаго» юноши-мечтателя, съ идеальными порывами, съ кристальной душой... Но, думаемъ, и приведенныхъ примѣровъ достаточно для доказательства нашего мнѣнія, что пушкинскій Ленскій выхваченъ изъ русской дѣйствительности, что типъ этотъ имѣетъ свою исторію до Пушкина и, прибавимъ въ заключеніе, не умеръ и послѣ нашего великаго художника, — въ самомъ дѣлѣ, развѣ московскій кружокъ поклонниковъ нѣмецкой философіи, собравшійся около Станкевича, не есть собраніе юношей, во многомъ сходныхъ съ Ленскимъ?...

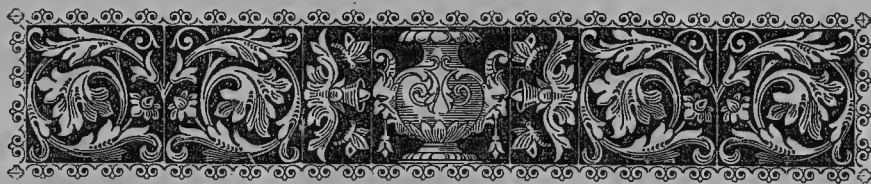
Переходимъ теперь ко второму вопросу: «какимъ путемъ шло художественное воплощеніе этого типа?» При разрѣшеніи этого вопроса мы наталкиваемся на интересную частность. Мы видѣли уже, что характеристика Ленскаго, сдѣланная Пушкинымъ, замѣчательно вѣрно рисуетъ типъ юноши-«die schöne Seele», — но то обстоятельство, что она одинаково приложима и къ Карамзину, и къ Жуковскому, и къ Одоевскому, и къ Аксакову и ко многимъ другимъ, — доказываетъ, что она черезчуръ обща, что Пушкинъ собралъ для своего Ленскаго все существенное, характерное для юноши-идеалиста, и съ этимъ пустилъ его въ свѣтъ... Вотъ почему, передъ нами только коллективный типъ, нѣсколько туманный и отвлеченный... Этого, конечно, нельзя сказать, на примѣръ, объ Онѣгинѣ и Татьянѣ: тамъ чувствуется живопись съ «натурщика», — здѣсь же этого нѣтъ: нѣтъ рѣзкаго штриха, который, копируя натуру, оживляетъ образъ, вноситъ въ него живыя черты случайности...

Такими же «коллективными» типами въ романѣ можно назвать отца Онѣгина, Лариныхъ, — въ старушкѣ же Филипповнѣ опять чувствуется «жизнь»: незабвенная Арина Родионовна припоминается каждому.

В. В. Сиповскій.

¹⁾ С. Глинка, 363.

Памяти В. Г. Васильевского.

(† 13-го мая 1899 г.).

Въ четвергъ, 13-го мая, телеграфъ принесъ въ Петербургъ глубоко прискорбное извѣстiе о кончинѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей современной русской науки, знаменитаго основателя школы русскихъ византистовъ, профессора и академика Василія Григорьевича Васильевского. Она послѣдовала въ тотъ же день, въ шесть часовъ утра, и послужила исходомъ тяжелой, почти десятилѣтней болѣзни, которой въ свою очередь предшествовало давнее, многолѣтнее расстройство организма. Послѣ трудно проведенной зимы Василій Григорьевичъ настойчиво желалъ покинуть Петербургъ въ надеждѣ излеченія, но климатъ Италiи, куда онъ уѣхалъ въ первыхъ числахъ марта текущаго года, не принесъ ему облегченія, и Васильевскiй скончался на рукахъ своей жены, дочери и стараго друга, профессора В. И. Модестова.

Люди, по предмету своихъ занятiй ближе меня знакомые съ ученою специальностью покойнаго, безъ сомнѣнiя, не замедлятъ представить оцѣнку его ученыхъ трудовъ и его преподавательской дѣятельности; но болѣе чѣмъ тридцатилѣтняя короткая связь моя съ нимъ даетъ и мнѣ право сказать нѣсколько словъ объ этомъ рѣдкомъ чловѣкѣ; я даже считаю это своимъ долгомъ, такъ какъ покойный другъ мой, по своей чрезмѣрной скромности и по нашему легкомыслию, пользовался гораздо меньшею извѣстностью, чѣмъ того заслуживалъ. Да, скромность по истинѣ феноменальная, и полнѣйшее желанiе не выставлать свою личность на показъ служили отличительною чертою его характера; а между тѣмъ, въ ряду учено-литературныхъ дѣятелей того литературнаго поколѣнiя, къ которому онъ принадлежить, мало можно назвать людей,

столь же богато одаренных и умѣвшихъ также плодотворно употребить свои дарованія на пользу русской науки и просвѣщенія.

Я называю Васильевскаго основателемъ русской школы византинистовъ и настаиваю на этомъ выраженіи. Правда, занятія Византіей и ея отношеніями къ Россіи начались у насъ давно; но до Васильевскаго эти занятія велись непослѣдовательно, несистематично и по большей части безъ надлежащихъ научныхъ приѣмовъ; именно ему посчастливилось водворить въ этой области извѣстный порядокъ и прочно утвердить въ русской наукѣ интересъ къ византизму. Такими результатами она обязана, безъ сомнѣнія, той общей даровитости, которая такъ поражала въ Васильевскомъ, его обширному уму, равно способному и къ анализу, и къ синтезу, его тонкой пытливости и неустанной энергіи въ трудѣ, обогатившимъ его глубокими и разнообразными познаніями, наконецъ его художественному чутью, которое воспитало въ немъ, на ряду съ крупнымъ талантомъ ученаго критика и изслѣдователя, и чисто литературныя способности.

Но работая самъ преимущественно въ области византийскихъ изученій и увлекая въ нее другихъ, Васильевскій избиралъ его предметомъ специальныхъ занятій не только потому, что исторія Византіи все еще остается до сихъ поръ малоизслѣдованною. Взглядъ его проникалъ гораздо глубже: съ истинною широтой воззрѣнія онъ представлялъ себѣ важное, но далеко не всѣми еще признаваемое значеніе Римской имперіи въ общемъ ходѣ средневѣковой исторіи и даже въ тѣхъ своихъ работахъ, которыя имѣли болѣе частный характеръ, никогда не терялъ изъ виду общаго смысла историческихъ явленій, какъ въ кругу политическихъ отношеній между Византийскимъ государствомъ и западною Европой, такъ и въ сферѣ культурнаго воздѣйствія Константинополя на романо-германскій міръ. У насъ существуетъ обычай упрекать даже лучшихъ нашихъ ученыхъ за то, что они занимаются изслѣдованіемъ лишь специальныхъ вопросовъ и уклоняются отъ трудовъ болѣе общаго содержанія, которые могли бы интересовать такъ-называемую большую публику. Васильевскій вовсе не занимался популяризацией науки, но и помянутый упрекъ (основательность котораго притомъ подлежитъ большому сомнѣнію) не примѣнимъ къ нему: въ его трудахъ такъ много новаго, самостоятельно имъ выясненнаго, и все это такъ полно разработано и такъ прекрасно изложено, что всякій болѣе или менѣе образованный человѣкъ, который за нихъ возьмется, найдетъ въ ихъ чтеніи и интересъ, и поученіе. Это—опять-таки преимущество таланта, который—какъ я сказалъ выше—блещетъ во всемъ, что вышло изъ-подъ пера Васильевскаго.

Несомнѣнно, что нашему славному византинисту не суждено было выполнить всѣ тѣ многочисленныя задачи по главному предмету его

ученыхъ занятій, которыя онъ себѣ ставилъ; обращенная къ нимъ мысль его кипѣла непрерывно; новые матеріалы и подготовительныя замѣтки накопились у него въ огромномъ количествѣ, ожидая очереди для окончательной обработки; но осуществить ее онъ успѣлъ только отчасти. Тѣмъ не менѣе, въ тѣхъ слишкомъ тридцати большихъ и малыхъ монографіяхъ и статьяхъ, которыя подъ заглавіями: «Русско-византійскіе отрывки», «Русско-византійскія изслѣдованія», «Матеріалы для внутренней исторіи Византійскаго государства» и т. п. составляютъ его вкладъ въ изученіе византійскаго міра, содержится—думается мнѣ—такой богатый запасъ научныхъ открытій, изысканій, наблюденій и указаній, что, съ одной стороны, онъ неизбѣжно долженъ вызвать молодое поколѣніе ученыхъ къ новымъ соображеніямъ и изслѣдованіямъ, а съ другой—можетъ служить драгоценнымъ пособіемъ и превосходнымъ образцомъ для ученыхъ работъ. Если прибавить къ этому, что какъ сочиненіями своими, такъ и своимъ преподаваніемъ, Васильевскій дѣйствительно успѣлъ подготовить рядъ дѣльныхъ учениковъ, то должно согласиться, что призваніе свое онъ выполнялъ достойнымъ образомъ, и что заслуга его передъ русскимъ обществомъ должна быть оцѣнена очень высоко. На западѣ, въ Германіи и во Франціи, труды его давно извѣстны и очень уважаются въ ученomъ мірѣ. Недостатокъ вниманія къ нимъ среди представителей русской науки (а онъ, къ сожалѣнію, замѣтенъ въ одной ихъ группѣ, именно въ той, которая всего болѣе должна бы присматриваться къ трудамъ Васильевскаго) послужилъ бы печальнымъ, но слишкомъ явнымъ свидѣтельствомъ о нашей некультурности.

Я не буду говорить о Василии Григорьевичѣ, какъ о человѣкѣ—объ одномъ изъ лучшихъ людей, какихъ мнѣ случалось встрѣчать на своемъ вѣку; но въ заключеніе позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ его письма, помѣченнаго 20-мъ мая новаго стиля и полученнаго мною на канунъ того дня, когда пришло извѣстіе объ его кончинѣ. Васильевскій былъ вообще большой мастеръ писать письма; начертанное слабою рукой, его послѣднее письмо, противъ обычая, отличается нѣкоторою нескладностью,—но оно характерно во многихъ отношеніяхъ, и свидѣтельствуя о томъ, какъ еще много было внутренней жизни въ этомъ человѣкѣ, стоявшемъ на порогѣ могилы, даетъ между прочимъ понятіе о неисчерпаемомъ благодушіи и о высокомъ благородствѣ, какими онъ отличался. Я писалъ ему о своихъ занятіяхъ по печатанію книгъ о Пушкинѣ и этимъ оправдывалъ замедленіе въ моей корреспонденціи. Онъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующими строками:

«Дорогой, милый Л. Н.! Писать мнѣ очень трудно, особенно теперь: дочь отпустилъ къ Модестову въ Римъ и Неаполь, опасаясь, что самому, пожалуй, и не придется побывать тамъ, а жена писать не можетъ. Притомъ несомнѣнно, мнѣ слѣдовало бы за васъ сказать:

Noli tangere circulos meos! Вы дѣлали дѣло большое, вѣковое, и какъ я за васъ радуюсь!— Болѣзни мои приняли какое-то странное направленіе; я перестаю что-нибудь понимать и думалъ было прекратить сообщенія о нихъ въ письмахъ. Отъ воды, которая у меня въ ногахъ,— достигла безобразной вздутой массы, и отъ крайней слабости силъ я совсѣмъ потерялъ возможность самопроизвольныхъ движеній: меня вынимаютъ изъ постели. Между тѣмъ по утрамъ хорошій воздухъ, обиліе свѣта и пр. меня радуютъ. Есть охота почитать, когда усадить за столъ, но преслѣдуетъ какая-то тяжесть и одышка. Читаю Виллара «Исторію Савонаролы», немножко Данта и под.; сталъ даже нѣчто соображать на счетъ одной греческой рукописи въ Генуѣ; завожу или завелъ болѣе тѣсныя сношенія съ братомъ нѣжинскаго Бережкова, состоящемъ при здѣшнемъ храмѣ; онъ кончилъ курсъ въ духовной академіи, очень способный человѣкъ... охотно слетаетъ хоть каждый день и въ книжную лавку, и въ читальню, и въ городскую національную бібліотеку, откуда я черезъ его посредство могу брать книги на домъ. Вотъ, дорогой Л. Н., кстати: я забылъ послать вамъ телеграмму по случаю десятилѣтія вашего въ званіи вице-президента, да наконецъ, это и не такъ важно: не службою мы связаны ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, я сталъ размышлять о томъ, какъ мнѣ заявить о своемъ участіи въ Пушкинскомъ торжествѣ, о своемъ сердечномъ единеніи съ нашимъ отдѣленіемъ въ отношеніи къ вамъ и вамъ. Гдѣ вы будете пировать? Кому, куда и какую направить телеграмму? Надѣюсь, что доживу; получу и ваши книги... Я хочу обратиться къ непремѣнному секретарю о высылкѣ въ здѣшнюю національную бібліотеку нѣкоторыхъ изданій, для перваго раза—Ломоносова, Державина, и что еще? А Пушкина, можетъ быть, вы предпочтете взять на себя. Я думаю, что пока нужно имѣть въ виду преимущественно русскихъ читателей, хотя сами италіанцы бібліотеки, конечно, интересуются всякою русскою диковинкою, и съ своей стороны очень любезны...

«Во всякомъ случаѣ я остаюсь на своей виллѣ до конца іюня по новому стилю (продолженъ наемъ ровно по 15-е стараго); сюда пріѣдетъ и привезетъ свою и мою дочерей Модестовъ изъ Неаполя и М. П. Долго ли они здѣсь проживутъ—не знаю... О Хорошевскомъ съ женою, который здѣсь съ декабря устроился на жительство, я вамъ—полагаю—писалъ... Затѣмъ протоіерей Левицкій, настоятель, его сынъ псаломщикъ въ іерейскомъ санѣ (кончилъ года три тому назадъ курсъ въ петербургской академіи), юный Бережковъ, не имѣющій священства, но то же псаломщикъ, фонъ-Фрикентъ, свойственникъ Форстена, бывшій гусаръ, флорентійскій старожилъ, усердно занимавшійся исторіей живо-

¹⁾ Здѣсь Василій Григорьевичъ впадаетъ въ нѣкоторое недоразумѣніе: на должность вице-президента Академіи наукъ я назначенъ лишь съ ноября 1893 г.

писи (напечатавъ три тома), составляютъ мое общество, то-есть, посѣщаютъ меня, и довольно часто... Самыя задушевныя пожеланія всей вашей тѣсной семьѣ. Позвольте поддержать вашу руку въ своей. Всещѣло преданный В. В.».

Не прошло сутокъ по полученіи этого удивительнаго письма, какъ стало извѣстно о кончинѣ Василя Григорьевича, а спустя три дня мнѣ принесли письмо В. И. Модестова, отъ 12-го мая, въ которомъ находились слѣдующія строки: «Нашъ другъ Василій Григорьевичъ находится при смерти. Не знаю, придетъ ли это письмо къ вамъ до его смерти. Во всякомъ случай это дѣло нѣсколькихъ дней. Я былъ внезапно вызванъ изъ Неаполя телеграммой и радъ, что по крайней мѣрѣ засталъ В. Гр. въ живыхъ... Пишу вамъ подъ давленіемъ очень тяжелаго впечатлѣнія. В. Гр. бредитъ и едва узнаетъ людей».

На другой день нашего друга не стало. Да будетъ ему вѣчная память! Да сохранится его свѣтлый образъ въ душѣ всѣхъ, кто его зналъ, и да будетъ памятенъ друзьямъ русскаго просвѣщенія его великій подвигъ на пользу науки!

Л. Майковъ.

17-го мая.

Отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ
архангельскому гражданскому губернатору.

11-го февраля 1826 г., № 139.

Г. начальникъ главнаго штаба! Е. И. В. сообщаетъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣтъ соизволилъ строжайше подтвердить всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ объ отысканіи и отправленіи, за строжайшимъ карауломъ, въ ближайшую воинскую команду бѣжавшихъ, изъ мятежной шайки Муравьева-Апостола, нижнихъ чиновъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, въ прилагаемомъ у сего списокѣ показанныхъ, а также бывшаго въ той шайкѣ и неизвѣстно куда скрывшагося переведеннаго изъ Черниговскаго пѣхотнаго полка въ Александровскій гусарскій поручика Сухинова.

Списокъ Черниговскаго пѣхотнаго полка нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ шайкѣ Муравьева-Апостола, кои неизвѣстно гдѣ нынѣ находятся.

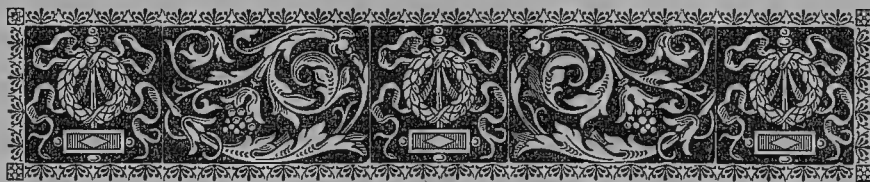
1-й. Гренадерской роты: 1) Плотникъ Павелъ Юрьевъ, 2) Фурлейтъ Михаилъ Молчанъ. 4-й мушкатерской роты рядовые: 3) Григорій Литвиненко, 4) Иванъ Константиновъ. 5-й мушкатерской роты: 5) Унтеръ-офицеръ Иванъ Харитоновъ; рядовые: 6) Павелъ Прокофьевъ, 7) Алексій Ѳедоровъ, 8) Акимъ Сафоновъ. 6-й мушкатерской роты рядовые: 9) Яковъ Михайловъ, 10) Максимъ Андреяновъ, 11) Антонъ Чернухинъ.

Сверхъ того, былъ въ той же шайкѣ, переведенный изъ Черниговскаго полка въ Александровскій, гусарскій поручикъ Сухиновъ, который также неизвѣстно гдѣ находится. Примѣты сего Сухинова слѣдующія: росту 2-хъ аршинъ около 8 вершковъ, лица смуглаго, худощаваго, чистаго; волосы на головѣ и усахъ черные; говорить сплавнымъ (!) голосомъ. Лѣтъ около 35; на лѣвой рукѣ между кистью и локтемъ знакъ отъ раны пулею на вылетъ.

Подписалъ дежурный генералъ Потаповъ.

Сообщилъ І. Блиновъ.

ПЕРЕДЪ ТИЛЬЗИТОМЪ.

Всеподданнѣйшія донесенія В. С. Попова и князя Лобанова-Ростовскаго 1807 года.

Собственноручныя всеподданнѣйшія донесенія В. Попова.

1.

4-го іюня 1807 года. Тильзитъ.

Всеимлостивѣйшій государь. Отправляясь по высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію въ армию, я остановленъ былъ разломанными мостами при Таплакенѣ и съ трудомъ могъ перебраться черезъ рѣку. Изъ Таплакена поѣхалъ я верхомъ до Вейлау, дорога покрыта была войсками и обозами, и я въ Вейлау нашелъ главную квартиру.

Слухи о Фринландскомъ (Фридландскомъ) сраженіи произвели повсемѣстное безпокойство и тревогу. Множество каретъ и колясокъ встрѣчались мнѣ по всей дорогѣ наполненныхъ жителями обоюдоудалющихся къ Мемелю. Попадающіеся раненые офицеры увеличивали потерю войскъ русскіихъ и превосходство силъ непріятельскихъ.

Но главнокомандующій, котораго я нашелъ въ добромъ и спокойномъ духѣ, сказалъ мнѣ, что онъ самъ считалъ обстоятельства хуже, нежели каковы оныя въ самомъ дѣлѣ; что сраженіе сіе было наупорнѣйшее, что до самаго конца преимущество на нашей было сторонѣ, но при окончаніи, когда приведены Бонапартіемъ свѣжія колонны, должно было уступить. Не могъ я узнать число потери, но какъ слышно то она простирается до двадцати тысячъ человѣкъ; боялись много потерять артиллеріи, но послѣ оказалось, что нѣтъ только четырехъ пушекъ.

Главномандующій полагаетъ: удерживая по возможности стремленіе непріятельское, которому противоборствовать находить себя не въ состояніи, подвигаться понемногу назадъ, пользуясь магазинами, позади учрежденными, и закрывая мѣста, гдѣ паркъ артиллеріи и прочія военныя тягости тоже и больныя находятся.

Генераль Рихель писалъ ему, что войска французскія тянутся къ Кёнигсбергу и сіе главнокомандующій приписываетъ намѣренію Бонапартія сколь можно болѣе его тѣснить. Онъ вслѣдствіе того приказалъ подвинуться къ себѣ генералу Лестоку, а на лѣвомъ флангѣ графу Толстому приказалъ, держась Нарева, сближаться съ ожидаемымъ подкрѣпленіемъ, тѣмъ паче что у Масены войска прибываютъ.

Войска вашего величества отъ безпрестанныхъ сраженій и тягости переходовъ нѣсколько утомлены. Они очень обрадовались свѣжимъ и теплымъ хлѣбамъ въ Вейлау.

Большая потеря, что генераль-лейтенантъ Эссенъ получилъ жестокую контузію вмѣстѣ съ генераль-квартирмейстеромъ Штейнгелемъ отъ ядра между ихъ головъ пролетѣвшаго.

Я былъ въ великой горести увидя маленькія кучки солдатъ семеновскихъ и измайловскихъ. Мнѣ сказали, что только и осталось отъ тѣхъ полковъ, но послѣ начали собираться и увѣряютъ, что по нѣскольку сотъ человекъ потерялъ каждый полкъ, но въ Преображенскомъ уронъ самый малый.

Крайне жаль, что людямъ счету нѣтъ. Князь Лобановъ-Ростовскій могъ-бы (это ?) исправить бывъ дежурнымъ генераломъ по своей аккуратности, особливо, если изволите сіе ему приказать.

Я пробылъ въ Вейлау часа четыре и располагалъ остаться при арміи дни на два, хотя и не имѣлъ ничего съ собою кромѣ кафтана съ шинелью, да верховой почтовой лошади и фельегера верхового; но принужденъ былъ перемѣнить сіе намѣреніе.

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ рапортовали князю Багратиону, что непріятель показывается, и по мѣрѣ приближенія его учащались сіи рапорты. Вдругъ все въ городѣ пришло въ движеніе, улицы покрылись войсками и повозками, зажгли мосты и все поѣхали. Главномандующій же при выѣздѣ поручилъ мнѣ словесное обо всемъ учинить вашему величеству донесеніе.

Будучи оставленъ самому себѣ рѣшилъ я возвратиться къ вашему императорскому величеству съ донесеніемъ обо всемъ томъ, что мною было видимо и слышано. Но какъ надобно и здѣсь нѣкоторыя сдѣлать распоряженія по высочайше возложенному на меня препорученію, то остался я на нѣсколько только часовъ, а вслѣдъ за симъ отправлюсь, чтобы повергнуться къ освѣщеннымъ вашимъ стопамъ.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

2.

7-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! Проѣхавши весь вечеръ и всю ночь прибылъ я съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, въ два часа по полуночи, къ мосту Тильзитскому, покрытому переправляющеюся арміею. Мы перешли пѣшкомъ чрезъ мостъ и нашли главнокомандующаго при концѣ онаго на другомъ берегу. Возвратясь же на правую сторону узнали отъ него, что парламентаромъ посланъ въ непріятельскую армію майоръ Шеппингъ, коего возвращенія точно опредѣлить нельзя по неизвѣстности, гдѣ самъ Бонапарте и главная квартира арміи находится, хотя и считаютъ, что онъ и Мюратъ должны быть близко.

Между тѣмъ какъ уже стало разсвѣтать, приняты предосторожности къ обезпеченію переправы арьергарда. По обѣ стороны моста на правомъ берегу учреждены батареи, но непріятель ни малаго не дѣлалъ припятства, и князь Багратионъ уже съ своими на здѣшней сторонѣ. Остался только г. Платовъ съ казаками, которымъ приказалъ держаться впредь до повелѣнія, дабы не показать виду бѣгства и что мы бросимъ городъ; а въ случаѣ же непріятельскаго наступленія приказано ему ретироваться и переходить по мосту, который послѣ сего сожженъ будетъ.

Главная квартира противъ Тильзита верстахъ въ пяти. Дежурнаго генерала генераль-лейтенанта Уварова важнѣйшая забота—пропитаніе. Писалъ я въ имѣніе къ генераль-майору Арбузову объ отправленіи оттуда провіанту, если возможно сухимъ путемъ и водою. Французскіе генералы, какъ изъ приложенной копіи ¹⁾ ваше императорское величество изволите усмотрѣть, берутъ мѣры къ удержанію транспортовъ. Еще бы можно успѣть привезти нѣсколько хлѣба правымъ рукавомъ Нѣмана, пока французы не заняли острововъ между рукавами лежащихъ. Прошу главнокомандующаго сколько нибудь обезопасить сію перевозку.

Генераль-кригскоммисаръ Обрѣзковъ успѣлъ выѣхать изъ Кенігсберга 2-го числа сего мѣсяца для выпровода до семи тысячъ больныхъ и оставленныхъ до пяти тысячъ человекъ. Гофхирургъ Линцъ остался при оныхъ. Капитуляція о неслитіи больныхъ и раненныхъ, состоящихъ въ Кенігсбергѣ военнопленными ему неизвѣстна и о точности ея онъ не удостовѣряетъ.

Крайне беспокоясь о великомъ числѣ обозовъ, прошедшихъ противъ Юрбурга и не перевезенныхъ за недостаткомъ паромовъ, я подтвердилъ господину Мериловскому и сегодня еще ему писано, чтобъ сколь

¹⁾ Копія этой при письмѣ не оказалось.

можно болѣе набрать судовъ. Весьма будетъ жаль если противъ своего берега и въ самыхъ глазахъ множество не только обозовъ, но и людей попадутся въ руки непріятелю.

Благоразумная предосторожность требуетъ, чтобы никакихъ судовъ по Нѣману у прусскаго берега не было: я о семъ сказалъ главнокомандующему. Сего должно опасаться отъ непріятеля предприимчиваго.

Коль скоро изъ непріятельскаго лагеря парламентаръ вернется, и князь Лобановъ-Ростовскій предприметь путь свой, желать бы я поспѣшить отправленіемъ всеподданнѣйшаго донесенія моего, но считаю, что его императорское высочество изволить меня предупредить, намѣренъ будучи тотчасъ ѣхать къ вашему величеству съ симъ извѣстіемъ.

Повергаю себя къ освѣщеннѣйшимъ столамъ вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

Р. S. Въ 11 часовъ утра г. Платовъ переправился послѣ небольшой перепалки и мостъ зажженъ.

3.

7-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣннѣйшій государь! Въ одиннадцать часовъ утра сегодня возвратился посланный въ непріятельскую армію парламентаръ майоръ Шеппингъ со увѣдомленіемъ, что о прибытіи его во французскую армію донесено было отъ принца Мюрата Бонапарте и что вскорѣ французскій парламентаръ присланъ будетъ. Въ первомъ часу пополудни дѣйствительно явился гусарскій капитанъ Перигоръ, племянникъ Телейрановъ, который за три предъ симъ года былъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ и знакомъ тамъ со многими молодыми людьми. Онъ, по представленіи главнокомандующему, донесъ, что къ трактованію о перемиріи съ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ назначенъ отъ Бонапарте господинъ Бертъ, нынѣшній принцъ Нейшатель.

По замѣчанію, войска французскія весьма рады пронесшемуся слуху о прекращеніи военныхъ дѣйствій, обходились ласково съ казаками, изъ Тильзита выѣзжавшими и ихъ подчивали.

Послѣ обѣда отправленъ обратно г. Перигоръ къ непріятельской арміи и съ нимъ же поѣхалъ и князь Лобановъ-Ростовскій, котораго напутствовали мы самыми усерднѣйшими желаніями о возстановленіи честнаго и прочнаго мира.

Князь Лобановъ скоро возвратился. Положено съ Бертъ сдѣлать перемиріе на мѣсяцъ и въ случаѣ прерванія онаго еще мѣсячный срокъ. Рѣка Нѣманъ граница для войскъ. Но впрочемъ поручено еще князю

Лобанову настоять, чтобъ французы не двигались далѣе нонѣшнихъ мѣстъ. Для будущаго мира о неприкосновенности границъ Россійскихъ нѣтъ сумлѣнія. Я спѣшу донести о семъ вашему императорскому величеству, а по подписаніи статьи непримену и самъ явиться.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

4.

8-го іюня 1807 г.

Всемилоствѣйшій государь! Дѣло перемирія еще не покончилось. Одна статья сему воспрепятствовала, которою французы, вмѣсто гарантіи, потребовали отдачи крѣпостей Колберга, Грауденца и Пилау. Господинъ Бертье не осмѣлился самъ отмѣнить сей кондиціи, а поѣхалъ за полторы мили доложить о семъ Бонапарте. Князь Лобановъ-Ростовскій оставилъ офицера въ Тильзитѣ дожидаться отвѣта Бонапартіева. Мы всю ночь ожидали нетерпѣливо сего офицера. Наконецъ онъ явился и сказалъ, что пріѣзжалъ съ нимъ отъ Бонапарте къ главнокомандующему Дюрокъ, который и отправился тотчасъ обратно. Мы пошли къ барону Беннигсену и узнали отъ него, что Дюрокъ пріѣзжалъ съ предложеніемъ о заключеніи мира, о чемъ главнокомандующій самъ доноситъ вашему императорскому величеству. Дюроку же онъ сказалъ, что отдачу крѣпостей при заключеніи перемирія считаетъ предосудительною для оружія Россійскаго.

Теперь все зависитъ отъ высочайшаго вашего императорскаго величества разрѣшенія. Минуты дороги, шаги скользки, миръ или перемиріе по многимъ обстоятельствамъ нужно заключить скорѣе.

Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій Василій Поповъ.

5.

9-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! По отправленіи вчера всеподданнѣйшаго моего донесенія къ вашему императорскому величеству, занимался я съ генераломъ-провіантмейстеромъ княземъ Шаховскимъ изысканіемъ и употребленіемъ всѣхъ возможныхъ средствъ къ доставленію войскамъ пропитанія. Во многіе полки болѣе нуждающіеся приказано раздать вмѣсто полуфунта по фунту говядины на человѣка, въ другіе отпущена рожь или ячмень, и что только можно было достать покупкою во всей

окрестности разнаго хлѣба, соли, скота,—все то обращается на войска. Надѣюсь, что сегодня непременно придутъ ожидаемые транспорты отъ Юрбурга и отъ Мемеля. Теперь слышу, что легкіе суда изъ Мемеля съ мукою отправились и находятся уже въ правомъ рукавѣ Нѣмана.

Въ Мемель отправилъ я генераль-кригсъ-комисара Обрѣзкова, какъ для понужденія оттуда транспортовъ такъ и для выпровожденія оттуда собравшихся во множествѣ больныхъ, частію на судахъ въ Санктпетербургскій госпиталь, частію же сухимъ путемъ въ Митаву, да въ о семъ знать какъ военному министру, такъ и военному губернатору рижскому, для благовременнаго къ принятію ихъ распоряженія.

Здѣсь слава Богу все благополучно; войска отдыхаютъ. Бонапарте со вчерашняго дня въ Тильзитѣ. Подношу при семъ записку, врученную отъ меня главнокомандующему и князю Лобанову Ростовскому. Сей былъ вчера въ городѣ у Бертье и получилъ новое увѣреніе о искреннемъ ихъ желаніи къ скорому окончанію мирнаго дѣла. Бертье отзывался сколь бы желательно, чтобы для пользы обѣихъ имперій оба монарха сблизились и тогда бы дѣла скорѣе воспріяли окончаніе. Все же теперь остановилось въ ожиданіи высочайшаго вашего императорскаго величества отзыва на предложенія Бонапартіевы.

Не угодно ли вашему императорскому величеству приказать изъ мушкетерскихъ полковъ 17-й дивизіи отрядить пристойный караулъ въ Таурогенъ или гдѣ высочайшее пребываніе назначить изволите, по близости къ арміи.

Повергаю себя къ освѣщеннымъ вашимъ стопамъ вашего императорскаго величества, всеподданѣйшій Василій Поповъ.

Записка В. С. Попова.

Положеніе дѣлъ между російскою императорскою и французскою арміею весьма странно.

Военные дѣйствія остановлены.

Перемиріе еще не заключено, мира еще нѣтъ.

Сія неизвѣстность обращается въ единственную пользу французовъ.

Они могутъ продолжать движенія свои впередъ, могутъ даже дѣлать поиски по разнымъ мѣстамъ и занимать тѣ позиціи, кои имъ для военныхъ видовъ нужны.

Могутъ овладѣть нашими обозами, припасами и людьми, переправляющимися у Юрбурга.

Могутъ задерживать наши транспорты, идущіе по Нѣману.

Ничто не обязываетъ ихъ быть въ той недѣлительности, въ которой мы находимся.

Нужно выйти изъ этой вредной неизвѣстности посредствомъ объясненій между уполномоченными. Надобно истребовать по крайней мѣрѣ подтвердительное увѣреніе, что войска ихъ далѣе впередъ не будутъ двигаться, что никакихъ противъ нашихъ отрядовъ поисковъ чинить не стануть и что останутся въ своемъ настоящемъ положеніи или какъ назначено будетъ.

Отдать имъ на руки нашего фельдъегеря для скорѣйшаго доставленія въ корпусъ графа Толстаго о прекращеніи военныхъ дѣйствій и для полученія надлежащаго о немъ свѣдѣнія.

Таковыя условія хотя на недѣлю или на двѣ подписать можно князю Лобанову, пока миръ или прелиминарные онаго пункты будутъ подписаны.

6.

10-го іюня 1807 года.

Все милостивѣйшій государь! Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ. Имѣю счастье принести вашему императорскому величеству всеусерднѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ окончаніемъ бѣдствій рода человѣческаго. Я внѣ себя отъ радости воображая, сколько восхищается ангельская душа ваша симъ благотвореніемъ, оказаннымъ вѣрнымъ вашимъ подданнымъ.

Вашего императорскаго величества всеподданѣйшій Василій Поповъ.

7.

11-го іюня 1807 года.

Все милостивѣйшій государь! Все здѣсь спокойно и благополучно. Вчера князь Лобановъ-Ростовскій былъ въ Тильзитѣ и посредствомъ объясненія съ Бертье, а потомъ и съ самимъ Бонапарте положена линія, коей французскія войска переходить не могутъ: отъ Вислы по Нареву до Новогорода и оттуда прямо на Нуръ, такимъ образомъ французы удалены отъ границъ российскихъ.

Дюрокъ вчера послѣ обѣда пріѣзжалъ съ ратификаціею и ждалъ до 11 часовъ вечера. Думаю, что и сегодня онъ явится.

Нетерпѣливо ожидаю и я минуты повергнуться къ освященнымъ вашимъ стопамъ. Вашего императорскаго величества, всеподданѣйшій Василій Поповъ.

8.

12-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! Въ десять часовъ возвратились мы, князь Лобановъ-Ростовскій и я, изъ Таурогена въ Амтъ Ваубелкъ и тотчасъ посланъ офицеръ въ Тильзитъ увѣдомить маршала Бертье и г. Дюрока о высочайшей отъ вашего императорскаго величества ратификаціи перемирія. Господинъ Дюрокъ въ часъ за полночь прискакалъ верхомъ въ російскую главную квартиру арміи и ратификація размѣнены.

Повергаю себя къ освѣщеннымъ вашимъ стопамъ. Вашего императорскаго величества, всеподданѣйшій Василій Поповъ.

Собственноручныя всеподданѣйшія донесенія князя Д. Лобанова-Ростовскаго.

1.

7-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! Сего числа въ поддень отъ фельдмаршала Бертье прибылъ въ нашу главную квартиру адъютантъ съ отвѣтомъ о предложеніи перемирія, послѣ котораго отправился я самъ въ Тильзитъ, гдѣ принятъ былъ съ видимымъ удовольствіемъ и большою вѣжливостью, съ объявленіемъ взаимности ихъ желанія положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ; послѣ чего началъ съ нимъ говорить по предмету перемирія отъ имени главнокомандующаго арміею. При первой встрѣчѣ упредилъ его, что, при всемъ желаніи положить конецъ кровопролитію, Россія оскорбительнаго ея достоинству мира не приметъ, тѣмъ менѣе еще потерпитъ, чтобъ какая ни есть перемѣна коснулась могла до границъ ея. На что тотъ же Бертье отвѣтствовалъ, что онъ обижается и предположеніемъ таковымъ, тѣмъ паче что содержаніе трактата изъ прежнихъ вашему императорскому величеству извѣстно. Успокоенъ отчасти будучи симъ свѣдѣніемъ, начали говорить о постановленіяхъ перемирія, полагая границею на время онаго обѣимъ арміямъ берега рѣки Нѣмана, и отъ Бреста по Вугу. Военныя дѣйствія прекращаются на одинъ мѣсяцъ, а въ случаѣ возобновленія оныхъ, той и другой сторонѣ за мѣсяцъ упредить о томъ;—крѣпости Грауденцъ, Кольбергъ, и Пилау отдать французамъ до окончательныхъ мирныхъ постановленій, тѣмъ паче, что они долго противустоятъ не

могутъ.—При семъ случаѣ я замѣтилъ ему, что теперь дѣло еще идетъ о перемиріи, а отдача и возвращеніе крѣпостей есть дѣло уже мирныхъ переговоровъ и потому условій таковыхъ подписывать не могу, о которыхъ однако же извѣщу главнокомандующаго арміею. Черезъ два часа условились объ отвѣтѣ и наконецъ въ тотъ же день разошлись, какъ вещь требующая особеннаго благоразсмотрѣнія вашего императорскаго величества, на которое нужно нѣсколько дней.—Сперва Бертье находилъ тотъ срокъ долгимъ; но увидя что я готовъ съ нимъ разстаться, предложилъ мнѣ истребовать отъ Бонапарта соглашеніе на нужное къ тому время. Какъ же самъ Бонапартъ находился, по рѣчамъ Бертье, въ полтора миль отъ Тильзита, то тотъ Бертье, отправясь самъ къ нему, предлагалъ мнѣ обождать у него въ домѣ того отвѣта; что нашедъ непристойнымъ, а пачѣ по сближенію ночи, отказался, оставя тамъ за тѣмъ офицера со мною бывшаго, который хотя не возвратился еще, но чтобъ не пропустить двухъ-суточного времени, предпочелъ ускорить всеподданѣйшимъ увѣдомленіемъ о всемъ томъ ваше императорское величество.

Вашего императорскаго величества всенижайшій вѣрноподданный князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

2.

9-го іюня 1807 года.

Всеимилостивѣйшій государь! По отправленіи послѣдняго моего всеподданѣйшаго донесенія вашему императорскому величеству, былъ я въ Тильзитѣ и, увѣдомя Бертье, что послано ихъ предложеніе на высочайшее благоразсмотрѣніе, получилъ новыя увѣренія въ искренности желанія Бонапарта не только все привести къ концу, особеннымъ миромъ, но и сближиться союзомъ, присовокупя къ тому, что еслибъ главы обоихъ государствъ имѣли возможность объясниться, тогда бы въ самое короткое время и миръ послѣдовалъ по существеннымъ выгодамъ обѣихъ державъ. Англія же, сказалъ онъ, въ своихъ союзахъ всегда занята одними своими выгодами. Теперь все остановилось до вослѣдованія высочайшаго вашего императорскаго величества повелѣнія по предмету дѣла сего.

Вашего императорскаго величества всенижайшій вѣрноподданный, князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

3.

11-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! По отправленіи послѣдняго моего всеподданѣйшаго донесенія вашему императорскому величеству нужнымъ почелъ я для отдаленія французовъ на время отъ російской сухой границы, возобновить настоянія мои о томъ, вслѣдствіе чего на взаимномъ честномъ словѣ съ согласія Бонапартѣ положено: *de Visla en descendant la rive droite du Narew jusqu'a Nowogorod, et de Novogorod en suivant le chemin qui mène directement à Nure il n'y sera mis aucune troupe française.* О чемъ всеподданѣйше доносить повергающійся къ стопамъ вашего императорскаго величества всенижайшій вѣрноподданный князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

4.

12-го іюня 1807 года.

Всемилоствѣйшій государь! Возвратясь отъ вашего императорскаго величества въ десять часовъ, тотчасъ далъ я знать фельдмаршалу Бертье о сдѣланной вашимъ императорскимъ величествомъ ратификаціи, вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ главную квартиру російскихъ войскъ генераль Дюрокъ, съ которымъ и учиненъ размѣнъ ратификацій въ часъ за полночь. О чемъ всеподданѣйше донося имѣю счастье ратификацію поднести вашему императорскому величеству.

Генераль Дюрокъ спрашивалъ меня, не имѣю ли я какихъ приказаній вашего императорскаго величества въ разсужденіи подлежащей негоціаціи, и когда я отвѣчалъ, что взаимное объясненіе монарховъ много можетъ облегчить оную и ускорить окончаніе ея, то симъ отзывомъ весьма казался онъ быть довольнымъ и обѣщалъ самъ утромъ предъувѣдомить меня о часѣ аудіенціи у Бонапартѣ.

Повергаю себя къ освѣщеннымъ стопамъ вашего императорскаго величества, всенижайшій вѣрноподданный князь Дмитрій Лобановъ-Ростовскій.

Сообщилъ Н. Дубровинъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.)

X¹⁾.

Отъѣздъ въ Кишиневъ.—Два письма Д. С. Нагловскаго.—Остановка въ Лесахъ.—Встрѣча съ товарищами въ Кишиневъ.—Поѣздка въ Одессу для представленія великому князю главнокомандующему.—Возвращеніе въ Кишиневъ.—Кавказская казачья дивизія и начальникъ ея Д. И. Скобелевъ (отецъ).—Командиры казачьихъ полковъ.—Осетины и ингуши.—Военныя приготовленія.—Табачный вопросъ въ Румыніи.—Отъѣздъ въ Бухарестъ.

Кончивъ рекогносцировки Дуная²⁾ и приведа въ порядокъ всѣ донесенія, выѣхалъ я 25-го февраля въ Кишиневъ. Передъ самымъ отъѣздомъ получилъ письмо отъ жены съ приложеніемъ двухъ писемъ къ ней Нагловскаго. Одно было старое, 4-го января 1877 года, изъ Кишинева, другое оттуда же безъ числа, но очевидно относящееся къ началу февраля. Въ первомъ изъ нихъ было написано: «Мы здѣсь немного скучаемъ. Сидимъ у моря и ждемъ войны, которая все болѣе и болѣе отдалается и, какъ кажется, все кончится миромъ. Злые языки говорятъ, что въ Петербургѣ уже чеканится медаль, въ память нашего Кишиневскаго сидѣнья съ надписью: «туда и обратно».

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1899 г., май.

²⁾ Къ востоку отъ Журжева до озера Гречилоръ. См. карты, приложенныя къ № 5 „Русск. Старины“.

Во второмъ письмѣ скука сказывалась болѣе опредѣленно и вылилась въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Наше Кишиневское сидѣнье становится все тяжелѣе и несноснѣе. Но что еще ужаснѣе это то, что вѣра въ войну понемногу исчезаетъ и говорятъ, что мы пробудемъ въ Кишиневѣ все лѣто и что здѣсь будетъ устроенъ большой лагерь. Не правда ли что это ужасно непріятно?»

Изъ этихъ писемъ я понялъ, что въ Кишиневѣ царствуетъ уныніе, плодъ неизвѣстности.

Движеніе поѣздовъ нашихъ и румынскихъ было согласовано, такъ что бухарестскій поѣздъ долженъ былъ приходить въ Яссы около 3-хъ часовъ пополудни, не задолго до отхода поѣзда изъ Яссъ на Унгени и далѣе въ Россію; такъ же должны были поступать поѣзда, шедшіе изъ Унгени въ Яссы, гдѣ была пересадка. Тѣмъ не менѣе мнѣ ни разу не случилось пріѣхать во-время, а такъ какъ почтовые поѣзда прямого сообщенія отправлялись только одинъ разъ въ день, то приходилось пробывать цѣлые сутки въ Яссахъ. То же случалось и съ другими моими знакомыми и сослуживцами, такъ что можетъ быть не безъ основанія говорили, что румынскія желѣзныя дороги находились въ соглашеніи съ яскими гостиницами.

Опоздавъ на поѣздъ отправился я въ лучшую рекомендованную мнѣ гостиницу Биндеръ. Думаю, что многіе русскіе военные того времени знакомы съ Hôtel Binder, гдѣ комнаты были хорошія, но холодныя, ѣда отвратительная, вино мѣстное хорошее, а цѣны ужасныя. Воспользовавшись невольной остановкой, съѣздивъ я къ нашему консулу Якобсону, женатому на сестрѣ румынскаго майора Пенковича, моего знакомаго незнакомца, переговорить объ одномъ дѣлѣ, а затѣмъ вернулся къ Биндеру и на другой день выѣхалъ въ Россію.

Подѣхали къ румынской пограничной станціи Унгени на берегу Прута; на другой сторонѣ рѣки были русскія Унгени. На румынской станціи поѣздъ нашъ стоялъ почему то очень долго и на платформѣ произошел шумъ. Оказалось, что одинъ изъ пассажировъ 1-го класса, сѣвшій въ Яссахъ въ то же отдѣленіе, гдѣ и я сидѣлъ, былъ арестованъ румынской полиціей. Это былъ еще не старый рыжеватый блондинъ, тучный и упитанный, котораго по наружному виду я принялъ за богатаго комерсанта изъ евреевъ. Онъ кричалъ и бранился на ломаномъ французскомъ языкѣ, перемѣшивая его италіанскими словами, требовалъ свой багажъ, который и былъ ему выданъ; онъ остался на станціи, а мы поѣхали далѣе. Справившись я узналъ, что это извѣстный Менотти Гарибальди, старшій сынъ знаменитаго италіанскаго патріота, ѣхавшій въ Кишиневъ и которому почему то нашимъ правительствомъ запрещенъ былъ вѣздъ въ Россію, о чемъ и было сдѣлано сношеніе съ румынскими властями. Въ русскихъ Унгеняхъ познакомился я съ на-

чальникомъ нашей таможи г. Колодяжнымъ, котораго, благодаря войнѣ, узнали многіе изъ нашихъ и были всегда довольны его любезностью и услужливостью.

Наконецъ добрался я до Кишинева и очутился въ кругу дорогихъ моихъ товарищей и друзей. Можно себѣ представить сколько было разговоровъ, смѣху и остротъ. По поводу моего разсказа о повѣздкѣ въ Рущукъ всѣ друзья мои рѣшили, что я только хвастаюсь утверждая, что все сошло благополучно, и что въ дѣйствительности я побывалъ таки въ конакѣ où j'ai passé un mauvais quart d'heure¹⁾. Фрезе же увѣрялъ всѣхъ, что воротничкомъ рубашки скрываю я слѣдъ отъ турецкой веревки, на которой немножко повисѣлъ. Онъ придумалъ мнѣ тогда названіе «молодца» не въ смыслѣ молодчества, а въ томъ смыслѣ, въ какомъ русскіе лавочники называютъ своихъ мелкихъ приказчиковъ и разсылныхъ, говоря «позвать молодца», «послать молодца» и т. д.

Меня онъ называлъ старшимъ молодцомъ, имѣющимъ подъ собой другихъ молодцовъ — моихъ агентовъ.

Отъ товарищей я узналъ, что великій князь хотя и поправился но живетъ въ Одессѣ, а что Непокойчицкій и Левицкій живутъ въ Кишиневѣ. Отъ нихъ же узналъ я много весьма интересныхъ подробностей о нашей арміи и приготовленіяхъ къ войнѣ.

Явившись на другой день начальству, я былъ встрѣченъ очень любезно даже Казиміромъ (Левицкимъ), представилъ всѣ мои работы и получилъ приказаніе ѣхать въ Одессу къ великому князю. Непокойчицкій прибавлялъ, что его высочество доволенъ моими донесеніями и будетъ радъ меня видѣть.

У меня была въ глубинѣ души затаенная мысль: попроситься хотя бы на нѣсколько дней съѣздить въ Петербургъ; я былъ женатъ всего 4-ый годъ и уже 5-ый мѣсяцъ не видалъ жены и дочери. Я мечталъ, что мнѣ дадутъ возможность замѣнить очередного курьера; къ сожалѣнію мнѣ отвѣтили, что хотя курьеры дѣйствительно посылаются еженедѣльно, кажется по воскресеньямъ, но что всѣ очереди давно уже разобраны чинами главной квартиры.

2-го марта пріѣхалъ я въ Одессу и остановился въ Сѣверной гостиницѣ куда черезъ нѣсколько дней должны были пріѣхать Нагловскій, Фрезе и другіе вмѣстѣ съ Непокойчицкимъ и Левицкимъ.

На пути въ Одессу я убѣдился, что живя въ Букарестѣ, поглощенный мыслью о предстоящей войнѣ, не видя обстановки нашей бездѣйствующей и скучающей арміи, а въ особенности отвыкнувъ отъ среды лицъ многочисленныхъ учрежденій главной квартиры, я очутился dépaycé (какъ бы на чужбинѣ); интересы, разговоры и заботы лицъ,

¹⁾ Гдѣ я провелъ плохіе четверть часа.

ѣхавшихъ со мной въ вагонѣ, болѣе или менѣе мнѣ знакомыхъ, были для меня совсѣмъ чужды. Всѣ они съ жаромъ толковали о вчерашнемъ спектаклѣ въ Кишиневѣ, о бывшемъ балѣ въ клубѣ и предстоящемъ вечерѣ у губернаторши, а о войнѣ никто ни слова. Особенно всѣ ожились когда въ Бендерахъ (кажется) въ вагонѣ вошла довольно красивая дама, блондинка въ золотомъ рпсе-пез, съ смѣлыми манерами и задорнымъ взглядомъ, которую величали графиней. Это была весьма извѣстная ѣхавшимъ одновременно со мной, а мнѣ совсѣмъ неизвѣстная пѣвица, графиня Садовская. Съ нею была ея сестра или компаньонка, брюнетка, болѣе скромная и менѣе красивая.

Долженъ прибавить впрочемъ, что графиню эту окружали преимущественно чиновники военного вѣдомства, а не офицеры. Я никогда не слыхалъ ея голоса, хотя она была и въ Букарестѣ, гдѣ весьма плѣнила одного изъ членовъ нашего консульства, только кажется не голосомъ.

Пріѣхавши въ Одессу поздно вечеромъ увидѣлъ я снѣгъ и сани, которыхъ не было ни въ Букарестѣ, ни въ Яссахъ.

На другой день поѣхалъ являться великому князю. Приемная полна была народу и въ томъ числѣ много статскихъ въ вицъ-мундирахъ, съ портфелями, явившихся слѣдовательно по службѣ къ главнокомандующему; очевидный признакъ, что край объявленъ на военномъ положеніи. Двери отворились, вошелъ великій князь, и я положительно затрудняюсь описать, что произошло, когда онъ меня увидѣлъ. Не обращая вниманія на остальную публику его высочество сдѣлалъ нѣсколько шаговъ ко мнѣ, стоявшему поодаль, обнялъ меня и началъ цѣловать въ щеки, въ губы, приговаривая:

— Ты здѣсь... вернулся... «маленькій мой!»

Я блаженствовалъ.

Затѣмъ, обратясь къ остальнымъ лицамъ, его высочество сказалъ, что онъ извиняется, что ему теперь некогда, такъ какъ нужно поговорить со мной, и мы ушли въ другую комнату.

Главнокомандующаго я нашелъ очень похудѣвшимъ послѣ тяжелой болѣзни, имъ перенесенной, но поправляющимся и даже молодцомъ. Думаю, что на немъ какъ и надъ всѣми, принимавшими близко къ сердцу вопросъ о войнѣ, а вѣроятно и болѣе чѣмъ на другихъ, тяготѣло удручающее положеніе неизвѣстности.

Усѣвшись у окна, выходившаго на набережную, и приказавъ мнѣ сѣсть великій князь долго и подробно разспрашивалъ о моихъ странствованіяхъ. Прослушавъ докладъ о Рушукѣ великій князь спросилъ меня: «скажи правду: страшно было?»

Я отвѣчалъ вполне откровенно, что страшно. Подъ конецъ разговора вошелъ его высочество Евгенийъ Максимиліановичъ Лейхтенбергскій и мы бесѣдовали втроемъ. Послѣ завтрака я удалился и по приказанію

его высочества подалъ ему на другой день краткую записку для памяти по тѣмъ вопросамъ, о которыхъ представилъ подробный докладъ Непокойчицкому въ Кишиневѣ. Получивъ замѣчаніе, зачѣмъ я не пришелъ наканунѣ обѣдать, что означало приглашеніе приходить постоянно, я былъ очень польщенъ, такъ какъ въ это время за столомъ его высочества завтракало человѣкъ 10—15 и обѣдало около 8.

Послѣ одного изъ этихъ завтраковъ или обѣдовъ я заикнулся было о поѣздкѣ въ Петербургъ, но получилъ въ отвѣтъ слѣдующее:

— А я развѣ ѣду? а тоже хочется и нужно. Тебѣ надо опять ѣхать за границу; кого же я пошлю другого, ты тамъ уже всѣхъ знаешь и все знаешь. Скобелёвъ¹⁾ просилъ сегодня, чтобы тебя оставить при дивизіи и не отсылать, но я долженъ былъ ему отказать въ этомъ. Ты мнѣ тамъ нуженъ.

Такимъ образомъ мечты о поѣздкѣ въ Питеръ окончательно рушились; вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно предстояло опять уѣхать въ Букарестъ, изъ котораго я стремился въ Кишиневъ, но теперь эта перспектива меня не только не огорчала, но была даже пріятна, потому что вся обстановка, условія жизни и время препровожденія бездѣйствующей арміи, которыя я увидѣлъ, были весьма непривлекательны.

4-го марта въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ Нагловскій и сказалъ мнѣ, что Левицкій и Непокойчицкій прочитали мои донесенія, остались весьма довольны и находятъ, что именно мнѣ слѣдуетъ ѣхать назадъ въ Букарестъ продолжать начатое. Возбужденные же мною вопросы будутъ доложены великому князю и рѣшены здѣсь въ Одессѣ.

Великій князь долженъ былъ съ Непокойчицкимъ, Левицкимъ, Нагловскимъ и свитой ѣхать на двѣ недѣли осматривать войска дѣйствующей арміи, раскинутой на громадномъ пространствѣ, но отъѣздъ почему то откладывался, меня никто къ себѣ не требовалъ и мы съ Нагловскимъ, Фрезе и другими жуировали.

Отъѣздъ главнокомандующаго былъ назначенъ и меня потребовали къ Непокойчицкому. Выразивъ одобреніе работамъ, мною исполненнымъ, и предположеніямъ моимъ о дальнѣйшихъ направленіи и развитіи, Непокойчицкій съ непритворнымъ ужасомъ заговорилъ о деньгахъ. Онъ не оспаривалъ цифру, мною представленную, а больше говорилъ въ томъ смыслѣ, что денегъ нѣтъ и гдѣ же ихъ взять; къ этому прибавлялъ онъ, правда очень поверхностно и вскользь, что если бы знать навѣрное, что война будетъ, то можно было бы и похлопотать о деньгахъ, а такъ какъ о войнѣ ничего не извѣстно, то и поднимать денежныхъ вопросовъ неудобно. Кончили тѣмъ, что мнѣ приказано было ѣхать въ Киши-

¹⁾ Дмитрій Ивановичъ (отецъ), командовавшій сводной Кавказской казачьей дивизіей, въ которой я числился начальникомъ штаба.

невѣ, тамъ ожидать возвращенія великаго князя и рѣшенія вопроса о моей поѣздкѣ. Главнокомандующій долженъ былъ возвратиться изъ поѣздки 18-го марта.

Шла 5-ая недѣля великаго поста, и я воспользовался временной свободой, чтобы отговѣть. Въ одной изъ комнатъ дома Катарджи, гдѣ жилъ главнокомандующій, былъ поставленъ походный иконостасъ и устроена временная церковь. Служилъ священникъ великаго князя, который въ Петербургѣ занималъ мѣсто второго священника въ дворцѣ его высочества; пѣвчіе привезены были тоже изъ Петербурга.

Не имѣя опредѣленныхъ занятій я интересовался узнать о состояніи и готовности нашей арміи.

Всѣ добытыя мною свѣдѣнія сводились къ слѣдующему: духъ, дисциплина, боевая подготовка войскъ въ отличномъ видѣ, хозяйственная часть, т. е. всевозможныя снабженія и обозъ весьма неудовлетворительны. Административная часть, свѣдѣнія о дорогахъ, желѣзныхъ и простыхъ, рѣкахъ, переправахъ, силахъ турокъ, средствахъ странъ, въ которыя мы готовились вступать—были тоже недостаточны и во многомъ гадательны.

19-го марта возвратился великій князь, доѣзжавшій до Елизаветграда, и я получилъ приказаніе ѣхать съ генераломъ Скобелевымъ 1-мъ въ расположеніе Кавказской казачьей дивизіи въ д. Гуру-Галбину; при этомъ мнѣ было сказано, что въ непродолжительномъ времени я долженъ буду опять ѣхать въ Букарестъ. Кавказская казачья дивизія состояла изъ 4-хъ полковъ: Кубанскаго, Владикавказскаго (Терскаго), Терско-горскаго (изъ охотниковъ осетинъ и ингушей) и 30-го донскаго казачьяго. Ее называли иногда «гулевой» дивизіей, такъ какъ предполагали, что послѣ переправы она пойдетъ впереди арміи въ набѣгъ и будетъ «гулять» по Болгаріи, наводя страхъ и ужасъ на турокъ, которыми, какъ противникомъ, въ то время у насъ пренебрегали; нѣкоторые въ шутку называли ее «дикой» дивизіей, составленной изъ дикихъ народовъ.

Несмотря на довольно далекое разстояніе, отдѣлявшее Гуру-Галбину отъ Кишинева, мы выѣхали верхами; я находилъ это отличнымъ и вполне соответствующимъ будущему назначенію дивизіи. День былъ чудесный, весна вступила въ свои права, рѣчки и ручейки уже вскрылись, грязь была жестокая, вполне оправдывавшая избранный способъ передвиженія. Тучный и массивный Дмитрій Ивановичъ Скобелевъ возсѣдалъ на высокому бурому текинцѣ, принадлежавшемъ его сыну, котораго ожидали въ Кишиневѣ, а я былъ на лучшей своей лошади, желая представиться дивизіи въ лучшемъ видѣ. Скобелевъ былъ, можетъ быть, прежде лихимъ наѣздникомъ, но въ описываемое мною время старость и въ особенности чрезмѣрная полнота дѣлали свое дѣло и онъ

ѣхалъ болѣе чѣмъ осторожно, брани текинца, который, по его словамъ, спотыкается, всего боится и не умѣетъ ходить. Ѣхали шагомъ, еле плелись, предусмотрительно объѣзжая канавки и выбоины, такъ что я начиналъ уже сомнѣваться, будетъ ли въ состояніи начальникъ дивизіи выполнить тѣ назначенія, которыя на него возлагаются. Дмитрія Ивановича уже тогда въ шутку называли «папой».

Закравшееся въ мою душу сомнѣніе, касавшееся лихости Скобелева, получило скоро подтвержденіе, потому что, выѣхавъ довольно далеко за городъ, мы нагнали легкую, удобную телѣжку или бричку, заранее высланную, и преспокойно въ нее усѣлись, при чемъ Дмитрій Ивановичъ занялъ конечно болѣе трехъ четвертей сидѣнья, а я еле-еле ютился на краешкѣ, пѣтушкомъ. Ѣздить съ Дмитріемъ Ивановичемъ было чистѣйшимъ наказаніемъ; онъ все время боялся, что повозка опрокинется и ворчалъ на своего кучера Мишку, распекая его за то, что онъ не умѣетъ править, что лошади неровно везутъ и что онъ непременно насъ вывалитъ. Мишка, мужикъ съ бородой, вѣроятно уже привыкъ къ ворчанію своего барина, потому что не оставался въ долгу и по временамъ давалъ ему очень энергичный отпоръ. Я смѣялся говоря Скобелеву, что у него и сынъ Михайлъ и кучеръ Михайлъ, а старикъ ворчалъ, совсѣмъ впрочемъ не злясь, а по привычкѣ:

— Да я и сына зову Мишка, — говорилъ онъ; для васъ онъ Михайлъ Дмитріевичъ, а для меня Мишка.

Далеко не доѣзжая Гуры-Галбины насъ встрѣтили всадники Терско-горскаго полка и конвоировали до мѣста. Любо было смотрѣть на этихъ лихихъ, изящныхъ наѣздниковъ, для которыхъ ѣзда удовольствіе, нормальное состояніе, а не обязанность какъ въ нашей регулярной кавалеріи. Они щеголяли другъ передъ другомъ и конечно передъ нами, перепрыгивая канавки по сторонамъ дороги, то отставая отъ насъ, то догоняя въ карьеръ и круто останавливаясь возлѣ брички. Уже вечеромъ добрались мы до нашей резиденціи, гдѣ встрѣтилъ я исправлявшаго должность начальника штаба капитана генеральнаго штаба Виктора Викторовича Сахарова и адъютанта дивизіи Лукашева. Тутъ же познакомился я съ командиромъ Терско-горскаго полка полковникомъ Панкратовымъ, который былъ кажется на Кавказѣ начальникомъ округа ингушей и съ ними пришелъ въ дѣйствующую армію.

На другой день отправились мы объѣзжать дивизію и кажется въ д. Чимишлии Скобелевъ произвелъ тактическое ученіе дивизіи, которое не только вышло не удачно, но кончилось полнымъ скандаломъ: всѣ полки, послѣ какой то команды или сигнала Скобелева, распались въ разныя стороны. Дмитрій Ивановичъ сердился на всѣхъ, въ томъ числѣ и на меня.

— Отстаньте вы съ вашимъ Михайломъ Дмитріевичемъ; я никакого Михаила Дмитріевича не знаю. Для васъ есть Михайлъ Дмитріевичъ, а для меня есть Мишка.

Такъ какъ последнее слово было произнесено громко, даже крикливо, то кучеръ оглянулся и откликнулся: «чего-съ».

— Не тябя, дуракъ; знай свое дѣло, а то еще вывалишь.

Многіе говорили, что Дмитрій Ивановичъ завидовалъ успѣхамъ своего сына, носившаго уже Георгія 4-й и 3-й степени. Рассказывали, что будто на выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, который совпалъ съ извѣстіемъ о подвигахъ Скобелева 2-го въ Туркестанѣ, государь, проходя мимо старика Скобелева и желая сдѣлать ему удовольствіе, сказалъ:

— Ты сынъ и отецъ «знаменитыхъ Скобелевыхъ».

Конечно, государь и не думалъ, что его привѣтствіе будетъ перетолковано остряками не въ пользу Дмитрія Ивановича. Когда его спрашивали, за что онъ получилъ Георгія въ прошлую турецкую войну на Кавказѣ, то Скобелевъ очень добродушно всегда повторялъ съ пунктуальной точностью одинъ и тотъ же рассказъ, который по своей оригинальности приведу здѣсь.

— Я былъ тогда молодымъ флигель-адъютантомъ, говорилъ Дмитрій Ивановичъ, и командовалъ своднымъ казачьимъ полкомъ; въ сраженіи при N⁴) стоялъ на флангѣ, слѣзъ съ лошади и присѣлъ на камень. Вдругъ вижу мои казаки поднялись и поскакали впередъ. Я кричу: «куда, постой», не тутъ то было; только одинъ изъ заднихъ пріостановился и отвѣтилъ: «за постой баринъ деньги берутъ» и тоже исчезъ. Нечего дѣлать и я поскакалъ; вижу они лупятъ прямо на турецкую батарею. Тогда я припустилъ пошибче и кричу ближайшимъ: «ребята дарю вамъ эту батарею», на что и получилъ отвѣтъ: «не беспокойтесь батюшко, Георгія вамъ заработаемъ». Вотъ,—продолжалъ Дмитрій Ивановичъ,—они взяли батарею, а я получилъ Георгія.

Въ Гурѣ-Галбинѣ поинтересовался я поближе познакомиться съ осетинами и ингушами и совершенно въ нихъ влюбился. Это была настоящая кавалерія, центавры. Колодезь былъ очень близокъ отъ нашей квартиры, и я любовался какими молодцами они ѣздили на водопой: безъ сѣделъ, на недоузкахъ, скачутъ и гарцуютъ, джигитуюя при возвращеніи отъ колодца. Говоря о ихъ лихости въ наѣздничествѣ слѣдуетъ для полноты упомянуть, что регулярности, знанія внутренняго, гарнизоннаго и другихъ уставовъ помину не было. Пошелъ я какъ то на гауптвахту, возлѣ которой стоялъ унтеръ-офицерскій караулъ; караулъ былъ вызванъ, но конечно произвелъ всѣ необходимыя при этомъ по уставу манипуляціи совсѣмъ по своему, т. е. какъ кому пришло въ голову. Войдя въ

⁴) Я забылъ въ какомъ сраженіи: Башъ-Кадыкларъ или Кюрюкъ-Дара.

караульный домъ я увидѣлъ арестованнаго офицера и указаль Панкратову, тутъ бывшему, что нельзя же держать унтеръ-офицерскій караулъ при арестованномъ офицерѣ, на что получилъ отвѣтъ, что это не бѣда, что офицеръ не обижается, такъ какъ онъ бѣдный, а унтеръ-офицеръ богатый и что только на службѣ офицеръ этотъ старше своего караульнаго, вернувшись же домой очень можетъ быть, въ силу своей бѣдности, попадетъ къ стерегущему его теперь унтеру.

— У насъ это ничего, они не обижаются... прибавилъ Панкратовъ.

Когда же я все таки настаивалъ нарядить офицера, то произошла слѣдующая сцена: на площади гуляло пѣшкомъ и ѣхало верхомъ нѣсколько офицеровъ полка; Панкратовъ обратился къ одному изъ нихъ:

— Пойдите, станьте въ караулъ.

— Да мнѣ некогда, зачѣмъ же непременно меня посылаете, слышалось въ отвѣтъ.

— Ну такъ вы, обращался Панкратовъ къ другому, но и другой не желалъ скучать въ караулѣ.

Тоже произошло и съ остальными, къ которымъ обращался командиръ полка; надо впрочемъ прибавить, что всѣ эти разговоры производились съ обѣихъ сторонъ въ очень добродушной формѣ, такъ что вовсе не похожи были на явное ослушаніе подчиненнаго начальнику, и я заблагоразсудилъ удалиться.

Скобелевъ попробовалъ водворять порядокъ, но кажется брался не за то, что слѣдовало; онъ болѣе всего приналежъ на однообразіе формы одежды и потребовалъ, чтобы всѣ собственныя щегольскія черкески, казачковъ и всадниковъ Терско-горскаго полка, между которыми встрѣчались бѣлыя, сѣрыя, коричневыя—были непременно перекрашены въ черную краску. Это распоряженіе возбудило ропотъ, тѣмъ болѣе, что перекрашиваніе было сопряжено съ большими неудобствами: краска была дорога, нехороша и перекрашенные черкески были очень некрасивы и пачкали.

23-го марта Скобелевъ получилъ телеграмму Левицкаго, предписывавшую отправить меня немедленно въ главную квартиру для посылки въ Букарестъ. Въ Кишиневѣ, куда вслѣдъ за мной прикатилъ и Дмитрій Ивановичъ, за обѣдомъ въ страстной четвергъ великій князь сказалъ мнѣ: «тебѣ надо поскорѣй ѣхать»; послѣ обѣда Непокойчицкій спросилъ меня, готовъ ли я, на что я отвѣчалъ, что лично готовъ, но не получилъ еще никакихъ приказаній; Непокойчицкій прибавилъ: «вамъ надо поскорѣй ѣхать». Черезъ нѣсколько времени и Левицкій говоритъ: «надо поскорѣй ѣхать», но никакихъ инструкцій, ни бумагъ не дали, а потому я ждалъ.

Въ пятницу за завтракомъ великій князь даже удивился, увидѣвъ

меня въ столовой, предполагая меня уѣхавшимъ. Я доложилъ его высочеству, что не готовы еще какія то бумаги и что я ихъ жду.

При выносѣ плащаницы я былъ удивленъ, увидѣвъ на великомъ князѣ и Дмитріи Ивановичѣ Скобелевѣ какія то широкія ярко-красныя ленты, надѣтыя поверхъ воротника мундира и спускавшіяся до середины груди; мнѣ сказали, что это ленты кавалеровъ ордена Гроба Господня, полученныя его высочествомъ и нѣкоторыми изъ его свиты, бывшей съ нимъ въ Иерусалимѣ¹⁾. Послѣ выноса плащаницы они сняли эти ленты.

Въ то время у насъ было довольно возбужденное состояніе; всѣ говорили, что война уже на носу и что объявленіе ея послѣдуетъ не позже какъ на Гоминой недѣлѣ. Скептики говорили впрочемъ, что войны все-таки не будетъ, но что на Гоминой рѣшится вопросъ о нашемъ возвращеніи. Я лично все еще вѣрилъ въ войну, приготовленія къ которой, повидимому, велись нѣсколько энергичнѣе, разрабатывались уже детали, хотя кажется и теперь проглядывало въ нихъ недостаточное знакомство съ предстоящей обстановкой; сужу по слѣдующему примѣру. Ожидая какъ то разъ великаго князя у дверей его кабинета я увидѣлъ выходящаго оттуда полевого интенданта. Онъ былъ съ портфелемъ, а это указывало на то, что онъ имѣлъ докладъ; видъ его былъ очень довольный, какой то торжествующій, и онъ, улыбаясь, сказалъ мнѣ и другимъ, кто тутъ былъ:

— Ну-съ, господа, сегодня главнокомандующій утвердилъ очень важный проектъ мой. На этотъ разъ у насъ не будетъ того, что повторялось во всѣ наши кампаніи; великій князь утвердилъ мой докладъ о махоркѣ.

Затѣмъ онъ разсказалъ намъ, что части войскъ въ числѣ прочаго довольствія будутъ получать русскій табакъ въ натурѣ, и наши солдаты, какъ выразился полевой интендантъ, «не будутъ лишены своей махорки». Я спросилъ его, сдѣлано ли по этому вопросу сношеніе съ румынскимъ правительствомъ, на что онъ отвѣчалъ, что никакихъ переговоровъ по этому дѣлу не было, да и не нужно, потому что какое же дѣло румынскому правительству до нашей махорки. Я ему началъ разсказывать о существующей въ Румыніи Regia, по которой ввозъ иностраннаго табаку, въ какой бы формѣ онъ ни былъ, строго воспрещенъ. Интендантъ находилъ, что это пустяки, что румыны не будутъ возражать, и изъ его словъ я увидѣлъ, что онъ понятія не имѣетъ о положеніи табачнаго вопроса въ Румыніи, и потому разсказалъ ему, что румынское правительство, даже при желаніи, не въ силахъ непосредственно отъ себя

¹⁾ Кажется на лентѣ висѣлъ овальный плоскій образъ съ ликомъ Спасителя, или крестъ, но навѣрное не помню.

войти по этому предмету въ соглашеніе съ нами, такъ какъ табачная монополія въ Молдавіи и Валахіи принадлежала частной компаніи, да въдобавокъ не румынской, а иностранной, венгерской. Вслѣдствіе этого на всѣхъ таможенныхъ Румыніи, рядомъ съ правительственными таможенными чиновниками, находились частные агенты компаніи Regia, дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, такъ что напримѣръ тюки и т. п. съ надписью *expédition officielle* и съ печатами нашего министерства иностранныхъ дѣлъ пропускались правительственной таможенной безпрепятственно и безъ досмотра, а агенты Regia всегда придирались, требовали вскрытія тюка, а если и пропускали, то послѣ многихъ пререканій, уступая настойчивымъ требованіямъ. Румынское правительство было связано съ этой компаніей государственнымъ актомъ, а потому было безсильно въ этомъ вопросѣ. Впослѣдствіи войска наши встрѣтили большія препятствія при ввозѣ русскаго табаку и сколько помню требовались дополнительные статьи въ конвенціи и сепаратныя соглашенія. Въ концѣ концовъ во время войны дѣло уладилось, но какъ же полевой интендантъ, долженствовавшій знать условія довольствія войскъ въ предстоящей войнѣ, не знаетъ порядковъ сосѣдняго государства, лежавшаго, какъ говорится, не за тридевять земель и въдобавокъ входившаго съ нами въ соглашеніе о пропускѣ нашихъ войска черезъ свою территорію?

Часовъ въ 10 веч. страстной пятницы, 25-го марта, былъ я потребованъ къ начальнику штаба. Обстановка была та же: длинное пальто, туфли и очень любезный пріемъ.

— Завтра въ 6 часовъ утра съ почтовымъ поѣздомъ, началъ Непокойчицкій, отправляйтесь въ Букарестъ. Скажите Братіано...

Я не удержался и привскочилъ отъ удивленія, но Непокойчицкій не слушая продолжалъ:

— Скажите Братіано, что лошадей, которыхъ они просятъ, мы теперь еще дать не можемъ, орудій обѣщанныхъ тоже. Что касается до денегъ, то они готовы, но въ настоящее время признается еще несвоевременнымъ ихъ посылать¹⁾.

Все это было сказано спокойнымъ, безстрастнымъ тономъ, свойственнымъ Непокойчицкому. Я совершенно растерялся и просто не понималъ въ чемъ дѣло. Оправившись я попробовалъ доложить начальнику штаба, что по всѣмъ вопросамъ, которые онъ затронулъ, специально для нихъ живетъ въ Букарестѣ полковникъ Бобриковъ, а что я съ этимъ дѣломъ совершенно не знакомъ; я не боялся того, что Непокойчицкій со мной согласится, обо всемъ сказанномъ имъ прикажетъ написать Бобрикову, а я останусь въ Кишиневѣ, такъ какъ былъ увѣренъ,

¹⁾ Объ этихъ просьбахъ румынъ упомянуто выше.

что меня посылають для продолженія работъ, мною начатыхъ и веденныхъ. Несмотря на всѣ мои возраженія, Непокойчицкій остался при своемъ и приказалъ ѣхать съ порученіемъ къ Братіано. Когда же я спросилъ инструкцій относительно моей работы т. е. собиранія свѣдѣній, Непокойчицкій сказалъ, что время еще терпѣть, что денегъ нѣтъ, а потому выполнить мои предположенія теперь нельзя и чтобы я, живя въ Букарестѣ, продолжалъ бы, между прочимъ, прежнюю работу, поддерживая завязанныя и установившіяся сношенія, отнюдь не расширяя круга дѣйствій. Я былъ совершенно пораженъ; изъ словъ начальника штаба приходилось заключить, что война—мнеѣ. Я не удержался и спросилъ:

— Какъ же, развѣ войны не будетъ?

— Полноте, полноте,—сказалъ Непокойчицкій снисходительно, но благодушно улыбаясь. Никакой войны не будетъ.

Эти знаменательныя слова, которыя я отлично помню, сказаны были мнѣ въ ночь съ 25-го на 26-ое марта, а 12-го апрѣля появился манифестъ о войнѣ. Аудіенція у Непокойчицкаго кончилась въ часъ ночи; поѣздъ отходилъ въ 6 часовъ утра, и мнѣ было приказано до отхода поѣзда и пораньше явиться великому князю, который долженъ былъ тоже ѣхать на вокзалъ встрѣчать старшаго сына своего, возвращавшагося изъ Петербурга.

Вернувшись домой я передалъ Нагловскому сущность разговора моего съ начальникомъ штаба и умолялъ его при первомъ удобномъ случаѣ еще поговорить съ Непокойчицкимъ о необходимости организовать развѣдку въ широкихъ размѣрахъ. Нагловскому было вполне возможно исполнить это, такъ какъ онъ въ то время часто работалъ по указаніямъ самого начальника штаба и имѣлъ къ нему свободный доступъ. вмѣстѣ съ тѣмъ я просилъ Нагловскаго отправить по моему отъѣздѣ заготовленныя мною депеши къ женѣ и матушкѣ моей о моемъ выѣздѣ, такъ какъ ночью не могъ ихъ отправить, да и некогда было: надо было уложиться. Милѣйшій Дмитрій Станиславовичъ обѣщалъ все исполнить, но исполнилъ только первую половину моихъ порученій—переговорилъ съ Непокойчицкимъ, депеши же такъ и остались неотправленными. Правда, что была ночь и Нагловскій почти уже спалъ.

Мнѣ спать не пришлось. Въ 4 часа утра, въ статскомъ костюмѣ, отправился я къ главнокомандующему, который ужасно смѣялся видя меня въ такомъ нарядѣ; заставилъ надѣть мой пальмерстонъ, шапку и хохоталъ поворачивая меня во всѣ стороны; затѣмъ благословилъ, поцѣловалъ и увидя, что я сажусь на извозчика, приказалъ сѣсть къ нему на запятки дорожной коляски, въ которой было устроено сзади отличное сидѣнье. На вокзалѣ встрѣтили мы великаго князя Николая Николаевича Младшаго, который, не узнавъ меня, не обратилъ вниманія, такъ

что главнокомандующій обратился къ нему со словами: «а вотъ поздоровайся еще съ этимъ статскимъ».

Распрошавшись уѣхалъ я въ вагонъ и ѣхалъ уже не секретно, а съ паспортомъ на мое имя, но не помню почему все еще былъ прописанъ не полковникомъ, а вологодскимъ помѣщикомъ. Въ Унгенияхъ агенты Regia чуть-чуть не распечатали маленькаго сакъ-вояжа моего, несмотря на печати и официальные надписи; много было хлопотъ и ругатни, покуда отъ нихъ отдѣлался, и я вспомнилъ интенданта съ его махоркой.

Въ Яссахъ повторилась обычная исторія съ поѣздами; они не встрѣтились. Кондукторъ пришедшаго поѣзда изъ Унгень увѣрялъ, что мы пріѣхали во-время, но что букарестскій поѣздъ ушелъ раньше, а начальникъ станціи доказывалъ, что мы опоздали. Какъ бы то ни было, но мнѣ не удалось миновать Hotel Binder и тамъ, въ полномъ одиночествѣ, встрѣтилъ я Пасху 1877 года.

XI.

Возвращеніе въ Букарестъ.—Свиданіе съ Братіано.—Порученіе продолжать рекогносцировки.—Недостатокъ средствъ.—Состояніе нашей арміи.—Казиміръ Левицкій.—Предположенія объ организаціи развѣдочной службы.—Объявленіе войны.—Англійскіе агенты въ Болгаріи.—Опасеніе румынъ, что турки переправятся черезъ Дунай.—Паника въ Букарестѣ.—Присканіе переводчиковъ и проводниковъ.

Пріѣхавъ въ Hotel Boulevard я нашелъ мой излюбленный номеръ занятымъ Бобриковымъ, а потому поселился въ сосѣднемъ. Меня безпокоила мысль, чтобы Георгій Ивановичъ не обидѣлся на меня за то что я, вполнѣ невольно, явился на этотъ разъ въ Букарестъ въ роли, принадлежавшей ему — Бобрикову, а поэтому предложилъ ему ѣхать къ Братіано вмѣстѣ со мной и присутствовать при моемъ разговорѣ. На сдѣланный запросъ, Братіано, всегда осторожный, увѣдомилъ барона Стюарта, что онъ приметъ меня и Бобрикова, въ 9 часовъ вечера, въ среду 30-го марта, не у себя дома, а у Фалькояно, вступившаго въ должность министра путей сообщенія. Предстоявшая бесѣда съ Братіано меня и Бобрикова очень смущала; какъ передамъ я румынскому премьеру слова Непокойчицкаго, которыя въ сущности сводились къ одному: отказъ, отказъ и отказъ. А мы же, т. е. баронъ Стюартъ, Бобриковъ и пріѣхавшій въ январѣ князь Кантакузенъ—все время напирали на того-же Братіано, настаивая на скорѣйшемъ заключеніи конвенціи. Въ виду щекотливости положенія мы порѣшили, что во избѣжаніе всякихъ разговоровъ, объясненій и т. п. я передамъ буквально

то, что мнѣ приказано, воздерживаясь отъ всякихъ комментариевъ при дальнѣйшемъ разговорѣ.

Свиданіе состоялось вечеромъ на частной квартирѣ Фалькояно. Мы пріѣхали нѣсколько раньше и въ ожиданіи Братіано сидѣли втроемъ съ хозяиномъ въ слабо освѣщенной комнатѣ разговаривая о погодѣ. Наконецъ явился Братіано довольно веселый, какъ и всегда подвижной, живой. Усѣлись — и я повторилъ ему, какъ заученный урокъ, слова Непокойчицкаго. Братіано сидѣлъ какъ въ столбнякъ, глазомъ не моргнулъ. Когда я кончилъ, то наступило то убійственное молчаніе, которое вѣроятно каждому приходилось испытать когда нибудь, когда всѣмъ сдѣлается отчего нибудь неловко. Комната была маленькая, было жарко, или по крайней мѣрѣ мнѣ казалось жарко. Наконецъ Братіано нарушилъ общее молчаніе и вздохнувъ сказалъ:

—Eh bien, si on ne peut rien faire—il n'y a rien à faire,—всталъ и аудіенція кончилась; а съ нею кончилось и мое весьма краткое дипломатическое поприще.

Вернувшись домой я написалъ Непокойчицкому рапортъ 3-го апрѣля, посланный съ курьеромъ.

«Доношу вашему высокопревосходительству, что въ среду 30-го марта, на квартирѣ у г-на Фалькояно, имѣлъ я, совместно съ полковникомъ Бобриковымъ, свиданіе съ г-номъ Братіано, на которомъ я передавалъ все то, что вашему высокопревосходительству было угодно на меня возложить. Къ сему имѣю честь присовокупить, что на основаніи вчерашней телеграммы вашего высокопревосходительства, я приступаю къ собиранію свѣдѣній и производству рекогносцировокъ, при чемъ считаю долгомъ донести:

1) вслѣдствіи ожиданія войны грабежи и насилія на правомъ берегу Дуная приняли большіе размѣры, а потому я сомнѣваюсь въ возможности произвести рекогносцировки Никополя. 2) Для производства работъ мнѣ необходимъ кредитъ въ русскомъ консульствѣ въ Бухарестѣ. Смѣю думать, что прежнія мои работы могутъ служить ручательствомъ, что расходы будутъ производимы съ соблюденіемъ экономіи и благоразумія, соответствующимъ обстоятельствамъ и заботѣ о соблюденіи интересовъ казны. По послѣднему вопросу прошу ваше высокопревосходительство меня увѣдомить если можно телеграммою».

На рапортѣ этомъ я впоследствии видѣлъ помѣтку полевого штаба: «получено 25-го апрѣля». Гдѣ гулялъ сей злополучный рапортъ съ 3-го по 25-ое апрѣля?

Какъ бы то ни было, но изъ рапорта моего видно, что:

1) незадолго до 3-го апрѣля я получилъ телеграмму, предписывающую мнѣ вновь приступить къ работамъ, что не было разрѣшено мнѣ 25-го марта, при послѣднемъ моемъ разговорѣ съ Непокойчицкимъ, въ

Кишиневъ. Очевидно, что между 25-мъ марта и 3-мъ апрѣля (день отправки рапорта) произошли въ политикѣ событія, приблизившія насъ къ войнѣ.

2) изъ этого-же рапорта видно, что у меня денегъ не было, а въ Кишиневѣ какъ и всегда, прежде и потомъ, о нихъ забыли. Въ рапортѣ моемъ я, говоря объ экономіи и благоразуміи, нарочно вставилъ фразу «соотвѣствующимъ обстоятельствамъ», такъ какъ хорошо зналъ по опыту скупость полевого штаба съ одной стороны, а съ другой—что работы мои, для успѣшнаго ихъ веденія, требовали того-же, что требуетъ война: денегъ, денегъ и еще денегъ.

3) изъ этого-же рапорта видно, что въ полевомъ штабѣ въ то время было тяготѣніе къ Никополю съ цѣлью устройства тамъ переправы, тяготѣніе, которое продолжалось и по прибытіи главной квартиры въ Плоэшти вплоть до поѣздки великаго князя главнокомандующаго для личной рекогносцировки Дуная, которая и привела къ переправѣ у Систова, энергично проповѣдуемой Нагловскимъ.

Ко времени моего свиданія съ Братіано и вообще ко времени моего вторичнаго пріѣзда въ Бухарестъ относится письмо мое отъ 30-го марта къ одному довѣренному и вполне благонадежному лицу. Такъ какъ оно касается нашей арміи, то я привожу его здѣсь цѣликомъ:

«Свидѣвшись съ товарищами и по разспросамъ ихъ, а также по свидѣтельству всѣхъ вполне безпристрастныхъ людей состояніе арміи превосходно, духъ необыкновенный! Всѣ, видѣвшіе войска, не могутъ достаточно хвалиться ими. Полковникъ Клейнмихель ¹⁾, пріѣхавшій курьеромъ отъ государя, говорилъ, что хотя онъ и хвастается своимъ баталіономъ, но что всѣ войска дѣйствующей арміи ничуть не хуже его баталіона, а съ нѣкоторыми полками онъ бы не рѣшился потягаться. Во всемъ этомъ есть одно горе и горе большое—одинъ человекъ, который къ несчастію такъ высоко поставленъ, что можетъ портить все хорошее: это Казиміръ Левицкій. По положенію своему онъ вліяетъ на все, такъ какъ онъ помощникъ начальника штаба арміи. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени сѣмѣль онъ возбудить общую къ себѣ нелюбовь, а въ нѣкоторыхъ даже ненависть.

«Суета, разсѣянность, забывчивость, почти отсутствіе образованія, самонадѣянность, хватанье за все, мелочность—страшно отзываются на порядкахъ и дѣлахъ штаба, который все же есть главный двигатель, душа арміи, а жадность, пронируемость, забота только о себѣ, оттираніе другихъ лицъ—заставляютъ всѣхъ отшатнуться. Представь себѣ

¹⁾ Графъ Владиміръ Клейнмихель, въ то время командиръ л-гв. 3-го Стрѣльковаго баталіона Императорской фамиліи, впоследствии командиръ л-гв. Семеновскаго полка.

что много весьма важныхъ донесеній Бобрикова, моихъ и другихъ лицъ—потеряны имъ, потому что онъ, вмѣсто того чтобы распредѣлять ихъ по соответствующимъ отдѣламъ, все беретъ себѣ, а когда нужно, то ничего не могутъ найти и если находятъ то иногда на полу, на окнѣ, на диванѣ — секретныя донесенія! Что многихъ нѣтъ—свидѣтельствуешь между прочимъ то, что, отправляя меня теперь, онъ давалъ порученіе, которое уже было мною исполнено и сообщено въ общихъ чертахъ въ январѣ, а потомъ подробно разработано и донесено Бобриковымъ въ концѣ февраля ¹⁾. Въ то же время онъ себя не забываетъ и вмѣсто 5 или 6 тысячъ содержанія, слѣдуемаго ему, въ годъ по положенію, онъ, по расчетамъ Нагловскаго, Фрезе и другихъ лицъ, получаетъ 13,700 рублей, т. е. на 300 только рублей менѣ Непокойчицкаго, который получаетъ 14,000».

Почти съ самаго прибытія нашего въ Кишиневъ организація собранія свѣдѣній о непріятелѣ и все къ этому соприкасающееся сосредоточивалось въ лицѣ штабъ-офицера надъ вожатыми, полковникъ Артамоновъ и его помощникъ подполковникъ Фрезе, дѣйствовавшихъ въ Кишиневѣ, я же былъ только случайно и при томъ временно пристегнутъ къ этому дѣлу, работая за границей. Мнѣ, какъ начальнику штаба Кавказской казачьей дивизіи, предстояло, по прибытіи арміи въ Румынію, оставить свои развѣдочныя занятія для присоединенія къ дивизіи, бросить всѣхъ своихъ агентовъ, проводниковъ, переводчиковъ, однимъ словомъ бросить дѣло, въ которое я окунулся по уши, съ которымъ вполнѣ практически ознакомился, и при томъ бросить его въ самое горячее время. Передать дѣло я долженъ былъ лицамъ, вполнѣ почтеннымъ, но просидѣвшимъ всю зиму въ Кишиневѣ и знакомымъ съ результатами, а не съ порядкомъ веденія моихъ работъ и знакомыми ни съ однимъ изъ многочисленныхъ моихъ помощниковъ. Мнѣ казалось это неправильнымъ и даже опаснымъ. Въ виду изложеннаго я подалъ 5-го апрѣля слѣдующій рапортъ начальнику штаба арміи.

«Представляю вашему высокопревосходительству записку о вооруженіи города Силистріи, доставленную г-мъ Братіано барону Стурту. Вмѣстѣ съ симъ представляю на благоусмотрѣніе вашего высокопревосходительства: не найдено-ли будетъ удобнымъ отправить сюда, въ помощь мнѣ, генеральнаго штаба подполковника Фрезе, на основаніи слѣдующихъ соображеній:

1) При занятіи Румыніи нашими войсками сборъ всѣхъ свѣдѣній вѣроятно сосредоточится у штабъ-офицера надъ вожатыми, т. е. у полковника Артамонова и подполковника Фрезе, а такъ какъ, надо думать, вступленіе нашихъ войскъ въ предѣлы Румыніи не заставитъ

¹⁾ О глѣбѣ для наводенія моста чрезъ Дунай.

себя долго ждать, то мы имѣемъ только самое необходимое время для того, чтобы подполковникъ Фрезе могъ вполне освоиться съ предстоящей задачей, познакомиться съ агентами и различными условіями собиранія свѣдѣній.

2) Въ настоящее время отлучки мои изъ Букареста для производства рекогносцировокъ нарушаютъ безостановочный пріемъ получаемыхъ свѣдѣній и передачу новыхъ инструкцій; полковникъ Бобриковъ такъ занятъ постоянными переговорами съ румынскими властями, что не имѣетъ времени замѣщать меня. Присутствіе подполковника Фрезе устранить это неудобство.

«Кромѣ изложеннаго выше рѣшаюсь высказать вашему высокопревосходительству мысль, хотя она и не входитъ въ кругъ моихъ занятій. Для установленія единства въ дѣйствіяхъ между офицерами и чиновниками, пріѣзжающими въ Румынію, и устраненія крайне вреднаго разъединенія, необходимо, чтобы всѣ пріѣзжающіе въ Румынію офицеры и чиновники пріѣзжали сначала въ Букарестъ, являлись-бы, послѣ представленія консулу,—къ полковнику Бобрикову, какъ лицу болѣе всѣхъ другихъ знакомому съ современнымъ положеніемъ дѣлъ, а затѣмъ уже приступали къ порученію на нихъ возложенному.

«Въ настоящее время, при отсутствіи единства въ дѣйствіяхъ, часто являются противорѣчія».

Этотъ рапортъ полученъ въ полевомъ штабѣ тоже 25-го апрѣля.

Фрезе мнѣ не прислали, остальное, о чемъ я писалъ въ обоихъ приведенныхъ мною рапортахъ, тоже прошло безслѣдно, да въ данномъ случаѣ оно и понятно: я писалъ 3-го и 5-го апрѣля, получены эти рапорты въ полевомъ штабѣ 25-го апрѣля; между тѣмъ 12-го апрѣля случилось нѣчто, не только близость чего, но даже самую возможность энергично отрицалъ 25-го марта самъ начальникъ полевого штаба дѣйствующей арміи. 12-го апрѣля была объявлена война.

Свѣдѣнія о непріятелѣ, которыя я имѣлъ въ то время, указывали на энергичную дѣятельность Турціи при помощи иностранныхъ офицеровъ, преимущественно англичанъ. Англійскій консулъ въ Русчукѣ ѣздилъ по Болгаріи и между прочимъ въ Сливнѣ говорилъ рѣчь приблизительно слѣдующаго содержанія:

— Вы видите, что Россія не хочетъ и не можетъ вамъ помочь... Вамъ остается одно: обратиться къ Англіи, которая, какъ вы сами знаете, сильна. Англія дастъ вамъ все, но подѣ условіемъ: теперь-же, раз навсегда, отречься отъ Россіи, слабость которой ясна каждому.

Рѣчь эта была сказана собраннымъ предварительно болгарамъ на площади Сливно. Болгары донесли объ этомъ Кожевникову немедленно.

Въ Букарестѣ постоянно ходили слухи о томъ, что турки намѣрены переправиться на правый берегъ Дуная и опустошить Румынію. Опа-

сались и за Букарестъ, отстоящій на 60 верстъ отъ Журжева; переправы турокъ ожидали со стороны Силистріи, Рушука и Виддина. Слухи одинъ другого нелѣпѣ ходили по городу. Правительство Румыніи просило о присылкѣ русскихъ инженеровъ.

5-го апрѣля прибылъ нашъ инженеръ полковникъ Мазюкевичъ, уже бывшій ранѣе въ Букарестѣ, съ письмомъ отъ великаго князя главнокомандующаго къ князю Карлу. Бобриковъ представилъ Мазюкевича генералу Чернату, замѣнявшему Сланичано въ должности военного министра. По предложенію Черната Мазюкевичъ, вмѣстѣ съ командиромъ румынской пѣхотной бригады полковникомъ Черкесомъ, немедленно выѣхалъ въ Калафатъ для осмотра оборонительныхъ позицій, избранныхъ румынами на случай перехода турокъ черезъ Дунай изъ Виддина и выстроенныхъ въ Калафатѣ укрѣпленій.

4-го апрѣля выѣхалъ изъ Букареста въ Петербургъ румынскій генералъ Гика съ порученіемъ отъ князя Карла къ государю ⁴⁾, но скоро мы узнали, что Гика вернули съ дороги, такъ какъ государь выѣхалъ въ Кишиневъ. Очевидно дѣло приближалось къ развязкѣ. Вмѣстѣ съ этимъ усиливалась въ Букарестѣ паника какъ въ правительствѣ такъ и въ публикѣ. Зловѣщіе слухи о движеніи шакъ башибузуковъ на Букарестъ ходили по городу. Изъ Букареста начался выѣздъ людей состоятельныхъ; нашъ консулъ баронъ Стюартъ тоже отправилъ свою семью въ Россію. Семейство барона уѣзжало еще засвѣтло, и громадная толпа народа собралась на улицѣ, противъ консульства. Когда отъѣздъ семьи русскаго консула сталъ извѣстенъ, то бѣгство изъ Букареста сдѣлалось повальнымъ; я поѣхалъ на станцію Сѣверной желѣзной дороги и видѣлъ самъ, какъ осаждались вагоны поѣзда и какъ мѣста брались съ бою.

8-го апрѣля выѣхалъ и баронъ Стюартъ въ Кишиневъ для представленія государю.

11-го апрѣля полковникъ Мазюкевичъ официально представился князю Карлу въ качествѣ русскаго инженернаго офицера, откомандированнаго въ распоряженіе князя.

Такъ какъ событія въ это время чередовались съ особенной быстротой, то мнѣ становится трудно описывать все въ надлежащей послѣдовательности, а потому я вынужденъ дополнять описаніе копіями документовъ, относящихся къ тому времени.

Меня очень беспокоилъ вопросъ о проводникахъ и переводчикахъ для арміи. Необходимо было запастись ими заблаговременно. Всѣ вообще греки, проживавшіе въ Румыніи и Болгаріи, были скорѣе на сторонѣ ту-

⁴⁾ Насколько помню, порученіе, возложенное на Гика, заключалось въ просьбѣ князя Карла обождать объявленіемъ войны по неготовности къ ней Румыніи.

рокъ, а не болгаръ, тѣмъ болѣе, что рознь, всегда существовавшая между греками и болгарами, усилилась послѣ дарованія самостоятельности болгарской церкви и учрежденія болгарскаго экзархата; румыны же знали только Румынію да и вообще не были надежны.

Я находилъ крайне необходимымъ набрать возможно больше проводниковъ и переводчиковъ изъ болгаръ, дать правильную организацію этому дѣлу, такъ чтобы части войскъ нашихъ, вступая въ Болгарію, имѣли бы не только переводчиковъ на болгарскій и турецкій языки, но и проводниковъ, а это требовало снабженіе нашихъ колоннъ проводниками по возможности именно изъ той мѣстности, куда колонны направлялись. Понятно, что этого сразу сдѣлать было нельзя, надо было вести дѣло исподволь и требовались деньги, чтобы помѣстить и продолжать набранныхъ лицъ.

8-го апрѣля писалъ я полковнику Артамонову.

«Сегодня ѣдетъ въ Кишиневъ баронъ Стурартъ и везетъ много интересныхъ данныхъ: рапортъ Бобрикова начальнику штаба № 17 съ приложениями и мой рапортъ ему-же № 7 тоже съ приложениями.

«Я взялъ на себя смѣлость, не получивъ ни разрѣшенія формальнаго, ни кредита, на сколько возможно устроить сѣть наблюдений, такую, о которой говорилъ мнѣ Нагловскій. Просилъ, чтобы мнѣ прислали Фрезе на помощь, но кажется это въ трубѣ. Безъ помощника я не могу отлучаться изъ Бухареста для рекогносцировокъ, потому что ежедневно являются агенты, отъ которыхъ надо принимать донесенія и снова отправлять.

«Бобриковъ сильно занятъ разными переговорами съ румынскими властями и не можетъ меня замѣщать.

«Вода въ Дунаѣ очень велика; примѣръ: вся полоса до деревень Слобдзевъ, Малу, Парепанъ, Балярія—залита; лощина гдѣ д. Мечка, на турецкомъ берегу, залита; вода продолжаетъ еще прибывать.

«Здѣсь паника,—ждутъ прихода черкесовъ и башибузукъ. Много семействъ выѣхало въ горы, а про Журжево и говорить нечего.

«Сегодня пріѣхали къ князю Карлу адъютантъ Абдуль-Керимъ¹⁾ требовать объясненій по поводу укрѣпленій, возводимыхъ въ Калафатъ. Чѣмъ это кончится не знаю.

«Кожевниковъ сообщаетъ, что Юліусъ²⁾ отдалъ свою карту на продажу въ Вѣну за 150 наполеоновъ. Мы телеграфировали Фельдману³⁾ просить взглянуть и, если хороша—купить.

¹⁾ Въ газетахъ того времени сообщалось неправильно, что пріѣзжалъ самъ Абдуль-Керимъ.

²⁾ Инженеръ, предлагавшій намъ купить его съемки Болгаріи.

³⁾ Полковникъ Ѳ. А. Фельдманъ нашъ военный агентъ въ Вѣнѣ.

«Наблюдение требуетъ денегъ, которыхъ у насъ нѣтъ; тѣ 5000 фр., которые я рискнулъ занять въ консульствѣ, составляютъ каплю въ морѣ. Въ депешѣ барону Стурту, отвѣтной на мою¹⁾ было сказано только: «сборъ свѣдѣній и рекогносцировки возлагаются на П.». Непокойчицкій²⁾».

«Безъ Фрезе не могу бросить Букареста и поѣхать въ Корабію, Челею или Турнъ-Магурели.

«Курьеры отсюда были каждый день и мнѣ приходится сидѣть. Левицкому не послалъ еще ничего (по вторичномъ пріѣздѣ въ Букарестъ), а пишу рапорты начальнику штаба. Авось будетъ лучше.

«Я бы могъ поѣхать на пароходѣ «Mouche» по Дунаю куда угодно. Пароходикъ имѣетъ 5 чел. команды проситъ 6 лиръ³⁾ въ день, чтобы быть въ полномъ моемъ распоряженіи; но я не могу отлучаться изъ Букареста, а потомъ пожалуй будетъ и поздно.

«Пароходикъ можно и купить; за него дадутъ уже 8000 франковъ. Прилагаю письмо Кожевникова по этому поводу.

«Вмѣстѣ съ этой экспедиціей идетъ и донесеніе Кожевникова, подробное, гдѣ упоминается наконецъ о «Сеифи» и должно быть о «Хезерѣ»⁴⁾. Неужели Левицкій поѣдетъ на царскіе смотры наканунѣ выступленія⁵⁾. Ко мнѣ ежедневно прибываютъ люди съ того берега то въ переводчики, то въ вожаки. Между прочимъ довольно извѣстный гайдукъ Панайотъ Хитовъ; еще другой мой знакомый по Руцуку⁶⁾, еле удравшій оттуда; я началъ организовать изъ нихъ команды вожаковъ и переводчиковъ; но боюсь: ихъ надо кормить—а деньги? Напишите мнѣ объ этомъ непременно».

Къ этому письму приложены были:

1) Мнѣніе инженера Юліуса о предстоящихъ дѣйствіяхъ.

«Генеральный консулъ въ Болгаріи, д. с. с. Кожевниковъ сообщаетъ изъ Руцука, что въ разговорѣ съ нимъ г. Юліусъ выразился такъ: «въ Дунайскомъ вилайетѣ находится теперь (начало апрѣля) не болѣе 150,000 челов. (по свѣдѣніямъ г-на Кожевникова, посылаемымъ вмѣстѣ съ симъ въ штабъ арміи—162,400 челов.), но турки могутъ сосредоточить до 200,000 челов., и такъ какъ они будутъ вести войну подъ прикрытіемъ своихъ укрѣпленій, то будутъ имѣть значительный перевѣсъ надъ непріателемъ».

Необходимо «по мнѣнію г-на Юліуса» имѣть по крайней мѣрѣ 300,000 челов., чтобы одержать верхъ надъ турецкой арміей.

¹⁾ О присылкѣ денегъ или о кредитѣ.

²⁾ Деша адресована барону Стурту.

³⁾ Турецкая лира=22 франка.

⁴⁾ Турецкіе броненосцы.

⁵⁾ Товарищи писали мнѣ, что Левицкій бросилъ дѣла штаба и желаетъ сопровождать великаго князя на царскіе смотры.

⁶⁾ Церковскій.

Это мнѣніе раздѣлялось всѣми.

Также приложено было подлинное письмо ко мнѣ Кожевникова.

Рушукъ, 5-го апрѣля.

«Не имѣя долгое время положительнаго отвѣта по вопросу о маленькомъ пароходѣ, я долженъ былъ дожидаться прибытія въ Рушукъ хозяина парохода, а также съ другой стороны провѣрить то, что мнѣ было доставлено, т. е. сообщено по этому дѣлу г. Карвониди. Оказывается нынѣ, что хозяинъ парохода «Mouche» можетъ принять сдѣланное ему предложеніе и согласиться сдѣлать плаваніе до Флорентины, не приставаая нигдѣ къ берегу въ продолженіе 5—10 дней съ платой по 6 турецкихъ золотыхъ въ день¹⁾. Если-же понадобится совершить нѣсколько продолжительныхъ плаваній, то онъ желаетъ, чтобы пароходъ его былъ купленъ на другое имя (ему предлагаютъ теперь за него 8000 франковъ) или же хоть по крайней мѣрѣ застраховать въ эту сумму, во избѣжаніе всякихъ случайностей. Самъ же онъ беретса управлять пароходомъ за условленную по взаимному соглашенію, плату.

«Вотъ всѣ условія, при которыхъ капитанъ Andreás можетъ быть въ нашемъ распоряженіи. Какъ видно, событія двигаютъ насъ къ окончательной развязкѣ... Грабежи, насилія, убійства и разнаго рода нестерпимые безпорядки усиливаются, и каждый новый день приноситъ намъ какую нибудь печальную новость. Всеобщее настроеніе умовъ воинственное. Турки, по крайней мѣрѣ молодые, дѣлаютъ видъ, что радуются приближенію войны, что-же касается болѣе опытныхъ въ этомъ дѣлѣ стариковъ, то они потряхиваютъ какъ то сомнительно головами и думаютъ, что едва-ли Турціи удастся одолѣть сильнаго «Москова» и хорошо приготовившагося. Я невиноватъ, что мои свѣдѣнія по военной части опаздываютъ. Пакеты мои часто лежатъ по цѣлымъ недѣлямъ въ Букарестѣ, гдѣ кажется мало обращаютъ вниманія на скорое отправленіе пакетовъ».

Жалобы Кожевникова на лежаніе его пакетовъ въ Букарестѣ были справедливы въ томъ отношеніи, что пакеты дѣйствительно лежали долго, но и Букарестъ не былъ виноватъ: не было курьеровъ, ни денегъ для ихъ найма и вся корреспонденція ожидала «оказіи».

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ 132 франка.

Къ біографіи архіепископа Макарія ¹⁾.

Знакомство Макарія съ Лерхе завязалось въ началѣ 60-хъ годовъ, когда первый былъ ректоромъ Новгородской духовной семинаріи, а второй управлялъ Новгородской губерніей.

Казалось бы трудно найти что-нибудь общее между православнымъ монахомъ и губернаторомъ изъ лютеранъ, но тѣмъ не менѣе послѣднѣе что-то связывало даже и съ митрополитомъ Исидоромъ, съ которымъ Лерхе находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

Эти отношенія дали возможность Макарію, при содѣйствіи Э. В. Лерхе, быть назначеннымъ сначала нижегородскимъ викаріемъ, потомъ получить епископство въ Архангельскъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ и въ Орлѣ.

Служа вдали отъ Новгорода, Макарій не прерывалъ нити знакомства съ Лерхе и велъ съ нимъ переписку, которая заключалась въ частныхъ письмахъ, всегда задушевныхъ и переполненныхъ всевозможными благопожеланіями. Но когда въ Орелъ проникъ достовѣрный слухъ о перемѣщеніи Макарія въ Архангельскъ, онъ сталъ жаловаться Лерхе на свою несчастную судьбу.

«Истекающій годъ, писалъ онъ, былъ тяжелъ для всѣхъ, особенно для меня. Онъ приготовилъ мнѣ по разнымъ тайнымъ доносамъ перемѣщеніе въ Архангельскъ. Хотя тамъ и знакомый губернаторъ ²⁾, но я не рѣшаюсь второе тридцатипятилѣтіе службы начинать съ Бѣлаго моря и потому прошусь на покой въ ближайшій въ г. Мценскѣ монастырь. Повидимому, наказываюсь я за доброту и благодѣянія, а можетъ

¹⁾ Матеріаломъ для статьи послужили письма Макарія и митрополита Исидора къ Э. В. Лерхе.

²⁾ Николай Павловичъ Игнатьевъ.

быть и за грѣхи вѣдомые и невѣдомые. Теперь для меня болѣе всего нужны смиреніе и терпѣніе. Ихъ и пожелайте мнѣ для моего спасенія» ¹⁾).

Макарій былъ огорченъ этимъ перемѣщеніемъ и въ немъ видѣлъ для себя постыдное пониженіе. Чтобы смыть такое пятно, онъ задумалъ удалиться на покой и въ письмѣ даже подписался: «Епископъ Макарій, ожидающій избавленія отъ епархіальной службы».

Лерхе не совѣтовалъ Макарію покидать службу, такъ какъ заслуги его для людей и церкви настолько значительны, что могутъ выдвинуть его на видную каеедру. «Удаленіе на покой, писалъ Лерхе, обнаруживаетъ въ васъ, владыко, одно лишь малодушіе, безсиліе, уступку подполнымъ навѣтамъ. Пройдетъ время, все перемелется и вы, вѣроятно, попадете въ центральную епархію».

На это Макарій отвѣчалъ:

«Любвеобильное ваше письмо меня воскресило. Я теперь ставлю на одну линію и покой и Архангельскъ. Въ письмахъ я изъяслялъ желаніе успокоиться, но формальнаго отзыва отъ меня не было. Согласно вашему указанію, я рѣшусь посмотрѣть Бѣлое море, если не уволятъ по письмамъ. Рѣшимость свою я высказывалъ не потому только, что стыдно послѣ Орла ѣхать къ чайкамъ морскимъ, но болѣе потому, что остаются въ живыхъ устроившіе мнѣ стоянку приморскую. Если главнаго устроителя ²⁾ не можетъ побѣдить вся Россія, ратующая противъ его классицизма, то гдѣ преодолѣть людямъ частнымъ. Владыко, вашъ сильно ратовалъ за меня съ другими (вѣчная ему благодарность), но не могъ взять перевѣсъ. Вѣдь и при морѣ могутъ дошибать. Во всякомъ случаѣ, по полученіи указа, могу отправиться не столько для управленія, сколько для освѣдомленія. Если надѣяться на скорое оттуда перемѣщеніе, то я уже былъ обманутъ разъ Нижнимъ. Не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки. Таковая ближайшая епархіа можетъ открыться послѣ смерти моего товарища Леонида. Примите это все къ свѣдѣнію и пособиите въ чемъ можете. Скоро услышите о моемъ покоѣ или отправленіи въ Архангельскъ. Знаю, что онъ городъ приморскій и торговый, но тѣмъ не менѣе ссыльный. Орловцы ратуютъ за меня, но не найдутъ средствъ къ удержанію меня въ Орлѣ. Неожиданный подконъ изумилъ всѣхъ» ³⁾).

Обстоятельства, при которыхъ Макарій былъ перемѣщенъ на крайній сѣверъ, чрезвычайно интересовали Лерхе; онъ спрашивалъ о нихъ митрополита Исидора и просилъ, если не поздно, облегчить епископу

¹⁾ Изъ письма 23-го декабря 1876 г.

²⁾ Тогдашній министръ, графъ Д. А. Толстой.

³⁾ 1-го января 1877 г.

ссылку. Но Исидоръ оказался слишкомъ осторожнымъ въ этомъ дѣлѣ и отвѣчалъ довольно уклончиво:

«Нерадостную память оставилъ по себѣ минувшій годъ преосвященному Макарію. Много получилъ я и писемъ и телеграммъ въ защиту его, но, за состоявшимся 25-го декабря высочайшимъ указомъ о перемѣщеніи его въ Архангельскъ, онѣ не могли измѣнить дѣла. Не мало было прецедентовъ, по которымъ я едва могъ отклонить настояніе о совершенномъ удаленіи его отъ управленія епархіею. Въ немъ много задатковъ добра, но часто не достаётъ ровнаго и спокойнаго характера, а скорость и порывистыя распоряженія не обходятся безъ ошибокъ, которыми пользуются неблагожелатели. Хорошо, если урокъ научить его быть осмотрительнѣе. Перемѣна епархіи — еще не бѣда. Въ служебной жизни не все бываетъ по нашему желанію. Тѣмъ болѣе неприлично малодушествовать монаху, который долженъ быть готовымъ на службу повсюду, гдѣ укажетъ ему Промыселъ Божій и начальство. Въ Архангельскѣ служили многіе прежде него и не роптали. Послужить и онѣ — и примирится съ жребіемъ, а по времени положеніе его можетъ быть и улучшиться. Во всякомъ случаѣ благоразуміе требуетъ не противиться власти и не осуждать себя на бездѣйственный покой, на которомъ привыкшій къ дѣятельности можетъ найти одно безпокойство»¹⁾.

Былъ ли Макарій на самомъ дѣлѣ доволенъ Архангельскомъ — неизвѣстно, но по крайней мѣрѣ онѣ писалъ новгородскому губернатору слѣдующее²⁾:

«Вотъ наконецъ пришлось мнѣ писать вамъ съ Сѣверной Двины. Впрочемъ, Архангельскъ не чужой Новгороду. Здѣсь большею частью выходцы или переселенцы новгородскіе. Я настоятельствую въ монастырѣ, основанномъ новгородскою Маріею Посадницею, и пользуюсь отъ онаго немалыми крупницами. Вы удержали меня отъ покоя — сердечное вамъ спасибо, да и здѣсь въ сравненіи съ орловскимъ управленіемъ покой. Городомъ и своею обстановкою я доволенъ. Соборъ и обезпеченіе лучше орловскихъ. Жаль, что нѣтъ своихъ пѣвчихъ, плоха и мала крестовая церковь въ архіерейскомъ домѣ и плоховать протодіаконъ. Но успокаиваю себя тѣмъ, что и во всякомъ городѣ есть свои преимущества и свои недостатки».

О «довольности» Макарій писалъ и митрополиту Исидору, который въ свою очередь сообщалъ Лерхе:

«Преосвященный Макарій пишетъ, что въ Архангельскѣ онѣ нашелъ болѣе спокойствія, нежели въ Орлѣ, и доволенъ настоящимъ своимъ

¹⁾ 10-го января 1877 г.

²⁾ 19-го марта 1877 г.

положеніемъ и окружающими его. Архіерейскій домъ, купленный у частнаго лица, требуетъ нѣкоторыхъ приспособленій, но это не важное дѣло» ¹⁾).

Затѣмъ, въ письмахъ къ Лерхе Макарій переходитъ какъ бы къ обратной мысли о своемъ положеніи и сѣтуетъ на то, что его долго не убираютъ изъ Архангельска:

«Лѣтомъ былъ въ Соловецкомъ и Сійскомъ монастыряхъ. Видѣлся здѣсь съ оберъ-прокуроромъ разъ до пяти говорилъ съ нимъ о ссыльныхъ прошлаго столѣтія, по поводу ссыльныхъ его предковъ въ Соловкахъ, а о ссыльныхъ настоящаго времени не начиналъ говорить, чтобы не растрогать его. Губернаторомъ я очень доволенъ, равно и всѣми. Да позвольте къ этому прибавить, что я доволенъ былъ и вездѣ, гдѣ служилъ, и мною были довольны, кромѣ вошедшей въ прекословія и противленія орловской консисторіи, нашедшей протекцію въ родныхъ около Синода. Если переведутъ меня въ лучшую епархію, скажу спасибо. А если не переведутъ, запишу въ памятной книжкѣ, что было время, въ которое давали силу и значеніе анонимнымъ пасквилямъ и противленіямъ подчиненныхъ. Съ этою записью и отойду мирно отъ мятущагося міра» ²⁾).

«Скоро два года моему перемѣщенію, но движенія не видно. Должно быть, крѣпко привязали меня къ Архангельску. Хотѣлъ перейти во Владиміръ и все около Москвы говорило въ мою пользу. Но вѣрно не всегда голосъ народа оправдывается подобно гласу Божію. Въ Орлѣ не перестаютъ роптать обо мнѣ и не вѣдаютъ причинъ моему перемѣщенію» ³⁾).

«Вотъ уже третья Пасха приближается моему проживанью въ Архангельскѣ, а надежды пока не видно къ возвращенію моему въ предѣлы московскіе. Вѣрно такъ Богу угодно. Но до конца жизни не буду забывать васъ и дряхлѣющаго вашего Новгорода. Не думайте, чтобы я духомъ унывалъ. Я всегда равенъ себѣ и вездѣ пользуюсь благорасположеніемъ. Вакасія теперь для меня есть, но время не приспѣло и не охладило вражды. Подождемъ и попросимъ: просящему рано или поздно дается» ⁴⁾).

Черезъ два мѣсяца послѣ этого письма, Макарія перевели опять въ нижегородскую епархію, изъ которой онъ не безъ удовольствія писалъ Лерхе:

«Выѣхалъ я изъ Архангельска 15-го іюня и со всѣми плаваніями и остановками путешествовалъ 17 дней. Въ Нижній пріѣхалъ 3-го іюля.

¹⁾ 9-го апрѣля 1877 г.

²⁾ 14-го декабря 1877 г.

³⁾ 18-го декабря 1878 г.

⁴⁾ 24-го марта 1879 г.

Здѣсь не Архангельскъ. Дѣлъ такъ много, что не остается свободной минуты, особенно на первый разъ. Впрочемъ, все пока вокругъ меня хорошо, а дальнѣйшую судьбу свою предоставляю волѣ Божьей. 15-го іюля ожидаемъ къ себѣ графа Игнатѣва. Тогда начнется и ярмарка. Архангельскому губернатору пришлось во второй разъ ¹⁾ провожать меня въ Нижній чрезъ 13 лѣтъ» ²⁾.

Чрезъ 6 лѣтъ въ Петербургѣ стали носиться слухи о новомъ перемѣщеніи Макарія. Объ этомъ увѣдомилъ его Лерхе, занимавшій тогда уже постъ сенатора, причемъ указывалось на такую епархію, которая не считалась выше нижегородской. Макарій взволновался и снова задумалъ проситься на покой. Онъ писалъ Лерхе:

«Приношу вамъ величайшую благодарность за письмо и сообщенныя въ немъ свѣдѣнія. На дняхъ напечатано даже въ «Свѣтѣ», что я перемѣщенъ на мѣсто Аполлоса въ Вятку. Если это правда, то, кажется, изберу покой въ одномъ изъ нижегородскихъ монастырей. Всѣхъ епархій не переѣздишь. Изъ Нижняго не хотѣлось бы двигаться. Здѣсь у меня не конченъ еще пріютъ, устрояемый на мой счетъ, и не совсѣмъ упрочена богадѣльня, устроенная моими трудами. Мнѣ уже двигается подъ 70 лѣтъ. Отъ нынѣшнихъ заботъ и хлопотъ епархіальныхъ можетъ поневолѣ сократиться жизнь. Одобрите-ли мое желаніе покоя въ случаѣ перемѣщенія въ Вятку? Другое дѣло бы Воронежъ. А Вятка въ родѣ ссылки, каковою она и была для новгородцевъ при Іоаннѣ III и IV» ³⁾.

Дѣйствительно, Макарій былъ переведенъ епископомъ вятскимъ и слободскимъ. Лерхе послалъ ему письмо, проникнутое глубокимъ сожалѣніемъ о томъ, что ему, на старости лѣтъ, приходится дѣлать служебные переѣзды, а главнымъ образомъ, какъ самъ чуткій къ нуждамъ ближняго, сожалѣлъ, что Макарій оставляетъ въ Нижнемъ незаконченными благотворительныя дѣла. Епископъ искренне благодарилъ сенатора за сочувствіе къ его перемѣнѣ, и писалъ:

«Откуда произошелъ внезапно разразившійся надъ моею головою ударъ—неизвѣстно. Послѣ, можетъ быть, узнаютъ и скажутъ во услышаніе. Во всякомъ случаѣ, теперь повсюду, при каждой встрѣчѣ, вопль и рыданіе, особенно между гражданами, не понимающими причины перевода. Начинаю собираться въ Вятку и нужно поскорѣе, иначе не доплывешь до новой епархіи, за обмелѣніемъ рѣки Вятки. А тутъ еще горе съ Казанью. Вѣрно ѣхать на свѣздъ архіереевъ. Но у меня отъ потрясенія и голова не работаетъ. Да отъ кого я буду говорить—отъ Нижняго или отъ Вятки? Последней не знаю, а первый оставляю.

¹⁾ Въ первый разъ Макарій служилъ въ Архангельскѣ по педагогической части.

²⁾ 13-го іюля 1879 г.

³⁾ 8-го іюня 1885 г.

Хоть бы милость мнѣ пораженному сдѣлали отъ Святѣйшаго Синода въ освобожденіи меня отъ казанскаго сѣзда. Да и некогда. Я долженъ собраться и явиться въ свой епархіальный городъ, а потомъ въ Казань. Но я вѣдь не желѣзный. Попросите за меня объ этомъ владыку, чтобы онъ предложилъ Синоду объ избавленіи меня отъ казанскаго сѣзда по случаю перемѣщенія моего въ другую епархію» ¹⁾.

Лерхе ходатайствовалъ предъ митрополитомъ Исидоромъ, чтобы не беспокоили Макарія сѣздомъ, и при этомъ спрашивалъ о причинахъ перемѣщенія его въ Вятку, которое состоялось вопреки его, Макарія, желанію. Митрополитъ отвѣчалъ:

«Желаніе преосвященнаго Макарія объ освобожденіи его отъ поѣздки въ Казань, для совѣщанія съ прочими епископами, по дѣламъ епархіальнымъ, исполнено въ сегодняшнемъ засѣданіи Святѣйшаго Синода—отъ поѣздки въ Казань освободили его. Перемѣщеніе въ Вятку дѣйствительно принято имъ равнодушно. По свойственной ему живости характера, онъ тотчасъ написалъ мнѣ, можно ли ему проситься на покой? Я отвѣчалъ ему: кто идетъ по своей волѣ, а не по указанію Промысла Божія, тотъ нигдѣ покоя обрѣсти не можетъ. Совѣтъ мой принять имъ—и онъ рѣшился ѣхать въ Вятку. Въ переводѣ его нѣтъ никакого униженія. Въ Вяткѣ служили Серафимъ, бывшій митрополитъ петербургскій, Кириллъ, бывшій ректоръ Московской Академіи и архіепископъ подольскій, и Нилъ ярославскій, которые всегда отзывались о сей епархіи съ особенною похвалою.

«Конфиденціально прибавлю, что этому перемѣщенію много содѣйствовалъ одинъ изъ нижегородскихъ администраторовъ, который, бывши въ Петербургѣ, характеризовалъ его неблагопріятно, находя обращеніе его съ народомъ не совсѣмъ приличнымъ для архіерейскаго сана и слишкомъ популярнымъ, а потому не назидательнымъ. Нельзя не согласиться, что по свойственнымъ ему порывистымъ въ разговорахъ пріемамъ, не всякому можетъ нравиться такое обращеніе архіерея. Охота ѣздить по купеческимъ домамъ, даже раскольническимъ, доставила администратору случай лично удостовѣриться въ неприличіи, унижающемъ санъ, именно на обѣдѣ богача-раскольника. Жалкая привычка!» ²⁾

Настоящее письмо дало полную возможность Лерхе сообщить Макарію, «откуда произошелъ разразившійся ударъ». Макарій благодарилъ за извѣстія и въ свое оправданіе приводилъ слѣдующее:

«Если еще будетъ рѣчь о расколѣ, то говорите прямо, что я съ ума еще не сходилъ и не намѣренъ сходить. Это одна выдумка администратора съ подручнымъ Губинымъ, чтобы поразить и убить меня жизнен-

¹⁾ 18-го іюня 1885 г.

²⁾ 26-го іюня 1885 г.

нимъ вопросомъ о расколѣ. Напротивъ, первые тузы нижегородскіе, по карману и расколу, Блиновъ съ женою и Бугровъ, убѣждены были мною отправиться въ Кіево-Печерскую лавру. Я просилъ намѣстника показать имъ святыню кіевскую; а намѣстникъ представлялъ ихъ, какъ именитыхъ лицъ, владыкѣ Платону. Онъ долго бесѣдовалъ съ ними и, можетъ быть, помнитъ объ этомъ посѣщеніи. Въ послѣднее время я надѣялся богача Бугрова съ городецкою часовнею обратить въ единовѣріе. Раскольники любили меня за доброту души и искреннее благожелательство. Только тѣ не видятъ во мнѣ добра, кои сами его не имѣютъ. Хотѣлъ бы я вернуться въ Нижній и не только потому, что я съ нимъ знакомъ 43 года, но и потому, что тамъ не приведены къ окончанію начатыя мною благотворительныя заведенія. Возвращенія моего желаютъ всѣ благомыслящіе, но желанія своего не выражаютъ начальству, находясь подъ ближайшею властью» ¹⁾).

Затѣмъ, на перемѣщеніе въ третій разъ на нижегородскую кафедру Макарій потерялъ всякіе шансы, но перейти въ иную епархію онъ не питалъ надежды, что новая епархія будетъ дана ему лучше вятской. Словомъ, Макарій очутился въ томъ положеніи, когда всѣ средства на перемѣщеніе израсходованы и выбраться изъ Вятки въ лучшую епархію не представлялось возможности. Онъ писалъ Лерхе:

«О движеніи своемъ стыдно и совѣстно поминать владыкѣ, равно и вамъ. Да и какое движеніе? Какъ бы не перемѣнить кукушку на ястреба? Нижній сдѣлался для меня какъ бы своимъ, а другіе города будутъ чужіе, къ коимъ нужно привыкать. Полагаюсь на судьбу Божию и на волю начальства, перемѣстившаго меня въ глухую страну» ²⁾).

Не прошло и года, какъ неуживчивый епископъ снова принялся хлопотать о перемѣщеніи. На этотъ разъ онъ просилъ Лерхе замолвить словенко митрополиту Исидору насчетъ Курска, а предъ владыкой повелъ въ нѣкоторомъ родѣ политику; Макарій заявлялъ послѣднему, что, по переводѣ его въ Курскъ, онъ вскорѣ уйдетъ на покой. Однако, ничто не помогло. Митрополитъ Исидоръ писалъ Лерхе:

«По докладу Святѣйшаго Синода, утвержденному государемъ императоромъ, въ Курскъ перемѣщенъ подольскій епископъ Іустинъ, на его мѣсто, въ Подольскъ, рижскій епископъ Донатъ, а на мѣсто послѣдняго мой викарій Арсеній, епископъ ладожскій, ректоръ здѣшней академіи. Поводомъ къ такому передвиженію служили условія мѣстныхъ епархій.

«Жаль, что преосвященный Макарій исполнить свое намѣреніе и удалится на покой. Я не понимаю, для какой цѣли онъ желалъ быть перемѣщеннымъ въ Курскъ, если предполагалъ вскорѣ, по перемѣщеніи,

¹⁾ 7-го января 1886 г.

²⁾ 5-го сентября 1886 г.

удалиться на покой. Если не хочетъ больше нести архіерейское иго, для чего-жъ перемѣщаться на другую кафедру?»¹⁾

Этимъ письмомъ переписка оканчивается. Какую епархію получилъ Макарій послѣ вятской—у насъ свѣдѣній нѣтъ, но извѣстно, что онъ не оставлялъ архіерейской службы до самой смерти и умеръ въ 1895 году архіепископомъ донскимъ и новочеркасскимъ, собираясь, такимъ образомъ, на покой около 20-ти лѣтъ и особенно тогда, когда его переводили въ худшую епархію.

А. Слезкинскій.

¹⁾ 1-го апрѣля 1887 г.

Представители Россіи на Вѣнскомъ Конгрессѣ въ 1815 году.

(Изъ воспоминаній А. И. Михайловскаго-Данилевскаго).

Характеристика императора Александра.—Пристрастіе его къ иностранцамъ.—Ближайшіе совѣтники на конгрессѣ.—Личное веденіе переговоровъ императоромъ.—Любовь его къ дамскому обществу.—Великій князь Константинъ Павловичъ.—Свита государя: генераль-адъютантъ Уваровъ, Лагарпъ, Кн. Волконскій, Жомини, Кутузовъ, Чернышевъ и статсъ-секретарь Марченко.

Вѣна 1-го Генваря.

Я начинаю новый годъ настоящимъ наблюдателемъ, и думаю: можетъ быть пожелаютъ когда нибудь знать имена особъ, которыя въ важное для Россіи время Вѣнскаго конгресса окружали государя, можетъ-быть скажутъ, что я, который свободное время въ походахъ и въ конгрессѣ посвящалъ размышленію, наукамъ, и иногда возносился мыслию къ безсмертію, долженъ былъ смотрѣть со вниманіемъ историка на людей, съ которыми судьба меня облизила.

Я счелъ по сему долгомъ изобразить черты нѣкоторыхъ изъ современниковъ моихъ и раздѣлю сіе описаніе на двѣ части, помѣстивъ въ первой нѣсколько очерковъ о государѣ и особахъ, принадлежащихъ непосредственно къ лицу его величества по тому списку, какъ онъ напечатанъ при Вѣнскомъ дворѣ. Въ немъ помѣщены имена по слѣдующему старшинству, котораго и я намѣренъ придерживаться: генераль Уваровъ, Лагарпъ, генераль-адъютанты: князь Волконскій, Жомини, графъ Ожаровскій, князь Трубецкой, Кутузовъ и Чернышевъ, статсъ-секретарь Марченко и еще нѣкоторые другіе.

*

Во второй части представляю я нашъ дипломатическій корпусъ, какъ занимающій важнѣйшее мѣсто въ теперешнихъ происшествіяхъ. Безпристрастіе будетъ водить перомъ моимъ, зависти въ словахъ моихъ быть не можетъ, потому что всѣ описываемыя мною лица богате меня, старѣ лѣтами, службою и чинами, и я слишкомъ молодъ, чтобы заступить мѣста ихъ, да и не имѣю къ тому желанія. Я съ ними почти со всѣми въ связи, они меня знаютъ и повидимому всѣ оказываютъ уваженіе и благосклонность.

I.

Я не знаю, бывалъ ли кто отъ природы толь щедро одаренъ какъ государь; она надѣлила его умомъ, красотою, твердостью духа въ злополучіи, смиреніемъ въ счастіи, обширною памятью, даромъ слова, крѣпкимъ здоровьемъ; она вручила ему пространнѣйшую на свѣтѣ имперію, народъ храбрый и его боготворящій; онъ исполнялъ подвиги, въ которыхъ вселенная сомнѣвалась и имѣла толь блистательныя минуты въ своей жизни, каковыхъ прежде его не видано было. Онъ достигнулъ до возможнаго человѣческаго величія, ибо онъ есть первый изъ своихъ современниковъ.

До царствованія государя въ Россіи не было общаго мнѣнія; прежде его опасались у насъ произносить слова правительство и отечество, тѣмъ менѣе еще разсуждать объ оныхъ, равно и о своемъ монархѣ. Предшественники его были заключены, такъ сказать, въ тѣсныхъ предѣлахъ своихъ дворцовъ, подобно азіатскимъ царямъ; народъ видалъ ихъ только въ торжественные дни, окруженныхъ пышностію и величіемъ верховной власти; прежде его наши императоры принадлежали одной столицѣ, или лучше сказать, одному своему двору; ихъ знали одни только царедворцы. Александръ послѣ Петра Великаго, первый, который, отбросивъ этикетъ, какъ обветшалый обычай, явился посреди народа въ видѣ частнаго человѣка. Онъ посѣщалъ съ супругою своею неожиданно и безъ приглашенія балы и вечеринки, бывавшіе у нѣкоторыхъ вельможъ, какъ напримѣръ, у князя Салтыкова, ѣздили въ самомъ простомъ экипажѣ, отличавшемся отъ другихъ только необыкновенною своею опрятностію и чистотою, гуляли одинъ по городу, дѣлили съ войскамъ всѣ трудности походовъ. Подданные его впервые могли узнать и любить въ немъ человѣка.

Вступая на престолъ въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, и не имѣя опытности въ государственныхъ дѣлахъ, онъ не могъ дѣйствовать самъ, но принужденъ былъ призвать къ себѣ первоначально людей пожилыхъ, которые сдѣлались извѣстны въ царствованіе родителя его и бабки. Выборъ его палъ на Беклешова и на Трошинскаго, людей умныхъ и знавшихъ совершенно Россію. Къ несчастію, оба они руководствовались личностями и, находясь въ враждѣ между собою, не имѣли столько патриотизма и возвышенности души, чтобы совокупно споспѣшествовать благу Россіи и соответствовать тѣмъ довѣрію юнаго монарха своего. Сперва императоръ принималъ ихъ порознь, но видя, что тотъ изъ нихъ, кто бывалъ у его величества послѣдній, вѣрно—оспорить сказанное его предмѣстникомъ, сталъ потомъ приглашать ихъ вмѣстѣ и изъ преній ихъ извлекалъ то мнѣніе, которое казалось ему сообразнѣйшимъ обстоятельствамъ. Беклешовъ былъ откровенно краснорѣчивъ.

— Еслибы онъ жилъ въ Англіи, сказалъ однажды императоръ, то его поставили бы на ряду съ первыми ораторами.

Сколь ни велики были способности сихъ двухъ особъ, но онѣ не были согласны съ просвѣщеніемъ XIX-го вѣка и съ тѣми предположеніями для блага Россіи, которыя уже съ юности запечатлѣны были въ душѣ монарха. Посему, отпустивъ ихъ отъ себя, онъ окружилъ себя молодыми людьми: графомъ Кочубеемъ, княземъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и графомъ Строгановымъ, напитанными правилами новѣйшей философіи и раздѣлявшими съ государемъ поселенныя въ немъ Лагарпомъ мысли. Я имѣлъ случай видѣть вблизи нѣкоторыхъ изъ нихъ, о другихъ же, которыхъ я не знавалъ, я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія отъ людей, бывшихъ съ ними въ короткихъ связяхъ, и могу увѣрить, что трудно найти особъ, которыя бы въ подобной имъ степени соединяли образованность, свѣдѣнія, безкорыстіе и благородство характера. За исключеніемъ Новосильцова они были богатѣйшіе люди и всѣ четверо были соединены съ императоромъ узами тѣсной дружбы, каковой рѣдко находимъ примѣръ... Можно сказать, что они совокупно съ государемъ были ревностнѣйшіе патриоты своего времени, желавшіе поставить отечество свое на равную чреду съ просвѣщенными державами Европы. Но имъ недоставало одного изъ главныхъ достоинствъ государственныхъ людей—опытности и сверхъ того они нашли въ закоснѣлыхъ предразсудкахъ высшаго дворянства тѣмъ большую преграду въ своихъ предпріятіяхъ, что въ то время легко было предположить, что Россія не замедлитъ войти въ страшную борьбу съ Наполеономъ, а потому надобно было въ ожиданіи того, какъ минетъ сія гроза, нависшая на прекрасномъ горизонтѣ первыхъ лѣтъ царствованія Александра, не производить сильныхъ перемѣнъ въ старинныхъ

нашихъ законахъ и учрежденіяхъ, дабы не вооружить противъ себя тѣ сословія, къ помощи коихъ надобно было скоро прибѣгнуть. Послѣдствіемъ благородной связи, существовавшей тогда между государемъ и вышеупомянутыми четырьмя особами, было только направленіе, данное новому поколѣнію къ либеральнымъ идеямъ; въ имперіи же не произошло великихъ измѣненій, кромѣ учрежденія министерствъ, равно и въ коренныхъ постановленіяхъ. Но ежели бы Европа тогда наслаждалась миромъ и Россіи не надлежало бы готовиться къ великой войнѣ, сперва за независимость сосѣднихъ земель, а послѣ за собственное свое достоинство, то царствованіе Александра оживило бы для насъ вѣкъ Траяновъ и Антониновъ.

Императоръ въ сіе время имѣлъ также дружественныя связи съ нѣкоторыми изъ военныхъ; иные изъ нихъ употребляли во зло довѣренность его, были дерзки и даже въ присутствіи императора позволяли себѣ нескромныя и надменные рѣчи, какъ напримѣръ, Чичаговъ и князь Долгорукій.

Въ семъ положеніи, происходившемъ отъ доброты и неопытности, застигла его буря, носившаяся надъ Европою и надъ отечествомъ нашимъ. Неудачные первые два похода противъ французовъ дали новую силу оскорбленному самолюбію. Государь, принужденный устранить предположенія, наполнявшія душу его, занялся день и ночь приготовлениями къ оборонѣ, привелъ въ лучшій порядокъ армію, устроилъ рекрутскіе депо и резервы, самъ вникнулъ во всѣ отрасли правленія, и твердостью своею при первоначальныхъ успѣхахъ непріятелей въ Россіи доказалъ, что онъ родился царствовать, и что настало время принять самому въ свои руки бразды правленія. По изгнаніи Наполеона изъ Россіи онъ поспѣшилъ въ армію, оставляя съ радостью столицу, напоминавшую ему, что онъ провелъ въ ней первые годы не совсѣмъ удачные своего правленія, во время которыхъ онъ дѣйствовалъ болѣе по совѣтамъ другихъ, нежели по собственному убѣжденію. Съ сей минуты, то-есть отъ истребленія непріятельскихъ силъ въ Россіи, и отъ прибытія его величества въ декабрѣ мѣсяцѣ 1812-го года въ Вильну, онъ началъ царствовать самъ, а послѣ смерти князя Кутузова принялъ на себя и управленіе военныхъ дѣйствій. Государь обязанъ себѣ лично всею славой, которую онъ приобрѣлъ. Его величество самъ во время послѣднихъ походовъ дѣлалъ важнѣйшія распоряженія и присутствовалъ, когда приводили оныя въ исполненіе.

Извлеченная имъ великая польза изъ необыкновенныхъ военныхъ и политическихъ переворотовъ, которые совершились подъ главнымъ его руководствомъ, состоитъ въ томъ, что образъ мыслей его и жизни измѣнился до такой степени, что самые близкіе люди, издавна его окружавшіе, увѣрали меня, что, по возвращеніи его изъ Парижа, они съ тру-

домъ могли его узнать. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность и робость онъ сдѣлался самонадѣянъ, твердъ и предпримчивъ и не допускаетъ никого брать надъ собою верха. Послѣ Феръ-Шампенуазскаго сраженія, столь лестнаго для самолюбія императора, потому что, предводительствуя лично войсками, онъ взялъ въ плѣнъ 8.000 неприятелей и двухъ генераловъ, его величество сказалъ одному изъ своихъ приближенныхъ:

— По сихъ поръ почитали меня обыкновеннымъ человѣкомъ, а теперь? отъ какихъ бездѣлицъ зависать величіе и мнѣніе вселенной?

Въ первые годы царствованія вообще отдавали справедливость кротости его и мягкосердію, но оспаривали политическія его дарованія, не подозрѣвали въ немъ военныхъ способностей и не полагали силы въ его характеръ. Опытъ убѣдилъ его, что употребляли во зло расположеніе его къ добру, извѣстная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности и любовь къ уединенію сдѣлалась господствующею его чертою; онъ обращаетъ теперь врожденную ему проникательность преимущественно къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ оныхъ уклоняться. Перестали довѣрять его ласкамъ, если онъ кому-либо ихъ оказываетъ, и простонародное слово «надувать» сдѣлалось при дворѣ общимъ; можетъ быть оно не для всѣхъ будетъ внятно, но кто знаетъ хорошо нашу эпоху, согласится, что оно есть лучшая характеристика оной.

Онъ употребляетъ теперь своихъ генераловъ и дипломатовъ не какъ совѣтниковъ своихъ, но какъ исполнителей своей воли; они боятся его какъ слуги своего господина. Не взирая на сіе, уваженіе близкихъ къ нему особъ отъ ежедневнаго съ ними обращенія не только не уменьшается, но увеличивается, и сіе происходитъ отъ того, что государь, какъ человѣкъ, по природнымъ способностямъ своимъ, по образованію своему, по опытности, по знанію свѣта, дѣлъ и людей несравненно выше всѣхъ его окружающихъ и имѣетъ отъ того неоспоримую надъ ними поверхность, за которую онъ обязанъ не сану своему, но личнымъ своимъ достоинствамъ. Для тѣхъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ находятся при немъ, таковое измѣненіе характера не очень пріятно. Они иногда жалуются, особенно когда видятъ, что императоръ поступаетъ съ ними не столь учтиво, какъ съ австрійскими офицерами, даже малыхъ самыхъ чиновъ. Если государь не видитъ кого либо изъ своихъ генераловъ или флигель-адъютантовъ нѣсколько времени, то рѣдко спрашиваетъ о причинѣ, почему такой то чиновникъ не явился при дворѣ, боленъ ли онъ и тому подобное; но когда случается, что какой нибудь изъ знакомыхъ его величеству австрійцевъ занеможетъ, то не-

медленно отправляетъ къ нему чиновника узнавать о его здоровьѣ. Съ другой стороны, должно сознаться, что и генералы, находящіеся съ императоромъ въ Вѣнѣ, заслуживаютъ холодное обращеніе съ ними государя. Хотя они всѣ люди честные, хорошіе военные, старые служивые, но на конгрессѣ, гдѣ соединены просвѣщеннѣйшія особы Европы, они кажутся совсѣмъ ничтожными. Когда прѣзжаетъ къ намъ какой либо иностранецъ, отличный умомъ своимъ или свѣдѣніями, то они почти всѣ стараются его избѣгать, обнаруживая тѣмъ сколь они чувствуютъ превосходство его надъ собою: я не встрѣтилъ на конгрессѣ ни одного русскаго, котораго бы способности соответствовали тѣмъ важнымъ обстоятельствамъ, въ коихъ отечество наше находится. Сіе обстоятельство обнаруживается, почему императоръ преимущественно употребляетъ иностранцевъ и къ нимъ имѣетъ довѣріе, а съ другой стороны можетъ быть политика его заставляетъ окружать себя посредственными людьми, дабы потомство всю славу воздало ему одному.

Не взирая на великое число чиновниковъ русскаго дипломатическаго корпуса, находящихся въ Вѣнѣ, государь самъ занимается безпрестанно дѣлами, относящимися до конгресса. Въ затруднительныхъ случаяхъ, гдѣ уполномоченные его встрѣчаютъ противурѣчія, онъ лично ведетъ переговоры не только съ монархами, но даже съ министрами ихъ, которые проводятъ съ нимъ наединѣ по нѣскольку часовъ въ его кабинетѣ въ жаркихъ спорахъ. Мнѣ часто случается приглашать къ его величеству Метерниха, Веллингтона, Кастельре, Талейрана и другихъ и слышать изъ другой комнаты весьма продолжительные и громкіе ихъ разговоры и споры, изъ коихъ господа сіи выходили съ столь пламенными лицами, что принуждены бывали отирать съ нихъ потъ. Россія всегда должна будетъ сохранить въ памяти, что она въ важнѣйшее для Европы время имѣла такого государя, который, показавъ великія дарованія въ ратномъ дѣлѣ, на общемъ примиреніи державъ лично велъ переговоры съ иностранными дворами, не страшился возраженій умнѣйшихъ государственныхъ людей ихъ, и торжествовалъ надъ ними не силою, потому что она здѣсь была не у мѣста, но убѣжденіемъ и превосходствомъ умственныхъ своихъ способностей.

Свободное время отъ дѣлъ, а особенно вечера, императоръ любилъ проводить въ кругу женщинъ.

Однажды часовъ въ девять вечера, проходя по темному корридору вѣнскаго дворца, близъ той комнаты гдѣ я жилъ, я увидѣлъ государя стоявшимъ возлѣ окна. Его величество не могъ примѣтить меня по темнотѣ, но я его узналъ, потому что онъ стоялъ къ свѣту. Я любопытствовалъ о причинѣ, зачѣмъ онъ пришелъ въ сей корридоръ, находящійся въ четвертомъ этажѣ, и услышалъ послѣ, что онъ намѣренъ

былъ идти пить чай къ нашимъ фрелинамъ Стурдзъ и Валуевой, но напередъ послалъ спросить, дома ли онѣ. Эти господа такъ собою непригожи, что посѣщеніе сіе не могло подать никакого подзрѣнія.

Иногда императоръ проводитъ вечера у княгини Волконской и у разныхъ вельможъ вѣнскаго двора. Преимущественно онъ отличалъ молодую княгиню вдову Габріеллу Ауерсбергъ и двухъ графинь Зичи. Съ первою онъ даже сидѣлъ въ однѣхъ саняхъ во время большого придворнаго катанія, а сколь его величество съ двумя послѣдними обращался на короткой ногѣ, можно судить по слѣдующему случаю. Однажды зашелъ у нихъ разговоръ о томъ, кто въ состояніи скорѣе одѣться, мужчина или женщина. Ударились объ закладъ и положили сдѣлать испытаніе въ домѣ одной изъ графинь Зичи, куда отправленъ былъ камердинеръ его величества съ платьемъ. Въ назначенное время для переодѣванія государь вышелъ въ одну комнату, а графиня въ другую, чтобы переодѣнуть одежду: императоръ выигралъ закладъ.

Въ доказательство того съ какою необыкновенною вѣжливостію императоръ обращается съ иностранцами, прилагаю здѣсь три письма, сочиненныя мною по повелѣнію его величества и которыя потомъ государь подписалъ; всѣ три къ пруссакамъ: одно къ маіору Шахмейстеру, другое къ маіору Квадту, а третье къ полковнику Нацмеру.

1-е къ маіору Шахмейстеру: «Извѣщаю васъ, что я съ удовольствіемъ получилъ письмо ваше, въ коемъ приложенъ строевой рапортъ полка, который ввѣренъ мнѣ королемъ. Мнѣ отмѣнно пріятно изъяснить вамъ при семъ случаѣ, сколько сей лестный доводъ дружбы его величества для меня драгоцененъ. Сіе обстоятельство увеличило мою привязанность къ прусской арміи. Я никогда не забуду отличной ея храбрости, которой я толь часто былъ свидѣтель; пріобрѣтенная ею слава безсмертна. Я поручаю вамъ объявить господамъ офицерамъ и храбымъ гренадерамъ моего полка сіи мои чувствованія, и желаніе мое познакомиться съ ними лично».

2. Маіору Квадту: «Я усмотрѣлъ изъ письма вашего, что его величество король назначилъ васъ начальникомъ 28-го пѣхотнаго полка. Я поздравляю васъ съ симъ, потому что для васъ открывается пространнѣйшее поле обнаружить способности ваши и признанную всѣми вашу любовь къ отечеству. Но въ то же время я жалѣю о потерѣ сей для ввѣреннаго мнѣ полка и я желаю, чтобы вы, оставляя оный, были увѣрены въ моемъ сочувствіи и въ отличномъ моемъ почтеніи».

3. Полковнику Нацмеру: «Я получилъ письмо ваше и поспѣшаю изъяснить вамъ мое удовольствіе узнавъ, что полкъ мой будетъ состоять подъ вашимъ начальствомъ. Король не могъ назначить пріятнѣйшаго

мнѣ бригаднаго начальника, и я не сомнѣваюся, что баталіоны, составляющіе вашу бригаду, предводимы будучи къ славы толь отличнымъ офицеромъ, часто будутъ имѣть случай поддерживать славу, пріобрѣтенную ими въ послѣднюю войну».

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, котораго я довольно часто имѣлъ случай видѣть въ Вѣнѣ, воспитывался вмѣстѣ съ государемъ и раздѣлялъ съ нимъ неудачные походы 1805-го, 1806-го и 1807-го годовъ. Сколь характеры ихъ ни различны, но ихъ соединяють узы тѣснѣйшей дружбы. Цесаревичъ вспыльчивъ, особенно въ молодости былъ горячъ до изступленія, но добръ и откровененъ, а государь ласковъ, но скрытенъ. Первый сохраняетъ въ присутствіи постороннихъ въ обращеніи своемъ съ императоромъ всѣ наружные знаки подданническаго почтенія; онъ во всемъ подражаетъ государю, его можно назвать первымъ царедворцемъ его величества. Напримѣръ, онъ навѣрное не скажетъ ни слова тому, котораго императоръ не удостоилъ своего разговора, или мимо кого онъ прошелъ не поклонившись и не сказавъ какого привѣтствія.

По приказанію цесаревича Константина Павловича начальникъ штаба его, генералъ Курута написалъ къ князю Волконскому слѣдующее письмо, полученное княземъ сего дня, и которое я здѣсь помѣщаю слово въ слово. Изъ онаго можно видѣть, въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ находятся оба августѣйшіе брата. «Его императорское высочество цесаревичъ повелѣть изволилъ донести вашему сіятельству, что при всевозможномъ строгомъ соблюденіи экономіи въ распорядкѣ домашнихъ издержекъ сталъ безъ гроша, и сіе частію отъ чрезмѣрной дороговизны въ Варшавѣ и частію отъ курса; собственныхъ средствъ въ пособіи не имѣется и одно только есть упованіе на всевысочайшія щедроты и благость! Его высочество не дерзаетъ трудить государя, но надѣется, что ваше сіятельство изберете счастливую минуту довести до всевысочайшаго свѣдѣнія, и на всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорское высочество основываетъ свое упованіе».

Вслѣдствіи сего письма, по которому князь немедленно доложилъ государю, велѣно отправить къ его высочеству пять тысячъ червонныхъ.

Уваровъ есть старшій генералъ-адъютантъ государя, и неоставлявшій его ни на шагъ, во все время царствованія его. Будучи съ начала своей службы извѣстенъ за хорошаго кавалериста, его взяли въ домъ графа Зубова, чтобы имѣть смотрѣніе за лошадьми. При смерти императрицы Екатерины онъ былъ вызванъ изъ Москвы вмѣстѣ съ фамиліей Лопухиныхъ, которыхъ императоръ Павелъ замѣтилъ тамъ во время своей коронаціи. Исправное исполненіе мелочныхъ порученій, на него возлагаемыхъ, какъ напримѣръ, формированіе Кавалергард-

скаго полка, счастье въ женщинахъ, а особливо интрига его съ княгиней Лопухиной, махиною любимицы государя, княгини Анны Петровны Гагариной, ознакомили его съ императоромъ Павломъ, который въ самое скорое время произвелъ его въ генераль-лейтенанты. Въ царствованіе Александра онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ, пріобрѣлъ всѣ воинскія знаки отличія и чины, но не заслужилъ никакой славы, потому что онъ одаренъ отъ природы менѣе нежели посредственными свойствами и не получилъ никакого образованія; онъ ничего не знаетъ и съ трудомъ умѣетъ писать. Для образа (примѣра) сохраняю я нѣсколько записокъ, которыя онъ ко мнѣ писалъ. Но какъ по чину его и по занимаемому имъ мѣсту часто, особенно на войнѣ, спрашиваютъ его мнѣнія, то отвѣты его бывають самые ничтожные и невразумительные: онъ говоритъ обыкновенно сіи слова: «конечно можно, однакожъ... надобно подумать... подождать, посовѣтываться, посмотрѣть».

Впрочемъ всѣ отдають справедливость его честности и готовности помогать ближнимъ, и особенно искусству вести себя при дворѣ, пріобрѣтенному двадцатипяти-лѣтнимъ навыкомъ.

Лагарпъ образовался въ школѣ Вольтера и Руссо, Даламбера и Дидеро и посредствомъ ихъ познакомился съ императрицею Екатериною. Правила философовъ твердо начертаны въ чистой душѣ его. По окончаніи воспитанія государя оставалось ему удалиться въ прекрасное отечество свое, слѣдить въ тишинѣ кабинета за поступками питомца своего, и въ Важнѣйшихъ случаяхъ подавать ему совѣты. Тогда бы Европа признала въ немъ мудреца, но онъ увлеченъ былъ французскою революціею; его избрали однимъ изъ директоровъ гельветической республики, въ такое время, когда нужны были мѣры жестокости, противу тѣхъ, которые привержены были къ понятіямъ и обыкновеніямъ, освященнымъ такъ сказать вѣками, и которыя не согласовались съ поученіями философовъ. Послѣ сего Лагарпъ жилъ въ Парижѣ, а въ походѣ 1814-го года былъ въ нашей главной квартирѣ и участвовалъ въ политическихъ совѣщаніяхъ.

Онъ одаренъ даромъ слова, и хотя не имѣетъ краснорѣчія, которымъ можно убѣждать въ народныхъ собраніяхъ, но рассказываетъ пріятно. Къ сему способствуютъ ему много привлекательныя черты лица его и благородная и простая его наружность. Онъ имѣетъ болѣе вліянія на государя, нежели кто другой; онъ не объявляетъ его величеству мнѣнія своего прежде, какъ, когда онъ его спроситъ: онъ ему необходимъ, ибо онъ съ нимъ однимъ можетъ говорить откровенно о свободныхъ мысляхъ, которыя поселилъ въ питомца своего. Они часто обѣдаютъ двое вмѣстѣ, и тутъ уже никого болѣе не бываетъ. Нѣсколько разъ, когда его приглашали къ столу, государь меня посылалъ къ

нему поутру сказать, что его величество желаетъ непременно, чтобы онъ былъ въ сапогахъ; это ничтожное обстоятельство доказываетъ, что они обращаются совершенно по-дружески: ихъ переписки тоже сіе свидѣтельствуя. Мнѣ случалось видѣть нѣсколько записокъ, писанныхъ Лагарпомъ къ государю, на самыхъ маленькихъ лоскуточкахъ бумаги, какъ между искренними пріятелями.

Надобно полагать, что Лагарпъ занимается теперь дѣлами Швейцаріи; я сужу это по перепискѣ его съ разными лицами, которая недавно напечатана, и съ которой князь Волконскій велѣлъ мнѣ по секрету сдѣлать выписки; не трудно догадаться было, что онѣ назначены были для государя. Если его обвиняють за то, что онъ республиканецъ, то въ оправданіе его можно сказать, что онъ родился въ республикѣ, и спросить—кого бы не плѣнили тѣ правила, которыя излагаемы были при началѣ французской революціи. Государь всегда былъ съ нимъ въ перепискѣ и сохранилъ къ нему чувство истинной привязанности. Онъ имѣлъ въ жизни своей такія минуты, каковыми еще никто не наслаждался, напримѣръ: когда императоръ вступилъ въ Парижъ, когда вся Европа признала его своимъ спасителемъ, когда всѣ были въ изумленіи отъ его великодушія, тогда онъ сказалъ посреди неслыханнаго до того торжества: «Еслибы не было Лагарпа, то не было бы и Александра».

Императоръ пожаловалъ ему въ Парижѣ орденъ святого Андрея Первозваннаго и чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника; Лагарпъ сказалъ при семъ случаѣ: «Я принимаю сіи награды, потому что это пріятно государю». Не взирая на то, что онъ находится въ самомъ завидномъ положеніи для частнаго человѣка, пользуясь величайшимъ уваженіемъ за воспитаніе перваго монарха своего вѣка, онъ такъ скромнень въ рѣчахъ и такъ простъ въ обращеніи своемъ, какъ будто бы онъ не выходилъ изъ чреды обыкновенныхъ людей и не принадлежалъ исторіи. Онъ всегда одинаковъ и не забываетъ того разстоянія, которое, по принятымъ правиламъ или существующимъ предразсудкамъ, порою положила между нимъ и окружающими государя особами. Въ придворныхъ собраніяхъ, гдѣ монархи и вельможи всей Европы являются въ возможномъ блескѣ, Лагарпъ становится въ углу залы и обращается одинаковымъ образомъ съ монархами и повелителями народовъ.

Мнѣ рассказывали слѣдующіе анекдоты о Лагарпѣ, во время воспитанія государя случившіеся. Когда онъ началъ преподавать великимъ князьямъ геометрію, то потребовалъ кусокъ мѣла; слуга принесъ ему мѣлъ, обернутый въ позолоченной бумагѣ, чтобы ихъ величества не замарали себѣ рукъ, но Лагарпъ снялъ позолоченную бумагу и, отдавъ оную слугѣ, сказалъ, что это излишне.

Правительство Бернского кантона перехватило въ сіе же время письма, писанныя Лагарпомъ къ соотечественникамъ его, жителямъ кантоновъ, которымъ онъ совѣтовалъ воспользоваться французскою революціею, чтобы отложиться отъ верховной власти Бернского кантона. Правительство сего послѣдняго препроводило сіи письма къ императрицѣ Екатеринѣ, которая, велѣвъ призвать къ себѣ Лагарпа, привѣтствовала его слѣдующими словами. «Здраствуйте господинъ якобинецъ!» и показавъ ему перехваченныя его письма, спросила его, знаетъ ли онъ ихъ?

— Государыня, отвѣчалъ онъ, эти письма писаны мною.

— Какъ же послѣ сего, сказала Екатерина, вы можете воспитывать великихъ князей, которые будутъ напитаны вашими республиканскими правилами?

Я полагаю, отвѣчалъ Лагарпъ, что въ монархическомъ правленіи государь долженъ быть демократомъ, а народъ исполненъ монархическихъ правилъ, посему то я намѣренъ изъ внуковъ вашихъ сдѣлать демократовъ.

Сказываютъ, что отзывъ сей понравился императрицѣ.

Императоръ Павелъ, войдя однажды въ комнату наслѣдника своего, нашелъ на его столѣ трагедію «Врутъ» Вольтера. Призвавъ его къ себѣ и показывая на указъ Петра Великаго о несчастномъ цесаревичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, спросилъ его, «знаетъ ли онъ его?» Конечно Лагарпъ глубоко впечатлѣлъ свои наставленія въ сердцѣ своего питомца, чтобы подобныя угрозы остались безуспѣшными.

Князь Волконскій займетъ, конечно, мѣсто въ исторіи, какъ до-вѣренная особа императора Александра, неразлучная съ нимъ въ походахъ и въ путешествіяхъ. Онъ находится при государѣ болѣе двадцати лѣтъ и былъ первымъ его адъютантомъ еще при жизни Павла I. Съ тѣхъ поръ онъ состоялъ безпрестанно при его величествѣ и при вступленіи его на престолъ назначенъ его генераль-адъютантомъ. Въ 1808-мъ и 1809-мъ годахъ онъ путешествовалъ по Швейцаріи, Германіи и Франціи, гдѣ особенно обращалъ вниманіе на образованіе главнаго штаба. По возвращеніи въ Россію въ 1810-мъ году, ему поручена была квартирмейстерская часть, устройство которой дѣлаетъ ему большую честь. Въ 1812-мъ году онъ командовалъ небольшимъ отдѣльнымъ отрядомъ въ Псковской и Витебской губерніяхъ, но не имѣлъ случая сдѣлать ничего отличнаго, а только поймалъ нѣсколькихъ французскихъ мародеровъ. Въ октябрѣ того же года былъ онъ посланъ въ Тарутино къ князю Кутузову и находился при разговорѣ сего послѣдняго съ Лористономъ, а въ 1813-мъ и 1814-мъ годахъ былъ начальникомъ штаба государева, въ каковое время гибкость его характера не была совсѣмъ бесполезна въ сношеніяхъ нашихъ съ союзными генералами. Онъ пер-

вый въ замѣ Соменю, подалъ предложеніе идти на Парижъ, и это есть единственный подвигъ въ его жизни. Теперь онъ занимаетъ очень важное мѣсто, соединяя въ себѣ званіе начальника штаба и оберъ-гоф-маршала.

Природа не одарила его блистательными качествами, онъ не воинъ и не государственный человѣкъ, но способенъ на все, ревностный исполнитель и охотно слушаетъ мнѣніе тѣхъ, которые свѣдущѣ его. Онъ не большого роста, имѣетъ довольно выразительное лицо, быстрый взоръ, крѣпкое сложеніе, умѣренъ въ пищѣ и питіи, но любострастенъ; онъ очень скромнъ, молчаливъ и имѣетъ большое терпѣніе. Онъ недо-вѣрчивъ къ людямъ, мало ему извѣстнымъ, но довѣріе его безпредѣльно къ тѣмъ, которыхъ онъ испыталъ или которые умѣютъ взять надъ нимъ поверхность. Характеръ императора ему совершенно извѣстенъ и онъ угадываетъ его мысли; обращеніе его съ его величествомъ вольно, но зато и государь говоритъ ему такіа слова, которыя бы можетъ быть не всякій согласился перенести. Онъ до такой степени боится государя, что даже благоговѣетъ къ самымъ погрѣшностямъ его: онъ мнѣ часто даетъ переписывать собственноручныя бумаги императора, который дѣлаетъ много ошибокъ противъ правописанія, и когда я хочу ихъ исправлять, то онъ ни подъ какимъ видомъ на сіе не соглашается, опасаясь получить за сіе выговоръ, или можетъ быть думаетъ симъ сдѣлать оскорбленіе его величеству. Сіе подобострастіе есть лучшая мѣра безхарактерности его и свидѣтельство, что онъ для императора не что иное есть какъ орудіе, слѣпо и непрекословно повиனுющееся.

Онъ избѣгаетъ новыхъ знакомствъ по врожденной ему робости, и отъ того, что боится показать недостатокъ своего воспитанія, который онъ старается заглаживать чтеніемъ, особенно таковыхъ сочиненій, которыя описываютъ происшествія нашего времени. Онъ получилъ въ молодости своей столь недостаточное образованіе, что будучи уже въ званіи генераль-адъютанта, нанялъ себѣ учителя русской грамматики. Нельзя отдать довольно справедливости безкорыстію его, любви къ порядку и прилежанію его къ работѣ, которымъ онъ болѣе нежели притворною своею строгостію ободряетъ подчиненныхъ и заставляетъ ихъ неусыпно заниматься тѣмъ, что имъ поручено. Онъ любитъ, чтобы ему такъ же угождали, какъ онъ угождаетъ государю, и чтобы въ такой же степени предупреждали его желаніямъ; но однакоже низости въ окружающихъ его онъ не терпитъ, и самъ имѣетъ отвращеніе къ порокамъ. Въ свободное время онъ занимается охотою и рисованіемъ; ласки любимой его собаки его восхищаютъ; если ему случится купить хорошую географическую карту, то сіе дѣлаетъ его счастливымъ на нѣкоторое время. Онъ набоженъ, не столько потому, что это мода при дворѣ, но болѣе по той причинѣ, что онъ не имѣетъ ни времени, ни

достаточныхъ понятій, ни духа возвышаться мыслию за предѣлы принятыхъ мнѣній. Вотъ человекъ, съ которымъ я живу безпрестанно вмѣстѣ два года, котораго видалъ во всѣхъ отношеніяхъ жизни, въ горѣ и счастьи, въ радости и въ скукѣ; и не постигаю, какъ съ столь ограниченными способностями онъ могъ сдѣлаться любимцемъ перваго монарха нашего времени.

Достоинъ вниманія видѣть между русскими генералами Жомини. Онъ извлекъ изъ походовъ великихъ полководцевъ начала, по коимъ должно располагать движеніями войскъ, и основалъ на неизбѣмыхъ правилахъ военную науку, которая до него была въ такомъ же состояніи какъ государственное хозяйство прежде Адама Смита.

Современники признали его классическимъ писателемъ, но нигдѣ не имѣютъ къ нему болѣе уваженія какъ въ російской арміи; у насъ всѣ офицеры, занимающіеся своимъ ремесломъ, напитаны его твореніями. Когда вступили въ лагерь при Дриссѣ, то напечатали, по высочайшему повелѣнію, въ переводѣ и раздавали въ арміи главу изъ его книги объ операціонныхъ линіяхъ. Генералъ квартирмейстеръ Толь говорилъ мнѣ неоднократно въ Тарутинскомъ лагерѣ въ 1812-мъ году, что еслибы онъ не читалъ его сочиненія, то не подалъ бы мысли произвести бокового движенія съ Рязанской дороги на Калужскую.

Жомини за нѣсколько лѣтъ намѣренъ былъ перейти въ російскую службу, о чемъ вели съ нимъ переговоры тайно посредствомъ нашего посольства въ Мюнхенѣ, но Наполеонъ, провѣдавъ о семъ, велѣлъ ему немедленно явиться въ дѣйствующую армію, отъ чего сношенія его съ нами прекратились. Они возобновлены были во время перемирія въ 1813-мъ году, когда онъ былъ начальникомъ штаба корпуса маршала Нея и такъ какъ не существовало благовиднаго предлога, подъ которымъ бы ему можно было передаться къ намъ, то рѣшились на то, чтобы онъ тайно оставилъ французскую армію. Онъ приводитъ въ оправданіе своего поступка, что онъ не французъ, а швейцарецъ, и слѣдственно могъ по произволу отказаться служить Наполеону, что онъ подавалъ неоднократно просьбы объ отставкѣ, въ чемъ ему отказывали, и наконецъ, что маршалъ Бертъ былъ на него сердитъ и препятствовалъ производству его изъ бригадныхъ генераловъ въ дивизіонные. Князь Волконскій руководствовалъ побѣгомъ его въ началѣ августа того года; полковникъ Брозинъ ѣздилъ по сему предмету неоднократно въ непріятельскую армію подъ разными предлогами, а особенно подъ видомъ, будто бы ходатайствовать въ пользу прускаго партизана Люпова, взятаго въ плѣнъ.

Жомини привезъ намъ тогда важнѣйшее извѣстіе, что Наполеонъ при прекращеніи перемирія не имѣетъ никакого плана наступательныхъ дѣйствій, и что онъ намѣренъ выжидать наше нападеніе и сообразо-

ваться по нашимъ движеніямъ. Его приняли къ намъ въ службу генералъ-лейтенантомъ, назначили чрезъ нѣсколько дней генералъ-адъютантомъ и наградили деньгами, но онъ сямъ не былъ доволенъ. Во время пребыванія государя въ Прагъ и похода къ Дрездену въ половинѣ августа того же года, онъ вздумалъ управлять всѣми дѣлами. Обращеніе его съ нашими генералами сдѣлалось дерзко, онъ началъ поступать грубо съ офицерами, отъ чего на него всѣ возроптали, но никто не хотѣлъ, или лучше, не смѣлъ обнаружить ему своего негодованія, ибо онъ въ то время пользовался въ большой степени довѣренностію государя. Генералъ Толь сталъ противорѣчить ему первый въ Теплицѣ послѣ Кульмскаго сраженія; у нихъ произошелъ при мнѣ жаркій споръ по поводу похода 1812-го года, который едва не кончился поединкомъ. Вскорѣ потомъ начались сраженія, во время которыхъ Жomini подавалъ совѣты, основанные на истинныхъ правилахъ военной науки, но фельдмаршалъ князь Шварцербергъ ихъ отвергалъ почти всегда. 14-го августа, когда мы приближались къ Дрездену и увидѣли находившіяся передъ онымъ французскія войска, то онъ былъ того мнѣнія, чтобы на оныя немедленно напасть и съ ними вмѣстѣ ворваться въ городъ; ему не послѣдовали, хотя по полученнымъ впослѣдствіи извѣстіямъ успѣхъ былъ бы несомнѣнный. На другой день онъ предлагалъ атаковать центръ непріятелей, но сего не исполнили по ничтожному опасенію фельдмаршала Барклая-де-Толли потерять артиллерію, если она, спустясь съ горъ, будетъ потомъ принуждена отступить. Безпрестанныя противорѣчія со стороны австрійцевъ, которые его ненавидѣли, и можетъ быть оскорбленное самолюбіе, заставили его при переходѣ нашемъ чрезъ Рейнъ сказаться больнымъ, и онъ не участвовалъ въ походѣ 1814-го года. Теперь, находясь въ Вѣнѣ, онъ напоминаетъ о себѣ ежеминутными требованіями денегъ, и сдѣлался столь же вѣжливымъ, сколь прежде былъ надмененъ. Онъ стоитъ по цѣлымъ утрамъ въ пріемной залѣ у государя. Я сказалъ ему на сихъ дняхъ: «что подумаетъ потомство, когда узнаетъ, что Жomini въ переднихъ комнатахъ убиваетъ время?»

Графъ О..... сынъ польскаго генерала, повѣшеннаго патріотами въ Варшавѣ 1794-го года, былъ хорошимъ офицеромъ и щеголемъ; онъ обязанъ возвышеніемъ своимъ смерти двухъ своихъ братьевъ, которыхъ убили подъ Фридландомъ, за что назначенъ генералъ-адъютантомъ и получилъ орденъ св. Георгія 3-й степени. Онъ не имѣетъ никакихъ отличныхъ свойствъ и не приобрѣлъ ни въ арміи, ни между товарищами своими военнаго имени; малую репутацію, которую онъ имѣлъ, потерялъ онъ въ походѣ 1812-го года, гдѣ во время преслѣдованія непріятелей, сія вырѣзали близъ Краснаго почти весь малый отрядъ имъ предводительствуемый. Не взирая на то государь его до-

вольно жалуетъ; и онъ въ числѣ самыхъ близкихъ особъ къ его величеству.

Князь Т. былъ тайнымъ совѣтникомъ, потомъ опредѣлился майоромъ въ военную службу и находился во всѣхъ походахъ сего царствованія, во нигдѣ не отличился. Онъ не имѣетъ никакого вѣса при дворѣ.

Кутузовъ почитался издавна хорошимъ офицеромъ, и понинѣ сливетъ образцомъ честнаго человѣка; фамилія, которую онъ носитъ, гигантскій ростъ, важность лица его, вѣсъ, который онъ придаетъ русскому имени, все это вселяетъ къ нему съ перваго взгляда уваженіе; но слабость здоровья, преклонность лѣтъ, разстроенное состояніе, недостатокъ въ образованіи не подаетъ надежды, чтобы отечество могло отъ него ожидать услугъ. Честолюбіе его угасло, и онъ не желаетъ болѣе ничего, какъ воспитать прилично дѣтей своихъ и оставить имъ насущный хлѣбъ.

Чернышева можно назвать любимцемъ счастья; ему удалось исполнить самымъ блистательнымъ образомъ всѣ порученія, которыя на него были возлагаемы, какъ во время мира, такъ и войны. Достигнувъ въ двѣнадцать лѣтъ службы до чина генераль-лейтенанта, имя его сдѣлалось извѣстнымъ Россіи и Европѣ. Онъ былъ сперва адъютантомъ Уварова; расторопность, острота ума и пріятная наружность ознакомили его съ государемъ, который началъ его употреблять для дипломатическихъ посылокъ въ разныя земли. Между прочимъ онъ находился два раза и довольно долгое время при Наполеонѣ; сперва въ 1808-мъ году въ Баіоннѣ и въ слѣдующемъ году въ походѣ противъ австрійцевъ. Послѣ Аспернскаго сраженія онъ перѣѣзжалъ съ императоромъ французскимъ на одной лодкѣ черезъ Дунай. Наполеонъ его отличалъ, и я самъ видѣлъ, въ донесеніяхъ его къ государю, пространные разговоры ихъ, продолжавшіеся болѣе часа. Такъ какъ онъ былъ очень молодъ, то Наполеонъ съ нимъ шутилъ и дралъ его не рѣдко по своему обыкновенію за ухо. Въ походахъ 1812-го, 1813-го и 1814 годовъ онъ не служилъ почти «въ линіи», а начальствовалъ отрядами, коихъ дѣйствія имѣли, по крайней мѣрѣ по рапортамъ его, довольно счастливыя послѣдствія. Занятіе Берлина, Касселя, сраженія при Люнебургѣ, Гальберштатѣ, походъ въ Нидерландахъ, и всѣ его военныя предпріятія свидѣтельствуютъ о его предпримчивости. Онъ храбръ, въ войнѣ дальновиденъ, рѣшительнъ, но заботливъ и отъ сего непріятенъ для своихъ подчиненныхъ. Государь, который къ нему всегда былъ отлично хорошо расположенъ, началъ оказывать ему особенныя милости во время пребыванія нашего въ Парижѣ нынѣшнею весною. Онъ одинъ сопровождалъ императора во время посѣщеній его величества императрицы Жозефины, у которой государь проводилъ по цѣлымъ днямъ. Будучи

избалованъ счастіемъ онъ очень самонадѣянъ и посему никто изъ окружающихъ государя не любитъ столь, какъ онъ, разсуждать; онъ охотно говоритъ съ людьми старѣе и опытнѣе его; онъ пишетъ на французскомъ языкѣ со вкусомъ, но плодovitо. Завистники его говорили во время похода, что онъ обязанъ нѣкоторою частію своей славы иностраннымъ донесеніямъ своимъ. Государь отличаетъ его болѣе прочихъ генераль-адъютантовъ; за исключеніемъ князя Волконскаго, никто чаще его не входитъ къ императору въ кабинетъ, и онъ одинъ проводитъ съ его величествомъ вечера у здѣшнихъ вельможъ. Что касается до свѣтскаго обращенія, то онъ можетъ служить образцомъ.

Описавъ такимъ образомъ генераль-адъютантовъ, упомяну о находящихся здѣсь генераль-маіорахъ: графъ Потоцкомъ и князь Никитѣ Волконскомъ, о флигель-адъютантахъ Брозинѣ, Панкратевѣ и Киселевѣ; они употребляются только для посылокъ; послѣдніе трое еще молоды, и общаются современемъ быть способными людьми. Вотъ подробное описаніе военныхъ, окружающихъ государя въ Вѣнѣ; мнѣ остается теперь сказать только о себѣ, что во время пятимѣсячнаго пребыванія нашего на конгрессѣ я одинъ изъ нихъ занимался работою съ утра до вечера. Находясь въ теченіе послѣднихъ походовъ въ центрѣ всѣхъ операций я пользовался пріязнію, и что еще болѣе—довѣренностію всѣхъ людей, управлявшихъ ходомъ дѣлъ; одно любопытство удерживаетъ меня въ службѣ и заставляетъ для оной пренебрегать даже своимъ здоровьемъ. Предоставляю судить другимъ, съ успѣхомъ ли я исполнялъ обязанности, возлагаемыя на меня; совѣсть моя чиста—и я доволенъ.

Статсъ-секретарь Марченко находится при государѣ для гражданскихъ дѣлъ, которыми его величество занимается весьма мало, отвѣчаетъ только на самыя нужныя донесенія, и разсматриваетъ такъ называемыя меморіи Комитета министровъ, который въ отсутствіи императора управляетъ государствомъ. Графъ Аракчеевъ покровительствуетъ Марченкѣ, который въ полной мѣрѣ оправдываетъ его выборъ. Онъ не знаетъ иностранныхъ языковъ, но имѣетъ глубокія свѣдѣнія во всемъ, что касается до Россіи. Онъ находился въ многихъ должностяхъ, объѣздивъ почти все наше отечество, и наконецъ былъ губернаторомъ въ Томскѣ. Природа одарила его обширною памятію и плѣнительнымъ краснорѣчіемъ. Онъ пишетъ съ такою же ясностію какъ и говорить, объясняется съ государемъ съ смѣлостію, которою подаетъ увѣренность въ себѣ, и какъ истинно дѣловой человѣкъ не ищетъ снискавъ посредствомъ лести и угожденій знакомства вельможъ. Ему около тридцати пяти лѣтъ, наружность его столь же благородна, сколь и чувства его, о которыхъ я потому такъ отзываюсь, что знаю ихъ, ибо я провожу съ нимъ почти всѣ свободныя минуты отъ должности.

II.

Иностранцы подъ названіемъ русскаго дипломатическаго корпуса въ Вѣнѣ.— Причины отсутствія русскихъ въ составѣ дипломатовъ.— Уполномоченные на конгрессѣ: графъ Нессельроде, графъ Разумовскій и Штакельбергъ.— Дѣлопроизводители: Авштетъ, графъ Капо-д'Истрія и Поццо-ди-Борго.— Баронъ Штейнъ и князь Козловскій.

Россия являетъ единственный примѣръ въ мірѣ, что дипломатическій корпусъ ея состоитъ большею частію изъ иностранцевъ. Не всѣмъ имъ извѣстенъ нашъ языкъ, и немногіе изъ нихъ бывали въ Россіи да-же Петербурга. Сосчитавъ по адресъ-календарю нынѣшняго года всѣхъ чиновниковъ, употребленныхъ Россіею въ различныхъ посольствахъ, я нашелъ, что ихъ семьдесятъ три человека, между которыми только шестнадцать русскихъ именъ. Фуль, Поццо, Капо, Тейль, вотъ странный подборъ именъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ посланниковъ; Фуль— въ Голландіи, Поццо-ди-Борго— въ Парижѣ, Капо-д'Истрія— въ Швейцаріи, а Тейль-фонъ-Сераскеркенъ— въ Неаполѣ. Но сіе обстоятельство, которому нѣтъ примѣровъ въ другихъ государствахъ, не доказываетъ ли истиннаго величія Россіи, которой могущество таково, что для нея равно, кто бы ни былъ ея представителемъ, ибо всему свѣту извѣстно, сколь Россія непоколебима. Даже нѣтъ надежды, чтобы въ нашъ вѣкъ мѣста русскихъ министровъ при чужестранныхъ дворахъ были заняты настоящими русскими, по той причинѣ, что молодые люди, служащіе при различныхъ посольствахъ, и слѣдственно готовящіеся современемъ заступитъ высшія дипломатическія степени, происходятъ изъ фамилій иностранныхъ, частію изъ Остзейскихъ губерній, частію изъ поселившихся въ Петербургъ въ теченіе XVIII-го столѣтія. Этотъ классъ людей получаетъ обыкновенно хорошее воспитаніе, но оно основано на космополитическихъ правилахъ. Они много знаютъ, но ничего не чувствуютъ къ Россіи. Умъ ихъ и память обогащены познаніями, но душа ихъ и сердце не напитаны истинною любовію къ отечеству, привязанностію къ престолу и уваженіемъ къ русскимъ правамъ и обычаямъ. Петръ Великій положилъ къ тому начало, основавъ столицу въ Петербургской губерніи, гдѣ нѣтъ почти коренного русскаго дворянства, которое бы тамъ поселилось, ибо страна сія принадлежитъ Россіи не съ большимъ столѣтіемъ; суровый климатъ ея не привлекаетъ къ себѣ никого; въ сѣверную столицу пріѣзжаютъ только для чиновъ, для мѣстъ, для двора, по дѣламъ, и рано или поздно оттуда удаляются во внутренность имперіи, тѣмъ охотнѣе, что надобно имѣть огромное состояніе, чтобы постоянно жить въ Петербургѣ, въ такъ называемомъ лучшемъ кругѣ. Живя въ отдаленныхъ губерніяхъ дворянство не имѣетъ въ сто-

лицъ сей ни связей, ни родства, слѣдовательно лишено покровителей, которые бы старались о помѣщеніи въ дипломатическій корпусъ дѣтей ихъ, а сіи, съ другой стороны, получаютъ слишкомъ поверхностное воспитаніе, чтобы быть съ пользою и со славою употребленными въ ономъ. Сверхъ того любимая страсть къ военному ремеслу привлекаетъ все русское юношество подъ знамена Марса, слѣдовательно всѣ сіи обстоятельства препятствуютъ тому, чтобы видѣть въ скоромъ времени настоящихъ русскихъ представителями Россіи при чужестранныхъ дворахъ.

Живя долго въ Вѣнѣ я былъ въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ нашими чиновниками, употребленными по иностранной части, и находилъ, что ни одного изъ нихъ нельзя сравнить съ первыми министрами прочихъ европейскихъ державъ, какъ то: съ Метернихомъ, съ Талейраномъ и подобными, что же касается до обращенія ихъ, то они столь ловки и непринужденны, каждое слово ихъ и поступокъ кажутся толь хорошо обдуманы и рассчитаны, что они никому не уступаютъ.

Меня всегда поражало, до какой степени русскіе дипломаты пренебрегаютъ нашимъ языкомъ. Имъ не можетъ служить извиненіемъ то обстоятельство, что они иностранцы, ибо выучиться по-русски не трудно, а знать языкъ величайшей державы въ свѣтѣ, соприсчисляющей ихъ къ сынамъ своимъ и довѣряющей имъ тайны свои, есть непремѣнная обязанность. Безпечность ихъ въ семъ отношеніи невѣроятна, и даже не всѣ природные русскіе, служащіе по дипломатической части, знаютъ твердо по-русски, напримѣръ графъ Головкинъ съ затрудненіемъ объясняется по-русски, и что удивительнѣе, сего имъ не приписываютъ къ стыду. Не знаю, бывалъ ли подобный примѣръ въ мірѣ.

Отъ неуваженія къ отечественному языку происходитъ небреженіе отечественныхъ нравовъ и ко всему русскому. Между прочимъ я пошелъ однажды въ Вѣнѣ въ нашу посольскую церковь; меня повели по темной лѣстницѣ во второе жиле дома, стоящаго въ узкой и тѣсной улицѣ, и сказали: здѣсь ваша церковь. Неужели, подумалъ я, нельзя условиться съ австрійскимъ правительствомъ, чтобы для исповѣдыванія вѣры обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи соорудить въ Вѣнѣ храмъ, въ которомъ бы соотечественники наши могли всенародно возсылать мольбы свои ко Всевышнему? Единовѣрцы наши, тутъ находившіеся, принадлежали къ фамиліямъ князей Долгорукихъ, Прозоровскихъ, Голицыныхъ, Волконскихъ, Оболенскихъ, Гагариныхъ, Италійскихъ, Смоленскихъ, и не менѣе знатнаго рода Нарышкиныхъ, но когда я началъ вслушиваться въ разговоры ихъ и до меня доходили только одни французскія слова, то я легко понять, отчего не представлялась имъ, и слѣдственно еще менѣе дипломатамъ нашимъ, вовсе или мало знающимъ по-русски, мысль подобная той, которая меня тогда занимала.

Три особы уполномочены съ нашей стороны на конгрессѣ: графы Нессельроде, Разумовскій и Штакельбергъ.

Первый изъ нихъ сначала былъ офицеромъ Конной гвардіи и адъютантомъ императора Павла, служилъ потомъ при посольствахъ въ Голландіи и во Франціи, а теперь находится три года безотлучно при государѣ. Онъ роста малаго, худощавъ, близорукъ и черты лица его непріятны, потому что на нихъ изображено всегда какое то неудовольствіе. Отъ сихъ недостатковъ и отъ того, что онъ лишенъ дара слова, столь необходимаго въ занимаемомъ имъ мѣстѣ, происходитъ у него робость въ обращеніи, даже въ самыхъ разговорахъ. Онъ мало учился, ибо рано вступилъ въ службу, и не знаетъ основательно ни одного языка, но мелкія дѣловыя бумаги пишетъ довольно хорошо на французскомъ. Возвышеніе его удивляетъ и русскихъ и иностранцевъ, и оному полагаютъ главною причиною, что государь, имѣя столь посредственнаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, желаетъ тѣмъ обнаружить, что онъ самъ управляетъ сею частію. Нессельроде не имѣетъ своего собственнаго мнѣнія и слѣпо исполняетъ повелѣнія государя; рассказываютъ, что въ одномъ бывшемъ недавно засѣданіи конгресса Костельре, Талейранъ и Метернихъ начали съ нимъ спорить, противились какому то предложенію имъ сдѣланному и просили его объяснить имъ причины въ защиту мнѣнія его.

— Господа, отвѣчалъ онъ, я нахожу справедливыми ваши возраженія и совершенно согласенъ съ вами, но государю моему угодно противное.

За справедливость сего происшествія я не могу ручаться, но положимъ что оно и ложно, то уже тѣмъ самымъ, что его разглашаютъ, доказывается, сколь мало уважаютъ Нессельроде. Думаютъ, что женитба его на дочери министра финансовъ Гурьева способствовала къ его возвышенію. Онъ неразлученъ съ княземъ Волконскимъ, съ которымъ отъѣнно друженъ; кажется, что обоюдная ихъ посредственность соединяетъ ихъ. Въ Петербургѣ на ихъ сторонѣ кромѣ тестя его, Гурьева, министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ и оберъ гофъ-маршалъ графъ Толстой, которой находился двадцать лѣтъ при императорѣ, но съ нынѣшняго года не значитъ болѣе ничего.

Если природа была къ нему (Нессельроде) не щедра, то съ другой стороны счастье ему улыбнулось въ полной мѣрѣ; ни одинъ изъ министровъ не находился въ подобномъ ему выгодномъ положеніи. Онъ поступилъ въ 1812-мъ году въ званіе статсъ-секретаря по иностранной части, и пріѣхалъ по истребленіи непріятелей въ Россіи съ государемъ въ главную квартиру, находившуюся въ Вильнѣ и перешедшую потомъ въ Калишъ. Тогда Пруссія и прочія державы искали союза съ Россіею и желаніе ихъ потрясти съ нашею помощію его, ихъ угнетавшее, возра-

стало по мѣрѣ приближенія нашихъ войскъ. Въ семъ признанномъ расположеніи державъ Нессельроде велѣлъ съ ними переговоры, и чѣмъ успѣхи нашего оружія далѣе распространялись, тѣмъ удобнѣе было заключать съ ними союзы. Съ сего времени вѣдомости наполнялись именемъ его, иностранные государи осыпали его орденами и подарками и онъ началъ дѣлаться извѣстнымъ. Но во многихъ договорахъ онъ несоблюдалъ выгодъ Россіи, какъ на примѣръ въ условіяхъ о продовольствіи нашихъ войскъ во время прохода ихъ чрезъ чужестранныя владѣнія и въ трактатѣ съ Англіею о денежныхъ пособіяхъ; читая оный нельзя не вспомнить, какъ благоразумно поступилъ государь Павелъ Петровичъ въ подобномъ случаѣ, дѣлая высадку въ Голландію въ 1799-мъ году. Въ 1813-мъ году къ сожалѣнію не токмо русскихъ, но и многихъ другихъ державъ, въ общемъ европейскомъ союзѣ уступлено нами первенствующее лицо Австріи, отъ чего война едва не сдѣлалась для вселенной столь же пагубною, сколь она, благодаря мудрости государя принесла пользы. Но при вступленіи въ Парижъ Россія опять восторжествовала, и государя нашего признали диктаторомъ Европы. Не находилось человѣка въ мірѣ, котораго бы положеніе уподоблялось тому, чѣмъ Александръ былъ въ Парижѣ. Покоривъ силою непріятелей своихъ, онъ сдѣлался посредникомъ между нихъ и между державъ, съ ними воевавшихъ; всѣ просили его быть рѣшителемъ многолѣтнихъ распрей ихъ, справедливость его была признана даже врагами его, а за безкорыстіе его ручались самыя выгоды безпредѣльной и могущественной имперіи его, которую всякое распространеніе могло только ослабить. Домы Бурбоновъ, Бонапарте и нѣмецкихъ владѣтелей видѣли въ немъ одномъ своего покровителя, но въ Вѣнѣ, какъ о семъ упомянуто уже было прежде, мы снова лишили его первенства, чего бы не допустилъ вѣроятно другой министръ на мѣстѣ Нессельроде.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, славившійся искуснымъ дипломатомъ въ царствованіе Екатерины и Павла, былъ нѣкогда достойнымъ посломъ Россіи въ Неаполь, въ Стокгольмъ и въ Вѣнѣ. Онъ человѣкъ надменный и умный, росту высокаго, имѣлъ выразительныя черты лица, обращеніе его самое свѣтское, и онъ слылъ въ свое время красавцемъ; увѣряютъ, что онъ пользовался особенною благосклонностію королевъ неаполитанской и шведской. Онъ сохранилъ по сихъ поръ важную наружность и сказываютъ, что ни одинъ посолъ лучше его не поддерживалъ знаменитости двора имъ представляемаго блескомъ своего дома и приличнымъ обращеніемъ съ иностранцами. Онъ удалился отъ службы въ началѣ царствованія нынѣшняго государя, и появился вновь на дипломатическомъ поприщѣ на Шатильонскомъ конгрессѣ. Жаль, что онъ отрекся, такъ сказать, отъ Россіи, потому что поселился навсегда въ Вѣнѣ, женился на нѣмкѣ, вступилъ въ родъ

ственные связи въ австрійцами, выстроилъ великолѣпный домъ въ Вѣнѣ, мостъ на Дунаѣ, купилъ въ Австріи помѣстья и окруженъ единственно иностранцами, ибо при немъ нѣтъ ни одного русскаго.

Ужели отечество наше обѣдѣло до того искусными людьми, что надлежитъ прибѣгать къ помощи тѣхъ, которые отъ него отказались?

Графъ Штакельбергъ, котораго родители были при императрицѣ Екатеринѣ славнымъ министромъ и довершили покореніе Польши, образовался при отцѣ своемъ, получилъ отличное воспитаніе и былъ много употребленъ въ дѣлахъ. Ему лѣтъ около пятидесяти, видъ его не важенъ, онъ росту малаго, но лицо его показываетъ человѣка умнаго; онъ имѣетъ благородную душу, но характера подозрительнаго; онъ хорошій отецъ семейства, и во все время конгресса у него былъ лучший домъ. Въ обращеніи своемъ съ императоромъ онъ не имѣетъ робости Нессельроде, но зато рѣдко бываетъ у его величества.

Сверхъ сихъ трехъ членовъ конгресса, находятся трое занимающіеся дѣлами, а именно Анштетъ, графъ Капо-д'Истрія и Поцо-ди-Борго.

Анштетъ хотя и равнаго чина съ Нессельродомъ, но состоитъ подъ его начальствомъ. Онъ уроженецъ изъ Страсбурга, имѣетъ помѣстья въ Польшѣ и не знаетъ нашего языка. Служа болѣе двадцати лѣтъ по дипломатической части, онъ приобрѣлъ обширныя познанія въ дѣлахъ и почитается весьма способнымъ человѣкомъ; отдають особенную справедливость его перу. Онъ презираетъ Нессельроде и не скрываетъ сего чувства, особенно когда разгорячится крѣпкими напитками, что съ нимъ случается нерѣдко. Его любятъ въ бесѣдахъ за остроту его шутокъ, но боятся колкости его отвѣтовъ. Самъ Метернихъ опасается его насмѣшекъ. Недавно Анштетъ былъ боленъ и началъ выздоравливать, чего Метернихъ не зналъ, и встрѣтись на улицѣ съ однимъ изъ русскихъ, спросилъ «каковъ Анштетъ?»

— Нѣтъ надежды, сказалъ русскій.

— Что же такое, спросилъ Метернихъ?

— Онъ выздоравлилъ, отвѣчалъ нашъ землякъ.

Въ помощь графу Разумовскому данъ графъ Капо-д'Истрія, родомъ изъ Ионическихъ острововъ, который вступилъ въ нашу службу во время похода адмирала Сенавина; до 1813-го года онъ былъ въ неизвестности, во время Отечественной войны онъ состоялъ при арміи Чичагова, и когда войска адмирала поступили подъ начальство Барклая-де-Толли, то и Капо-д'Истрія перешелъ къ нему. Во время Рейхенбахскаго перемирія занятія его состояли въ томъ, чтобы играть въ бостонъ съ супругою фельдмаршала Барклая-де-Толли, которая какъ женщина низкаго происхожденія и безъ всякаго воспитанія, была часто предметомъ насмѣшекъ. Онъ умѣлъ воспользоваться неспособностію Нессельроде, и его по сей причинѣ начали употреблять, особенно во время

пребыванія нашего въ Парижѣ, откуда онъ былъ посланъ министромъ въ Швейцарію и по открытіи конгресса вызванъ въ Вѣну. Всѣ соглашались, что онъ глубокомысленъ и дальновиденъ; довѣренность къ нему государя, кажется, возрастаетъ ежедневно. Онъ получилъ въ молодости изрядное образованіе, готовился быть докторомъ медицины, судить логически и имѣетъ даръ слова, наружность его привлекательна. Неоспоримымъ доказательствомъ его дарованій служить то, что онъ былъ въ отечествѣ своимъ лѣкаремъ, а теперь русскимъ министромъ.

Посланникъ нашъ при парижскомъ дворѣ Поцо-ди-Борго родомъ корсиканецъ. Онъ перешелъ въ російскую службу вмѣстѣ съ графомъ Капо-д'Истрія во время похода Сенавина въ Средиземномъ морѣ и до 1813-го года не былъ употребленъ въ важныхъ порученіяхъ. Я помню какъ въ сіе время, будучи полковникомъ и находясь въ нашей главной квартирѣ, на него никто не обращалъ вниманія. Въ 1813-мъ году онъ состоялъ при особѣ шведскаго наслѣднаго принца, но когда мы вступили въ Парижъ, то онъ былъ уполномоченъ при учрежденномъ тамъ временномъ правительствѣ. Государь произвелъ его въ генералъ-адъютанты и съ тѣхъ поръ всѣ заговорили о необыкновенномъ умѣ его и способностямъ, чѣмъ онъ обязанъ, равно и возвышеніемъ своимъ, дипломатической нотѣ, поданной имъ въ Шомонѣ во время Шатильонскаго конгресса, въ которой онъ старался доказать, что ежели желаютъ имѣть прочный миръ, то оный долженъ быть основанъ на изгнаніи съ престоловъ фамиліи Наполеона, и на возведеніи на оныя Бурбоновъ и другихъ домовъ, царствовавшихъ прежде революцій (*les souverains légitimes*). Онъ дѣятеленъ, имѣетъ пылкое воображеніе, хитръ и проныцателенъ, какъ всѣ иностранцы, достигшіе самъ собою до возвышенныхъ мѣстъ. Говорятъ, что онъ получаетъ жалованье отъ англичанъ и по сему долженъ быть имъ преданъ; усумниться въ послѣднемъ значить полагать, что десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ менѣе нежели десять тысячъ рублей ассигнаціями.

Сіи шесть особъ занимаются на конгрессѣ дѣлами Россіи; къ нимъ должно присовокупить барона Штейна, отмѣнно уважаемаго всѣми, который хотя и не находится въ службѣ ни одной державы, но пользуется большимъ довѣріемъ императора. Онъ носитъ мундиръ прусскій, ордена на немъ русскіе, домъ у него въ Прагѣ, а помѣстья на Рейнѣ и въ Польшѣ. Онъ сдѣлался извѣстенъ управленіемъ финансовъ въ Берлинѣ; а наиболѣе тѣмъ, что послѣ паденія монархіи Фридриха Великаго и порабоженія Германіи, былъ начальникомъ тайныхъ обществъ, образовавшихся тамъ для низложенія владычества французовъ. Наполеонъ обнаружилъ тогда, что Штейнъ есть врагъ всеобщаго спокойствія, присвоилъ себѣ его помѣстья и объявилъ, чтобы его предали суду и казнили, гдѣ только его поймутъ. Онъ скрылся первоначально въ

Австрію, а въ 1811-мъ или 1812-мъ годахъ прибылъ въ Россію, гдѣ государь принялъ его самымъ отличнымъ образомъ. Онъ отправился съ его величествомъ въ Вильну, а по изгнаніи непріятелей изъ Россіи находился при нашей главной квартирѣ. Во время походовъ 1813-го и 1814-го годовъ ему поручено было управленіе земель, занятыхъ союзными войсками. Онъ сильно противился возстановленію Бурбоновъ. Окружающіе государя почитаютъ его оракуломъ, и во время походовъ въ сомнительныхъ и чрезвычайныхъ случаяхъ обращались къ его совѣтамъ. Онъ имѣетъ необыкновенныя познанія, обширную память, говорить много и очень скоро, откровенно дѣтеленъ и предприимчивъ.

Я бы могъ описать еще и другихъ нашихъ дипломатовъ, находящихся въ Вѣнѣ, но никто изъ нихъ кромѣ приведенныхъ выше не имѣетъ вліянія на дѣла конгресса. Я не могу однако же пропустить въ молчаніи посланника нашего при Туринскомъ дворѣ князя Козловскаго, одного изъ ученѣйшихъ и самыхъ оригинальныхъ нашихъ соотечественниковъ. Онъ теперь министромъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника, чему у насъ, гдѣ нерѣдко достоинства измѣряются по табели о рангахъ, не бывало примѣра, кромѣ посольства въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ министромъ былъ надворный совѣтникъ Дашковъ. Государь обратилъ на него свое вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Сардиніи. Донесенія его были столь хорошо написаны, размышленія его и основанныя на нихъ догадки на будущее время, касательно особенно Испанской войны, столь справедливы, что императоръ пожелалъ его лично узнать и онъ былъ передъ Отечественною войною выпущенъ въ Россію. Съ глубокими познаніями въ исторіи, политикѣ и словесности, ибо онъ читаетъ въ оригиналѣ и Горація, и Данте, и Адама Смита, и Клопштока, чему у насъ примѣры рѣдки, съ необыкновенною обширною памятью, которая дѣлала бесѣды его для меня очаровательными, соединяетъ онъ обжорство, неопрятность и почти дѣтскую безпечность. Краснорѣчіе его составляло предметъ удивленія англичанъ, когда онъ по принятому у нихъ обыкновенію говорилъ рѣчи за продолжительными ихъ обѣдами, а либерализмъ его простирался до того, что онъ въ Англіи дружилъ только съ членами оппозиціонной партіи и неоднократно отъ нашего двора получалъ замѣчанія быть въ рѣчахъ своихъ осторожнѣе и скромнѣе.

— Часто ли обѣдалъ ты у принца-регента, спросилъ я его однажды?

— Я избѣгалъ его общества, отвѣчалъ онъ, и стыдился быть за его столомъ, *parce que sa société était de mauvais ton*.

Онъ часто меня навѣщалъ, просиживалъ у меня до глубокой ночи и пилъ меня своею бесѣдою; онъ сказалъ мнѣ однажды, что англичане до такой степени уважаютъ государя, что увѣряли, что выбрали

бы его величество въ короли, еслибы англійскій престоль былъ избира-
тельный. Слѣдующія слова, сказанныя княземъ Козловскимъ англича-
намъ, должны остаться для насъ незабвенными: «Господа, ваши коро-
ли стремились всегда къ умноженію своей власти и къ присвоиванію
себѣ правъ, которыя принадлежать народу, но у насъ совершается
совсѣмъ противное: императоръ даруетъ свободу, но народъ ее отвер-
гаетъ».

Однимъ изъ отличныхъ людей нашего дипломатическаго корпуса по-
читаютъ посланника нашего при шведскомъ дворѣ, графа Сухтелена.
Государь сказалъ про него: «Этотъ человѣкъ хочетъ быть другомъ и
Бога и чорта», но онъ не находится въ Вѣнѣ, а живетъ въ Стокгольмѣ.

Заключаю здѣсь описаніе нашихъ дипломатовъ: я бы могъ болѣе
разпространиться о семъ предметѣ, но изъ всего сказаннаго мною
удобно можно имѣть понятіе о семъ сословіи. Повторю только, что изъ
шести чиновниковъ нашихъ, занимающихся на конгрессѣ, одинъ толь-
ко природный русскій, то есть графъ Разумовскій, да и тотъ отъ Рос-
сіи, какъ мы видѣли, почти отрекся; двое лифляндцевъ: графы Нессель-
роде и Штакельбергъ, одинъ эльзасецъ—Анштегъ, одинъ корсиканецъ—
Поццо-ди-Ворго и одинъ корфіотъ—Капо-д'Истрія.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

Императоръ Александръ I.

(Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера).

Ein jeder sucht sich endlich selbst was aus,
Wer vieles bringt, wird manchem etwas bringen.
Goethe (Faust).

е такъ давно вышелъ четвертый и послѣдній томъ обширнаго труда Н. К. Шильдера: «Императоръ Александръ первый, его жизнь и царствованіе». Само заглавіе этого труда показываетъ, что онъ посвященъ ближайшимъ образомъ исторіи собственно самого императора Александра. И, дѣйствительно, онъ представляетъ собою богатый, разнообразный, подчасъ, совершенно новый матеріалъ для характеристики остававшейся до нынѣ загадочною личности императора Александра, къ которому относятся слѣдующіе стихи князя П. А. Вяземскаго:

Сфинксъ, неразгаданный до гроба!
О немъ и нынѣ спорять вновь:
Въ его любви таилась злоба,
А въ злобѣ слышалась любовь.
Дня, осмнадцатаго вѣка,
Его страстей онъ жертвой былъ:
И презиралъ онъ человѣка,
А человѣчество любилъ.

Пользуясь данными труда Н. К. Шильдера постараемся очертить характеръ Александра I такимъ, какимъ онъ вырисовывается на основаніи историческихъ фактовъ.

I.

Дѣтство и ранняя юность Александра Павловича протекали въ рѣдко счастливыхъ условіяхъ: его нянькой, товарищемъ игръ, портнымъ, гувернанткой и учителемъ была его бабка, Великая Екатерина. Какими заботами окружала она его, какъ гордилась своимъ «господиномъ Александромъ», объ этомъ свидѣлствуютъ ея письма къ Гримму. Но заботы императрицы о своемъ внукѣ были чужды безсмысленнаго баловства и были направлены исключительно на разумное развитіе его физическихъ и духовныхъ силъ. Она писала, что не желаетъ, чтобы изъ него сдѣлали хорошенькую куклу. Разказы Екатерины о воспитаніи Александра являются цѣлымъ курсомъ педагогическаго, проникнутымъ трезвостью взгляда. Особенно она заботилась о развитіи его природенныхъ качествъ. «Что касается Александра, писала она, предоставьте его самому себѣ; зачѣмъ хотите вы, чтобы онъ размышлялъ и знать все именно такъ, какъ размышляли и знали до него. Учиться не трудно; но, по моему, нужно, чтобы голова ребенка была развита прежде, чѣмъ станутъ набивать ее хламомъ прошедшаго, и изъ этого хлама надо строго разбирать то, что ему сообщать. Боже мой, чего не сдѣлала природа, того не дастъ никакое ученіе, но ученіе часто заглушаетъ природную остроту, и нѣтъ ничего хуже, какъ люди, натертые умомъ и знаніемъ, какъ говорила покойная г-жа Жофрень».

«Естественности, немножко естественности, писала она Гримму на третій день послѣ рожденія старшаго внука,—а ужъ опытность додѣлаетъ почти все остальное».

Письма Екатерины къ Гримму объ Александрѣ проникнуты такою горячею любовью, что она всѣ свои помыслы, всю страсть своей натуры сосредоточивала на этомъ младенцѣ, въ которомъ рано привыкла видѣть залогъ благоденствія Россіи. Весь свой умъ она вкладывала въ дѣло воспитанія своего внука, снисходя даже до составленія ему азбуки, сказокъ, учебниковъ.

Азбука, сочиненная Екатериной для Александра, показываетъ, въ какомъ духѣ она предполагала вести воспитаніе будущаго самодержца Россіи, и откуда творецъ Священнаго союза почерпнулъ начала туманнаго либерализма, которымъ онъ руководился въ первое время по восшествіи своемъ на престолъ. «Вотъ уже два мѣсяца сообщала Екатерина Гримму въ маѣ 1780 года, какъ я, продолжая законодательствовать, начала составлять, для моего развлеченія, предназначенную для господина Александра маленькую азбуку изреченій, которая постоитъ за себя. Всѣ, видѣвшіе ее, отзываются о ней очень хорошо и прибавляютъ, что это полезно не для однихъ дѣтей, но и для

взрослыхъ. Сначала ему говорится безъ обиняковъ, что онъ, малютка, родился на свѣтъ голый, какъ ладонь, что всѣ такъ рождаются, что по рожденію всѣ люди равны, что только познанія производятъ между ними безконечное различіе, и потомъ, нанизывая одно изреченіе за другимъ, какъ бисеръ, мы переходимъ отъ предмета къ предмету. У меня только двѣ цѣли въ виду; одна—раскрыть умъ для вѣншихъ впечатлѣній, другая—возвысить душу, образуя сердце. Моя азбука начинена картинками, но все это наглядно и ведетъ къ цѣли».

Неудивительно поэтому, что подъ вліяніемъ заботъ Екатерины объ Александрѣ онъ сталъ развиваться очень рано, сталъ обнаруживать удивительное воображеніе, рѣдкія любознательность и жадность къ познаніямъ, соединенныя съ природною привѣтливостью. Уже черезъ двадцать мѣсяцевъ Александръ проявлялъ стараніе нравиться,—черта составлявшая его особенность въ продолженіе всей его жизни.

Но заботясь объ умственномъ и нравственномъ развитіи своего любимца, Екатерина старалась, чтобы оно не шло въ ущербъ физическому развитію, чтобы умственный трудъ уравнивался физическимъ, и мальчикъ—великій князь—занимался различными ремеслами: копалъ землю, сѣялъ горохъ, капусту, пахалъ, боронилъ, грѣбъ.

Какъ извѣстно, окружающій дѣтей женскій персоналъ оказываетъ большое вліяніе на ихъ воспитаніе: слова, согрѣтыя женскою ласкою, легче западаютъ въ душу дитяти. Няня Александра Павловича, англичанка родомъ, Геслеръ, осталась не безъ вліянія на характеръ своего питомца; она передала ему первыя хорошія привычки и наклонности, и отъ нея онъ усвоилъ любовь къ порядку, простотѣ и опрятности.

Нравственный идеалъ, къ которому Екатерина хотѣла приблизить какъ Александра, такъ и Константина, воспитывавшихся вмѣстѣ, вылился у нея въ слѣдующей собственноручной замѣткѣ.

«Изучайте людей, писала Екатерина,—старайтесь пользоваться ими, не вѣряясь имъ безъ разбора; отыскивайте истинное достоинство, хотя-бы оно было на краю свѣта; по большей части, оно скромно и прячется въ отдаленіи; добродѣтель не выказывается изъ толпы, она не отличается ни жадностью, ни желаніемъ выказаться, о ней забываютъ.—Никогда не окружайте себя льстецами; дайте почувствовать, что вамъ противны восхваленія и самоуничиженія. Оказывайте довѣренность лишь тѣмъ людямъ, у которыхъ хватитъ храбрости въ случаѣ надобности вамъ возражать, и которые отдадутъ предпочтеніе вашему добродушію имени предъ вашею милостію.—Будьте мягки, человеколюбивы, доступны, сострадательны и либеральны; ваше величіе да не препятствуетъ вамъ добродушно снисходить къ малымъ людямъ и ставить себя въ ихъ положеніе, такъ, чтобы эта доброта не умаляла ни вашей власти, ни ихъ почтенія; выслушайте все, что хоть сколько нибудь за-

служиваетъ вниманія; пусть видятъ, что вы мыслите и чувствуете такъ, какъ вы должны мыслить и чувствовать; поступайте такъ, чтобы люди добрые васъ любили, злые боялись и всѣ васъ уважали. Храните въ себѣ тѣ великія душевныя качества, которыя составляютъ отличительную принадлежность человѣка честнаго, человѣка великаго и героя; страшитесь всякаго коварства, прикосновеніе со свѣтомъ да не помрачитъ въ васъ античнаго вкуса къ чести и добродѣтели. Недостойные принципы и злое лукавство не должны имѣть доступа къ вашему сердцу. Великіе люди чужды двоедушія; они презираютъ связанныя съ этимъ низости».

Но какъ ни высокъ былъ нравственный идеалъ, который великая государыня хотѣла воплотить въ своемъ любимомъ внукѣ, какими заботами ни обставляла она его младенчество и раннюю юность, въ воспитаніи Александра не доставало одного элемента—отца и матери. Умная проницательная Екатерина, при всей своей любви къ внуку, упустила изъ виду одно, что нельзя безнаказанно идти противъ природы, нельзя отчуждать дѣтей отъ родителей. Подрастая, Александръ сталъ понимать всю ложность своего положенія между бабкою, съ одной стороны, и отцомъ и матерью—съ другой. Къ тому-же, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна представились ему въ видѣ обиженныхъ и оскорбленныхъ... Инстинктивно онъ сталъ становиться на сторону отца и матери и обвинять свою великую бабку... Къ сожалѣнію, постепенно усиливавшееся нерасположеніе къ ней лично онъ перенесъ и на ея дѣянія, не понявъ того дѣла, которое она творила для Россіи, не усвоивъ ея широкихъ политическихъ горизонтовъ. Впослѣдствіи, сдѣлавшись императоромъ, онъ даже отказывалъ въ уваженіи ея памяти.

Съ переходомъ въ 1783 году великаго князя Александра въ мужскія руки, къ нему былъ представленъ для занятій французскимъ языкомъ швейцарецъ Лагарпъ, республиканецъ по убѣжденіямъ, преисполненный гуманными идеями XVIII вѣка, человѣкъ неподкупной честности и независимаго характера. Но Лагарпъ не могъ удовольствоваться подобной скромной ролью. Вскорѣ по своемъ опредѣленіи къ великимъ князьямъ онъ представилъ императрицѣ записку, «какъ-бы педагогическую исповѣдь», въ которой высказалъ свое настоящее призваніе быть наставникомъ и изложилъ въ подробности, какіе предметы и при помощи какихъ пособій онъ можетъ и долженъ, по его мнѣнію, преподавать великимъ князьямъ. Въ своей запискѣ Лагарпъ остановился между прочимъ съ особеннымъ вниманіемъ на томъ значеніи, которое представляетъ изученіе исторіи.

«Будущій правитель, писалъ Лагарпъ, не долженъ быть ни физикомъ, ни натуралистомъ, ни математикомъ, ни географомъ, ни филологомъ, ни юристомъ и т. д. Но онъ долженъ быть честнымъ человѣкомъ

и просвѣщеннымъ гражданиномъ и знать преподаваемые ему предметы настолько, чтобы понимать ихъ настоящую цѣну и имѣть ясное сознаніе обязанностей, лежащихъ на монархѣ, въ рукахъ котораго счастье и несчастье многихъ миллионовъ. А какая же наука можетъ развить гражданское чувство болѣе, нежели исторія? Всякій гражданинъ, желающій приносить пользу своей странѣ своимъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ, обязанъ изучить исторію. Тѣмъ болѣе обязанность эта лежитъ на будущемъ правителѣ. Но надобно направить ея изученіе такимъ образомъ, чтобы онъ не могъ почерпнуть въ немъ вредныя начала. Не слѣдуетъ никогда забывать, что Александръ Македонскій, одаренный прекраснымъ геніемъ и блестящими качествами, опустошилъ Азію и совершилъ столько ужасовъ единственно изъ желанія подражать героямъ Гомера, подобно тому, какъ Юлій Цезарь изъ подражанія этому самому Александру Македонскому совершилъ преступленіе, сокрушивъ свободу своего отечества. И въ наше время неблагоразумное чтеніе Квинта Курція обратило одного сѣвернаго государя, одареннаго впрочемъ геройскими качествами, въ тирана своихъ подданныхъ и въ бича многихъ миллионовъ людей».

Касаясь въ своей запискѣ познанія тѣхъ началъ, на которыхъ основаны правильно устроенныя человѣческія общества, Лагарпъ говоритъ: «Всякому доброму гражданину необходимо ознакомиться съ этими началами, а тѣмъ болѣе будущему правителю слѣдуетъ своевременно проникнуться ими. Онъ увидитъ, что когда-то, по крайней мѣрѣ, существовало между людьми равенство, и если обстоятельства съ тѣхъ поръ измѣнились, то это отнюдь не случилось съ цѣлью предоставить человечество со связанными ногами и руками прихотямъ одного человѣка, и что существовали самодержавные государи, настолько великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить своимъ подданнымъ: «Мы за славу себѣ почитаемъ сказать, что мы сотворены для нашихъ народовъ».

Высказанныя Лагарпомъ въ запискѣ мысли, отвѣчавшія собственнымъ взглядамъ Екатерины, плѣнили ее. Она написала на ней: «Дѣйствительно, кто сочинилъ подобную записку, тотъ способенъ преподавать не одинъ только французскій языкъ». Этимъ была рѣшена дальнѣйшая судьба Лагарпа.

Назначеніе Лагарпа не было встрѣчено сочувственно при дворѣ, такъ какъ въ немъ видѣли якобинца, республиканца. Вполнѣ естественно, что былъ недоволенъ этимъ и Павелъ Петровичъ. Онъ три года сряду не разговаривалъ съ Лагарпомъ, отворачивался отъ него при встрѣчахъ, и упоминая о немъ въ разговорѣ съ дѣтьми, спрашивалъ: «Что, этотъ якобинецъ все еще при васъ?» Но Лагарпъ могъ чувствовать себя совершенно спокойно подъ защитой Екатерины, которая го-

ворила ему: «Будьте якобинцемъ, республиканцемъ, чѣмъ вамъ угодно. Я вижу, что вы честный человекъ и этого мнѣ довольно».

Назначеніе Лагарпа имѣло рѣшающее значеніе на міровоззрѣніе и характеръ Александра, а слѣдовательно и на судьбу Россіи въ царствованіе послѣдняго.

Преклоняясь передъ высоко-правственнымъ обликомъ Лагарпа, въ то же время нельзя не признать на основаніи всей жизни императора Александра, что вліяніе и роль его, при всей ихъ такъ сказать теоретической возвышенности и безупречности, способствовали развитію въ Александрѣ такихъ сторонъ характера, которыя наложили неизгладимую печать на все его царствованіе и помѣшали ему занять въ ряду русскихъ государей то мѣсто, которое готовила ему въ своихъ помыслахъ его великая бабка.

Овладевъ сердцемъ Александра, Лагарпъ говорилъ ему о правахъ и обязанностяхъ человека и государя, будилъ въ немъ благородныя стремленія, проповѣдывалъ ему о всеобщемъ равенствѣ и любви, о благѣ человѣчества, о началахъ правды и справедливости. Но онъ не зналъ Россіи, не могъ понимать поэтому ни ея роли среди этого человѣчества, ни ближайшихъ нуждъ русскаго народа, а поэтому не могъ уяснять ихъ своему питомцу. Ежедневно унося его воображеніе въ область возвышенныхъ отвлеченностей, онъ при вліяніи на Александра, такъ сказать, становился между нимъ и русскою дѣйствительностью. Конечно, совершенно помимо своей воли, Лагарпъ воспитывалъ въ немъ не только космополита, но и человека, привыкавшаго пренебрежительно относиться ко всему русскому, такъ какъ, по мѣрѣ ознакомленія съ русской жизнью, онъ не находилъ въ ней того, о чемъ ему внушалъ Лагарпъ. Съ другой стороны, пренебреженіе ко всему русскому естественно порождало пристрастіе ко всему нерусскому. И, сдѣлавшись императоромъ, Александръ сражался за интересы Пруссіи, боролся за чуждое Россіи дѣло, благодѣтельствовалъ Польшѣ, отдавалъ Финляндіи коренныя русскія области и мечталъ о созданіи великаго княжества Литовскаго. До какой степени впоследствии онъ былъ способенъ отдѣлять себя отъ Россіи, доказываютъ слова, сказанныя имъ въ 1814 году княгинѣ Чарторыжской: «У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—это я».

Подъ вліяніемъ рѣчей Лагарпа Александръ «человѣчество любилъ», но, сталкиваясь съ людьми, «человѣка презиралъ». И эта любовь къ отвлеченному человѣчеству и презрѣніе къ живому человеку жили въ немъ во всю жизнь, причемъ послѣднее чувство съ теченіемъ времени лишь усиливалось и укрѣплялось.

Тотъ же Лагарпъ способствовалъ развитію въ характерѣ Александра одной особенности, производящей крайне непріятное впечатлѣніе—недо-

вѣрія къ людямъ, дѣлавшаго Александра крайне подозрительнымъ, при чемъ эта подозрительность еще усиливалась его глуховатостью на одно ухо.

Въ одномъ мѣстѣ читаннаго имъ Александру курса исторіи Лагарпъ говоритъ: «лучшій и, можетъ быть, единственный другъ правителя—сила его собственной разсудительности, помощью которой онъ взвѣшиваетъ доводы своихъ министровъ, совѣты друзей и похвалы царедворцевъ». Руководствуясь этимъ воззрѣніемъ, Лагарпъ старался вселить въ Александра мысль, что онъ истинныхъ друзей имѣть не можетъ.

Къ сожалѣнію, это недовѣріе Александра къ окружающимъ его людямъ получило такое развитіе, что Лагарпъ ужаснулся бы, если бы только могъ подозрѣвать это. Можно съ полною увѣренностью сказать, что при его характерѣ, открытомъ и благородномъ, онъ отшатнулся бы отъ своего питомца.

Забросить въ душу Александра сѣмя недовѣрчивости къ людямъ или способствовать проростанію его, если оно было закинуто туда природою, было тѣмъ болѣе неосторожно со стороны Лагарпа, что Александръ съ дѣтства отличался скрытностью. Эту черту подмѣтилъ въ немъ воспитатель великаго князя Константина Павловича Остенъ-Сакенъ: «Онъ тихъ, робокъ, скрытенъ», записалъ онъ о немъ въ 1786 г.

Совѣты Лагарпа о недовѣріи къ окружающимъ должны были по дѣйствовать на Александра тѣмъ болѣе могущественнымъ образомъ, что вся обстановка, среди которой онъ росъ и воспитывался, способствовала развитію въ немъ скрытности и двойственности. «Хотя Екатерина и была, повидимому, полновластной распорядительницею воспитанія великаго князя Александра, пишетъ Н. К. Шильдеръ, но она не имѣла возможности совершенно отстранить отъ него вліяніе родителя. Для вѣрной оцѣнки характера Александра, какимъ онъ проявился впоследствии, во время его самодержавства, нельзя упустить изъ виду это обстоятельство; историку его времени не слѣдуетъ забывать, что ему суждено было провести дѣтство и юность между двумя противоположными полюсами: гениальной бабкой и гатчинской кордегардіей. Привязанности Александра съ раннихъ лѣтъ мучительнымъ образомъ дѣлились между Екатериною и его родителями; ему приходилось угождать то одной, то другой сторонѣ и безпрестанно согласовать несхожіе вкусы, взгляды, скрывая, вмѣстѣ съ тѣмъ по необходимости свои чувства. Все способствовало къ тому, чтобы поставить его съ дѣтства между молотомъ и наковальней. Ему никогда не удалось отрѣшиться во всѣхъ своихъ начинаніяхъ отъ нѣкоторой присущей ему двуличности и скрытности, соединенныхъ съ недовѣріемъ вообще къ людямъ—недостатки, развивавшіеся подъ вліяніемъ совершенно исключительной обстановки, среди которой онъ возмужалъ. Такимъ образомъ въ умѣ Александра вполне

естественнымъ образомъ постепенно вкоренялась неизбежная двойственность въ дѣлахъ и мысляхъ, которая преслѣдовала его затѣмъ въ продолженіе всей его жизни. Обстоятельства постепенно вытѣсняли изъ его дѣтскаго сердца откровенность и искренность, замѣнивъ ихъ скрытностью и притворствомъ. Явилось самообладаніе, соединенное съ извѣстной долей притворства, умѣніе владѣть собою и способность удовлетворять противоположныя требованія, заявляемыя окружавшей его средою. Проявляемый Александромъ въ этихъ случаяхъ «тактъ», который онъ усвоилъ себѣ съ дѣтства, вызывалъ всеобщія похвалы и одобренія. Алкивиадъ умѣлъ быть изнѣженнымъ афиняниномъ въ Афинахъ и суровымъ спартанцемъ въ Спартѣ; это же умѣнье съ юныхъ лѣтъ усвоилъ и великій князь. Екатерина, восхищаясь своимъ любимцемъ, при свойственной ей наблюдательности, должна была замѣтить нѣкоторую уклончивость въ его характерѣ — объ этомъ свидѣлствуетъ ея переписка, но она старалась давать этой уклончивости благоприятное объясненіе. Въ одномъ изъ своихъ писемъ императрица писала между прочимъ:

«Мальчикъ этотъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, отчего чрезвычайно любимъ окружающими... Когда я съ нимъ заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинаковымъ удовольствіемъ; заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ. Всѣ имъ довольны и я также».

Помимо того, все, что Александру приходилось выслушивать отъ Павла Петровича, старавшагося искоренить въ умѣ своихъ дѣтей внушенія Лагарпа, «весьма мало согласовалось или, лучше сказать, совершенно расходилось съ наставленіями Екатерины и невольно водворяло смуту въ неустановившемся еще міросозерцаніи Александра». Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ при полученіи какихъ-либо извѣстій о новыхъ ужасахъ, сопровождавшихъ французскую революцію, цесаревичъ говорилъ сыновьямъ: «вы видите, мои дѣти, что съ людьми слѣдуетъ обращаться, какъ съ собаками», Екатерина разсуждала съ внукомъ о правахъ человѣка и читала съ нимъ французскую конституцію, разъясняя ему всѣ статьи ея и причины, приведшія къ революціи.

Будь Александръ натура цѣльная, прямая, онъ открыто высказалъ бы свои истинныя симпатіи, сталъ бы на ту или другую сторону. Но этому препятствовало его постоянное желаніе нравиться всѣмъ. Уже его дѣтскія письма обнаруживаютъ въ его характерѣ ласковую вкрадчивость. Подъ вліяніемъ всего этого онъ приучался лавировать, приспособляться. Еще въ 1792 году Протасовъ писалъ о немъ, что «замѣчаетъ въ его высочествѣ лишнее самолюбіе, и оттого упорство въ мнѣніяхъ своихъ, и что онъ во всемъ будто увѣритъ и преувѣритъ человѣка, когда захочетъ. Изъ сего открывается нѣкоторая хитрость, ибо въ затмеваніи

истины и въ желаніи быть всегда правымъ, неминуемо нужно приступить къ подлогамъ».

Двойственность характера Александра съ особенной яркостью выступила когда, 16-го сентября 1796 года, Екатерина высказала ему свои предположенія о престолонаслѣдіи, имѣя въ виду устранить Павла Петровича. Въ отвѣтъ на это, письмомъ отъ 24-го сентября, Александръ разсыпался въ благодарностяхъ, писалъ, что даже своею кровью будетъ не въ состояніи отплатить за все то, что императрица уже сооблаговолила и еще желаетъ сдѣлать для него. Между тѣмъ, пишетъ Н. К. Шильдеръ, «достоверно, что Александръ не сочувствовалъ планамъ Екатерины, и что мечты, занимавшія въ то время умъ великаго князя, увлекали его совершенно на другой путь, чѣмъ тотъ, который предназначала и готовила державная бабка своему любимцу. Одно лицо слышало отъ него по этому поведѣ слѣдующія достопамятныя слова: «Если вѣрно, что хотятъ посягнуть на права отца моего, то я съумѣю уклониться отъ такой несправедливости. Мы съ женою спасемся въ Америку, будемъ тамъ свободны и счастливы, и про насъ больше не услышатъ».

Старанія Лагарпа сблизить Александра съ отцомъ принесли для Россіи горькіе плоды: гатчинскій дворъ и его войска, «устроенныя по прусскому образцу и походившія на живую карикатуру уже отжившихъ свое время фридриховскихъ порядковъ», развивали въ Александрѣ мелочной милитаризмъ, превращали военную службу въ какую-то дѣтскую забаву. По этому поводу авторъ пишетъ: «Гатчинская кордегардія привила Александру еще другое зло: увлеченіе фронтомъ, солдатской выправкой, однимъ словомъ, экзерцимейстерство, парадоманію. Усмотрѣвъ въ выправкѣ существенную сторону военного дѣла и свыкнувшись съ подобнымъ взглядомъ, онъ перешеголялъ, въ послѣдствіи, въ этомъ искусствѣ даже своего брата Константина и довелъ выправку до небывалаго совершенства».

Такимъ образомъ, міровоззрѣніе и характеръ Александра складывались подъ вліяніемъ столь противоположныхъ элементовъ, какъ гуманитарныя, возвышенныя воззрѣнія Екатерины и Лагарпа—съ одной стороны и гатчинская кардегардія цесаревича—съ другой. Помимо того, враждебность дворовъ—петербургскаго и гатчинскаго, особенно способствовала развитію разныхъ интригъ, происковъ, низкопоклонства. Мальчикъ, чуткій и наблюдательный отъ природы, не могъ не замѣчать этого, и почувствовалъ отвращеніе къ окружавшей его обстановкѣ. Отвращеніе это доходило до того, что въ немъ зародилось даже желаніе совсѣмъ отказаться отъ той будущности, которую предназначало ему его рожденіе. Вотъ что онъ писалъ объ этомъ В. П. Кочубею: «Мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокой-

ствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями, а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ, наприимѣръ, князь Зубовъ, Пассекъ, князь Барятинскій, оба Салтыковы, Мятлевъ и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже и называть, и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ способомъ.

«Вотъ, дорогой другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, что это нѣчто такое, за что я могъ бы дорого поплатиться... Я обсудилъ этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ придти къ рѣшенію, на которомъ остановился.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправлять укоренившіяся въ немъ злоупотребленія? Это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого непригляднаго попраца (я не могу еще положительно назначить время сего отреченія) поселиться, съ женою, на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая свое счастье въ обществѣ друзей и въ изученіи природы».

Юность, способная проникаться подобными взглядами и мечтами, требуетъ сочувственнаго отклика, ощущаетъ потребность дѣлиться своими чувствами и мыслями. На этой-то почвѣ произошло сближеніе Александра съ Чарторыхскими, Новосильцовымъ, Кочубеемъ. Въ частности съ Чарторыхскими сближалъ его взглядъ на польскій вопросъ, порицаніе образа дѣйствій Екатерины. Онъ прямо высказывалъ князю Адаму, что всѣ его желанія были на сторонѣ Польши и имѣли предметомъ успѣхъ ея славной борьбы; что онъ оплакивалъ ея паденіе, что

Костюшко, въ его глазахъ, былъ человѣкомъ великимъ по своимъ добродѣтелямъ и потому, что онъ защищалъ дѣло человѣчества и справедливости. «Онъ сознался мнѣ,—пишетъ Чарторыжскій,—что онъ ненавидитъ деспотизмъ повсюду, во всѣхъ его проявленіяхъ, что онъ любитъ свободу, на которую имѣютъ одинаковое право всѣ люди; что онъ съ живымъ участіемъ слѣдилъ за французскою революціею; что, осуждая ея ужасныя крайности, онъ желаетъ республикѣ успѣховъ и радуется имъ. Онъ съ благоговѣніемъ говорилъ мнѣ о своемъ наставникѣ г. Лагарпѣ, какъ о человѣкѣ высокой добродѣтели, истинной мудрости, строгихъ правилъ, сильнаго характера. Ему онъ былъ обязанъ всѣмъ, что въ немъ есть хорошаго, всѣмъ, что онъ знаетъ; въ особенности онъ обязанъ ему тѣми началами правды и справедливости, которыя онъ имѣетъ счастье носить въ своемъ сердцѣ, куда вибрируетъ ихъ г. Лагарпъ».

Однако, при всей привязанности Чарторыжскаго къ Александру, онъ вскорѣ сталъ критически относиться къ мечтательному либерализму юнаго великаго князя, который «подъ обаяніемъ едва начинавшейся молодости создавалъ себѣ образы, утѣшалъ себя ими, не затрудняясь препятствіями, и строилъ безконечные планы для будущаго». По свидѣтельству Чарторыжскаго, мнѣнія его соотвѣтствовали взглядамъ воспитанника 89-го года, который желалъ бы всюду видѣть республику и признаетъ эту форму правленія единственною, сообразною съ желаніями и правилами человѣчества».

Подобнаго рода бесѣды, смѣнявшіяся мечтами о сельскихъ занятіяхъ, жизни простой и тихой на хорошенькой фермѣ, въ странѣ отдаленной и живописной, заслужили со стороны Чарторыжскаго названіе «политическихъ бредней», неприличныхъ для великаго князя, котораго ожидало ответственное бремя правленія. Къ тому же эти «политическія бредни» совмѣщались у Александра съ несомнѣннымъ увлеченіемъ гатчинскою кордегардіею, придерживавшеюся совершенно противоположныхъ взглядовъ, и это обстоятельство невольно ослабляетъ въ глазахъ потомства значеніе его юношескихъ грезъ.

Тѣмъ временемъ, почти неожиданно скончалась великая Екатерина, и четыре года павловскаго царствованія произвели коренной переворотъ въ намѣреніяхъ Александра.

Съ воцареніемъ императора Павла, Александръ, по собственному его призванію, сталъ «терять все свое время на выполненіе обязанностей унтеръ-офицера». Помимо того, онъ не могъ не сознавать положенія, въ которомъ очутилась Россія послѣ кончины императрицы Екатерины. Вотъ что онъ писалъ Лагарпу уже въ сентябрѣ 1797 года, когда не прошло даже года со времени восшествія на престолъ Павла Петровича:

«Вамъ извѣстны различныя злоупотребленія, царившія при покой-

ной императрицѣ; они лишь увеличивались по мѣрѣ того, какъ ея здорově и силы, нравственныя и физическія, стали слабѣть. Наконецъ, въ минувшемъ ноябрѣ она покончила свое земное поприще. Я не буду распространяться о всеобщей скорби и сожалѣніяхъ, вызванныхъ ея кончиною, и которыя, къ несчастью, усиливаются теперь ежедневно. Мой отецъ, по вступленіи на престолъ, захотѣлъ преобразовать все рѣшительно. Его первые шаги были блестящими, но послѣдующія событія не соотвѣтствовали имъ. Все сразу перевернуто вверхъ дномъ, и потому безпорядокъ, господствовавшій въ дѣлахъ и безъ того въ слишкомъ сильной степени, лишь увеличился еще болѣе.

«Военные почти все свое время теряютъ исключительно на парадахъ. Во всемъ прочемъ рѣшительно нѣтъ никакого строго опредѣленнаго плана. Сегодня приказываютъ то, что черезъ мѣсяцъ будетъ уже отмѣнено. Доводовъ никакихъ не допускается, развѣ ужъ тогда, когда все зло совершилось. Наконецъ, чтобъ сказать однимъ словомъ— благосостояніе государства не играетъ никакой роли въ управленіи дѣлами; существуетъ только неограниченная власть, которая все говоритъ шиворотъ на выворотъ. Невозможно перечислить всѣ тѣ безразсудства, которыя совершались здѣсь; прибавьте къ этому строгость, лишенную малѣйшей справедливости, не малую долю пристрастія и полнѣйшую неопытность въ дѣлахъ. Выборъ исполнителей основанъ на фаворитизмѣ— заслуги здѣсь не приче́мъ. Однимъ словомъ, мое несчастное отечество находится въ положеніи, не поддающемся описанію. Хлѣбопашецъ обиженъ, торговля стѣснена, свобода и личное благосостояніе уничтожены. Вотъ картина современной Россіи».

Такимъ образомъ, положеніе Россіи, «не поддающееся описанію», страхъ, которымъ Александръ сталъ проникаться передъ своимъ отцомъ, опасенія за собственную безопасность, пристрастіе Павла къ вызванному имъ въ Россію принцу Евгенію Виртембергскому, несомнѣнное намѣреніе Павла объявить его своимъ наслѣдникомъ,—все это, вмѣстѣ взятое, не только подготовило почву для согласія Александра на предложенія графа Панина о мѣрахъ къ измѣненію установившагося порядка, но и произвело извѣстный переворотъ въ намѣреніяхъ самого великаго князя. Подъ вліяніемъ заботъ о благѣ Россіи онъ пересталъ мечтать объ отказѣ отъ будущности, когда его собственная личность стояла бы внѣ всякихъ посягательствъ на нее. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу въ только что упомянутомъ нами письмѣ его къ Ларцу: «Вамъ уже давно извѣстны мои мысли, клонившіяся къ тому, чтобы покинуть свою родину. Въ настоящее время я не предвижу ни малѣйшей возможности къ приведенію ихъ въ исполненіе, а затѣмъ и несчастное положеніе моего отечества заставляеть меня придать своимъ мыслямъ иное направленіе. Мнѣ думалось, что если когда либо при-

дети и мой чередъ царствовать, то вмѣсто добровольнаго изгнанія себя, я сдѣлаю несравненно лучше, посвятивъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ее сдѣлаться въ будущемъ игрушкою въ рукахъ какихъ либо безумцевъ».

Отрѣшившись отъ своей мысли отказаться отъ престола, Александръ сплотилъ вокругъ себя тѣсный кружокъ друзей—Адама Чарторыжскаго, Строгонова и Новосильцова, задававшійся конечною цѣлью—«даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ попятновѣній деспотизма и тиранин». Прежде всего они занялись изданіемъ переведенныхъ на русскій языкъ различныхъ «полезныхъ» книгъ, которыя положили бы «начало распространенію знанія и просвѣщенію умовъ». Нетерпѣливая молодость клала свой отпечатокъ на всѣ ихъ начинанія: такъ, еще во время торжествъ по случаю коронаціи Павла, Александръ поручилъ князю Адаму Чарторыжскому составить проектъ манифеста на случай своего вступленія на престолъ съ возвѣщеніемъ его намѣреній въ моментъ принятія имъ верховной власти. Чарторыжскій послѣ долгихъ отказовъ исполнилъ волю Александра и написалъ требуемый манифестъ. По его собственнымъ словамъ, «то былъ рядъ разсужденій, въ коихъ я говорилъ о неудобствахъ образа правленія, существовавшаго дотолѣ въ Россіи, и о всѣхъ выгодахъ другого, который Александръ намѣревался ей даровать, о благодѣяніяхъ свободы и справедливости, которыми ей предстояло пользоваться по устраненіи стѣсненій, препятствовавшихъ ей благоденствію, и, наконецъ, о рѣшимости его, по совершеніи сего высокаго подвига, сложить съ себя власть, дабы тотъ, кто будетъ признанъ наиболѣе ея достойнымъ, могъ упрочить и усовершенствовать начатое имъ великое дѣло».

Проектъ Чарторыжскаго привелъ въ восторгъ Александра, но самъ Чарторыжскій не обманывался на счетъ истиннаго значенія своего сочиненія. «Мнѣ незачѣмъ объяснять, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—въ какой степени всѣ эти прекрасныя разсужденія, эти фразы, которыя я старался, по мѣрѣ возможности, связать одну съ другою, были мало пригодны для примѣненія къ дѣйствительности».

Чарторыжскому пришлось убѣдиться въ справедливости своихъ словъ ранѣе, чѣмъ, навѣрное, онъ могъ разсчитывать.

Взаимныя отношенія Александра и Павла быстро портились. Александръ испытывалъ передъ отцомъ какую-то робость, смѣшанную со страхомъ, блѣднѣлъ и дрожалъ какъ только Павелъ взглядывалъ на него сердито. Однажды Павелъ прямо напомнилъ ему объ участи цесаревича Алексѣя, когда, внезапно войдя въ его комнату, нашелъ на его столѣ трагедію Вольтера «Брутъ», оканчивающуюся, какъ извѣстно, словами Брута:

„Rome est libre: il suffit
Rendons grâces aux dieux!“

Положеніе Александра, какъ уже упомянуто выше, сдѣлалось особенно затруднительно послѣ пріѣзда въ Россію герцога Евгенія Виртембергскаго и несмотря на то, что онъ прилагалъ всѣ усилія не возбуждать неудовольствія со стороны отца. Аббатъ Жоржель пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Александръ жилъ съ женою очень уединенно; ему служили только преданныя императору лица. Чтобы не навлечь на себя и тѣни подозрѣнія, онъ не принималъ никого и съ иностранными министрами и вельможами не разговаривалъ иначе, какъ въ присутствіи отца. Но ничто не помогало. Недовѣріе и подозрительность Павла Петровича къ своимъ старшимъ сыновьямъ дошли наконецъ до того, что 11-го марта 1801 года ихъ водили въ церковь присягать въ вѣрности, а затѣмъ оба они были посажены подъ домашній арестъ.

На слѣдующій день Александръ уже сталъ императоромъ Россіи.

Когда въ первомъ часу пополудни съ 11-го на 12-е марта 1801 г. графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику Александру Павловичу съ извѣстіемъ о скоростижной кончинѣ императора Павла, горестъ Александра Павловича была неописанная. Только съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ Александра выйти къ собравшимъ въ Михайловскомъ замкѣ войскамъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. «Довольно разыгрывать ребенка! сказалъ Паленъ. Ступайте царствовать, покажитесь гвардіи». Исполнивъ желаніе военного губернатора, новый государь въ сопровожденіи Константина Павловича переехалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа пополудни.

II.

Міровое значеніе какого-нибудь историческаго лица часто опредѣляется однимъ отдѣльнымъ дѣломъ, какъ-бы составляющимъ его историческое призваніе. Такимъ дѣломъ для Александра, главною цѣлью, наполнявшею его жизнь—явилась его борьба съ Наполеономъ. Въ этой борьбѣ, веденной имъ съ рѣдкими настойчивостью и упорствомъ, онъ проявилъ всю гибкость своей натуры, всѣ отличавшія его особенности. Прослѣдить за нимъ во всѣхъ фазисахъ этой болѣе чѣмъ десятилѣтней борьбы, потребовавшей высшаго напряженія всѣхъ его душевныхъ силъ,—лучшее средство ознакомиться съ истиннымъ характеромъ «царя-сфинкса».

Исходной точкой борьбы Александра съ Наполеономъ слѣдуетъ счи-

татъ 1805 годъ, но первоначальное нерасположеніе Александра къ Наполеону относится къ болѣе раннему времени. Оно кроется въ юношескихъ воззрѣніяхъ государя, привитыхъ ему Лагарпомъ и побуждавшихъ его видѣть въ немъ «знаменитѣйшаго изъ тирановъ, какихъ мы находимъ въ исторіи». Одно дѣтски-наивное разочарованіе еще болѣе усилило это нерасположеніе. По восшествіи Александра на престолъ Наполеонъ поспѣшилъ прислать въ Петербургъ миссію съ Дюрокомъ во главѣ, чтобы привѣтствовать новаго императора. По разсказу князя Чарторыжскаго, Александръ былъ въ восторгѣ увидѣть наконецъ французовъ пресловутой революціи, которыхъ онъ считалъ еще республиканцами; государь взиралъ на нихъ съ любопытствомъ и участіемъ: онъ столько слышался про нихъ, такъ часто о нихъ думалъ! И онъ, и великій князь Константинъ испытывали живѣйшее удовольствіе, именую ихъ въ разговорѣ «citoyen», названіе, которымъ—какъ полагалъ Александръ—они гордились. Но это привѣтствіе оказалось вовсе не по вкусу посланцамъ Бонапарта; они были вынуждены нѣсколько разъ протестовать, что во Франціи не принято болѣе именоваться гражданами,—и это обстоятельство должно было непріятно подѣйствовать на юныхъ мечтателей. Не могло остаться неизвѣстнымъ Александру и убѣжденіе Лагарпа, составившееся у него къ 1802 году—что искреннія сношенія между нимъ, Александромъ и Наполеономъ невозможны, такъ какъ со стороны перваго—законность, справедливость, либеральныя идеи и человеколюбіе, а со стороны втораго—двуличіе, непомерное властолюбіе и преслѣдованіе либеральныхъ идей. Съ особенною искренностью Александръ выразился въ одномъ изъ своихъ разговоровъ съ графомъ Кочубеемъ (еще въ 1801 году), когда, говоря о первомъ консулѣ и Талейранѣ, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: «какіе мошенники!» Нерасположеніе къ Наполеону не поддавалось даже обѣщаніямъ выгодъ, которыя сулилъ онъ Россіи. На предложенія въ этомъ смыслѣ, сдѣланныя Дюрокомъ, Александръ отвѣчалъ, что ему лично ничего не нужно, что онъ желаетъ только содѣйствовать спокойствію Европы.

Съ особенной наглядностью истинное отношеніе Александра къ Наполеону сказалось въ назначеніи въ Парижъ представителемъ Россіи Моркова, который по своимъ характеру и убѣжденіямъ могъ довести дѣло лишь до разрыва съ Франціей, какъ оно и случилось въ дѣйствительности.

Все изложенное указываетъ, какое значеніе могли имѣть всѣ любезности и дружественныя завѣренія, которыя Александръ расточалъ передъ Дюрокомъ по адресу Наполеона и Франціи. Причины побуждавшія его дѣйствовать подобнымъ образомъ, съ полной откровенностью высказаны имъ въ письмѣ къ Моркову отъ 4-го ноября 1801 года, въ

которомъ онъ, одобряя въ общемъ характеръ его отношеній къ Наполеону, совѣтовалъ ему тѣмъ не менѣе избѣгать всего, что могло-бы «дать поводъ къ какимъ либо непріятнымъ раздробленіямъ съ правленіемъ столь заносчивымъ, каково есть французское, и съ коимъ тѣмъ осторожнѣе поступать должно, что въ настоящемъ положеніи вещей не существуетъ способовъ укротить оное... Вы легко ощутите, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, и пока обстоятельства настоящія продолжатся, не остается ничего другого дѣлать».

Когда наконецъ къ исходу 1803 года, Морковъ до такой степени обострилъ свои отношенія къ Наполеону, что нельзя было не отозвать его, Александръ и здѣсь не упустилъ случая сдѣлать непріятное Наполеону: Морковъ, въ прощальной аудіенціи, откланивался Наполеону въ только-что полученной имъ лентѣ св. Андрея Первозваннаго.

Послѣ отозванія Моркова разрывъ съ Франціей становился неизбежнымъ. Въ особенности къ войнѣ съ Наполеономъ побуждало Александра желаніе выступить на міровой сценѣ въ какой-либо грандіозной роли, отвѣчавшей тому, чѣмъ онъ читался, и что было внушено ему Лагарпомъ. Желаніе это искусно поддерживалось и разжигалось въ немъ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ, хорошо знавшимъ всѣ слабости своего царственного друга. Въ то время этому пылкому поляку-патріоту было поручено руководство русской внѣшней политикой, и онъ задался цѣлью, втянувъ Россію въ войну съ Наполеономъ, возстановить польское королевство. Преслѣдуя подобныя намѣренія, Чарторыжскій указывалъ Александру, что единственная политика въ грандіозномъ стилѣ, достойная такого монарха, заключается въ томъ, чтобы пробудить въ Европѣ чувство солидарности и уваженія къ международному праву, и, ставъ во главѣ коалиціи, поднять знамя во имя высшихъ принциповъ; что для того, чтобы низвергнуть колосса, недостаточно присутствія одной военной силы, а необходимо противопоставить политикѣ завоеванія принципы справедливости и законности. При этомъ Чарторыжскій доказывалъ, что ключемъ положенія, первымъ укрѣпленіемъ, которымъ необходимо заблаговременно овладѣть въ этой борьбѣ идеи и принциповъ, является Польша. По этому, по мнѣнію Чарторыжскаго, прежде всего надо было предупредить въ польскомъ вопросѣ инициативу Наполеона и провозгласить возстановленіе польскаго королевства. Такимъ образомъ Россія сдѣлалась бы охранительницею международного права, порядка и свободы и внесла бы въ область міровой политики справедливость и евангельскія начала.

Поводомъ къ окончательному разрыву съ Франціей послужило слѣдующее обстоятельство.

Въ 1804 году отрядъ французскихъ войскъ увезъ изъ баденскихъ владѣній герцога Энгіенскаго, а 9-го марта 1804 года, послѣ произведен

наго для формы суда, послѣдній потомокъ Конде былъ разстрѣлять во рву Венсенскаго замка. Возмущенный подобнымъ образомъ дѣйствій Наполеона, Александръ пригласилъ всѣ нѣмецкія державы протестовать по поводу нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи. Положеніе, занятое Россіей въ данномъ вопросѣ, вызвало со стороны Талейрана ноту, наносившую личное оскорбленіе Александру и затрогивавшую его самое больное мѣсто. Въ этой нотѣ какъ бы проводилась параллель, между событіемъ 9-го марта 1804 года и событіемъ 11-го марта 1801 года и образомъ дѣйствій въ соотвѣтственномъ случаѣ Наполеона и Александра. Подобнаго оскорбленія Александръ, всю жизнь преслѣдуемый призракомъ 11-го марта 1801 года, не могъ забыть, и оно послужило зародышемъ непримиримой ненависти Александра къ Наполеону.

Хотя причинами подготовлявшейся войны въ указѣ, данномъ Сенату 1-го сентября 1805 года по случаю объявленнаго рекрутскаго набора, выставались «безопасность имперіи», «святость союзовъ», и «желаніе», составлявшее «единственную и непремѣнную цѣль» государя—«водворить въ Европѣ на прочнымъ основаніяхъ миръ»,—но зародившаяся въ Александрѣ ненависть къ Наполеону не могла удовлетворяться долго подобными отвличеностями и для своего воплощенія естественно искала болѣе реальной цѣли. Здѣсь Александру представились два пути: война съ Наполеономъ при содѣйствіи поляковъ (осуществленіе плана Чарторыжскаго) и война съ Наполеономъ при содѣйствіи Пруссіи. Въ концѣ-концовъ Александръ совершенно неожиданно рѣшился на послѣднее, принявъ на себя защиту интересовъ Пруссіи и придавъ такимъ образомъ реальный смыслъ своей ненависти къ Наполеону.

Роль защитника интересовъ Пруссіи являлась для Александра тѣмъ болѣе естественной, что онъ съ давнихъ поръ былъ расположенъ къ Пруссіи. Причины этого расположенія несомнѣнно кроются въ пристрастіи Александра къ «мелочамъ военной службы» на фридриховскій образецъ, привитомъ увлеченіями Павла Петровича. При первой же возможности послѣ своего вступленія на престолъ Александръ поспѣшилъ на свиданіе съ королемъ прусскимъ. Свиданіе это, произошедшее въ Мемелѣ, имѣло для Россіи роковыя послѣдствія: оно обусловило направление внѣшней политики Александра вплоть до исчезновенія съ политической арены Наполеона.—«Именно въ Мемелѣ, говоритъ Н. К. Шильдеръ, положено было прочное основаніе личной дружбѣ Александра съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, дружбѣ, которой король впослѣдствіи былъ обязанъ сохраненіемъ своей монархіи; но, къ сожалѣнію, для достиженія этой великодушной цѣли сохраненія, а потомъ и возстановленія прусскаго могущества, потребовались потоки русской крови.

Нельзя не замѣтить, что въ роковыхъ послѣдствіяхъ мемельскаго свиданія можно прослѣдить такъ же, какъ и во многомъ другомъ, вредное вліяніе, обнаруженное гатчинскимъ воспитаніемъ на воззрѣнія императора Александра; именно оно, и ничто другое, привило государю нѣкоторое предпочтеніе къ Пруссіи и къ ея королю, вполне согласовавшееся съ унаслѣдованными имъ отцовскими политическими преданіями. Поэтому нельзя удивляться, если современники повѣствуютъ намъ о томъ, что Александръ заранѣе восторгался предстоявшимъ ему счастьемъ увидѣть наконецъ славныя прусскія войска, о коихъ былъ издавна самаго высокаго мнѣнія: намѣченная же въ 1802 году поѣздка представляла ему, сверхъ того, удобный случай расширить пріобрѣтенныя уже обширныя свѣдѣнія въ дѣлѣ строевого обученія, выправки и парадовъ, въ которыхъ онъ усматривалъ существенную сторону военного дѣла.

«Кромѣ того, по мнѣнію князя Чарторыжскаго, Александръ радовался также знакомству съ прекрасною королевою и возможности порисоваться передъ нею и иностраннымъ дворомъ».

Расположеніе къ Пруссіи было настолько сильно, что даже Чарторыжскому, въ планы котораго входила война Россіи съ Пруссіей, не удалось поколебать его; напротивъ того, Александръ приложилъ всѣ усилія, чтобы дорогою цѣною купить ея содѣйствіе цѣлямъ коалиціи противъ Наполеона; для достиженія этого, онъ нарочно заѣзжалъ въ Берлинъ въ октябрѣ 1805 года. И вотъ, во время этого посѣщенія одно обстоятельство, обусловленное ненавистью Александра къ Наполеону, окончательно опредѣлило дальнѣйшее направленіе русской политики. Во время послѣдняго ужина у короля Фридриха-Вильгельма Александръ выразилъ сожалѣніе, что оставляетъ Потсдамъ, не воздавши дани уваженія останкамъ Фридриха Великаго. «На это еще хватитъ времени», отвѣтилъ король. Вставши изъ-за стола, оба монарха и королева Луиза въ полночь спустились въ склепъ, освѣщенный свѣчами. Подъ вліяніемъ душевнаго волненія Александръ прикоснулся устами къ гробу, поцѣловалъ его, протянулъ руку королю и королевѣ и поклялся имъ и королевскому дому въ вѣчной дружбѣ, залогомъ которой будетъ освобожденіе Германіи.

Александръ сдержалъ клятву, данную при столь необычайной обстановкѣ и въ присутствіи красавицы королевы: онъ окончательно сложилъ оружіе лишь тогда, когда съ устраненіемъ Наполеона съ политической арены, самостоятельности Пруссіи перестала грозить какая бы то ни было опасность.

Увы! Аустерлицкое сраженіе страшнымъ ударомъ рѣшило исходъ только-что начавшейся войны. вмѣстѣ съ тѣмъ оно окончательно закрѣпило ненависть Александра къ Наполеону и сдѣлало ее непримиримой, потому что при Аустерлицѣ Наполеонъ побѣдилъ собственно самого

Александра, такъ какъ, фактически, Кутузовъ былъ отстраненъ отъ командованія арміею. Въ высшей степени самолюбивый Александръ не былъ способенъ забыть подобнаго посрамленія, и только этимъ объясняются все упорство, вся неумолимость, съ которыми онъ преслѣдовалъ цѣль, ставшую главною задачею его жизни—уничтоженіе Наполеона. Этимъ же объясняется и вся неразборчивость въ средствахъ, къ которымъ прибѣгали для достиженія этой цѣли.

Аустерлицкое пораженіе произвело на государя потрясающее впечатлѣніе. Переходъ отъ побѣдоносныхъ надеждъ къ пораженію былъ слишкомъ быстръ, слишкомъ неожиданенъ. Когда исходъ сраженія окончательно выяснился, Александръ испыталъ внезапный упадокъ силъ; онъ опустился на землю, сѣлъ подъ деревомъ, закрылъ лицо платкомъ и залился слезами... Недѣлю спустя онъ уѣхалъ изъ арміи въ Россію, поручивъ веденіе переговоровъ съ Наполеономъ австрійскому императору Францу, предоставивъ ему полную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи и требуя лишь одного, чтобы въ переговоры не впутывали Россію.

Когда послѣ аустерлицкаго пораженія Александръ вернулся въ отечество, современники не замедлили замѣтить произошедшую въ немъ рѣзкую перемѣну. По отзыву одного изъ нихъ (Л. Н. Энгельгардта), аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который, по жестокому своему свойству, приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

Съ своей стороны Н. К. Шильдеръ, характеризуя значеніе для Александра событій 1805 года, пишетъ:

«Итакъ, 1805 годъ принесъ императору Александру чувствительныя огорченія. Онъ, который мечталъ о политическихъ и военныхъ подвигахъ—при первомъ же появленіи на аренѣ великихъ европейскихъ событій отступился отъ явно покровительствуемаго имъ польскаго дѣла, которое вскорѣ перешло въ руки Наполеона, и позволилъ Пруссіи обмануть себя, не добившись отъ нея никакихъ уступокъ и существенной помощи. Стремясь къ военной славѣ и жертвуя собою на полѣ сраженія, онъ, во главѣ русской арміи, испыталъ небывалое въ лѣтописяхъ ея ужасающее пораженіе, покинулъ союзника, не сблизился съ противникомъ и добровольно устранилъ себя отъ участія въ новомъ переустройствѣ Европы».

Послѣ приведенныхъ отзывовъ станетъ понятно, что Александръ по возвращеніи въ Россію считъ необходимымъ покарать нѣкоторыхъ

изъ участниковъ сраженія 20-го ноября. Графу Ланжерону государь разрѣшилъ просить увольненія отъ службы. Генералъ Пришибышевскій, взятый въ плѣнъ, былъ по возвращеніи въ Россію отданъ подъ судъ и разжалованъ въ солдаты. Та же участь постигла генерала Лошакова. Штабъ и оберъ-офицерамъ Новгородскаго мушкетерскаго полка было приказано носить шпаги безъ темляковъ, нижнимъ чинамъ тесаковъ не имѣть, а къ сроку службы ихъ было прибавлено по пяти лѣтъ. Имена солдатъ и офицеровъ, найденныхъ въ вагенбургѣ, были обнародованы, и, сверхъ того, они лишились нѣкоторыхъ служебныхъ правъ.

Хотя Кутузовъ и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра первой степени и назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ, но Аустерлицкое сраженіе окончательно лишило его расположенія къ нему государя. Въ послѣдовавшихъ за 1805 годомъ ближайшихъ войнахъ, онъ долго оставался безучастнымъ зрителемъ; пребываніе въ Кіевѣ служило для него какъ бы почетной ссылкой.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ воспоминаній стараго педагога.

III ¹⁾.

Мои гимназическіе годы.—Черты гимназическаго режима той эпохи.—Учебная администрація, учащіе и учащіяся.—Чѣмъ духовно „живы“ были мы.—Окончаніе курса и выборъ факультета. — Мое рѣшеніе. — Прибытіе въ Казань.

„Я вспомнилъ все... однимъ воспоминаньемъ,
Однимъ прошедшимъ я живу—
И то, что въ немъ казалось намъ страданьемъ,
И то теперь я счастьемъ зову“.

(Некрасовъ)

окончилъ курсъ въ одной изъ поволжскихъ гимназій.

Гимназія эта была крайне запущена, съ нетрезвыми учителями, и только въ послѣдній годъ моего пребыванія начала нравственно очищаться, благодаря гуманному и просвѣщенному новому директору Александру Васильевичу Тимоѣеву, — вполнѣдствіи окружному инспектору казанскаго учебнаго округа.

Покойному Тимоѣеву стоило большихъ трудовъ и многихъ хлопотъ очистить «авгіеву конюшню» отъ укоренившихся въ ней и тайныхъ, и явныхъ злоупотребленій, господствовавшихъ цѣлую четверть вѣка, если не болѣе. Распущенность учителей была поистинѣ невѣроятна: такъ, преподаватель словесности приходилъ въ нетрезвомъ видѣ на уроки, въ крайне неряшливомъ костюмѣ, въ полусонномъ видѣ клевалъ носомъ въ одну изъ классныхъ картъ, а взамѣнъ урока одинъ изъ учениковъ читалъ извѣстную сказку Гете: «РейнIKE-лисъ» въ переводѣ Достоевскаго. Это чтеніе растягивалось уроковъ на десять. Большинство не слушало чтенія и занималось своимъ постороннимъ дѣломъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1899 г.

Когда, въ 1866 году, по окончаніи курса въ университетѣ, я поступилъ на педагогическіе курсы, существовавшіе тогда при университетахъ, то, къ удивленію моему, на лекціяхъ педагогики г. Левандовскаго встрѣтилъ, въ числѣ слушателей, моего бывшаго преподавателя словесности. Ему было отказано отъ мѣста въ нашей гимназіи и дозволено поступить на педагогическіе курсы съ тѣмъ, чтобы занять потомъ должность преподавателя латинскаго языка. Это было сдѣлано по распоряженію тогдашняго попечителя учебнаго округа. Бѣдный педагогъ, чтобы удержать за собою право на пенсію, согласился на это унижительное предложеніе и сѣлъ на одну скамью съ нами, кандидатами-педагогами, своими бывшими учениками.

До какой степени была деморализована гимназія, въ которой я учился, видно изъ того, что какой-нибудь никуда не годный учитель терпѣлся цѣлыя десятки лѣтъ, исполняя учительскія обязанности по крайне важному предмету. Ясное дѣло, что его терпѣли благодаря какимъ-то постороннимъ соображеніямъ, благодаря, можетъ быть, его добротѣ, податливости и возможности для гимназическаго начальства дѣлать съ его баллами что угодно, по личному усмотрѣнію.

Учительская корпорація гимназіи состояла изъ лицъ двухъ категорій. Съ одной стороны, большинство самыхъ важныхъ предметовъ, какъ классическіе языки и математика съ физикой, были въ рукахъ поляковъ, тѣсно сплоченныхъ между собою и національными, и родственными узами. Это были люди крайне нервныя, раздражительныя, вспыльчивыя. Квартіры ихъ въ зданіи гимназіи были биткомъ набиты нахлѣбниками-гимназистами, сыновьями мѣстныхъ помѣщиковъ. Подобнымъ нахлѣбникамъ жилось очень льготно: они безъ затрудненій переводились изъ класса въ классъ, ихъ рѣдко спрашивали уроки, — видимо, въ ихъ отношеніи къ учебной администраціи замѣшались денежные расчеты. Другая категорія учителей, начиная съ инспектора, была большею частью изъ лицъ духовнаго званія, питомцевъ мѣстной семинаріи. Это были люди работяжные, безгласные, дѣлавшіе все угодное началству гимназіи.

Инспекторъ гимназіи, полный мужчина, съ огромной головою на плечахъ, съ лицомъ, испещреннымъ оспой, съ большими сѣрыми глазами, производилъ отъ времени до времени въ гимназическомъ корридорѣ страшный шумъ: онъ или кашляетъ, что сопровождалъ какими-то дикими звуками со свистомъ и визгомъ, или же чихалъ, причемъ онъ всѣмъ корпусомъ откидывался назадъ, раздвигалъ ноги, держа въ одной рукѣ красный фуляровый платокъ, а въ другой серебряную табакерку. Онъ извѣстенъ былъ у учениковъ подъ именемъ «Терки» или «Егора». Нашъ романистъ Боборыкинъ, ученикъ этой же гимназіи, вспоминаетъ его въ своемъ романѣ: «Въ путь-дорогу».

Съ закрытіемъ навигаціи и съ наступленіемъ осенней распутицы нашъ городъ становился совершенно пустыннымъ, изолированнымъ, отрѣзаннымъ какъ отъ Москвы, такъ и отъ Казани пятисотверстнымъ разстояніемъ, и центральная учебная администрація лишена была, такимъ образомъ, возможности контролировать гимназическіе порядки, а они были вполнѣ патріархальны.

Когда я перешелъ въ эту гимназію изъ первой казанской (въ октябрѣ 1856 года), то я увидалъ рѣзкое отличіе одной гимназіи отъ другой. Такъ, напримѣръ, директоръ нашей гимназіи позволялъ себѣ ходить по корридору въ халатѣ и туфляхъ, покачивая головою дурно сидящимъ ученикамъ. У инспектора на квартирѣ жила цѣлая куча хлѣбниковъ-учениковъ, которые буквально ничего не дѣлали и, тѣмъ не менѣе, благополучно переходили изъ класса въ классъ и кончали курсъ. Такіе порядки тѣмъ болѣе оскорбляли нравственное чувство, что воспитанники бѣдные, не имѣющіе ни связей, ни протекціи, подвергались постоянно грубому обращенію учителей, всевозможнымъ надругательствамъ и издѣвательствамъ.

Такова была безотрадная картина внутренней самобытной жизни гимназіи до назначенія А. В. Тимофеева ея директоромъ. Да и минуя это, съ наступленіемъ 60-хъ годовъ, въ эпоху введенія великихъ реформъ, многое какъ въ центральной, такъ и въ мѣстной учебной администраціи измѣнилось къ лучшему. Отъ времени до времени стали устраиваться въ стѣнахъ нашей гимназіи литературные вечера, заведены были ученическія библіотеки, расширены физическіе и другіе кабинеты,—словомъ, свѣжая струя воздуха проникала и въ учебную сферу.

Къ счастью, въ городѣ открылась прекрасная общественная библіотека, пожертвованная купцомъ Милединымъ. Благодаря ей, я и мои товарищи имѣли возможность познакомиться со многими европейскими классиками, а главное, восполнить пробѣлы гимназическаго курса русской словесности. Въ особенности чтеніе сочиненій Бѣлинскаго, только что тогда разрѣшенное, и Добролюбова—имѣло огромное образовательное значеніе въ нашей жизни, внося сознательное къ ней отношеніе и пониманіе окружающей насъ среды. Мы просиживали цѣлые вечера за чтеніемъ книгъ въ читальной библіотекѣ, терпѣливо ожидая ея открытія въ воскресенье.

Подготовку къ университету мы получили, тѣмъ не менѣе, очень слабую, въ особенности по новымъ языкамъ, что, разумѣется, должно было печально отразиться уже на первомъ курсѣ университета. Волею-неволею пришлось разбивать свои силы, съ одной стороны—на занятія новыми языками, въ особенности нѣмецкимъ, съ другой стороны—на пополненіе свѣдѣній по исторіи и словесности и, наконецъ, слѣдить за

университетскими лекціями, составляя изъ нихъ конспекты, доставая къ нимъ необходимыя пособія... Словомъ, плохое гимназическое преподаваніе создавало крайне трудное положеніе новичка-студента: работа казалась весьма сложною, нужна была энергія къ непосильному, тяжелому умственному труду.

Въ особенности жаль было потери времени на урокахъ учителей словесности и исторіи. Въ нашей гимназіи оба эти важные какъ въ образовательномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи предмета—находились въ печальномъ положеніи.

Въ третьемъ классѣ я засталъ преподавателя исторіи, который во время урока читалъ про себя французскіе романы, тщательно прикрывая книгу обложкою класснаго журнала отъ пытливыхъ взоровъ гимназическаго начальства. Большинство изъ насъ пользовались этимъ, выбѣгали зимой на гимназическій дворъ играть въ снѣжки и, затѣмъ, возвратясь въ классъ, обкладывали снѣгомъ и каеэдру, и историка. Словомъ, въ классѣ господствовалъ полнѣйшій беспорядокъ, а начальство гимназіи обыкновенно послѣ завтрака ложилось спать. Преподаваніе исторіи сводилось къ дословному зубренію сквернѣйшаго учебника Николая Зуева, гдѣ заурядными выраженіями были такія: «Вальтассарова корона возсіяла на челѣ Кира», «взялъ въ руки кормило правленія» и т. п. Русскую исторію учили по самому сжатому краткому руководству Николая Устрялова, причемъ учитель исторіи требовалъ графическое изображеніе на классной доскѣ похода Батыя: это былъ его любимый конекъ, и такой приѣмъ приурочивался къ каждому уроку.

Къ счастью, была назначена ревизія гимназіи. Знаменитый профессор исторіи, Степанъ Васильевичъ Ешевскій, самъ бывшій питомецъ нашей же гимназіи и ученикъ Павла Ивановича Мельникова (Печерскаго), содѣйствовалъ немедленному удаленію отъ должности историка-психопата. Но, къ сожалѣнію, дѣло преподаванія исторіи попало въ руки учителя латинскаго языка, человѣка неряшливаго, вѣчно запачканнаго нюхательнымъ табакомъ, съ испитымъ, помятымъ лицомъ и съ обѣдненными ногтями. У него все дѣло преподаванія сводилось къ тому, что онъ клалъ передъ своими глазами на каеэдру учебникъ и, оперевъ голову на ладони, тщательно слѣдилъ изъ строчки въ строчку за вѣрностью и соответствіемъ отвѣта съ текстомъ учебника, причемъ малѣйшее уклоненіе отъ печатнаго текста вызывало восклицаніе: «Что ты, братъ, куда заѣхалъ? Выше книги не будешь!» Вызовъ отвѣчать урокъ всегда сопровождался обычными словами: «Ну-съ, откалывайте!» А въ заключеніе, послѣ вопроса, слѣдовалъ возгласъ: «Ну-съ, достаточно! Возсядите!» Все это было, разумѣется, крайне курьезно. Ни устныхъ разсказовъ, ни чтеній какихъ-либо отрывковъ—у подобнаго учителя не полагалось и все сводилось или къ зубренію, или же къ отвѣту урока по

открытой книгѣ, что особенно практиковали ученики заднихъ скамеекъ, гдѣ сидѣли наиболѣе лѣнливые. Здѣсь происходили всегда шумныя сцены, ругань, а иногда и драки. Словомъ, это были веселые и великовозрастные ребята, выпешіе всѣ изъ среднихъ классовъ гимназіи въ мѣстные присутственныя мѣста. Въ этомъ ряду фабриковались надписи на ладоняхъ и на классныхъ стѣнахъ, практиковалось залѣзанье подъ скамейки и спанье тамъ и т. п.

Между тѣмъ, въ ту пору переводная историческая литература уже значительно оживилась и вмѣстѣ съ тѣмъ стали выходить историческія монографіи Костомарова, какъ-то: «Богданъ Хмѣльницкій», «Бунтъ Стеньки Разина», «Сѣверно-русскія народоправства» и пр. Все это не доходило до гимназистовъ. На счастье, я могъ пользоваться книгами у моего брата, учителя исторіи, а также городская общественная бібліотека давала возможность знакомства съ хорошими историческими книгами.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что изъ всей учительской корпораціи выдѣлялся гуманнымъ обращеніемъ съ учениками и благородствомъ лишь незабвенный преподаватель географіи, Александръ Ѳеодоровичъ Мартыновъ и преподаватель нѣмецкаго языка, Ю. Ф. Гюбнеръ.

Въ 1862 году я кончилъ курсъ гимназіи, причемъ покойный А. В. Тимошеевъ, тогдашній директоръ, на экзаменѣ словесности пришелъ въ удивленіе отъ моего отвѣта, который въ сущности былъ только изложеніемъ идей Бѣлинскаго о Пушкинѣ и статей Добролюбова о сочиненіяхъ Островскаго — «Темное царство» и «Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ».

Пришло время разстаться съ гимназіей. Пора было серьезно подумать о выборѣ факультета.

Знаменитый докторъ-педагогъ Н. И. Пироговъ, въ своей извѣстной статьѣ: «Вопросы жизни», говоритъ, что только два рода людей не задаютъ себѣ вопроса при вступленіи въ жизнь: это, во-первыхъ, тѣ, которые получили отъ природы жалкую привилегію на идиотизмъ, и, во-вторыхъ, тѣ, которые, подобно планетамъ, получивъ однажды толчокъ, двигаются по силѣ энергіи въ данномъ имъ направленіи. Тотъ же Пироговъ сообщаетъ, что кто-то спросилъ его: «Къ чему вы готовите вашего сына?» и, на предложенный вопросъ, отвѣчалъ: «Быть человекомъ». — «Развѣ вы не знаете, — сказалъ спросившій, — что людей, собственно, нѣтъ на свѣтѣ: это — одно отвлеченіе, вовсе ненужное для нашего общества; намъ необходимы купцы, солдаты, врачи, юристы, а не люди»...

Личныя мои склонности направляли меня на факультетъ историко-филологическій. Къ тому же, старшій братъ мой былъ преподавателемъ

исторіи и, разумѣется, его рассказы производили впечатлѣніе, а его бібліотека давала много хорошихъ книгъ для внѣ класснаго чтенія.

Когда я пріѣхалъ въ Казань, то одинъ изъ знакомыхъ моего семейства, талантливый адъюнктъ Чебышевъ-Дмитріевъ, совѣтовалъ мнѣ подавать прошеніе на юридическій факультетъ. Онъ говорилъ, что въ непродолжительномъ времени откроется гласный судъ, введется судъ присяжныхъ, что запросъ на юристовъ будетъ очень значителенъ, и что, наконецъ, на самомъ юридическомъ факультетѣ, — ужь если я чувствую такую любовь къ исторіи, — преподается русская исторія и тѣмъ же самымъ преподавателемъ, а что лекціи по общей литературѣ ничто не мѣшаетъ мнѣ слушать.

Однако, совѣты Чебышева-Дмитріева на меня не подѣйствовали. Мнѣ очень не нравилось то общее направленіе студентовъ-юристовъ, о которомъ я и прежде слышалъ. Мало было между ними работниковъ-тружениковъ; большинство ихъ ограничивало кругъ своихъ познаній однимъ только поверхностнымъ изученіемъ лекцій для перехода изъ курса въ курсъ, между тѣмъ какъ настоящіе работники, дѣйствительно занимающіеся наукой, были на факультетахъ физико-математическомъ, медицинскомъ и филологическомъ.

Итакъ, жребій брошенъ — я студентъ Казанскаго университета, историко-филологическаго факультета!..

Съ чувствомъ неизъяснимой радости, сознавая себя свободнымъ человекомъ, сѣлъ я на пароходъ и уже на другой день утромъ, верстъ за двадцать, увидалъ безформенную массу казанскаго кремля, — словомъ, подѣвжалъ къ обители моей юности.

IV.

Переходное время въ жизни университета. — Казанскія ученыя силы. — Университетскія знаменитости. — Условія тогдашней студенческой жизни. — Научныя занятія университетской молодежи.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Казанскій университетъ, какъ и другіе университеты, переживалъ переходное время. Его ожидалъ новый университетскій уставъ, словомъ, новые порядки..

Измѣненія эти совпали съ назначеніемъ на постъ министра народнаго просвѣщенія Головнина. Новый министръ, занявшій постъ послѣ извѣстныхъ безпорядковъ и временнаго закрытія Петербургскаго университета, былъ человекъ съ широкимъ европейскимъ образованіемъ и прежде чѣмъ приступить къ реформамъ крайне радикальнымъ и основатель-

нымъ, онъ сдѣлалъ запросъ къ извѣстнымъ европейскимъ профессорамъ, а также къ русскимъ университетамъ относительно недостатковъ и пробѣловъ въ жизни тогдашнихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи. Заграничные профессора и русскіе охотно откликнулись на призывъ министра и указали средства и способы къ улучшенію внутренней и внѣшней организаціи университета, къ поднятію уровня университетскаго образованія посредствомъ учрежденія новыхъ кафедръ, расширенія программъ и посылкою молодыхъ ученыхъ за границу, для подготовки къ профессорскому званію. Между послѣдними приобрѣли себѣ въ послѣдствіи извѣстность своими научными трудами г. Васильевскій, нынѣ академикъ, г. Модестовъ, авторъ капитальнаго труда «Исторія римской литературы» и превосходный переводчикъ Тацита, этнки Спинозы, покойный Владиславлевъ, бывшій въ 80-хъ годахъ, въ бурное время, ректоромъ Петербургскаго университета, Новоселовъ и др. Общее наблюденіе, руководительство ихъ занятіями въ заграничныхъ университетахъ было возложено на Н. И. Пирогова, знаменитаго хирурга; такъ много потрудившагося въ севастопольскихъ лазаретахъ и блестящимъ образомъ доказавшаго свою гуманность цѣлымъ рядомъ педагогическихъ трактатовъ.

Головинъ даровалъ университетамъ большую автономію. Въ основу университетской жизни положено было выборное начало. Университетскій совѣтъ всталъ во главѣ администраціи, и ректоръ и его помощникъ, проректоръ, стали выбираться университетскимъ совѣтомъ; замѣщеніе кафедръ возложено было также на обязанности совѣта; профессорамъ чуть ни втрое увеличено содержаніе. Въ то же время отмѣнена была форма для студентовъ, что было, впрочемъ, большою ошибкою, принимая во вниманіе тогдашнія условія русской жизни; отмѣна формы сдѣлала внѣшній видъ студентовъ очень непривлекательнымъ: рваные, засаленные сюртуки, съ обычной красной, кумачной рубашкой, встрѣчались сплошь да рядомъ; неряшливость и небрежность въ костюмѣ были обычнымъ явленіемъ. Къ тому же, сыновья богатыхъ помѣщиковъ или купцовъ ходили шикарно одѣтые, что производило еще большій диссонансъ въ студенческой средѣ, еще рельефнѣе бѣдность и необеспеченность большинства студентовъ выдвигались наружу. Старикъ Зоммеръ, помощникъ инспектора студентовъ, привыкшій видѣть студентовъ гладко подстриженными, застегнутыми на всѣ пуговицы, былъ въ большомъ недоумѣніи, глядя на студентовъ послѣ отмѣны формы. Старичокъ на цыпочкахъ, въ университетскихъ корридорахъ, подбѣгалъ то къ одному, то къ другому студенту съ замѣчаніями относительно костюма, но все было тщетно, и отмѣна форменнаго платья, смѣшавъ студентовъ съ толпою, понизила ихъ нравственный уровень.

Казанскій университетъ, въ шестидесятыхъ годахъ, въ средѣ своихъ

профессоровъ имѣлъ выдающихся ученыхъ, труды которыхъ получили европейскую извѣстность. Такъ, на математическомъ факультетѣ былъ рядъ ученыхъ, учениковъ знаменитаго Лобачевского: профессоръ Поповъ, Янишевскій, Эрастъ Петровичъ, профессоръ механики П. И. Котельниковъ, В. Г. Имшенецкій; но въ особенности выдавался Н. А. Ковальскій: онъ рѣзко выдѣлялся своею важностью и сановитостью. Какъ профессоръ астрономіи, онъ приобрѣлъ себѣ извѣстность своею блестящею диссертациею: «Теорія движенія Нептуна». Въ концѣ сороковыхъ годовъ Ковальскій принималъ участіе въ экспедиціи на Сѣверный Уралъ горнаго инженера Гофмана. Здѣсь онъ сдѣлалъ массу астрономическихъ наблюденій, положившихъ основаніе научной географіи всего Урала. Съ тѣмъ вмѣстѣ, экспедиція горнаго инженера Гофмана и Ковальскаго рѣшила окончательно вопросъ о самостоятельномъ протяженіи хребта Пай-Хой и обозначила Константиновскій камень, какъ крайній пунктъ въ Сѣверномъ Уралѣ.

Естественный факультетъ могъ похвалиться химикомъ А. И. Бутлеровымъ, впоследствии академикомъ и авторомъ превосходныхъ сочиненій по органической химіи. Одновременно профессорствовалъ Н. П. Вагнеръ, благодаря поддержкѣ котораго вышли въ люди такіе извѣстные ученые, какъ Модестъ Богдановъ и др.

Медицинскій факультетъ тоже имѣлъ нѣсколько свѣтилъ. Таковъ былъ хирургъ, профессоръ Елатичъ, профессоръ анатоміи Евгеній Аристовъ, акушеръ Козловъ и Н. А. Виноградовъ. Докторъ Виноградовъ впоследствии приобрѣлъ себѣ громкую извѣстность по всему Поволжью, какъ врачъ-практикъ. Это былъ человекъ идеальной доброты, съ блестящими дарованіями, оставившій послѣ себя цѣлую школу учениковъ. Въ 1897 году скончалась вдова покойнаго Н. А. Виноградова. По ея завѣщанію, какъ каменный домъ, такъ и капиталъ до семидесяти тысячъ рублей душеприказчики г. Янишевскій и др. передали Казанскому университету въ даръ, на учрежденіе стипендій. Домъ рѣшено обратить въ общежитіе для студентовъ, а капиталъ—на стипендіи.

Историко-филологическій факультетъ былъ въ большомъ упадкѣ. Большинство кафедръ не было занято. Профессору русской словесности Буличу одновременно приходилось читать нѣсколько наукъ, какъ-то: исторію, философію, исторію европейскихъ литературъ, русскую литературу и проч. Но факультетъ филологическій въ то время могъ, по справедливости, гордиться такою крупною научною величиною, какимъ былъ знаменитый славистъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ и профессоръ русской исторіи Николай Алексѣевичъ Өирсовъ.

Во главѣ университетской администраціи стояли люди высоко образованные и гуманные. Обязанности ректора несли профессора: извѣстный химикъ Бутлеровъ и профессоръ финансоваго права Е. Г. Осо-

кинъ; проректорское мѣсто занимали профессора: Янишевскій и Чугуновъ. Всѣ эти лица отличались утонченною деликатностью, вѣжливостью и тѣмъ административнымъ тактомъ, который давалъ возможность устранять своевременно разныя недоразумѣнія во внутренней жизни университета и его студенчества. Университетская администрація шестидесятихъ годовъ оставила по себѣ самыя отрадныя впечатлѣнія; она была вполне продуктомъ новаго университетскаго устава, отраженіемъ новыхъ жизненныхъ прогрессивныхъ условий, созданныхъ эпохою освобожденія крестьянъ, введеніемъ гласнаго судопроизводства и проч.

Жизнь въ Казани, въ тогдашнее время, была очень дешева. За 5—6 рублей въ мѣсяцъ можно было имѣть порядочную комнату съ прислугой и самоваромъ, недалеко отъ университета. Кромѣ того, въ городѣ существовали въ нѣсколькихъ мѣстахъ такъ-называемые «скиты»; такъ, напримѣръ, «Θоминъ скитъ», «Львовскій скитъ» и др., рассчитанные каждый жильцовъ на 20—30. Наружный видъ ихъ былъ чудовищно-безобразенъ: это были старыя, почернѣвшія отъ времени, двухъ-этажные дома, съ мезонинами, съ провалившимися крыльцами, съ покосившимися дверями и рамами. Ничтожная плата, рубля два-три въ мѣсяцъ, привлекала сюда жильцовъ, несмотря на холодъ и сырость въ зимнее время.

До открытія студенческой столовой въ домѣ Апакова на Воскресенской, съ шестирублевой мѣсячной платой, студенты обѣдали въ частныхъ кухмистерскихъ, гдѣ кормили большею частью сытно и свѣжей, хорошей провизіей. Большою извѣстностью пользовалась кухмистерская, помѣщавшаяся на Рыбноярской улицѣ, Варвары Самсоновны или, попросту, «Самсоновны». За 4 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ она давала обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ и при этомъ еще открывала широкій кредитъ для студентовъ-бѣдняковъ, переживающихъ денежный кризисъ въ ожиданіи стипендій или пособій отъ университета, или уроковъ и т. п. Студенты относились къ Самсоновнѣ съ большимъ уваженіемъ за ея вполне человѣческое отношеніе къ нимъ. Мужъ ея, «Карпычъ», по профессіи поваръ, былъ постоянно пьянъ, и Самсоновна жаловалась на свою судьбу нахлѣбникамъ, такъ какъ всѣ хлопоты по кухмистерской лежали на ней одной. Послѣ обѣда Варвара Самсоновна завертывала недоѣденное жаркое въ бумагу и клала въ карманъ студенту на ужинъ. Таковы были симпатичныя отношенія между этой доброй женщиной и студенческой молодежью. Тутъ не могло быть и мѣста какой-нибудь наживѣ: старушка умерла въ большой бѣдности, почти ослѣпшая отъ постоянного кухоннаго жара и отъ слезъ, вызываемыхъ безобразнымъ поведеніемъ ея мужа.

Въ то время большое значеніе въ жизни студентовъ, какъ подспорье въ ихъ научныхъ занятіяхъ, имѣли факультетскія библіотеки. За одинъ

рубль въ мѣсяцъ мы, филологи, имѣли право пользоваться книгами весьма цѣнными.

Собственно, университетская библіотека, находившаяся въ заведѣваніи библіотекаря Готвальда, бывшаго профессора арабской словесности, содержалась въ образцовомъ порядкѣ и всегда удовлетворяла всѣмъ требованіямъ студентовъ. Она была своевременно пополняема научными новостями и благодаря какъ Готвальду, такъ и его помощнику, Александру Андреевичу Виганту, студенты имѣли полную возможность не отставать отъ научнаго уровня.

Считаю умѣстнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о бытовыхъ условіяхъ студенчества. Жили вообще дружно и хорошо и доброе время добромъ и вспоминаемъ. Въ мое время на Воскресенской улицѣ былъ нѣмецкій ресторанъ Германа; это было любимое мѣсто для весьма многихъ изъ насъ, гдѣ можно было вполне отдохнуть. Германъ былъ человѣкъ необыкновенно добрый и честный. Въ его ресторанѣ можно было всегда получить превосходный кофе; здѣсь не было обычнаго трактирнаго гама и шума и кухоннаго чада; газетная читальня въ угловой комнатѣ обильно была снабжена всевозможными газетами и иллюстраціями. Обычная тишина нарушалась въ ресторанѣ трескотнею канареекъ да музыкальными трелями старинныхъ часовъ.

Казань въ то время славилась знаменитыми пельменями. Бѣтъ пельмени студенты ходили обыкновенно группами по пяти-шести человѣкъ въ трактиры, гдѣ специально приготавливали это кушанье; сотня такихъ пельменей стоила 30 коп., и поѣдали ихъ въ невѣроятномъ количествѣ.

Большое оживленіе вносила въ студенческую жизнь итальянская опера. Она помѣщалась въ большомъ деревянномъ театрѣ на Арскомъ полѣ. Это обширное поле уже съ ранней весны, съ апрѣля мѣсяца, служило мѣстомъ народныхъ гуляній; здѣсь, начиная съ Оминой недѣли, обыкновенно устраивались хороводы, привлекавшіе массу участниковъ.

Большинство студентовъ на такіе праздники, какъ Рождество Христово или Пасха, разбѣзжались по роднымъ усадьбамъ. Въ то время студенты имѣли въ университетѣ свою собственную кассу; можно было легко занять деньжонокъ подъ залогъ стипендіи и убраться на праздники въ деревню изъ душной и пыльной Казани. Эта касса была истиннымъ благодѣяніемъ для студентовъ; во главѣ ея стоялъ предсѣдатель; каждый факультетъ посылалъ четырехъ депутатовъ, по одному отъ каждого курса. Находили возможность не только давать деньги подъ залогъ стипендій или вещей, но и ежемѣсячно выдавать денежные пособія наиболѣе нуждающимся. Никогда не было никакихъ пререканій, неудовольствій, дразгъ, жалобъ и т. п., словомъ дѣло велось весьма складно и дружно, а главное, — умѣло. Подробные ежемѣсячные отчеты по дѣ-

ламъ кассы и еженедѣльные собранія въ квартирѣ кассира депутатовъ отъ каждаго курса открывали возможность, благодаря такой гласности, всестороннему контролю надъ операціями кассы.

Весною, въ теплые вечера, студенты дѣлали экскурсіи или на лодкахъ по обширному озеру Кабану, или гурьбою отправлялись въ живописныя окрестности Казани, расположенныя на берегу р. Казанки, въ такъ называемую «Русскую Швейцарію» или «Нѣмецкую». Вся мѣстность овражистая, съ крутыми склонами, вся сплошь покрыта вѣковыми деревьями, липою и березою и густою, сочною травою. Такихъ чудныхъ поэтическихъ уголковъ, нетронутыхъ еще хищническою рукою, мало осталось въ нашихъ провинціальныхъ городахъ. Вотъ тутъ-то студенчество располагалось съ дешевой закуской, отдаваясь искреннему веселью, спутнику молодости и здоровья. Кто либо изъ любителей малороссійскихъ пѣсень (такимъ былъ студентъ Павелъ Навалихинъ, обладавшій чуднымъ баритономъ) утѣшалъ товарищей пѣснями:

„Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны,
Ажъ деревья гнутся;
Ой, якъ болитъ мое сердце,
Сами слезы льются!“ и т. д.

Или еще:

„Доле моя, доле, дежъ ты ся подила?
Цы ты, моя доле, въ мори утонула;
Цысь, доле, въ огни згорела?
Еслись въ мори втонула, приплынь къ береженьку,
Але еслись, доле, въ огни погорела,
Жаль бы моему серденьку“.

V.

Состояніе историко-филологическаго факультета въ началѣ 60-хъ годовъ: его безлюдіе; его корифей.—В. И. Григоровичъ и его всеславянская извѣстность.—Буличъ, его лекціи и труды.—Н. А. Осоевичъ какъ профессоръ и какъ членъ.—Печальное положеніе кафедръ всеобщей исторіи въ Казанскомъ университетѣ.—Временное ея замѣщеніе.—Ешевскій, Славянскій и Ведровъ.—А. О. Угянскій какъ представитель классической филологіи и греческаго языка въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.—Его идеалы.—Мой визитъ къ нему.—Неудачный дебютъ г. Лукашевскаго.—Ордынскій и Благовѣщенскій—былые дѣятели филологическаго факультета.—Профессоръ Мишевичъ и его курсы политической экономіи.

Историко-филологическій факультетъ въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ по численности студентовъ былъ крайне малолюднъ: на всѣхъ

четырехъ курсахъ насчитывалось съ небольшимъ человекъ сорокъ студентовъ. Важнѣйшія факультетскія каѳедры, логика и психологія, исторія философіи, всеобщая исторія, сравнительная филологія или были незамѣнены или читались временно профессорами, специалистами по другимъ предметамъ: такъ, профессоръ русской литературы, Н. Н. Буличъ, читалъ общую литературу и исторію философіи; профессоръ русской исторіи Н. А. Ойрсовъ читалъ лекціи и по всеобщей исторіи, профессоръ богословія о. Владиміръскій прочитывалъ курсъ логики и психологіи; на профессора греческаго языка Угянскаго возложено было преподаваніе латинскаго языка и римской литературы, а также греческихъ древностей. Словомъ, учебная неурядица была полная.

Во главѣ всей профессорской корпораціи историко-филологическаго факультета неоспоримо долженъ быть поставленъ знаменитый славистъ Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.

Трудна была задача Григоровича научить чему нибудь тогдашнихъ филологовъ. Къ славянству, къ исторіи его и литературѣ—чувствовали полнѣйшее равнодушіе. Въ гимназіяхъ славянскій языкъ былъ въ полномъ пренебреженіи. Изъ моихъ товарищей однокурсниковъ ни одинъ не проявилъ склонности къ изученію славянскихъ языковъ, несмотря на весь научный авторитетъ Григоровича, да и на другихъ курсахъ специалисты были явленіемъ единичнымъ.

Положеніе Григоровича было поистинѣ трагикомическое. Онъ съ необыкновеннымъ жаромъ и пыломъ разсказывалъ что-нибудь о «глаголицѣ», сравнивалъ ее съ «кириллицей», показывалъ древнѣйшія рукописи изъ собственной своей библіотеки,—чуть ли не XI или XII столѣтія,—съ жаромъ толковалъ о «юсахъ» и о трудахъ Востокова въ этой сферѣ—и все это при полнѣйшемъ равнодушіи студентовъ.

Въ теченіе перваго курса В. И. Григоровичъ успѣвалъ познакомить слушателей съ фонетикою языковъ: болгарскаго, сербскаго, чешскаго и польскаго. Все это было составлено крайне сжато, сообщено было только самое необходимое, существенное, собственноручно писалось имъ на классной доскѣ въ аудиторіи, и нужно отдать полную справедливость покойному слависту, что его необыкновенный талантъ, громадныя знанія—раскрывались во всей своей красѣ и полнотѣ при изложеніи фонетики славянскихъ нарѣчій. Такова была опытная рука ученаго, таково было громадное умѣнье его отмѣтить существенные признаки, грамматическія особенности, какъ этимологическія, такъ и синтаксическія каждаго изъ означенныхъ четырехъ языковъ. Онъ явился, въ своемъ родѣ, единственнымъ виртуозомъ-преподавателемъ.

Григоровичъ былъ человекъ безпредѣльнаго великодушія, гуманности и доброты. Онъ дѣлился съ любымъ просителемъ-студентомъ не только деньгами, но и носильнымъ бѣльемъ. Разсказывали, что въ его квар-

тиръ, въ Адмиралтейской слободѣ, кромѣ двухъ-трехъ стульевъ, кровати, да грубаго стола ничего не было; все было завалено книгами и рукописями. Его лучшими друзьями-собесѣдниками были специалисты, а ихъ въ то время было очень немного по славянскимъ нарѣчіямъ. Григоровича больше знали и цѣнили за границей, въ особенности богемскіе ученые, братья-чехи. Знаменитые Палацкій и Шафарикъ были личными друзьями Григоровича, а также Вячеславъ Ганка, содѣйствовавшіе, какъ извѣстно, національному возрожденію Богеміи.

До гробовой доски Григоровичъ оставался ребенкомъ. Находились проходимцы изъ братьевъ-славянъ, которые нагло втирались въ знакомство съ профессоромъ и жестоко его обирали. Въ мое время на лекціяхъ Григоровича сидѣлъ какой-то болгаринъ въ бѣломъ холщевомъ костюмѣ; фамилія его, если не ошибаюсь, была Михалевскій или Михайловскій. Отъ времени до времени В. И. Григоровичъ перекидывался съ нимъ нѣсколькими болгарскими фразами; видимо, Григоровичъ рассчитывалъ сдѣлать изъ Михалевского хорошаго народнаго учителя для Болгаріи, но—не тутъ было: болгаринъ обобралъ профессора, продалъ за безцѣнокъ часть его рѣдкихъ книгъ на «толкучемъ рынкѣ» и—безслѣдно исчезъ. Этотъ случай произвелъ сильное впечатлѣніе на насъ, студентовъ, и немало поохладилъ симпатіи къ славянству, особенно къ болгарамъ, которыхъ мы считали въ корень нравственно испорченными турецкимъ рабствомъ.

Добрѣйшій В. И. Григоровичъ не долго оставался въ Казани: онъ перешелъ въ Одесскій университетъ. Все, чѣмъ онъ дорожилъ, чѣмъ онъ жилъ и дышалъ — всѣ свои коллекціи, книги и рукописи — этотъ добрый старецъ еще при жизни своей пожертвовалъ Одесскому университету. Казань поставила бюстъ Лобачевскому. Такимъ же памятникомъ слѣдовало бы увѣковѣчить въ Одессѣ или въ Казани и знаменитаго слависта, добрѣйшаго В. И. Григоровича, такъ много сдѣлавшаго для національнаго сближенія нашей родины съ славянскими народами какъ въ предѣлахъ Австріи, такъ и на Балканскомъ полуостровѣ.

Люди, подобные Григоровичу, въ Казанскомъ университетѣ, къ сожалѣнію, были не на своемъ мѣстѣ. Его дѣятельность здѣсь была стѣснена во всѣхъ отношеніяхъ. Въ кругу профессоровъ онъ не могъ находить себѣ поддержку и сочувствіе уже по самому роду своей узкой, крайне специальной дѣятельности. Университетская молодежь тогдашняго времени всего менѣе сочувствовала славяновѣднѣю, не видя въ немъ ничего привлекательнаго, отраднаго; студенты увлекались болѣе публицистикою, социальными науками, чтеніемъ журналовъ и газетъ. Таково было общее направленіе большинства, и мало кого могли увлечь, заинтересовать вопросы о «глаголицѣ» или «кириллицѣ», о времени

ихъ происхожденія и т. п. Окружающая жизнь, дѣйствительность— сильно стучала въ ту пору въ двери, мѣшая учащейся молодежи посвящать свои силы чистой наукѣ. Свѣжая книжка журнала «Современникъ», сочиненія Огюста Конта, брошюры Бюхнера, статьи извѣстныхъ критиковъ Джона Стюарта Милля и т. п.,— вотъ чѣмъ увлекалась университетская молодежь начала 60-хъ годовъ. Отсюда естественно, что покойный профессоръ Григоровичъ, несмотря на всю свою высокоталантливость, универсальность своихъ знаній, несмотря на всю свою симпатичность и доброту, находилъ всего трехъ-четырехъ специалистовъ въ своемъ распоряженіи изъ 50—60 человекъ тогдашняго филологическаго факультета и сидѣлъ на кафедрѣ, какъ печальная сова на развалинахъ средневѣковаго замка.

Эта осиротѣлость Григоровича вызывала искреннее соболѣзнованіе всѣхъ, понимавшихъ его положеніе. Люди, подобные Григоровичу, рѣдко встрѣчаются въ нашемъ обществѣ, и только уже заднимъ числомъ потомство вспоминаетъ съ благодарностью имена такихъ идеалистовъ науки.

Поставленный въ самое невыгодное положеніе и какъ профессоръ, и какъ ученый, безъ поддержки и нравственнаго содѣйствія въ своихъ научныхъ занятіяхъ, В. И. Григоровичъ вынужденъ былъ свои замѣчательныя изслѣдованія по славянской филологіи и по исторіи славянъ печатать въ такихъ изданіяхъ, какъ «Казанскія губернскія вѣдомости», которыя едва ли находили себѣ читателей въ 40-хъ годахъ, кромѣ чиновниковъ губернскаго правленія да казенной палаты, такъ какъ въ нихъ сплошь печатались публикаціи къ отысканію бѣглыхъ съ извѣстными примѣтами, да извѣстія о вызовѣ на разные торги, начиная съ откуповъ и т. п. И вотъ въ такихъ-то заходустныхъ вѣдомостяхъ первоклассный русскій ученый помѣщаетъ собраніе болгарскихъ пѣсенъ, статьи, касающіяся древняго славянскаго языка; даже его очеркъ: «Путешествіе по европейской Турціи», вышедшій въ Казани въ 1848 г., дѣлается библиографическою рѣдкостью, мало кому извѣстною, какъ равнымъ образомъ и его статьи о Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ въ XIV и XV вѣкахъ, появившіяся въ той же Казани въ 1859 году.

Скорбный ликъ этого симпатичнаго великаго слависта всегда будетъ нѣмымъ укоромъ печальной русской дѣйствительности, державшей въ черномъ тѣлѣ нашего величайшаго ученаго, не получившаго даже возможности помѣщать свои филологическія изслѣдованія въ биллютеняхъ академіи наукъ, что открыло бы ему возможность большаго общенія съ западно-европейскими учеными-славистами. Но В. И. Григоровичъ не унывалъ: онъ бодро и устойчиво шелъ впередъ; онъ до гробовой доски продолжалъ неустанно работать и, сходя въ могилу (онъ умеръ

въ Елизаветградѣ), принесъ въ даръ всѣ свои научныя сокровища Одесскому университету. Рано или поздно личность Григоровича и какъ ученаго, и какъ человѣка, воспрянетъ изъ забвенія и займетъ блестящее мѣсто въ плеядѣ русскихъ ученыхъ.

Настоящимъ заправилой на филологическомъ факультетѣ былъ профессоръ Николай Никитичъ Буличъ. Вся его сорокалѣтняя ученая дѣятельность непрерывно прошла и какъ профессора, и какъ декана, и какъ проректора, а затѣмъ и ректора въ стѣнахъ Казанскаго университета. Уже въ 1854 году Петербургскій университетъ удостоилъ Н. Н. Булича докторскаго диплома за его превосходную диссертацию: «О Сумароковѣ и современной ему критикѣ». Эта книга остается единственною въ своемъ родѣ и до нашихъ дней. Кромѣ біографическихъ свѣдѣній о Сумароковѣ и подробнаго разбора его произведеній задачею Булича было показать начало нашей критики, а такъ какъ критическая струя пробѣгала по всѣмъ произведеніямъ Сумарокова, то Буличъ признаетъ, что критика Сумарокова не пропала даромъ, а имѣла вліяніе на современность.

Буличъ былъ вообще всестороннимъ знатокомъ русской литературы XVIII вѣка, а между тѣмъ, несмотря на свои громадныя познанія, онъ писалъ очень мало. Изъ его печатныхъ трудовъ извѣстны: «Юбилейныя рѣчи о Ломоносовѣ и Карамзинѣ». Только въ самое послѣднее время, въ 80-хъ годахъ, онъ отдался кропотливой работѣ: «Исторіи Казанскаго университета», которую успѣлъ довести до 20-хъ годовъ, почти до времени Магницкаго. Эта исторія написана съ рѣдкою добросовѣстностью, съ большимъ талантомъ и рельефно изображаетъ университетскіе порядки, картинно рисуетъ жизнь и учащихся и учащихъ, но, къ сожалѣнію, преждевременная кончина прервала трудъ Булича, который долженъ послужить краеугольнымъ камнемъ для будущихъ историковъ университета. Превосходная бібліотека покойнаго профессора, составленная изъ отборныхъ сочиненій, пожертвована имъ Казанскому университету. Принимая во вниманіе бібліографическую рѣдкость большинства книгъ этой бібліотеки, цѣнность ея очень велика. Весьма характерный фактъ, что эта бібліотека сперва предполагалась въ даръ городу Казани, но городскія власти распорядились помѣстить ее въ какихъ-то сырыхъ и темныхъ подвалахъ за недостаткомъ мѣста въ помѣщеніи общественной бібліотеки. Справедливо возмущенный дикимъ отношеніемъ къ такому цѣнному книгохранилищу, покойный профессоръ измѣнилъ свое намѣреніе и пожертвовалъ бібліотеку университету.

Какъ профессоръ, Буличъ принесъ всестороннюю пользу и всегда стоялъ на высотѣ современнаго научнаго положенія. Онъ обладалъ знаніемъ всѣхъ европейскихъ языковъ и слѣдилъ за всѣми научными и

журнальными заграничными новостями. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ Н. Н. Буличъ назначался на кафедру исторіи философіи, но въ 1848 году въ русскихъ университетахъ эта кафедра была закрыта и только въ срединѣ 60-хъ годовъ снова было разрѣшено чтеніе исторіи философіи.

Нашему курсу Буличъ прочелъ исторію философіи съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, начиная съ Фалеса и кончая школами стоиковъ и эпикурейцевъ. Несмотря на нашу слабую подготовку къ слушанію подобныхъ премудростей, Буличъ сумѣлъ сдѣлать изъ курса своихъ лекцій интереснѣйшій предметъ, и даже такія трудныя страницы, какъ изложеніе ученія Аристотеля, были переданы имъ вполне общедоступно. Самыя интересныя страницы въ курсѣ философіи были софисты, а затѣмъ — Платонъ и Аристотель. На лекціи Булича ходили буквально все, даже и тѣ, которымъ не было обязательно, да и самъ профессоръ былъ человѣкъ настолько любознательный, за всеѣмъ слѣдившій, что посѣщалъ лекціи профессора духовной академіи, извѣстнаго знатока русской церковной исторіи, Знаменскаго.

Уже въ самомъ началѣ университетскаго курса я имѣлъ счастье слушать лекціи незабвеннаго профессора Булича по исторіи французской литературы, а также и англійской XVIII столѣтія. О громадномъ научномъ значеніи подобнаго курса говорить лишнее. Студентъ, ограниченный одними книгами отечественнаго производства, плохо знающій новѣйшіе языки и мало подготовленный къ чтенію философскихъ книгъ, въ курсѣ Булича, изложенномъ просто и общедоступно, находилъ цѣльное изложеніе западно-европейской литературы XVIII вѣка. Знаменитыя личности французской литературы прошлаго столѣтія знакомы намъ всеѣмъ со школьной скамьи, но съ этими именами соединяется обыкновенно только смутное представленіе для большинства, которое образовалось по русскимъ книгамъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ на русскомъ языкѣ не было ни одного цѣльнаго курса по исторіи общей литературы. Время отъ времени въ томъ или другомъ журналѣ появлялись статьи о томъ или другомъ французскомъ писателѣ XVIII столѣтія, но все это было отрывками, урывками, эпизодически, лишено было всякой научной системы, и такой пробѣлъ еще больше увеличивалъ громадное образовательное значеніе курсовъ французской и англійской литературы профессора Булича.

Уже прошло болѣе 30-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, но я убѣжденъ, что въ памяти слушателей курса Булича крѣпко врѣзались высоко-талантливые чтенія, державшія аудиторію всегда въ напряженномъ вниманіи. Буличъ стоялъ вполне на высотѣ своей задачи, отлично владея всеми новыми языками, получая все научныя и литературныя послѣднія новости изъ-за границы, онъ въ полу-азиатскомъ городѣ, отброшенномъ отъ столицъ на тысячеверстномъ разстояніи, въ гнѣздѣ поволжскаго

крѣпостничества, умѣлъ вполне быть европейцемъ и ученымъ, въ обширномъ значеніи этого слова.

Буличу очень много вредила обычная его склонность къ фразеологій. Ходилъ анекдотъ, что относительно русской литературы профессоръ будто бы выразился такъ, что «русская литературы есть цвѣтокъ, запахъ котораго не услышишь, если подойдешь къ нему съ рациональнымъ анализомъ»; словомъ, дѣйствительно Буличъ выѣзжалъ иногда на громкихъ фразахъ, но при всемъ томъ, какъ профессоръ, онъ принесъ университетской молодежи много пользы, такъ какъ былъ серьезно подготовленный, европейски образованный человѣкъ, внушавшій искреннее уваженіе къ наукѣ и къ знаніямъ и не позволявшій себѣ вести дѣло спуска рукава.

Можно сказать безъ преувеличенія, что Буличъ служилъ украшеніемъ историко-филологическаго факультета. Между нимъ и студентами не было никогда никакихъ пререканій, неудовольствій, а между тѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ ходѣ факультетскихъ дѣлъ и какъ деканъ, а потомъ и какъ проректоръ. Никогда не было случая, чтобы на экзаменѣ у Булича кто либо срѣзался, провалился. Какъ человѣкъ, Буличъ относился съ необыкновенною деликатностію, вѣжливостію, и всегда съ искреннимъ доброжелательствомъ.

Недавно скончавшійся Николай Алексѣевичъ Осокинъ, ординарный профессоръ всеобщей исторіи, былъ, какъ извѣстно, выдвинутъ покойнымъ Буличемъ.

Осокинъ былъ курсомъ старше меня по университету. Не лишнимъ считаю сказать о немъ нѣсколько словъ съ своей стороны. Онъ оставилъ послѣ своей смерти въ Казани, съ одной стороны, громкую и всестороннюю извѣстность, какъ общественный дѣятель. Послѣ его кончины, въ тѣхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, гдѣ онъ участвовалъ, какъ напримѣръ въ обществѣ св. Гурія, въ женской гимназіи св. Ксеніи, а также въ вспомогательной кассѣ казанскихъ городскихъ школъ, оказалась крупная растрата денегъ. Не знаю, какъ деньги были пополнены въ обществѣ св. Гурія, но казанскій городской голова г. Дьяченко и купецъ Щетинкинъ растраченныя Осокинымъ деньги въ Ксеніинской гимназіи самолично внесли. Вся эта растрата, почти полсотни тысячъ рублей, произведенная такимъ лицомъ, какъ профессоръ университета, и вдобавокъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, производитъ удручающее впечатлѣніе. Какимъ образомъ такія суммы могли незамѣтно имѣть тратиться—это осталось тайной. Имѣя собственный домъ въ Казани и получая солидное содержаніе, не ведя азартныхъ игръ, по крайней мѣрѣ публично, тѣмъ не менѣе Осокинъ умудрился растратить громадныя деньги и трагически покончить съ собой.

Живя въ провинціальномъ городѣ, хотя и въ университетскомъ,

Осокину, видимо, было не по себѣ: научныя занятія его не удовлетворяли, и онъ, можно сказать растерялся, разбросался въ круговоротѣ общественной жизни Казани. Осокина мы видимъ и гласнымъ въ думѣ, и страховымъ агентомъ, и дѣлательнымъ членомъ разныхъ благотворительныхъ учреждений, и ходатаемъ передъ высшей администраціей объ открытіи въ Казани высшихъ женскихъ курсовъ — словомъ всюду и вездѣ, на всѣхъ ступеняхъ общественной дѣятельности встрѣчалось имя покойнаго Николая Алексѣевича. А между тѣмъ, профессура по такому серьезному предмету, какъ всеобщая исторія, ускользала изъ-подъ ногъ Осокина; онъ, видимо, отсталъ отъ современнаго научнаго уровня.

Въ императорской публичной библіотекѣ въ Петербургѣ я имѣлъ случай познакомиться съ литографированными лекціями Осокина: это были только компиляціи, лишенные всякой научной оригинальности. Осокинъ не имѣлъ никакой выдержки: скромная и почтенная роль профессора была не по немъ, и онъ окончательно запутался въ сѣтяхъ общественной провинціальной жизни, билъ на популярность и, въ данномъ случаѣ, являлся рѣзкою противоположностью своему учителю, знаменитому слависту В. И. Григоровичу и покойному профессору Н. А. Ойрсову.

Осокинъ безъ перерыва занималъ кафедру въ теченіе свыше 25 лѣтъ. Кафедра всеобщей исторіи временно была занята, не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, въ началѣ 60-хъ годовъ незабвеннымъ Н. А. Ойрсовымъ, о замѣчательной профессорской дѣятельности котораго и, вообще, о научномъ значеніи трудовъ котораго будетъ рѣчь впереди.

Предмету всеобщей исторіи, какъ и общей литературы вообще не везло въ Казанскомъ университетѣ. Чтенія лекцій поручались или случайнымъ преподавателямъ, временнымъ замѣстителямъ, или лицамъ, за вѣдомо неподготовленнымъ. Въ серединѣ 50-хъ годовъ яркимъ метеоромъ блеснулъ на университетскомъ горизонтѣ высоко-талантливый ученый, Степанъ Васильевичъ Ешевскій. Уже первый его печатный трудъ—это магистерская диссертация: «Апполинарій Сидоній», основанная вся на первоисточникахъ, сразу поставила его имя въ одномъ ряду съ первоклассными европейскими учеными. Посмертные его труды были изданы въ 2-хъ томахъ и наглядно показали всю великость потери, понесенную нашими университетами отъ преждевременной кончины Ешевскаго. Даровитый ученый перешелъ изъ Казани въ Москву и здѣсь злая, безжалостная чахотка скосила его молодую жизнь.

Послѣ выхода Ешевскаго, вплоть до 70-хъ годовъ кафедра всеобщей исторіи оставалась вакантной, и нужно удивляться тому, что филологическій факультетъ не позаботился, о своевременномъ замѣщеніи ея, несмотря на все громадное значеніе, и научное и воспитательное, предметовъ всеобщей исторіи.

Въ 50-хъ годахъ эта каедрa была занята кратковременно двумя преподавателями: М. И. Славянскимъ и г. Ведровымъ, но оба они добровольно удалились на службу въ Петербургъ. Славянскій въ женскія гимназіи, гдѣ онъ былъ инспекторомъ, а Ведровъ сдѣлался цензоромъ при главномъ управленіи по дѣламъ печати.

Положеніе студентовъ-филологовъ было очень печально, такъ какъ большинство очень важныхъ каедръ не было замѣщено да и не посылались за границу молодые люди для подготовки къ профессорскому званію. Явленіе это было тѣмъ болѣе прискорбнымъ, что большинство филологовъ мало были знакомы съ новыми языками и поэтому знанія, пріобрѣтенныя безъ надлежащаго руководства, были лишь жалкими заплатами, и непріятіе мѣръ къ замѣщенію вышеупомянутыхъ каедръ легло пятномъ на совѣсти факультета. Приходилось одному и тому же лицу читать 2—3 предмета. Такъ, преподаватель русской исторіи Ойрсовъ одновременно читалъ и всеобщую, года два подрядъ. Профессоръ Буличъ несъ на своихъ плечахъ преподавательское бремя по тремъ наукамъ: по исторіи философіи общей и русской литературы. Профессоръ Уганскій совмѣщалъ въ своей личности цѣлыхъ четыре каедры: греческой и римской литературы и каедры греческаго и латинскаго языковъ. Такова была неприглядная сторона въ тогдашней университетской жизни на почвѣ историко-филологическаго факультета и это тѣмъ болѣе рѣзко выдѣлялось, что другіе факультеты освѣжались молодыми научными силами, такъ, напримѣръ юридическій факультетъ пріобрѣлъ въ лицѣ покойнаго А. П. Чебышева-Дмитріева превосходнаго знатока по теоріи практики уголовного права. На каедру русскаго права приглашенъ былъ С. М. Шпилевскій, нынѣшній директоръ Демидовскаго православнаго лицея. Каедру римскаго права занялъ молодой даровитый ученый Н. А. Кремлевъ. Другіе факультеты, какъ я уже говорилъ объ этомъ, могли тоже похвалиться удачнымъ составомъ профессорскаго персонала, оставившимъ послѣ себя цѣлую плеяду учениковъ, таковы напримѣръ были Бутлеровъ, Вагнеръ, Виноградовъ, Имшенецкій, Ковальскій и т. п. Зато историко-филологическій факультетъ имѣлъ преподавателемъ греческаго языка и греческой литературы нѣкоего Андрея Онуфріевича Уганскаго. Это до такой степени оригинальная личность, что позволяю себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ. По наружности это былъ человѣкъ худой, нѣсколько кривобокій, гладко подстриженный, постоянно каплявшій и харкавшій. Ходилъ онъ въ длиннополомъ сюртукѣ, доходившемъ до щиколодокъ, шею тщательно обматывалъ чутъ не до ушей чернымъ платкомъ и вообще по наружному своему виду менѣе всего былъ похожъ на нормальнаго человѣка.

Уганскій долго служилъ преподавателемъ греческаго языка въ I-й казанской гимназіи и въ то же время занималъ мѣсто надзирателя въ

пансіонѣ гимназіи. Будучи старымъ холостякомъ, онъ не отрывалъ своихъ глазъ отъ чтенія классиковъ, которыхъ онъ усердно читалъ и дома и на службѣ въ дни своихъ дежурствъ. Репутація хорошаго преподавателя греческаго языка и магистерскій дипломъ дали Угянскому возможность сдѣлаться экстраординарнымъ профессоромъ въ университетѣ.

Лекціи Угянскаго по исторіи греческой литературы привлекали не однихъ только филологовъ всѣхъ 4-хъ курсовъ, но и студентовъ другихъ факультетовъ. Здѣсь, на этихъ лекціяхъ, происходило нѣчто невѣроятное, и пишущій эти строки былъ очевидцемъ представленій, какія давались г. Угянскимъ. Во 1-хъ, въ аудиторіи профессора постоянно происходили ожесточенные диспуты со студентами разныхъ факультетовъ. Темы были самыя разнообразныя и неизмѣнныя никакого соотношенія съ предметами классической филологіи.

Въ теченіе 4-хъ лѣтъ я не помню, чтобы состоялась хоть одна лекція по исторіи греческой литературы: время тратилось на одну только болтовню; видимо, Угянскому дома было крайне скучно и онъ отводилъ душу въ болтовнѣ на лекціяхъ. Его оппоненты съ нимъ не стѣснялись. Когда Угянскій разразился рѣзкой критикою знаменитой книгѣ Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», то одинъ изъ студентовъ, покойный Фелицынъ, бывший впоследствии директоромъ витебской гимназіи, громкогласно заявилъ въ аудиторіи, что вѣроятно г. профессоръ и въ глаза не видалъ Бокля, а говоритъ про учебникъ исторіи временъ Екатерины II какого то Шрека. На замѣчаніе Фелицына Угянскій сталъ клятвенно увѣрять, что Бокля онъ дѣйствительно читалъ и что получилъ его отъ студента Василя Ларіонова. При этомъ тутъ же въ аудиторіи былъ вызванъ Ларіоновъ и подтвердилъ, что дѣйствительно онъ давалъ эту книгу профессору, но что прочелъ ли эту книгу г. Угянскій онъ, Ларіоновъ, этого подтвердить не можетъ. Угянскій вообще не стѣснялся и въ разгарѣ полемики говорилъ своимъ оппонентамъ—ты; при этомъ общее выраженіе лица Угянскаго, покрытаго болѣзненнымъ румянцемъ, было странно. Иногда словоизверженія направлялись по адресу лицъ университетской администраціи, что производило огромную сенсацію. Тогдашній попечитель казанскаго учебнаго округа Шестаковъ, знатокъ классической филологіи, передалъ въ редакцію «Ученыхъ Записокъ Казанскаго Университета» свой переводъ трагедіи Эврипида. Угянскій, не предупрежденный относительно личности автора перевода, обругалъ его, что было, разумѣется, курьезно, когда Угянскій узналъ, что авторъ есть самъ попечитель.

Греческій языкъ Угянскій преподавалъ съ азавъ, такъ какъ во всемъ казанскомъ округѣ только 1-ая казанская гимназія обучала питомцевъ этому языку. Если преподаваніе литературы проходило, какъ я сказалъ, въ болтовнѣ, то надо отдать полную справедливость Угян-

скому въ его умѣлости, какъ преподавателю греческаго языка. Уже въ IV курсѣ большинство изъ насъ понимало Софокла и Гомера. Грамматику проходили по самому сжатому конспекту и отъ переводовъ греческой хрестоматіи Якобса переходили къ Одиссеѣ Гомера, къ рѣчамъ Демосоеена и пр.

Приемы преподаванія греческаго языка у Угянского были чисто-учительскіе, а не профессорскіе; грамматика, разумѣется, была на первомъ планѣ.

У профессора Угянского была одна, рѣзко-выдающаяся черта, характеризующая его, какъ ученаго: это его пламенная, искренняя ненависть ко всему спартанскому или дорійскому, а также къ исторіи и литературѣ Рима.

Онъ былъ поклонникомъ греческой цивилизаціи до эпохи знаменитой Пелопонесской войны и, разумѣется, въ главномъ гнѣздѣ ея, въ Аѣнахъ. Величайшими врагами аѣинской культуры Угянской считалъ вѣкъ Перикла, какъ, равнымъ образомъ, величайшаго представителя въ сферѣ мысли онъ видѣлъ въ лицѣ знаменитаго идеалиста-философа Платона. Римской литературѣ Угянской не придавалъ никакого значенія: даже самый историческій ходъ ея, начавшійся драмою и кончившійся лирикою—Угянской считалъ неестественнымъ, нелогичнымъ, и главнѣйшихъ представителей римской литературы, какъ поэтовъ, такъ и прозаиковъ, находилъ пережевывающими чужую жвачку, признавалъ ихъ компиляторами греческихъ идей, пустыми эклектиками. Въ этомъ отношеніи профессоръ былъ очень послѣдователенъ и положителенъ и это было у него руководящимъ взглядомъ. Новѣйшихъ историковъ по греческой исторіи и литературѣ Угянской, повидимому, не признавалъ. Какъ курьезъ, передамъ такой фактъ: при переходѣ со II курса я долженъ былъ представить въ факультетъ письменную работу по одному изъ главныхъ предметовъ. Темою я избралъ «законы или формы Ликурга въ Спартѣ». Я узналъ, что въ университетской библіотекѣ имѣется превосходное сочиненіе Грота въ нѣмецкомъ переводѣ Мейснера. Въ библіотекѣ мнѣ сказали, что книги эти взяты Угянскимъ. Скрѣпя сердце я рѣшился обратиться къ нему съ просьбой дать мнѣ на короткое время одинъ изъ томовъ Грота. Профессоръ просилъ меня зайти къ нему на квартиру, что было для меня крайне нежелательно. Угянской жилъ какъ разъ противъ университета, въ домѣ Егорова. Я просилъ его указать мнѣ какъ источники, такъ и пособія по вопросу о реформахъ Ликурга. На мою просьбу профессоръ желчно отвѣтилъ, что первый капитальный источникъ—это есть шаръ земной, а главнѣйшимъ пособіемъ должна служить моя собственная голова. Когда же я просилъ дать мнѣ Грота, то онъ, злобно смѣясь, сказалъ, что считаетъ всѣхъ историковъ Греціи,

начиная съ Оукидида и кончая г. Гротомъ, величайшими плутами, мошенниками, мистификаторами и что давать подобныя книги въ руки студентовъ онъ считаетъ смертельнымъ грѣхомъ. Я молча откланялся и ушелъ съ пустыми руками.

Наконецъ на факультетъ разнеслась вѣсть, что на кафедрѣ римской литературы приглашенъ глубокий знатокъ, нѣкій Лукашевскій.

Дѣйствительно, наши ожиданія оправдались. Какъ теперь помню, въ аудиторію вошелъ маленькаго роста человекъ, рѣзкій брюнетъ, — блѣдный, худой, — промаршировалъ прямо къ кафедрѣ, не отвѣтивъ даже на поклонъ студентовъ; затѣмъ крѣпко сѣлъ, недружелюбно, исподлобья поглядывая на окружающихъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ вынулъ изъ кармана громадную тетрадь, открылъ ее и началось чтеніе лекціи, или, вѣрнѣе, перечня всѣхъ существующихъ изданій римскаго поэта Горация — мы насчитали ихъ что-то болѣе ста. Пробылъ звонокъ, пошли мы въ студенческій буфетъ немного освѣжить свои затуманенныя головы. На слѣдующій разъ повторилось буквально тоже самое; единодушно и единогласно рѣшено было не посѣщать болѣе лекцій Лукашевскаго. Латинистъ-оригиналъ счелъ за нужное добровольно удалиться изъ университета. Дальнѣйшая судьба этого «ученаго» — мнѣ неизвѣстна.

Такимъ образомъ попытка замѣстить кафедрѣ латинскаго языка и литературы кончилась полнѣйшею неудачею. Въ стѣнахъ той самой аудиторіи, гдѣ происходили неумѣстныя разглагольствованія г. Угянского и неудачные дебюты г. Лукашевскаго, еще незадолго передъ нами вступленіемъ въ университетъ читались лекціи двумя превосходными знатоками античнаго міра: Б. И. Ордынскимъ и Н. М. Благовѣщенскимъ. Ордынский оставилъ послѣ себя рядъ замѣчательныхъ работъ, совершенно самостоятельныхъ, до сихъ поръ сохранившихъ свою научную цѣнность. Всѣ свои труды Ордынский печаталъ въ лучшихъ тогдашнихъ журналахъ: «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» и въ извѣстномъ Сборникѣ Леонтьева. «Прошлеи». И вотъ, такой то ученый, по волѣ судьбы, замѣненъ былъ оригиналомъ г. Угянскимъ. Ордынский перешелъ въ Москву, а Н. М. Благовѣщенскій, глубокий знатокъ римской литературы, оставилъ тоже Казань, промѣнявъ ее на Петербургъ и потомъ Варшаву, гдѣ онъ сдѣлался ректоромъ вновь открытаго университета. Монографія Благовѣщенскаго о Горациѣ выдержала нѣсколько изданій. На смѣну такимъ двумъ замѣчательнымъ ученымъ, даровитымъ профессорамъ факультетъ пригласилъ г.г. Угянского и Лукашевскаго. Подобный порядокъ вещей тѣмъ болѣе былъ непонятенъ, что университетъ, по новому уставу, давалъ ординарнымъ профессорамъ трехтысячный окладъ жалованья и, слѣдовательно, даже и съ этой стороны значительно облегчалась возможность замѣщенія вакантныхъ кафедръ.

Намъ приходилось у профессора Микшевича слушать курсъ поли-

тической экономіи. Этотъ профессоръ, заявившій себя только одною работою: «О продажѣ государственныхъ имуществъ», всегда свирѣпствовалъ на экзаменахъ и былъ злѣйшимъ противникомъ экономической школы Джона Стюарта Милля.

Г. Микшевичъ замѣнилъ собою И. К. Бабста ¹⁾; перешедшаго въ Москву. Словомъ, историко-филологическій факультетъ ѣхалъ по наклонной плоскости, постепенно терялъ замѣчательныхъ преподавателей. По лекціямъ профессора Микшевича никто никогда не готовился, а къ экзамену брали книгу Вильгельма Рошера, въ переводѣ Бабста.

Вотъ весь научный контингентъ тѣхъ научныхъ силъ, въ рукахъ которыхъ былъ филологическій факультетъ, представлявшій изъ себя какую то разсыпанную хранину.

А. Овсянниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Извѣстенъ въ ученомъ мірѣ двумя превосходными монографіями: „О Джонѣ Ло“ и „Государственные люди Греціи въ эпоху ея распада“.

Письмо М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову ¹⁾.

17-го іюля 1810 (?) г. Кіевъ.

Я къ тебѣ мало пишу, чтобы не наскучить. Въ Кіевѣ нашелъ я ссоры, сплетни—и такъ моя судьба только разбирать непріятности; много сіе стоитъ мнѣ чувствительности. Прощай, пожелай другу твоему покоя и вѣрь въ вѣчной дружбѣ твоего Милорадовича.

Письмо М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову.

1810 г. (?).

Я теперь въ Кіевѣ могу по всѣмъ обстоятельствамъ на опытъ доказать усердіе и ревность. Дѣлъ много—стараться буду исполнять, но не могу забыть моей тоски, почему мнѣ въ столицу не позволяютъ пріѣхать? Пришли, душа моя, мнѣ четырехмѣстную и двухмѣстную карету лучшей моды. Прости. Люби вѣрнаго друга Милорадовича.

Р. S. Своихъ денегъ мало, суммы никакой нѣтъ, прощай экономія.

¹⁾ Впослѣдствіи комендантъ С.-Петербургской крѣпости.

Россія и Франція въ 1870 г.

(По бумагамъ генерала Флѣри ⁴⁾).

I.

Назначеніе генерала Флери посломъ въ Петербургъ и инструкція ему данная.—Желаніе Наполеона III. сблизиться съ Россіею.—Прибытіе Флѣри въ Петербургъ.—Пріемъ ему сдѣланный.—Переговоры Флѣри съ княземъ Горчаковымъ.—Аудіенція у императора Александра II.—Шлезвигскій вопросъ.—Письмо императора Александра королю Вильгельму.—Посылка ему св. Георгія 1-й степени.—Впечатлѣніе, произведенное этимъ въ Парижѣ.—Вопросъ о разоруженіи.—Участіе Франціи въ Польскомъ возстаніи 1863 года.—Переговоры въ защиту Даніи.—Столкновеніе Турціи съ Черногоріею.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1869 г. императоръ Наполеонъ III назначилъ посланникомъ въ Петербургъ генерала Флѣри на мѣсто Талейрана, назначеннаго сенаторомъ. При тогдашнихъ обстоятельствахъ выборъ посланника имѣлъ большое значеніе.

Отношенія между петербургскимъ и парижскимъ кабинетами, послѣ Крымской войны, были весьма холодныя, несмотря на попытку къ сближенію, сдѣланную въ 1857 г. графомъ Морни,

⁴⁾ Генераль Флѣри родился въ Парижѣ 23-го декабря 1815 г. и двадцати двухъ лѣтъ поступилъ въ полкъ сипаевъ, дѣйствовавшихъ въ Африкѣ. Это была эпоха самыхъ блестящихъ подвиговъ французскихъ войскъ въ Алжирѣ. Молодой Флѣри, сражаясь со своимъ полкомъ, выказалъ замѣчательную храбрость, былъ нѣсколько разъ раненъ, заслужилъ на полѣ битвы всѣ чины до капитана включительно, орденъ почетнаго легіона и былъ назначенъ въ 1848 г. эскадроннымъ командиромъ.

Этимъ закончился первый, боевой періодъ его жизни. Какъ человекъ въ

который присутствовалъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при коронаціи императора Александра II, и на свиданіи монарховъ въ Штутгартѣ, гдѣ Наполеонъ очаровалъ русскаго царя. Россія была обижена нѣкоторыми статьями Парижскаго трактата, была недовольна

высшей степени честолюбивый, онъ постарался приблизиться къ Людовику Наполеону и предвидя его блестящую будущность, сдѣлалъ его ревностнымъ сторонникомъ; послѣ избранія принца президентомъ республики Флѣри, въ награду за его преданность и безупречную военную репутацію, былъ назначенъ (26-го декабря 1848 г.) ординарцемъ президента. Это было началомъ его новой блестящей карьеры. Въ 1851 г., во время экспедиціи французовъ въ Кабилию подъ начальствомъ генерала Сентъ-Арно, онъ получилъ разрѣшеніе принять участіе въ походѣ и вернулся изъ Африки подполковникомъ. Во все время президентства Людовика Наполеона, онъ былъ частнымъ посѣтителемъ Елисейскаго дворца и на него, какъ на довѣренное лицо, возлагались особые порученія.

Принявъ дѣятельное участіе въ переворотѣ 2-го декабря онъ былъ назначенъ, нѣсколько дней спустя послѣ провозглашенія имперіи, шталмейстеромъ. Съ этого момента онъ сталъ быстро повышаться по службѣ. Въ 1856 г. онъ былъ уже бригаднымъ генераломъ; въ 1860 г. назначенъ главнымъ начальникомъ государственнаго коннозаводства, а нѣсколько лѣтъ спустя—оберъ-шталмейстеромъ. Завѣдуя своей частью онъ ввелъ въ администрацію конскихъ заводовъ много улучшеній и лично достигъ того, что немногіе монархи имѣли конюшни, которыя могли бы сравняться съ конюшнями Наполеона III.

Пользуясь особымъ довѣріемъ императора Наполеона, которому онъ былъ дѣйствительно вполнѣ преданъ, генераль Флѣри исполнялъ неоднократно весьма важныя порученія, между прочимъ съ 1861—1866 г. былъ посылаемъ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника въ Туринъ, Копенгагенъ, Флоренцію, а въ 1869 г. былъ назначенъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ до сентября мѣсяца 1870 г.

Съ паденіемъ имперіи окончилась и его карьера; живя впослѣдствіи вмѣстѣ съ Наполеономъ III въ Чайльстеретѣ, генераль Флѣри часто бывалъ въ Парижѣ и сообщалъ бывшему императору свѣдѣнія о проискахъ бонапартистовъ.

Находясь въ отставкѣ съ 1879 г. онъ велъ подъ конецъ жизни († 11-го декабря 1884 г.) записки, которыя изданы въ Парижѣ въ 1898 г. Изложить нѣкоторые эпизоды военныхъ дѣйствій въ Алжирѣ, въ которыхъ онъ лично принималъ участіе, исправить ошибки лицъ, писавшихъ о событіяхъ 1851—1852 гг., очертить наиболѣе выдающіяся событія второй имперіи и защитить отъ клеветы память Наполеона III—такова была цѣль этихъ записокъ, доведенныхъ до 1867 г. и которыя представляютъ поэтому интересъ исключительно для французской публики.

Но генераль Флѣри оставилъ кромѣ того массу замѣтокъ и дипломатическихъ документовъ, относящихся до его посольства въ Россію въ 1869—1870 гг. На основаніи этихъ весьма любопытныхъ бумагъ составлена, появившаяся въ журналѣ „Revue de Paris“ (декабрь 1898 и январь 1899 г.) статья о пребываніи его въ Россіи, которую мы и предлагаемъ вниманію нашихъ читателей.

союзомъ Франціи съ Англіей и въ особенности была озлоблена неполитичнымъ поведеніемъ Франціи въ польскомъ вопросѣ.

Въ виду общности интересовъ Пруссіи и Россіи, событія 1863 г. въ Польшѣ укрѣпили еще болѣе тѣсныя узы дружбы, существовавшія между ихъ царствующими домами.

Въ 1866 г. Россія не только не побоялась завоеваній Пруссіи и ея расширенія, но была довольна пораженіемъ Австріи, которая поощряла польское возстаніе своей политикой въ Галиціи и какъ будто хотѣла возстановить Польшу въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Принявъ въ слѣдующемъ, 1867 г., приглашеніе Наполеона III посѣтить всемірную выставку въ Парижѣ, императоръ Александръ II хотѣлъ этимъ загладить свое расположеніе къ Пруссіи, но эта поѣздка омрачилась покушеніемъ на его жизнь; отношенія къ Франціи попрежнему были неособенно искренни. Императоръ Наполеонъ попытался измѣнить ихъ къ лучшему.

Не довѣряя дружбѣ Англіи, которая, получивъ на Парижскомъ конгрессѣ, благодаря Франціи болѣе нежели она могла ожидать, смотрѣла безучастно на событія, происходившія въ континентальной Европѣ, Наполеонъ хотѣлъ облизиться съ Россіей и, заключивъ съ нею союзъ, подожить предѣлы завоевательнымъ стремленіямъ Пруссіи. Назначеніе въ Петербургъ посланникомъ чловѣка военного, заслуженнаго генерала, который неоднократно былъ облеченъ его довѣріемъ, издавна пользовался его дружбою и, главное, уваженіемъ императора Александра, достаточно указывало на миролюбивые виды Наполеона III относительно Россіи.

Помимо официальныхъ инструкцій, данныхъ Флѣри при его отъѣздѣ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, онъ получилъ отъ императорскаго кабинета записку, въ которой говорилось:

«Генераль Флѣри долженъ высказать императору Александру, что императоръ Наполеонъ, желая скрѣпить узы, связующія обоихъ монарховъ, избралъ для этого посланникомъ генерала, состоящаго лично при его особѣ.

«Съ княземъ Горчаковымъ ему слѣдуетъ быть сдержаннымъ, онъ долженъ подтвердить ему, что французское правительство желаетъ мира и слѣдовательно соблюденія *status quo*.

«Въ дальнѣйшихъ бесѣдахъ, генераль Флѣри дастъ ему понять опасность, которою угрожаетъ Европѣ идея объ объединеніи Германіи, имѣющая конечной цѣлью включить въ сферу германскаго вліянія всѣ земли, начиная съ Курляндіи и кончая Эльзасомъ, населеніе коихъ говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ.

«Польскій вопросъ будетъ погребенъ, ежели Австрія сохранитъ свои нѣмецкія провинціи и пріобрѣтетъ снова вліяніе на южную Германію.

Если же она будетъ оттѣснена на востокъ, и увлечена страстями, воюющими Венгрію, то вмѣстѣ съ этимъ воскреснетъ и польскій вопросъ.

«Поэтому интересы Россіи требуютъ, чтобы она помогла Австріи утвердить ея преобладающее вліяніе на южную Германію.

«Франція ничего не желаетъ кромѣ сохраненія *statu quo* и соблюденія трактатовъ. Поэтому она хочетъ, чтобы были окончательно рѣшены всѣ вопросы, могущіе вызвать раздраженіе въ Европѣ; въ Парижѣ весьма сожальютъ о томъ, что берлинскій кабинетъ не соблюдаетъ постановленій Пражскаго договора относительно Даніи.

«Поддержаніе *statu quo* желательно также на Востокѣ; но это не мѣшаетъ говорить о будущемъ. Было бы весьма важно знать, какъ смотритъ Россія на будущую судьбу Турціи и какъ бы ей хотѣлось, въ случаѣ всеобщаго потрясенія, чтобы были организованы страны Востока.

«Если бы Франціи были вполнѣ извѣстны намѣренія Россіи, то она могла бы взвѣсить, въ чемъ заключаются ея интересы въ близкомъ будущемъ».

Французскому посланику былъ оказанъ въ Россіи самый милостивый пріемъ; ему удалось быстро завоевать симпатіи петербургскаго двора и занять при немъ весьма видное положеніе. Какъ военный генералъ, Флѣри пользовался нѣкоторыми преимуществами, которыя не оказывались прочимъ посланникамъ, такъ напримѣръ онъ присутствовалъ, въ свитѣ императора, каждое воскресенье на парадахъ и смотрахъ въ манежѣ¹⁾. Такимъ образомъ, кромѣ различныхъ аудіенцій, официальныхъ пріемовъ и охоты, на которую генерала Флѣри нерѣдко приглашали, онъ видѣлъ императора и великихъ князей почти каждую недѣлю.

Онъ былъ также весьма милостиво принятъ въ Аничковскомъ дворцѣ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великой княгиней Маріей Николаевной, расположенной къ Наполеону III. Прочіе члены царской фамилии, лица императорской свиты и служащіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ относились болѣе сочувственно къ Германіи. Впрочемъ, несмотря на различіе взглядовъ, всѣ соперничали другъ передъ другомъ въ любезности съ посланникомъ Наполеона III.

«Я нахожусь, писалъ Флѣри въ одномъ изъ своихъ писемъ, въ наилучшихъ отношеніяхъ съ самыми выдающимися дипломатами и воен-

¹⁾ Принцъ de la Tour d'Auvergne, писалъ генералу Флѣри по этому поводу въ декабрѣ мѣсяцѣ 1869 г.:

«Я нахожу, что вы хорошо дѣлаете, не упуская случая показываться въ военномъ мундирѣ. Графъ Штакельбергъ уже сообщалъ мнѣ, что вамъ за это очень благодарны въ Петербургѣ, гдѣ генераловъ дѣлать гораздо болѣе нежели посланниковъ; когда же человѣку посчастливится, какъ вамъ, быть тѣмъ и другимъ одновременно, то онъ занимаетъ самое выгодное положеніе, чтобы успѣшно вести дѣла своей страны».

ными лицами и, хотя я держу себя весьма осторожно, однако, я надѣюсь достигнуть въ скоромъ времени столь прочнаго положенія, которое дастъ мнѣ возможность успѣшно довести до конца возложенное на меня важное порученіе».

Вотъ какъ описывалъ посланникъ свое свиданіе съ княземъ Горчаковымъ и официальный приемъ у императора Александра II.

«Мое свиданіе съ министромъ было самое сердечное, писалъ онъ принцу de la Tour d'Auvergne, 13-го ноября н. ст.; уже судя по успѣшности, съ какою онъ меня принялъ на другой же день послѣ того, какъ я просилъ его о томъ, и что онъ отдалъ мнѣ визитъ часъ спустя послѣ того, какъ я былъ у него, очевидно онъ хотѣлъ этимъ оказать мнѣ особенную любезность».

Обмѣнявшись первыми привѣтствіями, генералъ затронулъ важный вопросъ о Шлезвигъ-Голштиніи и о той статьѣ Пражскаго договора, отъ исполненія которой Пруссія упорно уклонялась¹⁾.

«Такъ какъ князь Горчаковъ, вспоминая о прошломъ, заговорилъ между прочимъ о Люксембургѣ, и утверждалъ, что Россія всегда поступала относительно Франціи умѣренно и дружелюбно, то я поспѣшилъ сказать, что, согласившись по совѣту Англіи и Россіи признать независимость Люксембурга, Франція также заслужила одобреніе Европы. Императоръ Наполеонъ и въ настоящее время желаетъ мира; онъ ничего не требуетъ кромѣ соблюденія *statu quo* и выполненія договоровъ. Поэтому было бы желательно, чтобы всѣ вопросы, могущіе вызвать раздраженіе державъ, были рѣшены окончательно, и въ Парижѣ весьма сожалеютъ о томъ, что берлинскій кабинетъ до сихъ поръ не далъ населенію Шлезвига возможности рѣшить свою судьбу свободной подачею голосовъ. Чѣмъ миролюбивѣе настроено правительство, тѣмъ необходимѣе, чтобы оно предъявило палатѣ и странѣ ясную и опредѣленную программу внѣшней политики. Только при этомъ условіи миръ можетъ быть проченъ, такъ какъ этимъ будетъ удовлетворена справедливая гордость Франціи..

«Это дѣло заслуживаетъ серьезнаго вниманія вашего правительства. Императоръ Александръ можетъ имѣть большое вліяніе на своего дядю; пусть онъ имъ воспользуется, чтобы убѣдить короля въ томъ, что война была бы одинаково страшна для Пруссіи, какъ и для Франціи, и что Франція хочетъ избѣжать ее, но что она въ правѣ требовать соблюденія договоровъ.

— Я понимаю болѣе чѣмъ кто-либо, какъ необходимо дать Франціи это справедливое удовлетвореніе, — отвѣчалъ канцлеръ, — и могу васъ увѣрить, что я недавно говорилъ объ этомъ съ королемъ, въ Баденѣ;

¹⁾ Окупація герцогства предполагалась, какъ извѣстно, лишь временная.

вамъ подтвердить это самъ государь; но король прикидывается глухимъ въ этомъ случаѣ и указываетъ на затрудненія, могущія возникнуть при разграниченіи, которыя, впрочемъ, всѣмъ извѣстны. Онъ говоритъ, что этотъ вопросъ затрагиваетъ его воинскую честь, и что онъ не можетъ обидѣть армію, отказавшись отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она сражалась и одерживала побѣды. Нѣсколько дней тому назадъ король не пожелалъ принять датскую депутацію, пріѣхавшую просить о соблюденіи постановленій договора. Онъ увѣряетъ, что датскій король также не одобряетъ ихъ поступка, и что у послѣдняго одно желаніе — сохранить добрыя отношенія къ Пруссіи.

— Но Бисмаркъ смотритъ на дѣло иначе, — прибавилъ канцлеръ, онъ смотритъ на него съ той же точки зрѣнія, какъ Франція; поэтому это составляетъ только вопросъ времени; я позабочусь о немъ.

Вотъ какъ описываетъ генералъ Флѣри аудіенцію у императора:

«Аудіенція, которую императоръ соблагволилъ назначить мнѣ въ Царскомъ Селѣ, имѣла характеръ совершенно исключительный и чрезвычайно лестный для посланника Франціи. Мнѣ былъ оказанъ самый благосклонный, простой и сердечный приемъ, которому я не могу достаточно нарадоваться. Вопреки обычаю, установившемуся для подобнаго рода представленій, и къ великому изумленію тѣхъ лицъ, которыя меня ввели, его величество продержалъ меня въ своемъ кабинетѣ три четверти часа. Разговоръ былъ въ высокой степени интересенъ и общается въ будущемъ частыя и искреннія бесѣды съ императоромъ, если только постороннее и недружелюбное вліяніе не измѣнитъ настроеніе императора.

«Въ противоположность князю Горчакову, который хотѣлъ, вѣрнѣе, предоставить въ этомъ случаѣ инициативу императору, его величество коснулся всѣхъ вопросовъ, всѣхъ предметовъ. Но такъ какъ было необходимо обратить его вниманіе на вопросъ, который наиболѣе интересуетъ насъ въ данный моментъ, то я горячо просилъ его повліять, въ качествѣ родственника, на короля Вильгельма. Я имѣлъ возможность сказать императору многое, что не имѣло бы никакого значенія, будучи сказано канцлеру. Видя, что императоръ готовъ сдѣлать шагъ, который могъ бы быть пріятенъ Франціи, я позволилъ себѣ настаивать на томъ, чтобы онъ далъ мнѣ въ этомъ какое-нибудь ручательство. Государь общалъ мнѣ, дѣйствительно, серьезно заняться этимъ дѣломъ и начать о немъ секретную переписку съ королемъ, но прибавилъ, что надобно пощадить воинскую щепетливость его дяди, хотя онъ самъ находитъ его немножко честолюбивымъ и полагаетъ, что ему слѣдовало бы «переварить то, что онъ поглотилъ» прежде, нежели думать о новыхъ завоеваніяхъ «на сушѣ и на морѣ»; онъ сожа-

лѣтъ о его чрезмѣрномъ увлеченіи милитаризмомъ, который побудилъ его недавно произнести прискорбную рѣчь въ Кёнигсбергѣ, и наконецъ, что онъ попробуетъ замолвить слово, хотя родственныя узы не имѣютъ особеннаго значенія въ политикѣ».

Сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно затрудненій, «которыя переживаетъ, повидимому, французская имперія» и относительно революціоннаго духа, который вѣетъ «не въ одной только Франціи, но и въ Россіи и въ Германіи», императоръ сказалъ многозначительно, что назначеніе генерала Флѣри въ Петербургъ возбудило всеобщее любопытство, и спросилъ:

— Видѣли ли вы короля проѣздомъ чрезъ Берлинъ?

— Нѣтъ, ваше величество.

— Это меня не удивляетъ. Я знаю отъ князя Рейсса ¹⁾, что моего дядю очень интригуетъ ваша миссія ко мнѣ.

Подъ конецъ бесѣды критиковали дѣйствія Австріи. Государь сказалъ, что онъ не понимаетъ, для чего императоръ Францъ-Иосифъ поѣхалъ въ Константинополь, откуда «онъ, вернется еще большимъ поклонникомъ Востока, чѣмъ когда-либо? Говоря о графѣ Бейстѣ, царь выразился:

— Онъ будетъ только всегда сѣять смуту.

«Вообще, императоръ Александръ, видимо, не желаетъ поощрять германскихъ стремленій и въ этомъ вполне сходитъ съ политикой тюльерійскаго кабинета. Онъ хочетъ, чтобы Австрія сохранила перевѣсъ надъ южно-германскими государствами, но считаетъ нужнымъ помѣшать ей расширенію на Востокъ, гдѣ она могла бы быть помѣхою планамъ Россіи въ настоящемъ и въ будущемъ».

Благосклонность, съ какою императоромъ были приняты предложенія тюльерійскаго кабинета относительно Даніи, была причиною, что министерство иностранныхъ дѣлъ дѣятельно занялось этимъ вопросомъ. Уже 22-го ноября (н. ст.) 1869 г. принцъ de la Tour d'Auvergne выразилъ, въ частномъ письмѣ французскому посланнику, свое одобреніе по поводу того, что онъ коснулся этого вопроса въ разговорѣ съ самимъ императоромъ.

«Мы вполне одобряемъ все сказанное вами въ пользу Шлезвига, писалъ онъ,—и искренно поздравляемъ васъ по поводу доброжелательнаго настроенія, которое вамъ удалось вызвать въ вашемъ августѣйшемъ собесѣдникѣ... Рѣшеніе датскаго вопроса успокоило бы общественное мнѣніе и послужило бы залогомъ миролюбиваго настроенія Пруссіи въ будущемъ, а дружеское вмѣшательство въ это дѣло Россіи поставило бы петербургскій кабинетъ, по отношенію къ Пруссіи и Франціи,

¹⁾ Пруссійскій посланникъ въ Петербургъ.

въ такое положеніе, при которомъ онъ могъ бы съ большею пользою служить интересамъ мира».

Нѣсколько дней спустя, именно 30-го ноября (н. ст.), генераль Флѣри сообщилъ своему министерству:

«Императоръ Александръ, согласно своему обѣщанію, написалъ королю прусскому убѣдительное письмо, въ которомъ онъ доказывалъ, что въ настоящій моментъ было бы своевременно прекратить вопросъ о Шлезвигѣ, исполнивъ пятую статью Пражскаго договора. Сообщая мнѣ вчера это пріятное извѣстіе, свидѣтельствующее о добрыхъ намѣреніяхъ государя, князь Горчаковъ повторилъ то, что онъ уже ранѣе говорилъ мнѣ:

— Я понимаю, что необходимо разсѣять эту черную точку, — сказалъ онъ, — ибо миръ не будетъ обезпеченъ до тѣхъ поръ, пока она не исчезнетъ.

«Этотъ тонъ былъ новостью со стороны князя и противорѣчилъ его безучастному до тѣхъ поръ отношенію къ временной оккупациі герцогствъ. Поддерживая императора Александра въ его намѣреніи, замолвить слово за Данію, онъ видитъ въ этомъ, вѣроятно, средство откликнуться на предложеніе Франціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ подобный образъ дѣйствій соответствующимъ интересамъ Россіи, такъ какъ ея нѣмецкія Прибалтійскія губерніи, населеніе которыхъ говоритъ на болѣе чистомъ нѣмецкомъ языкѣ, нежели жители Шлезвига, также могутъ сдѣлаться со временемъ предметомъ вожделѣній со стороны поборниковъ идеи германскаго объединенія».

Въ Парижѣ прусскій посланникъ Вердеръ потребовалъ у министерства иностранныхъ дѣлъ объясненій по поводу разговора, который императоръ Александръ имѣлъ съ генераломъ Флѣри, и о которомъ государь самъ передалъ князю Рейссу:

«Баронъ Вердеръ произнесъ даже слово разоруженіе, — писалъ принцъ de la Tour d'Auvergne 7-го декабря ¹⁾. Копенгагенскій дворъ въ восторгѣ отъ сдѣланнаго вами шага и желаетъ высказать свое мнѣніе, если къ тому представится случай. Я успокоилъ графа Мольтке и старался разъяснить ему, что въ настоящій моментъ его правительству лучше всего воздержаться отъ этого».

Совѣтуя Мольтке не горячиться, министръ, одновременно, указывалъ своему посланнику дѣйствовать какъ можно осторожнѣе, на что послѣдній отвѣчалъ 15-го декабря:

«Предупрежденный газетными статьями и частными извѣстіями,

¹⁾ Этотъ слухъ былъ ложный, какъ увидимъ далѣе. Въ то время не было рѣчи объ осуществленіи проекта о разоруженіи, предложеннаго Наполеономъ III.

которыя получилъ изъ Парижа, я самъ рѣшилъ дѣйствовать въ томъ духѣ, какъ вы мнѣ совѣтуете. Я понялъ тотчасъ по прїѣздѣ сюда, что благосклонный прїемъ, оказанный мнѣ, какъ французскому посланнику, долженъ былъ вызвать сильное неудовольствіе въ Берлинѣ. Моя продолжительная бесѣда съ императоромъ Александромъ въ Царскомъ Селѣ возбудила зависть прусскаго военнаго уполномоченнаго, генерала фонъ-Швейница. Назначенный посланникомъ въ Вѣну, онъ повезъ изъ Петербурга письмо императора къ королю прусскому; не подлежитъ сомнѣнію, что когда Бисмаркъ узнаетъ объ этомъ отъ самого Швейница, котораго называютъ его креатурою, то онъ постарается разстроить это дѣло, начатое столь успѣшно.

«Поэтому, хотя канцлеръ и говорилъ, двѣ недѣли тому назадъ, что онъ сообщитъ мнѣ отвѣтъ короля прусскаго, лишь только онъ будетъ полученъ, я не предлагалъ ему по этому поводу до сихъ поръ никакихъ вопросовъ. Во время моего свиданія съ княземъ Горчаковымъ третьяго дня, разговоръ касался исключительно текущихъ дѣлъ¹⁾...

«Канцлеръ самъ намекнулъ на дѣло, которое насъ интересуетъ, въ тотъ моментъ, когда я прощался съ нимъ:

— Не отъ насъ будетъ зависѣть, — сказалъ онъ, — чтобы исчезли всѣ черныя точки... Только... это сдѣлается не такъ скоро; наши противники сильны, надобно потерпѣть, но будьте увѣрены, миръ нарушенъ не будетъ».

Генералъ Флѣри рѣшилъ спокойно ожидать обѣщаннаго отвѣта и каковъ бы онъ ни былъ, принять его, не выказывая досады.

«Франціи не слѣдуетъ показывать, что она придаетъ слишкомъ большое значеніе устройству шлезвигскаго дѣла, писалъ онъ. Неудача, если она насъ постигнетъ, будетъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе мы покажемъ, на сколько мы дорожимъ рѣшеніемъ этого вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. Съ другой стороны, преувеличивая значеніе оказанной намъ услуги, мы рискуемъ, что отъ насъ потребуютъ въ другой разъ болѣе, нежели мы желали бы дать. Мы подняли вопросъ о соблюденіи Пражскаго договора только въ интересахъ справедливости и мира; императоръ Александръ присоединился къ нашему заявленію отъ всего сердца и съ полной увѣренностью въ его справедливости; несмотря на всѣ признаки, я убѣжденъ, что его чувства до сихъ поръ не измѣнились».

Генералъ намекалъ этими словами на одно обстоятельство, взволновавшее французское общество, а именно на то, что императоръ Александръ послалъ, по случаю столѣтняго юбилея Георгіевскаго ордена,

¹⁾ Греческаго займа и турецко-египетской распри.

королю прусскому Георгіа 1-ой степени. Графъ Шуваловъ ⁴⁾, успокаивая генерала Флѣри, говорилъ, что этому факту не слѣдовало придавать никакого политическаго значенія, что государь послалъ королю этотъ знакъ отличія не съ кѣмъ не посовѣтывавшись, по своему собственному побужденію, руководствуясь исключительно чувствомъ искренней любви, которую онъ питалъ къ своему дядѣ. Обязанный, по статуту, возложить на себя знаки этого ордена, онъ хотѣлъ раздѣлить эту честь съ побѣдителемъ при Садовой, который уже былъ Георгіевскимъ кавалеромъ съ 1814 года.

Но этотъ фактъ имѣлъ такіа послѣдствія, которыя императоръ въ началѣ не достаточно взвѣсилъ. Монархи обмѣнялись по этому случаю телеграммами, въ которыхъ они вспоминали о побѣдахъ, покрывшихъ славою войска бывшихъ союзниковъ, но которыя были весьма печальны для Франціи. Такъ какъ эти воспоминанія въ данный моментъ ничѣмъ не оправдывались, то онѣ произвели, конечно, непріятное впечатлѣніе въ Парижѣ. Что въ этомъ фактѣ не было ничего предумышленнаго и демонстративнаго, доказываетъ лучше всего то обстоятельство, что когда государю замѣтили, что отличіе, пожалованное королю Вильгельму, можетъ быть весьма непріятно Франціи, то одно время были намѣрены послать Георгіа 1-ой степени также императору Наполеону III, побѣдителю при Сольферино; но опасеніе сдѣлать непріятное Австріи заставило отказаться отъ этого намѣренія.

Желая загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное на французское правительство воспоминаніемъ о побѣдахъ, одержанныхъ союзниками, императоръ удвоилъ любезность къ представителю Наполеона III и оказывалъ ему при всякомъ удобномъ случаѣ особое благоволеніе.

«Третьяго дня, писалъ генералъ Флѣри 15-го декабря (н. ст.) вопреки этикету и всѣмъ бывшимъ доселѣ примѣрамъ, государь пріѣхалъ неожиданно въ посольство съ визитомъ, а наканунѣ посольство посѣтилъ наследникъ цесаревичъ и великіе князья Константинъ, Николай и Михаилъ Николаевичи, а также Владиміръ Александровичъ и герцогъ Мекленбургскій».

Въ Берлинѣ приняли совѣтъ, данный императоромъ Александромъ по поводу Шлезвигъ-Гольштиніи, съ должнымъ вниманіемъ къ лицу, коимъ былъ поданъ этотъ совѣтъ, но берлинское правительство, не отвѣчая на него отказомъ, который могъ бы показаться оскорбительнымъ, прибѣгло къ проволочкѣ.

Нѣсколько дней спустя, встрѣтивъ генерала Флѣри на балу, государь оказалъ ему столь милостивое вниманіе, что посланникъ рѣшился

⁴⁾ Шефъ жандармовъ, впослѣдствіи посланникъ въ Англію.

спросить его, полученъ ли отвѣтъ короля прусскаго на его письмо по поводу Шлезвига.

— Отвѣтъ короля Вильгельма уклончивъ, — сказалъ императоръ; — онъ общаетъ серьезно обсудить данный ему совѣтъ, но говорить, что, сознавая всю его важность, онъ не можетъ тотчасъ принять окончательнаго рѣшенія.

Нѣсколько времени спустя, Флѣри бесѣдовалъ съ княземъ Горчаковымъ.

«Канцлеръ выразилъ мнѣ прежде всего свое искреннее сожалѣніе по поводу того, что мое имя такъ часто упоминалось послѣднія двѣ недѣли по поводу проекта о разоруженіи, котораго я никогда не предлагалъ и о которомъ мы даже никогда не говорили.

— Можно было ожидать, — сказалъ князь, — что ваше назначеніе въ Россію произведетъ нѣкоторую сенсацію. Не говоря уже о томъ, что вступленіе ваше на дипломатическое поприще должно было возбудить зависть во Франціи, но въ Германіи и въ Англіи должны были обсуждать мотивы, коими руководствовался при этомъ выборѣ императоръ Наполеонъ. Доискиваясь причинъ, легко могли подыскать ихъ цѣлыхъ двѣ. Одна — пріятная лорду Кларендону, была мысль о разоруженіи, другая, интересующая Францію, — былъ шлезвигскій вопросъ.

— Я не могъ ни въ какомъ случаѣ говорить о разоруженіи, — отвѣчалъ я, — во-первыхъ потому, что я не получалъ на это приказаній отъ своего правительства, и что съ моей личной точки зрѣнія, я не считаю разоруженіе возможнымъ и практичнымъ въ примѣненіи къ войскамъ, которыя служатъ подъ знаменами столь короткое время, какъ войска во Франціи и въ Пруссіи. Прежде, нежели думать о разоруженіи, необходимо устранить съ горизонта всѣ черныя точки, а у насъ есть одинъ пунктъ, о которомъ было уже много говорено и устранить который, судя по отвѣту короля прусскаго, будетъ довольно трудно.

— Я объясняю этотъ отвѣтъ, сказалъ князь Горчаковъ, — въ томъ же смыслѣ какъ императоръ. Онъ не означаетъ отказа, онъ только дѣлаетъ возможнымъ нѣкоторую проволочку, болѣе ничего.

И князь, позабывъ о предложеніяхъ, которыя онъ дѣлалъ своему бывшему коллегѣ во Франкфуртѣ въ 1864 г., присовокупилъ:

— Скажу вамъ по секрету, я бы очень желалъ, чтобы Шлезвигскій вопросъ былъ оконченъ; увѣряю васъ. Я энергично настаивалъ на этомъ нынче осенью, разговаривая съ королемъ прусскимъ. Удерживать такія ничтожныя крохи недостойно столь великой державы... Причины, коими объясняетъ это обстоятельство король Вильгельмъ, не выдерживаютъ критики. Желаніе сохранить во славу арміи всякую деревушку, гдѣ происходило какое нибудь сраженіе или какая нибудь стычка, сущее ребячество.

— Къ тому же, продолжалъ онъ, — датчане, узнавъ о томъ, что здѣсь поднять этотъ вопросъ, какъ будто вышли изъ оцѣпенѣнія, въ которомъ они находились послѣдніе два года. Мнѣ извѣстно также черезъ Штакельберга, что Мольтке заволновался въ Парижѣ. Тѣмъ лучше, пусть хлопочать. Это самое лучшее средство, чтобы подѣйствовать на Пруссію, лишь бы только не было замѣтно, что въ этомъ замѣшана Франція.

Генераль Флѣри, соглашаясь съ сказаннымъ, настаивалъ однако на томъ, что императоръ Александръ могъ оказать хотя бы нравственное давленіе на дѣло, которое такъ близко касалось интересовъ его семейства, и общалъ не возвращаться болѣе къ этому вопросу до тѣхъ поръ, пока не будетъ получено какое нибудь благопріятное извѣстіе.

«Такимъ образомъ, писалъ по этому поводу посланникъ, переговоры вступаютъ, по моему мнѣнію, въ новый фазисъ. Данія рѣшительно заявить свои права; Россія, высказавшая уже свой взглядъ на это дѣло, будетъ защищать права угнетеннаго, въ которомъ она принимаетъ участіе; Франція останется безмолвной и безучастной зрительницей, тѣмъ болѣе, что ея вмѣшательство можетъ только помѣшать успѣху дѣла и сдѣлать неудачу болѣе прискорбной.

Во время этой бесѣды разговоръ коснулся весьма естественно того факта, коимъ ознаменовался столѣтній юбилей Георгіевскаго ордена; князь Горчаковъ повторилъ при этомъ сказанное нѣсколько дней передъ тѣмъ на офиціальномъ обѣдѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, «что ему весьма прискорбно видѣть недоразумѣніе, вызванное въ Европѣ дружескимъ изъявленіемъ чувствъ со стороны царственнаго племянника къ дядѣ, котораго онъ глубоко уважаетъ, и что государь вовсе не имѣлъ при этомъ желанія воскрешать недавнія воспоминанія, слѣдовательно Франціи и Австріи не было повода обижаться, такъ какъ въ телеграммѣ не было даже упомянуто о Садовой; тостъ и телеграмма относились къ славному прошлому, освященному пятидесяти-четырехлѣтнею давностью, и которое наступило послѣ столькихъ превратностей судьбы, что монарху, стоящему во главѣ великой военной державы, вполне естественно было вспомнить о немъ въ столь торжественный день».

— Если мы гордимся Березиной, Лейпцигомъ и Ватерлоо, развѣ вы со своей стороны не гордитесь Аустерлицомъ, Іеной, Эйлау, Москвою? присовокупилъ канцлеръ. Развѣ въ Парижѣ нѣтъ Севастопольскаго бульвара, который напоминаетъ наше пораженіе хотя и не постыдное, но все же растрavляющее едва зажившую рану. Какъ видите, вы не остаетесь у насъ въ долгу.

Выразивъ генералу Флѣри свое удовольствіе по поводу того, что онъ отнесся къ этому факту такъ спокойно, князь Горчаковъ заключилъ разговоръ словами:

— Впрочемъ, мнѣ не къ чему убѣждать васъ въ томъ, въ чемъ вы и безъ того со мною согласны... Будьте увѣрены, что государь вполне цѣнитъ вашу тактъ, вашу сдержанность. Что касается меня, то я всегда проповѣдывалъ мысль о союзѣ съ Франціей, который былъ бы въ настоящее время весьма тѣсенъ, если бы вы не возымѣли злополучную мысль принять сторону Польши. Поэтому меня нельзя ни въ чемъ заподозрѣть, если я скажу, что все случившееся, все сказанное не можетъ и не должно измѣнить нашихъ добрыхъ отношеній или повліять на ихъ продолжительность. Если случившееся произвело во Франціи нѣсколько тягостное впечатлѣніе, какъ пишетъ нашъ посланникъ изъ Парижа, то это относится вѣроятно къ тому времени, когда отъ васъ еще не было получено разъясненій. Надѣюсь, что въ настоящее время всѣ тучи окончательно разсѣялись; если же какая нибудь тучка еще носится на горизонтѣ, то я полагаю, что письмо, посылаемое мною Штакельбергу окончательно разсѣетъ ее; по крайней мѣрѣ я искренно желаю этого. Россія ни съ кѣмъ не связана обязательствами—вы можете подтвердить это—и намѣрена сохранить свободу дѣйствій впредь.

Разумѣется, говорить по этому поводу генераль Флѣри, канцлеръ будетъ по прежнему искать сближенія съ Франціей, падя въ то же время Пруссію. Несмотря на свое преклоненіе передъ Бисмаркомъ и на свое пристрастіе къ странѣ, чрезмѣрное увеличеніе которой онъ безмолвно поощрялъ изъ ненависти къ Австріи и по злобѣ къ Франціи, несмотря на его «охи и ахи» по поводу того, что онъ называетъ ошибкою императора Наполеона, т. е. по поводу нашего внимательства въ дѣла Польши, князь Горчаковъ видимо считаетъ союзъ съ Франціей отвѣчающимъ интересамъ обоихъ государствъ.

Не поддаваясь чувствамъ въ вопросѣ, въ которомъ главную роль играли интересы державъ, генераль Флѣри говорилъ въ своемъ письмѣ въ заключеніе:

«Каково бы ни было инстинктивное недовѣріе, которое я питаю къ канцлеру, я не имѣю никакого повода сомнѣваться въ искренности, съ какою все это было имъ сказано. Семейныя узы и любовь, связывающая императора Александра съ королемъ Вильгельмомъ, не могутъ имѣть рѣшающаго вліянія на политику; царь все таки вынужденъ подчинять свои поступки желаніямъ страны...

Что касалось собственно Шлезвигскаго вопроса, то, хотя онъ не былъ окончательно погребенъ уклончивымъ отвѣтомъ короля прусскаго, во всякомъ случаѣ его рѣшеніе было отложено на неопредѣленное время. Впрочемъ либеральное министерство, вступившее во Франціи во власть 2-го января 1870 г., намѣрено было дѣйствовать еще съ большей осторожностью и осмотрительностью.

5-го января императоръ Наполеонъ III подтвердилъ генералу Флѣри въ собственноручномъ письмѣ все то, что писалъ ему ранѣе принцъ de la Tour d'Auvergne.

«Я вижу изъ вашихъ послѣднихъ донесеній, писалъ императоръ, что вы вполне поняли необходимость дѣйствовать съ величайшей осмотрительностью, поэтому я выжидалъ совершенно спокойно сформирования новаго министерства, чтобы подтвердить вамъ то, что уже писалъ вамъ принцъ de La Tour d'Auvergne. Не забывайте, что все, что вы говорите государю или князю Горчакову, становится известнымъ въ Берлинѣ. Что касается Шлезвигскаго вопроса, то о немъ, какъ вы сами понимаете, не слѣдуетъ болѣе упоминать; если же объ этомъ снова зайдетъ рѣчь, то надобно будетъ дать понять, что, настаивая на точномъ соблюденіи 5-й статьи Пражскаго договора, я имѣю цѣлью только уничтожить поводъ къ раздраженію, который можетъ со временемъ создать намъ большія затрудненія. Державы, желающія сохранить миръ, должны слѣдовательно стараться уничтожить эти затрудненія и устранить воспоминанія, способныя вызвать раздраженіе; заговоривъ о Шлезвигѣ, я не думалъ просить императора Александра оказать мнѣ этимъ услугу, я обратилъ только его вниманіе на вопросъ, который ему точно также было бы пріятно видѣть оконченнымъ».

Въ депешѣ отъ 12-го января н. ст. 1870 г. генералъ Флѣри передаетъ взглядъ князя Горчакова на внутреннюю политику Франціи.

Канцлеръ заѣхалъ въ посольство, чтобы обмѣняться взглядами относительно перемѣны, происшедшей во внутреннемъ управленіи Франціи.

«Онъ высказалъ мнѣ, пишетъ генералъ Флѣри, свое удовольствіе по поводу того, что власть находится теперь въ рукахъ людей, пользующихся репутаціей лицъ честныхъ и независимыхъ, и согласился со мною, что подобный составъ кабинета даетъ имперіи большую силу, ибо правительству удалось соединить, подъ знаменемъ либерализма, всѣхъ тѣхъ, кто относился къ нему до сихъ поръ враждебно. Канцлеръ превозносилъ величіе души и проникательность императора Наполеона, счумѣвшаго стать во главѣ мирнаго переворота, ближайшимъ послѣдствіемъ котораго будетъ поддержаніе мира».

Князь Горчаковъ пользовался всякимъ случаемъ выразить свою симпатію къ либеральному министерству. Въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ генералъ Флѣри нарочно не заѣзжалъ нѣсколько дней въ канцелярію министерства иностранныхъ дѣлъ; но встрѣтись съ канцлеромъ случайно, онъ имѣлъ съ нимъ продолжительный разговоръ, которому князь старался придать видъ самой непринужденной и откровенной бесѣды; распространяясь о «своей дружеской политикѣ по отношенію къ Франціи» и о томъ, что онъ «искренно желалъ бы установить согласіе между петербургскимъ и парижскимъ кабинетами относительно

Восточнаго вопроса», онъ повторилъ все то, что говорилось имъ обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда о немъ заходила рѣчь, а именно: что «Россія ничего не добивается отъ Турціи», что она не требуетъ «ни пяди земли», такъ какъ она желаетъ, чтобы «больной прожилъ какъ можно долѣе для блага міра»; но что въ интересахъ религіи она настаиваетъ на томъ, чтобы ей была предоставлена та доля вліянія, на которую она имѣетъ право. Канцлеръ жаловался между прочимъ на консуловъ, которые подъ предлогомъ покровительства христіанамъ дѣйствуютъ во вредъ Россіи, сводятъ всѣ вопросы на религіозную почву и сѣять раздоръ, вмѣсто того чтобы поддерживать согласіе; точно также смотреть на это и государь, сказалъ онъ. Князь жаловался также на высокомеріе Турціи, которая «ограждается своей слабостью», и выразилъ большое сожалѣніе по поводу того, что султанъ выставилъ войско на границѣ Черногоріи. Напомнивъ какъ благоразумно поступила Россія въ томъ отношеніи, что она не вмѣшалась въ турецко-египетскую распрю, и выразивъ сожалѣніе по поводу строгихъ требованій, предъявленныхъ Турціей къ Египту, князь Горчаковъ высказалъ желаніе, чтобы Франція совѣтовала Турціи дѣйствовать болѣе спокойно и умѣренно.

— Все несчастье заключается въ томъ, сказалъ канцлеръ, что представители державъ, пріѣхавъ на Востокъ, начинаютъ завидовать другъ другу. Эта борьба личныхъ вліяній вредитъ общей пользѣ и интересамъ политики, которую они призваны защищать.

Этотъ разговоръ, во время котораго было затронуто такъ много важныхъ вопросовъ, происходилъ черезъ пятое въ десятое, однако было очевидно, что, заводя его, князь Горчаковъ имѣлъ при этомъ опредѣленную цѣль.

«Канцлеру давно уже хотѣлось коснуться Восточнаго вопроса, писалъ генераль Флѣри. Я съ своей стороны говорилъ мало, только изрѣдка вставляя слово, но князь говорилъ очень оживленно, и я чувствовалъ, что только моя сдержанность удержала его отъ намека на трактатъ 1856 г. Вынужденный отвѣтить на его замѣчаніе относительно консуловъ на Востокѣ, я посоветовалъ ему поручить графу Штапельбергу передать объ этомъ записку министру иностранныхъ дѣлъ.

— Я уже сдѣлалъ это, возразилъ канцлеръ, поэтому я и не вхожу въ подробности. Никого не обвиняя, я хочу только поставить на видъ, что за нашими отношеніями на Востокѣ надобно зорко слѣдить.

«Черезъ день послѣ нашего свиданія, я убѣдился въ томъ, что канцлеръ сдѣлалъ мнѣ это сообщеніе дѣйствительно съ вѣдома императора Александра.

«Я имѣю случай часто бесѣдовать съ императоромъ, который относится ко мнѣ чрезвычайно благосклонно. Въ теченіе двухъ недѣль я былъ дважды приглашенъ на охоту; на прогулкахъ, на воскресныхъ

разводахъ, куда я сопровождаю императора верхомъ, я также нѣрѣдко имѣю случай бесѣдовать съ его величествомъ.

«Послѣдній разъ, когда я ѣздилъ съ императоромъ въ Гатчино, его величество самъ заговорилъ со мною о шлезвигскомъ вопросѣ и объявилъ мнѣ, что король прусскій увѣдомилъ его о томъ, что, желая покончить этотъ споръ, онъ намѣренъ возобновить прерванные переговоры съ датскимъ королемъ, но что, признавая своевременнымъ исполнить 5-ю статью Пражскаго договора, онъ потребуетъ гарантій для нѣмцевъ, которые останутся въ спорной части Шлезвига.

— Это вызоветъ разумѣется мимолетное осложненіе, сказалъ государь, но его можно будетъ вѣроятно устранить. Я похлопочу объ этомъ, какъ я уже вамъ обѣщалъ. Впрочемъ, я и теперь могу поручиться вамъ въ томъ, что Пруссія не сдѣлаетъ ничего такого, что могло бы нарушить миръ; передайте это императору Наполеону и вашему правительству.

«Въ добрыхъ намѣреніяхъ императора нельзя сомнѣваться, но очевидно онъ поддается обманчивымъ надеждамъ. Впрочемъ, можетъ ли онъ предполагать, что вторичное письмо прусскаго короля написано съ недобросовѣстнымъ намѣреніемъ выиграть время? Когда онъ въ этомъ убѣдится, будетъ уже поздно взяться за дѣло съ надеждою на успѣхъ, и Франція, которая, во имя международнаго права, первая вступилась за поправныя права Даніи и побудила Россію повліять на Пруссію, не будетъ имѣть возможности настаивать на своемъ требованіи мирнымъ путемъ».

Генераль Флѣри писалъ это въ началѣ 1870 г., когда вниманіе европейскихъ державъ и въ особенности Россіи было отвлечено на короткое время другимъ вопросомъ, а именно сосредоточеніемъ турецкихъ войскъ на границѣ Черногоріи, которое было впрочемъ преувеличено въ донесеніяхъ русскихъ консуловъ и въ извѣстіяхъ, полученныхъ изъ Австріи. Въ Петербургѣ на это дѣло взглянули настолько серьезно, что на раутѣ, предшествовавшемъ большому балу, 2-го февраля, государь потребовалъ по этому поводу въ довольно рѣзкой формѣ объясненія у повѣреннаго въ дѣлахъ Порты. Кономинось-бей немедленно телеграфировалъ своему правительству; объясненія, полученныя имъ, вполне согласовались съ свѣдѣніями, доставленными французскимъ посланникомъ въ Константинополь, г. Буре.

Канцлеру оставалось только согласиться съ очевидностью и выразить свое удовольствіе по поводу того, что «разсѣялись опасенія, которыя могли бы быть вызваны положеніемъ дѣлъ, если бы все произошло такъ, какъ это было ему описано». Онъ обратилъ вниманіе генерала Флѣри на то обстоятельство, что пока великія державы собирались общими силами дать Портѣ совѣтъ дѣйствовать умѣреннѣе и найти

исходъ, который могъ бы удовлетворить обѣ стороны, русское правительство сдѣлало рѣшительное представленіе маленькому черногорскому двору, совѣтуя ему быть сдержаннымъ и осторожнымъ, и князь Николай поспѣшилъ самымъ торжественнымъ образомъ дать общаніе дѣйствовать миролюбиво; канцлеръ увѣрялъ, что на благоразуміе черногорцевъ можно вполне положиться.

— Пусть Турція дѣйствуетъ осторожно и умѣренно, сказалъ онъ, и намъ не придется бояться, что миръ будетъ нарушенъ, такъ какъ державы дѣйствуютъ согласно и наблюдаютъ за этимъ.

Мѣсяцъ спустя послѣ этого случилось, какъ увидимъ далѣе, еще одно событіе, вызвавшее въ первый моментъ большую тревогу въ Петербургѣ, хотя она разсѣялась весьма быстро.

Перевелъ В. В. Тимошукъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письмо И. И. Дмитриева — къ А. И. Тургеневу.

16-го марта 1820 г. Москва.

Благодарю васъ покорнѣйше за два послѣднія письма. Препровождаю при семъ къ вамъ письмо къ князю Вяземскому, увѣренъ, что вы не откажетесь при случаѣ къ нему отправить. Добрый Жихаревъ обрадовалъ меня, сказавъ, что вы намѣрены пріѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Сергѣемъ Ивановичемъ. Какъ бы я желалъ, чтобъ это скорѣе сбылось. Сегодня получено извѣстіе, что братъ мой Иванъ Петровичъ Бекетовъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и опредѣленъ въ М. Архивъ И. К. сотрудникомъ Маиновскому. Не знаете ли вы, кто за него ходатайствовалъ, самъ ли Алексѣй Ѳеодоровичъ или другіе, не участвовалъ ли въ томъ и Николай Михайловичъ? Еслибъ онъ и не братъ мой былъ, такъ и тогда я сказалъ, что въ выборѣ не ошиблись. Онъ страстенъ къ русской древности и очень скромнъ.

Вѣчная память доброду Каткарту и долгая жизнь всѣмъ оставшимся добрымъ. Затѣмъ съ душевнымъ почтеніемъ пребуду навсегда

вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою И. Дмитриевъ.

**Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтъ содержателемъ
станціи Лопасни.**

Въ отношеніи, присланномъ 2-го августа 1813 года изъ Московскаго почтамта въ Московское губернское правленіе, значилось: «Его высокопревосходительство дѣйствительный тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, Гаврило Романовичъ Державинъ, письмомъ къ управляющему симъ почтамтомъ, приносить жалобу на безпорядки почтъ содержателя Лисовскаго, что онъ, въ проѣздъ свой, былъ удержанъ на Лопаснинской станціи болѣе сутокъ нечаею лошадей приказчикомъ Лисовскаго, который, сверхъ оказанныхъ его высокопревосходительству грубостей и буйства, былъ причиною возмущенія ямщиковъ, скрывавшихся во время требованія лошадей и вышедшихъ совершенно изъ повиновенія станціонному смотрителю. Московскій почтамтъ долгомъ почитаетъ, въ дополненіе къ посланной при сообщеніи его отъ 1-го сего августа выпискѣ о неисправностяхъ, происходящихъ на станціяхъ здѣшней губерніи, присовокупить и сей безпорядокъ Лисовскаго, препровождая при томъ въ Московское губернское правленіе копію съ письма его высокопревосходительства, изъясняющаго жалобу его на приказчика Лисовскаго, и просить оное правленіе о принятіи зависящихъ отъ него мѣръ къ скорѣйшему прекращенію тѣхъ безпорядковъ, и о послѣдующемъ почтамтъ увѣдомить». Копія съ письма, излагающаго жалобу Г. Р. Державина, приложена къ дѣлу. Письмо помѣчено 30-го іюля 1813 года. Содержаніе его слѣдующее:

«Благодарю ваше превосходительство за немедленное доставленіе мнѣ лошадей въ Москвѣ изъ почтамта. Но сею благосклонностію вашею я недолго воспользовался: доѣхавъ до второй станціи, въ село Лопасню, встрѣтилъ я опять крайнюю непріятность въ пути моемъ. Станціонный смотритель Осетровъ объявилъ мнѣ, что изъ 24-хъ станціонныхъ лошадей, за отправленными до меня проѣзжающими и почтами, нѣтъ ни одной. Я, повѣря ему, имѣлъ терпѣніе дожидаться,

28 числа, съ самаго утра до 10-ти часовъ вечера. Наконецъ, стали возвращаться помалу лошади. Въ ожиданіи достальныхъ, приказалъ я повозки мазать, но, къ удивленію моему, приказчикъ содержателя почты, г. Лисовскаго—крестьянинъ Лебедевъ съ грубостью сказалъ, что онъ ни одной лошади не дастъ и не велитъ ямщикамъ ѣхать, говоря, что они надобны для курьеровъ. Я было хотѣлъ его задержать и отослать къ вамъ съ нарочнымъ, но онъ ушелъ. Я обратился къ смотрителю и требовалъ отъ него помощи, но онъ отвѣтствовалъ, что онъ не знаетъ, что дѣлать, ибо де ямщики вышли у него изъ повиновенія, хотя и онъ жаловался начальству, и было слѣдствіе и браковка въ недостаткѣ и негодности лошадей, но ничто не помогаетъ. Я убѣжденъ былъ его увѣреніемъ, тѣмъ болѣе, когда онъ лошадей дозволилъ взять, но когда ихъ мои люди взяли, то смотритель объявилъ, что ямщиковъ будто нѣтъ, что всѣ разбѣжались. Я хотѣлъ ѣхать съ одними своими людьми, но нашлось, что конскія сбруи унесены ямщиками, и изорваны вожжи, гужи и прочее. Я хотѣлъ было нанять вольныхъ, но ниже полтора ста рублей не ѣхали до Серпухова; разсудя же, что таковая сговорчивость была бы потачкою бездѣльникамъ на дальнѣйшее злоупотребленіе и совершенный грабежъ проѣзжающихъ, рѣшился ночевать и послать за сельскою полиціею, чтобъ она освидѣтельствовала какъ бѣгство ямщиковъ, такъ и умышленную порчу сбруи, и дала бы мнѣ, въ такомъ неожиданномъ случаѣ, свою помощь: тогда ямщики почувствовали свое буйство, привели лошадей и согласились ѣхать; тогда я, отмѣня призывъ земскаго начальства, заявилъ только все происшествіе сотнику и отправился въ путь; но сіе уже было 29-го числа по утру. Такъ я продержанъ былъ на сей станціи болѣе сутокъ. Я не доводилъ бы до вашего превосходительства таковыхъ непріятностей, ежели бы не думалъ, что неунятіе таковыхъ дерзостей можетъ произвести весьма дурныя послѣдствія, ибо приказчикъ Лисовскаго—крестьянинъ Лебедевъ—оказалъ крайнее буйство и былъ болѣе—возмутитель ямщиковъ, нежели смотритель за ними. Пріѣхавъ въ Серпуховъ, узналъ я, что таковое неустройство происходитъ отъ самаго содержателя Лисовскаго, ибо, сдавъ почту своему повѣренному, не даетъ онъ на содержаніе полного числа лошадей, договорныхъ по контракту денегъ, отчего не бываетъ полного числа лошадей на станціи, и происходитъ въ нихъ недостатокъ, слѣдственно, и притѣсненіе проѣзжающимъ. Пребывая и прочъ».

Губернское правленіе предписало Серпуховскому земскому исправнику произвести по этому дѣлу слѣдствіе, на мѣстѣ, съ указаніемъ, чтобы онъ «за исправностью почтовыхъ лошадей имѣлъ неослабное смотрѣніе и подобныя неустройства отвращалъ благовременно».

Отъ Серпуховскаго земскаго суда былъ отправленъ дворянскій засѣдатель, нѣкто поручикъ Жилинъ.

По слѣдствію, обстоятельства дѣла выяснились нѣсколько въ другомъ видѣ. Оказывалось, что Г. Р. Державинъ требовалъ, вмѣсто должныхъ десяти, — тринадцать лошадей, но такого числа на станціи не оказалось. Часть была въ разгонѣ, часть должна была отойти подъ курьеровъ. На просьбы, со стороны приказчика (не Лебедева, какъ оказалось по слѣдствію, а Леонова), потерпѣть до возвращенія лошадей изъ разгона Г. Р. Державинъ приказалъ запрягать въ свои экипажи тѣхъ 9 лошадей, которыя предназначались для курьеровъ, причемъ громоздкія кареты и линейки «на 9 лошадей» везть очень тяжело и возможности не было». Дальнѣйшія упрашиванія пообождать «его высокопревосходительство почелъ за грубость, приказалъ своимъ людямъ его, Леонова, бить, отчего онъ ушелъ». Затѣмъ оказывалось, что ночевка поэта въ избѣ была добровольной, что на другое утро, по возвратѣ лошадей, онъ уѣхалъ, причемъ «прогоны изволилъ заплатить только за 10 лошадей». Въ томъ, что совершены были «грубости и буйство» — виновными ни ямщики, ни приказчикъ себя не признали.

Въ концѣ этого донесенія, упомянутый дворянскій засѣдатель Жилинъ изъяснилъ, что «хотя со стороны почтамта депутатъ, титулярный совѣтникъ Портевъ, находился, но только слѣдствія не подписалъ, по причинѣ той, что онъ начальства своего не имѣетъ предписанія».

И такъ, на заявленіе Г. Р. Державина, ему же было представлено встрѣчное обвиненіе. Такимъ образомъ осталось нерѣшеннымъ, какая сторона — права. На подлинномъ дѣлѣ написана резолюція, потомъ зачеркнута, въ которой говорится, что разсматриваемое дѣло, за отсутствіемъ уликъ въ грубости и притѣсненіяхъ, нанесенныхъ Гаврилу Романовичу Державину, слѣдуетъ считать рѣшеннымъ и сдать въ архивъ.

Сообщ. С. К. Шамбинаго.

**Положеніе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о
Бѣлинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ.**

1) Капиталъ преміи—1,500 р., съ наросшими до дня выдачи процентами. 2) Срокъ представленія черезъ 5 лѣтъ послѣ распубликованія положенія о преміи, т. е. 10-го апрѣля 1904 года. 3) Если ни одно изъ представленныхъ черезъ 5 лѣтъ сочиненій не будетъ удостоено преміи,—назначается новое соисканіе черезъ три года и т. д. 4) Комитетъ Литературнаго Фонда, для разсмотрѣнія представленныхъ сочиненій, избираетъ особую комиссію изъ 3-хъ лицъ, коими могутъ быть и не члены Комитета, но окончательный рѣшающій голосъ остается за Комитетомъ. 5) Премія присуждается одному лицу. 6) Если комиссія признаетъ достойными преміи два или нѣсколько сочиненій, таковыя передаются на разсмотрѣніе новой комиссіи; если же и она, равно какъ и Комитетъ, признаетъ ихъ одинаково удовлетворяющими требованіямъ настоящаго положенія—выборъ опредѣляется жребіемъ. 7) Премированное сочиненіе должно заключить въ себѣ: а) полный біографическій очеркъ, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней, психологической, стороны, на основаніи всѣхъ доступныхъ матеріаловъ; б) изложеніе хода развитія идей Бѣлинскаго, въ связи съ современными ему и непосредственно предшествовавшими умственными теченіями, какъ русскими, такъ и европейскими. При этомъ должно быть обращено особенное вниманіе на исторію русской критики и журналистики въ 20-хъ и началѣ 30-хъ годовъ; в) всестороннюю оцѣнку значенія дѣятельности Бѣлинскаго для русской жизни вообще и для послѣдующаго развитія русской критики въ особенности; д) характеристику ближайшихъ друзей и недруговъ Бѣлинскаго. 8) При полученіи преміи авторъ выдаетъ Литературному Фонду обязательство, по которому передается Литературному Фонду права собственности по изданію 5,000 экземпляровъ. 9) Литературный Фондъ издаетъ премированное сочиненіе на свои средства или на деньги, могущія поступить для этой цѣли. 10) Вся чистая прибыль отъ изданія поступаетъ въ капиталъ имени Бѣлинскаго при Литературномъ Фондѣ. 11) До присужденія преміи капиталъ долженъ находиться въ % бумагахъ. 12) Если по обстоятельствамъ, не зависящимъ Литературнаго Фонда, присужденіе преміи настолько замедлится, что капиталъ преміи вмѣстѣ съ % превыситъ 2,000 р. то въ премію выдается 2,000 р., избытокъ же—на покрытіе расходовъ по изданію. 13) Такъ какъ цѣль преміи вызвать появленіе новаго труда о В. Г. Бѣлинскомъ, то всѣ труды, появившіеся до опубликованія положенія о преміи, не могутъ быть допущены къ соисканію, хотя бы и были представлены въ новомъ изданіи. 14) Принимая также во вниманіе, что премированное сочиненіе, въ первыхъ пяти тысячахъ экземпляровъ, должно поступить въ собственность Литературнаго Фонда, премія не можетъ быть присуждена за трудъ, выпущенный отдѣльнымъ изданіемъ, хотя бы и послѣ опубликованія положенія о конкурсѣ; но не можетъ быть препятствіемъ къ присужденію преміи, если часть труда, не болѣе одной половины его, была напечатана въ періодическихъ изданіяхъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1899 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ВОСЬМОЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія. СТРАН

- I. Императрица Екатерина II въ началѣ царствования Петра III. (Ея автобіографическая записка). Евгений Шумигорскій. 25—37
- II. Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной. (Окончаніе). 105—127
- III. Изъ Прошлаго. (Воспом. оф. ген. штаба о войнѣ 1877—78 гг.). П. Д. Паренсовъ. 131—159; 397—415; 597—618
- IV. А. С. Пушкинъ въ Казани. Александры Фуксъ. 257—262
- V. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа. 371—395; 511—542
- VI. Изъ воспоминаній стараго педагога. А. Овсянниковъ. 417—434; 671—693
- VII. Представители Россіи на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 году. (Изъ воспоминаній А. М. Михайловско-Данилевскаго). Сообщ. Н. И. Шильдеръ. 627—650

Портреты.

- I. Портретъ Палладія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго. Грав. И. И. Хельмицкій. (При 4-ой книгѣ).
- II. Портретъ академика А. А. Куника. Грав. И. И. Хельмицкій. (При 5-ой книгѣ).
- III. Портретъ архіепископа Макарія. Грав. И. И. Хельмицкій. (При 6-ей книгѣ).

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Разсказы, матеріалы и замѣтки.

- I. Наканунѣ Эрфрутскаго свиданія 1808 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. СТРАН.
3—24

II. Характеристика Н. М. Языкова.	38
III. А. Н. Вульфъ и его дневникъ. (Окончаніе). Сообщ. Л. Н. Майковъ.	39—52
IV. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. О. Дубровинъ.	53—75; 481—508
V. Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову 7-го августа 1810 г.	76
VI. Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладож- скій. П. О. Вышеславцевъ.	77—103
VII. О поселеніи бѣглыхъ солдатъ въ Новороссійской губерніи. Отвѣтственность губернатора за про- довольствіе войскъ. (Рескрипты императора Па- вла I—тайн. сов. Селецкому отъ 25-го октября 1797 и 20-го января 1898 гг.).	104
VIII. Приѣмъ графомъ В. Н. Панинымъ депутатовъ второго призыва въ 1860 г.	128—130
IX. По поводу возведенія на престолъ Людовика XVIII.	160
X. Изъ прошлаго русской цензуры. В. В. Сипов- скій.	161—175; 435—453
XI. О невмѣшательствѣ губернаторовъ въ чужія дѣла. (Рескриптъ импер. Павла I тайн. сов. Селецкому отъ 14-го мая 1798 г.)	176
XII. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ. Извлеч. В. В. Тимошукъ.	177—197; 455—469
XIII. О памятникѣ князю Потемкину въ Херсонѣ. (Рескриптъ императора Александра I Новороссій- скому губернатору Миклашевскому отъ 7-го сен- тября 1801 г.)	198
XIV. Объ утвержденіи В. Г. Бѣлинскаго въ дворян- скомъ достоинствѣ. Професс. А. Архангель- скій.	199—204
XV. Графъ Мечиславъ Потоцкій въ Саратовѣ (1845— 1851 гг.). В. И. Дурасовъ.	205—219
XVI. Объ обезпеченіи жителей продовольствіемъ. (Ре- скриптъ императора Павла I тайному совѣтнику Селецкому отъ 23-го мая 1783 г.).	220
XVII. По поводу статьи В. А. Шомпулева. Е. И. Ба- рановскій.	221—224
XVIII. Письма Н. М. Карамзина къ А. И. Тургеневу (1806—1826 гг.). (Окончаніе).	225—238
XIX. Указъ князя А. Д. Меншикова 24-го іюля 1718 г. Сообщ. Ал. Маркевичъ.	239—240
XX. Къ эпизоду о высылкѣ Пушкина изъ Одессы въ его имѣніе Псковской губерніи. Записка графа П. Капниста. Сообщ. акад. Л. Н. Майковъ.	241—245
XXI. Приказъ по инженерному корпусу о секундантахъ А. С. Пушкина подполковн. Данзасъ 20-го марта 1837 г. Сообщ. С. М. Радкевичъ.	246
XXII. К. С. Пушкинъ и А. Х. Бенкендорфъ. (Ихъ пе- реписка).	247—256
XXIII. Къ біографіи А. С. Пушкина: 1) Два письма	

- С. Л. Пушкина по поводу смерти сына-поэта. Сообщ. Л. Н. Майковъ. 2) И. А. Гончаровъ о Пушкинѣ. Сообщ. Л. О. Кони. 3) Письмо С. С. Уварова—Пушкину, при посылкѣ французскаго перевода стиховъ «Клеветникамъ Россіи». Сообщ. А. И. Кирпичниковъ. 263—266
- XXIV. Могила Пушкина и село Михайловское. К. Тимошеевъ. 267—276
- XXV. Мнѣнія современниковъ объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ: 1) Письмо В. Н. Каразина—графу В. П. Кочубею 4-го юня 1820 г. 2) Письмо С. О. Бурачка—князю Волконскому 19-го декабря 1842 г. Сообщ. акад. А. О. Бычковъ. 277—285
- XXVI. Возобновленіе въ Москвѣ дома Благороднаго Собранія. (Отношеніе графа О. В. Разтопчина—слободско-украинскому губернскому предвод. дворянства 14-го апрѣля 1814 г., № 1092). 286
- XXVII. Литературно-критическія воззрѣнія А. С. Пушкина. А. Задкинъ. 287—309; 543—557
- XXVIII. Бумага «съ знаками французской вольности». (Эпизодъ изъ царствованія Павла I). Сообщ. І. Блиновъ. 310
- XXIX. Къ біографіи Арсенія Мацѣвича. (Секретное отношеніе князя А. Вяземскаго архангельскому прокурору Нарышкину 8-го октября 1767 г.). 330
- XXX. Мелкія замѣтки объ А. С. Пушкинѣ и его произведеніяхъ. Сообщили проф. А. И. Кирпичниковъ и проф. Н. О. Сумцовъ. 331—336
- XXXI. Новые матеріалы для исторіи «Арзамаса». Сообщ. А. И. Кирпичниковъ. 337—351
- XXXII. Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову 26-го марта 1811 г. 352
- XXXIII. Павелъ Исааковичъ Ганнибалъ, дядя А. С. Пушкина. Сообщ. І. Блиновъ. 353—358
- XXXIV. «О бывшемъ Пушкинѣ». Сообщ. І. Блиновъ. 359—364
- XXXV. Академикъ А. А. Куникъ. (Біографическая замѣтка къ его портрету). 365—370
- XXXVI. О поселеніи духоборцевъ въ Новороссійскомъ краѣ. (Рескриптъ Александра I новороссійскому гражданск. губернату Николаеву 17 марта 1801 г. 396
- XXXVII. Письмо И. И. Дмитріева—А. И. Тургеневу 29-го мая 1821 г. 416
- XXXVIII. Переселеніе грековъ и болгаръ въ Россію. (Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому 23-го октября 1801 г. 454
- XXXIX. Ложныя справочныя цѣны. (Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому 24-го января 1802 г. 470
- XLX. А. С. Пушкинъ—членъ С.-Петербургскаго вольнаго Общества Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ. И. А. Кубасовъ. 471—474

XLII. Волокита старорусского магистрата. А. Слезский.	475—480
XLIII. О связях учителя Плетнева съ литераторомъ Пушкинымъ. Сообщ. П. В. Петровъ.	509—510
XLIII. Памяти В. Г. Васильевского. Л. Н. Майковъ.	581—584
XLIV. Передъ Тильзитомъ (всеподанный донесенія В. С. Попова и князя Лобанова - Ростовскаго 1807 г.). Сообщ. Н. О. Дубровинъ.	585—596
XLV. Къ біографіи архіепископа Макарія.	619—626
XLVI. Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера). П.	651—670
XLVII. Два письма М. А. Милорадовича—Павлу Андреевичу Сафонову.	694
XLVIII. Россія и Франція въ 1870 г. (по бумагамъ генерала Флѣри).	695—711
XLIX. Письмо И. И. Дмитріева — А. Н. Тургеневу 16 марта 1820 года.	712
L. Дѣло объ оскорбленіи Г. Р. Державина почтъ содержателемъ станціи Лопасни. Сообщ. С. К. Шамбинаго.	713—715
LI. Подожженіе о преміи Л. Ф. Пантелѣева за лучшее сочиненіе о Вѣдинскомъ, учрежденной при Литературномъ Фондѣ.	716

Исторія русской литературы.

I. Татьяна, Онегинъ и Ленскій (къ литературной исторіи Пушкинскихъ «типовъ»). В. В. Сиповскій.	311—329; 559—580
II. На 26-е мая. А. л. И. в. С-въ.	558

Библиографическій листокъ.

- 1) П. И. Мессарошъ. „Финляндія—государство или русская окраина?“ Значеніе особыхъ учреждений финляндской окраины Россійской Имперіи. Спб., 1897 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На обертѣ апрѣльской книги).
- 2) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о городѣ Симбирскѣ. Изданіе Симбирской Губернской Ученой Архивной Комиссіи. Симбирскъ, 1898 г. Н. И. Кашкадамовъ. (Тамъ же).
- 3) Нѣсколько изслѣдованій историческихъ и разсужденій о вопросахъ современныхъ. Профессора Н. И. Барсова. С.-Петербургъ. 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На обертѣ майской книги).
- 4) Къ біографіи А. С. Пушкина. Матеріалы изъ архивовъ и другихъ малозвѣстныхъ источниковъ. Н. Невзорова, директора С.-Петербургской 7-й гимназіи. Спб. 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (На обертѣ іюньской книги).
- 5) Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть седьмая. Собралъ и издалъ В. Зелинскій. Москва, 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (Тамъ же).
- 6) А. С. Пушкинъ. Біографическій очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 г. Составилъ А. А. Венкстернъ. Москва. 1899 г. Н. И. Кашкадамовъ. (Тамъ же.)

Приложеніе.

Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка 97—192

наго. Онъ почувствовалъ себя въ положеніи офицера, который долженъ защищать свой постъ не взирая на то, погибнетъ ли онъ при этомъ или нѣтъ. Это навело его на мысли, вполне соответствовавшія ихъ обычному строю, и нѣсколько минутъ спустя онъ уже чувствовалъ ту увѣренность, которую онъ утратилъ въ Баденѣ, и вскорѣ даже развеселился. Жертвовать жизнью за короля и отечество—обязанность каждого прусскаго офицера, тѣмъ болѣе короля, перваго слуги своей страны. Какъ только онъ взглянулъ на свое положеніе съ точки зрѣнія военной чести, оно представилось ему столь же яснымъ, какъ ясна для каждого прусскаго офицера необходимость защищать вѣренный ему, хотя, можетъ быть, потерянный постъ.

Его не угнетала болѣе мысль о возможной критикѣ его дѣйствій со стороны общественнаго мнѣнія, будущей исторіи и его супруги. Онъ почувствовалъ себя на высотѣ своего положенія, какъ первый офицеръ Прусскаго монархія, который считаетъ доблестнымъ умереть при исполненіи своей служебной обязанности.

Справедливость моихъ словъ доказывается тѣмъ, что король, который былъ въ Ютербогкѣ утомленъ, раздражителенъ и не въ духѣ, подѣвжая къ Берлину сдѣлался веселъ, пришелъ, можно сказать, въ радостное боевое настроеніе, которое выразилось вполне ясно при приѣмѣ министровъ и служащихъ.

Хотя примѣнять къ нашимъ дѣламъ, какъ это было сдѣлано въ Баденѣ, устрашающія историческія воспоминанія было, по моему мнѣнію, не особенно честно и даже довольно фантастично, тѣмъ не менѣе наше положеніе было весьма серьезно. Нѣкоторыя передовыя газеты выражали надежду, что мнѣ придется заняться пряденіемъ шерсти на пользу государства, а 17-го февраля 1863 г. палата депутатовъ приняла большинствомъ 274 голосовъ противъ 45 проектъ личной имущественной отвѣтственности министровъ за расходы, произведенные несогласно съ основными положеніями конституціи. Мнѣ подали мысль, для спасенія моего родового имѣнія, передать его брату; эта передача въ виду возможной при перемѣнѣ престолонаслѣдія конфискаціи моего имущества, могла произвести впечатлѣніе алчности и боязни за деньги, что мнѣ было противно. Мое положеніе въ палатѣ господъ висѣло на волоскѣ.

ХІІ.

Отношеніе династій къ національному нѣмецкому вопросу.—Перемѣна во взглядахъ Бисмарка, вызванная депешей Шварценберга.—Нѣмецкій патріотизмъ проявляется подъ видомъ преданности къ существующимъ династіямъ.—Нѣмецкій партикуляризмъ.—Составъ кабинета съ Бисмаркомъ во главѣ.—Характеристика министровъ.

Я всегда былъ увѣренъ въ томъ, что ключъ къ нѣмецкой политикѣ находится въ рукахъ нѣмецкихъ князей и представителей нѣмецкихъ

династій, а не парламента и прессы и не въ насильственныхъ дѣйствіяхъ; я остался вѣренъ этому взгляду и во время моего пребыванія во Франкфуртѣ. Общественное мнѣніе образованнаго класса, высказываясь въ парламентѣ и въ прессѣ, могло вліять на представителей этихъ династій, сдерживая или поощряя ихъ стремленія, но надобно сознаться, что оно гораздо чаще побуждало ихъ къ противодѣйствію, нежели вліяло на нихъ въ смыслѣ желательномъ для національнаго дѣла. Примкнувъ къ національному движенію, болѣе слабыя династіи думали найти въ этомъ свое спасеніе, тѣ же монархи и владѣтельные дома, которые чувствовали себя способными къ противодѣйствію, относились къ этому движенію съ недо вѣріемъ, ибо стремленіе къ нѣмецкому объединенію угрожало имъ потерю независимости и усиленіемъ центральной власти или народнаго представительства. Династія, царствовавшая въ Пруссіи, могла предвидѣть, что ей придется въ концѣ концовъ играть первенствующую роль въ германской политикѣ и приобрѣсти болѣе значительную власть и вліяніе. Можно было также предсказать, что *capitis deminutio*, котораго такъ опасались прочія династіи, послужитъ ей на пользу, если только эта династія не будетъ поглощена національнымъ парламентаризмомъ. Когда мои взгляды на равноправность Австріи и Пруссіи, съ которыми я пріѣхалъ въ Франкфуртъ, смѣнились подъ вліяніемъ союзнаго сейма сознаніемъ необходимости ограждать Пруссію отъ нападковъ и отъ поплзновеній предсѣдательствовавшей на сеймѣ державы, когда я убѣдился окончательно, что взаимныя симпатіи Австріи и Пруссіи не болѣе какъ юношеская мечта, возникающая подъ вліяніемъ школы и войнъ за освобожденіе, когда я убѣдился наконецъ, что Австрія, на содѣйствіе которой я до тѣхъ поръ разсчитывалъ, для Пруссіи не существуетъ, то во мнѣ созрѣло убѣжденіе, что, опираясь исключительно на власть союзнаго сейма, Пруссія не будетъ въ состояніи вернуть то положеніе, которое она занимала въ союзѣ до марта мѣсяца 1849 г., и что не будетъ никакой возможности преобразовать союзную конституцію, при помощи которой нѣмецкій народъ могъ бы добиться признанія за нимъ права на существованіе въ качествѣ великой европейской державы.

Въ моихъ взглядахъ совершился рѣзкій переворотъ, когда я прочиталъ въ Франкфуртѣ депешу князя Шварценберга отъ 7-го декабря 1850 г., которая до тѣхъ поръ была мнѣ неизвѣстна и въ которой онъ излагалъ обстоятельства Ольмюцкой конференціи въ такомъ видѣ, какъ будто отъ него зависѣло «унизить» Пруссію или великодушно простить ее. Мекленбургскій посланникъ фонъ-Эрценъ (von Oertzen), человѣкъ честныхъ, консервативныхъ убѣжденій, раздѣлявшій мои взгляды на дуалистическую политику, съ которыми я бесѣдовалъ по поводу Шварценберговской депеши, старался успокоить меня, видя до какой степени она задѣла мой прусскій патріотизмъ. Несмотря на второстепенную и

унизительную для пруссака роль, которую мы играли въ Ольмюцѣ и Дрезденѣ, прїѣхавъ въ Франкфуртъ, я былъ еще вполне на сторонѣ Австріи, но мои юношескія мечты разлетѣлись въ пухъ и прахъ, когда, ознакомившись съ официальными документами, я убѣдился въ томъ, что вся сущность Шварценберговской политики сводилась къ тому, чтобы «*avilir puis démolir*» (унизить и уничтожить). Гордіевъ узелъ нашихъ нѣмецкихъ дѣлъ не могъ быть распутанъ обѣими державами полюбовно, его можно было только разсѣчь мечемъ; надобно было во что бы то ни стало склонить прусскаго короля, а слѣдовательно и прусское войско къ тому, чтобы послужить національному дѣлу сознательно или безсознательно, независимо отъ того, что мы ставили бы при этомъ на первый планъ: первенствующую ли роль Пруссіи, съ точки зрѣнія прусскаго патріотизма, или же вопросъ о германскомъ единствѣ, съ точки зрѣнія національных интересовъ; то и другое вело къ одной цѣли, это было для меня совершенно ясно, что я и указалъ въ засѣданіи союзнаго сейма (30-го сентября 1862 г.), употребивъ впервые выраженіе о желѣзѣ и крови, которое было впослѣдствіи такъ много разъ истолковано превратно.

Пруссія была номинально великой державою, по крайней мѣрѣ пятою изъ нихъ, достигнувъ этого положенія благодаря умственному превосходству Фридриха Великаго и утвердивъ его за собою благодаря подъему народнаго духа въ Пруссіи въ 1813 г. Трудно сказать, сзумѣла ли бы дипломатія, въ лицѣ Гумбольдта и Гарденберга, и робкаго Вильгельма III воспользоваться вспыхнувшимъ во время Тильзитскаго мира національнымъ воодушевленіемъ четырехъ милліоновъ пруссаковъ и такового же, пожалуй, числа «сочувствовавшихъ» имъ лицъ въ старо-прусскихъ или нѣмецкихъ земляхъ, чтобы явилась возможность осуществить хотя то искусственное переустройство Пруссіи, которое совершилось въ 1815 г., если бы этому не помогъ благородный образъ дѣйствій, коему слѣдовалъ императоръ Александръ I съ 1812 г. и до Вѣнскаго конгресса, подъ вліяніемъ Штейна и Германіи. Территоріальныя размѣры Пруссіи не соответствовали въ то время ея умственному значенію и тому участию, которое она принимала въ войнахъ съ Наполеономъ.

Нѣмецкій патріотизмъ можетъ проявиться дѣятельно и энергично только тогда, когда онъ выражается подъ видомъ преданности къ существующей династіи; хотя въ теоріи онъ и проявляется ежедневно въ парламентѣ, въ прессѣ и на разныхъ собраніяхъ, нѣмцу нужна династія, которой онъ могъ бы быть преданъ, или какойнибудь вѣншній стимулъ, который возбудилъ бы его гнѣвъ и этимъ заставилъ бы его дѣйствовать. Но дѣйствіе гнѣва, по самому существу, не можетъ быть продолжительно. У насъ всякій готовъ скорѣе доказать свой

патріотизмъ какъ пруссакъ, гановерецъ, виртембергецъ, баварецъ, гессенецъ нежели какъ нѣмецъ; въ низшемъ классѣ и въ парламентскихъ партіяхъ это будетъ долго еще такъ продолжаться. Нельзя сказать чтобы гановерская, гессенская или какая либо иная династія дѣлала что либо особенное для того чтобы снискать расположеніе своихъ подданныхъ, однако ихъ нѣмецкій патріотизмъ обусловливается въ значительной степени преданностью династіи, стоящей во главѣ ихъ. Тутъ дѣло не въ племенномъ различіи, а исключительно въ династическомъ вопросѣ.

Для того чтобы нѣмцы могли проявить любовь къ отечеству, имъ нужно имѣть монарха, на которомъ они могли бы сосредоточить свою привязанность. Если бы мы могли представить себѣ такой случай, что всѣ существующія въ Германіи династіи внезапно исчезли съ лица земли, то нельзя было бы поручиться, что при всѣхъ перипетіяхъ европейской политики, чувство нѣмецкаго національнаго единства удержало бы нѣмцевъ сплоченными хотя бы въ видѣ союзовъ какихъ либо городовъ и т. п. Утративъ то связующее звено, которое выражается въ преданности къ общему монарху, нѣмцы сдѣлались бы добычею болѣе сплоченной націи.

Изъ числа всѣхъ, исторически сложившихся національностей Германіи, наиболѣе опредѣленно выработался несомнѣнно типъ прусской національности, тѣмъ не менѣе нельзя сказать, могла ли бы Пруссія существовать долгое время, какъ отдѣльное государство, если представить себѣ, что династія Гогенцоллерновъ, или какая либо иная, законно ей наслѣдовавшая династія исчезла съ лица земли. Возможно ли утверждать, что восточная и западная часть Пруссіи, т. е. жители Помераніи, Гановера, Голштиніи и Шлезвига, или жители Аахена и Кенигсберга остались бы попрежнему сплоченными и продолжали бы составлять одно цѣлое прусское государство, если бы они лишились своей царствующей династіи? Могла ли бы напримѣръ Баварія, отдѣльно взятая, существовать какъ нѣчто цѣлое, если бы Виттельбахская династія исчезла безслѣдно? Прошлое нѣкоторыхъ династій совершенно не можетъ возбудить преданности тѣхъ разнородныхъ частей, изъ коихъ сложилось ихъ государство въ историческомъ ходѣ своего развитія. У Шлезвигъ-Голштиніи напримѣръ совершенно нѣтъ династическихъ воспоминаній въ анти-готторпскомъ смыслѣ, между тѣмъ одна мысль о возможности создать вновь самостоятельный маленькій дворъ съ министрами, гофмаршалами, орденами и вести жизнь маленькаго самостоятельнаго государства за счетъ союза, вызвало въ приэльбскихъ герцогствахъ сильное партикуляристическое движеніе.

Прочія европейскія націи не нуждаются въ подобномъ объектѣ для проявленія своего патріотизма и своихъ національныхъ чувствъ. По-

ляки, венгерцы, итальянцы, испанцы, французы сохранили бы единство и сплоченность при всякой династии и даже при отсутствіи таковой. Сѣверо-германскіе народы, шведы и датчане довольно далеки отъ династической сентиментальности; въ Англіи вѣшніе знаки почтенія, оказываемые царствующей особѣ, составляютъ признакъ хорошаго тона, и всѣ партіи, принимавшія доселѣ участіе въ управленіи страны, признають необходимымъ фактическое сохраненіе королевской власти, но я не думаю, чтобы англійская нація распалась или чтобы въ ней могли проявиться какія-либо стремленія якобинскаго свойства, если бы историческій ходъ событій привелъ къ перемѣнѣ династии или если бы британскій народъ счелъ нужнымъ или полезнымъ перейти къ республиканской формѣ правленія.

Наличность династической преданности и необходимость имѣть династію, которая сплотила бы своимъ именемъ извѣстную часть націи, составляетъ специфическую особенность нѣмецкаго государства. Различныя національности, выработавшіяся у насъ на почвѣ наслѣдственныхъ династическихъ владѣній, состоятъ по большей части изъ разнородныхъ элементовъ, коихъ сплоченность обусловливается отнюдь не единообразіемъ племенного происхожденія, не одинакими условіями историческаго развитія, а исключительно тѣмъ фактомъ, что они достались той или другой династии, нерѣдко по весьма спорному праву сильного или по наслѣдству, въ силу родственныхъ отношеній и т. д. Каково бы ни было происхожденіе этой особенности нѣмецкаго народа, она имѣетъ результатомъ тотъ неоспоримый фактъ, что нѣмецъ всегда готовъ сражаться со своимъ же сосѣдомъ и единомышленникомъ нѣмцемъ и даже убить его, если это нужно въ силу какихъ-либо возникшихъ споровъ и недоразумѣній, ему даже вовсе непонятныхъ, и если это приказано царствующей династіей. Рѣшать вопросъ о правильности и разумности этой особенности не входитъ въ задачу германскаго государственнаго дѣятеля до тѣхъ поръ, пока она настолько сильна, что на нее можно полагаться. Трудность побороть эту особенность или игнорировать ее и проводить теоретически вопросъ о нѣмецкомъ объединеніи, не обращая вниманія на эту практическую помѣху, была нерѣдко непреодолимымъ препятствіемъ для тѣхъ, кому приходилось отстаивать, въ качествѣ первыхъ застрѣльщиковъ, мысль о нѣмецкомъ объединеніи и когда имъ пришлось воспользоваться для этого національнымъ движеніемъ 1849 и 1850 гг.

Династическіе интересы могутъ быть полезны Германіи настолько, насколько они приспособляются къ общимъ національнымъ интересамъ имперіи, съ коими они могутъ прекрасно идти рука объ руку; при извѣстныхъ обстоятельствахъ можетъ быть даже гораздо удобнѣе имѣть дѣло непосредственно съ самимъ, преданнымъ имперіи, владѣтельнымъ гер-

цогомъ, нежели съ его мелкопомѣстными подданными. Но, коль скоро интересы какой-либо династіи угрожаютъ намъ новымъ раздробленіемъ и обезсиленіемъ, то этой династіи должно быть указано надлежащее мѣсто. Нѣмецкій народъ съ его національной жизнью не можетъ быть раздробленъ какъ частная собственность отдѣльныхъ княжескихъ родовъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что сказанное относится точно такъ же къ бранденбургской курфиршеской династіи, какъ къ баварской, вельфской и прочимъ династіямъ; я былъ бы безсиленъ противъ бранденбургскаго царствующаго дома, если бы мнѣ пришлось отстаивать мои національныя нѣмецкія убѣжденія насильственно, идя въ разрѣзъ со взглядами короля, но въ скрижаляхъ исторіи было начертано, что моего придворнаго таланта хватить на то, чтобы заручиться содѣйствіемъ его величества, а слѣдовательно и его арміей для нѣмецкаго дѣла. Мнѣ пришлось быть можетъ даже энергичнѣе бороться противъ прусскаго партикуляризма, нежели противъ партикуляризма прочихъ государствъ и династій, и эта борьба была для меня еще труднѣе, вслѣдствіе моихъ давнихъ личныхъ отношеній къ императору Вильгельму I. Но несмотря на твердость его династическихъ убѣжденій, мнѣ всегда удавалось въ концѣ концовъ добиться его согласія на такія мѣры, которыя способствовали нашему національному нѣмецкому развитію, благодаря тому, что въ рѣшительный моментъ національныя стремленія брали въ немъ верхъ, хотя при этомъ затрогивались его самыя сокровенныя династическія и партикуляристическія воззрѣнія.

Вліяніе династій всегда было сильнѣе прессы и парламента; это доказывается тѣмъ фактомъ, что съ 1866 г. всѣ союзныя государства, которыя находились въ сферѣ австрійскаго вліянія, дѣйствовали за одно съ Австріей, не взирая на національныя стремленія ихъ подданныхъ, и только тѣ изъ нихъ были за Пруссію, которымъ угрожала опасность отъ «прусскихъ пушекъ».

Среди послѣднихъ составляли исключеніе только Ганноверъ, Гессенъ и Нассау, такъ какъ они считали Австрію достаточно сильной, чтобы отразить побѣдоносно всѣ требованія Пруссіи. Имъ пришлось за это поплатиться, такъ какъ имъ не удалось доказать королю Вильгельму, что Пруссія, стоя во главѣ Сѣверо-Германскаго союза, вовсе не нуждалась въ увеличеніи своей территоріи. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и въ 1866 г. матеріальная сила союзныхъ государствъ подчинялась династіямъ, а не парламентамъ, и что саксонцы, ганноверцы и гессенцы проливали кровь не за нѣмецкое объединеніе, а противъ него.

Около каждой нѣмецкой династіи концентрировались стремленія нѣмцевъ къ партикуляризму и къ образованію мелкихъ федерацій.

При распредѣленіи министерскихъ должностей, (въ то время когда

во главѣ кабинета сталъ Бисмаркъ), для замѣщенія которыхъ число кандидатовъ было довольно ограничено, первымъ былъ назначенъ министръ финансовъ Карлъ фонъ-Бодельшвингъ, братъ вышедшаго въ 1848 г. въ отставку министра внутреннихъ дѣлъ Эрнста фонъ-Бодельшвинга, уже занимавшій этотъ постъ съ 1851 по 1858 г. при Мантейфелѣ. Вскорѣ оказалось, что ни онъ, ни графъ Иценплицъ (Itzenplitz), назначенный министромъ торговли, не могли руководить дѣлами своего вѣдомства. Они ограничивались тѣмъ, что скрѣпляли своею подписью все, что представляли имъ болѣе свѣдущіе ихъ помощники, стараясь по возможности согласовать противорѣчія, возникавшія между политикой короля и кабинета и мнѣніями ихъ совѣтниковъ, изъ коихъ одни были либералы, а другіе держались узко чиновничьей точки зрѣнія. Весьма свѣдущіе въ дѣлахъ чины финансоваго вѣдомства были, въ душѣ, противниками новаго министерства, и смотрѣли на происшедшій конфликтъ лишь какъ на кратковременный эпизодъ въ дальнѣйшемъ либеральномъ развитіи бюрократической правительственной машины; хотя наиболѣе выдающіяся изъ этихъ господъ были люди слишкомъ порядочные, чтобы тормозить дѣятельность правительства, но все же они оказывали ему довольно чувствительное, хотя и пассивное противодействие въ тѣхъ случаяхъ, когда это не противорѣчило чувству ихъ долга. Это было причиною, что г. фонъ - Бодельшвингъ, составлявшій между нами, министрами, по своему положенію крайнюю правую, изображалъ обыкновенно, благодаря высказываемыхъ имъ взглядамъ, крайнюю лѣвую.

Министръ торговли, графъ Иценплицъ, также не могъ самостоятельно управлять министерствомъ, въ которомъ онъ былъ заваленъ работою, но плыть по теченію туда, куда его вели подчиненные. Пожалуй для министерства торговли, въ которое входило такъ много разнообразныхъ отраслей, трудно было найти начальника, который могъ бы самостоятельно вѣдать всеми дѣлами, но все же несомнѣнно, что графъ Иценплицъ былъ менѣе способенъ рѣшать предстоявшія ему вопросы, нежели, напр., фонъ-деръ-Гейдтъ, и въ вопросахъ техническаго свойства подчинялся довольно безпомощно своимъ опытнымъ въ дѣлахъ подчиненнымъ. Онъ обладалъ къ тому же мягкимъ характеромъ и не имѣлъ энергіи, необходимой для того, чтобы руководить столь обширнымъ вѣдомствомъ; онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ злоупотребленій, въ которыхъ обвиняли тогда самыхъ видныхъ дѣтелей министерства торговли и которыя весьма тревожили его, какъ честнаго человѣка; онъ былъ безсиленъ въ этомъ случаѣ, полагая, что онъ не въ состояніи обойтись безъ помощи своихъ помощниковъ, свѣдущихъ въ технической сторонѣ дѣла, къ которымъ между тѣмъ онъ относился съ большимъ недоверіемъ.

Отъ названныхъ двухъ коллегъ я не могъ ожидать лично ровно никакой помощи, во-первыхъ, потому, что они были къ этому совершенно неспособны, а во-вторыхъ, потому, что они относились ко мнѣ слишкомъ несочувственно, какъ къ человѣку болѣе молодому и не принимавшему ранѣе участія въ дѣлахъ управленія.

Во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ я засталъ г. фонъ-Ягова, но онъ вскорѣ такъ возстановилъ противъ себя своихъ коллегъ своею рѣзкостью, пустословіемъ и любовью къ бесполезнымъ спорамъ, что его пришлось замѣнить графомъ Эйленбургомъ. Весьма любопытенъ одинъ эпизодъ, случившійся съ нимъ уже по уходѣ его изъ министерства, когда онъ занималъ мѣсто оберъ-президента въ Потсдамѣ. Въ переговорахъ, возникшихъ по одному весьма важному для города Берлина вопросу, Яговъ, по занимаемой имъ должности, явился посредникомъ между правительствомъ и городскими властями. Дѣло настолько не терпѣло отлагательства, что министерство предложило обербургмистру отправиться въ Потсдамъ, узнать по одному весьма важному пункту, на словахъ, мнѣніе оберъ-президента и доложить его совѣту министровъ, коего засѣданіе было назначено для этого нарочно въ тотъ же вечеръ.

Оберъ-бургмистръ провелъ у Ягова два часа, но являсь въ засѣданіе, заявилъ, что онъ ничего не можетъ доложить, такъ какъ ему не удалось сказать оберъ-президенту ни слова въ теченіе тѣхъ двухъ часовъ, которые были въ его распоряженіи между приходомъ и отходомъ поѣзда. Рискуя быть невѣжливымъ, онъ неоднократно старался перебить его и вставить свой вопросъ, но президентъ каждый разъ энергично останавливалъ его, говоря: «Позвольте, я еще не кончилъ, дайте мнѣ досказать». Это было весьма непріятно, но мы невольно разсмѣялись, припомнивъ что и съ нами бывали случаи въ этомъ родѣ.

Мой коллега по министерству земледѣлія Ф. Зельховъ не обладалъ столь обширными способностями, какія ему приписывала молва. Король предполагалъ назначить его министромъ внутреннихъ дѣлъ—постъ въ то время чрезвычайно важный. Имѣвъ продолжительную бесѣду съ Ф. Зельховымъ, узнавъ ближе его образъ мыслей, и считая его неспособнымъ занимать эту должность я просилъ его величество измѣнить свое намѣреніе и назначить вмѣсто него графа Фридриха Эйленбурга. Они оба, какъ масоны, были лично извѣстны королю; на нихъ остановился выборъ только въ декабрѣ, когда обнаружилось затрудненіе при сформированіи министерства. Король сомнѣвался въ томъ, чтобы графъ Эйленбургъ былъ способенъ управлять министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и хотѣлъ назначить его министромъ торговли, графа Иценпида—министромъ земледѣлія, а Зельхова министромъ внутреннихъ дѣлъ. Я возразилъ на это, что по своей специальной подготовкѣ Эйленбургъ и Зельховъ одинаково годятся для этой должности, что имъ придется обоимъ во многомъ полагаться на

своихъ ближайшихъ помощниковъ, но что касается меня, то я придаю въ этомъ случаѣ болѣе значенія личнымъ способностямъ и смѣтливости, нежели специальнымъ техническимъ знаніямъ. Я соглашался съ тѣмъ, что Эйленбургъ былъ не особенно трудолюбивъ и болѣе склоненъ къ удовольствіямъ; но онъ обладалъ здравымъ смысломъ и былъ готовъ дѣйствовать рѣшительно и если бы ему, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, пришлось вынести на своихъ плечахъ всю тяжесть борьбы, то необходимость защищаться и парировать удары, которые будутъ ему нанесены, заставила бы его дѣйствовать энергично. Король уступилъ, и я увѣренъ, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ, мой выборъ былъ правильный, ибо хотя мнѣ и приходилось довольно часто и даже много страдать отъ лѣни моего друга Эйленбурга и отъ его неисполнительности, но когда на него находила охота работать, то онъ былъ для меня прекраснѣйшимъ помощникомъ и всегда дѣйствовалъ умно, хотя въ немъ и проявлялись иной разъ честолюбіе и обидчивость даже по отношенію ко мнѣ. Когда приходилось работать особенно упорно, отказываясь отъ всякихъ развлеченій и отдыха, онъ начиналъ нервничать. Какъ бы то ни было, онъ вмѣстѣ съ Роономъ были самыми дѣльными членами нашего кабинета.

Въ то время, когда я вступилъ въ должность, изъ всѣхъ моихъ будущихъ коллегъ одинъ только Роонъ понималъ истинную цѣль и смыслъ моего назначенія и предстоявшій намъ планъ дѣйствій, который онъ обсуждалъ вмѣстѣ со мною. Никто не могъ сравниться съ нимъ въ самоотверженности, смѣлости и умѣни, съ каковыми еще до вступленія моего въ министерство и впослѣдствіи при мнѣ онъ помогалъ правительству въ борьбѣ съ кризисомъ, вызваннымъ попыткой идти по новому пути. Роонъ отлично зналъ дѣла своего вѣдомства, энергично руководилъ имъ, былъ самымъ краснорѣчивымъ человѣкомъ между нами, отличался умомъ и свойственной прусскому офицеру непоколебимой честностью убѣжденій. Понимая политическіе вопросы такъ же ясно, какъ Эйленбургъ, онъ былъ послѣдовательнѣе его, болѣе увѣренъ въ себѣ и болѣе остороженъ. Въ частной жизни онъ былъ безупреченъ. Я подружился съ нимъ еще въ дѣтствѣ, когда онъ жилъ въ домѣ моихъ родителей (1833 г.), занимаясь топографической съемкой; мнѣ приходилось только страдать отъ его вспыльчивости, доходившей до того, что она угрожала нерѣдко опасностью его здоровью. Въ то время, когда по причинѣ моей болѣзни онъ исполнялъ въ 1873 г. временно мои обязанности, нѣкоторые изъ моихъ недоброжелателей, какъ напримѣръ, Гарри Арнимъ и нѣкоторые другія лица изъ молодыхъ военныхъ, которые вели противъ меня, вмѣстѣ съ своими единомышленниками, кампанію въ «Kreuzzeitung» и «Reichsglocke», старались поддѣлаться къ нему и возстановить его противъ меня. Ему недолго пришлось стоять во

главъ кабинета; прочіе наши коллеги, видя что онъ относится къ нимъ далеко не такъ, какъ они вправѣ были ожидать и требовать какъ члены коллегіальнаго учрежденія, тѣмъ болѣе что вспыльчивость его съ лѣтами возрастала и что наши сотоварищи, какъ люди статскіе, не внушали ему ни малѣйшаго уваженія, стали просить меня, чтобы я снова занялъ свое мѣсто, и хлопотали о томъ же секретно черезъ Эйленбурга у короля, къ моему величайшему сожалѣнію, безо всякаго вѣдома съ моей стороны что вызвало со стороны Роона ко мнѣ не то чтобы враждебное отношеніе, но нѣкоторую холодность и заставило меня убѣдиться, что мой лучший другъ и сотоварищъ не сумѣлъ устоять противъ лжи и клеветы, которую мои недоброжелатели систематически распространяли противъ меня; я поступилъ бы, вѣроятно, въ подобномъ случаѣ иначе.

Министръ духовныхъ дѣлъ и вѣроисповѣданій фонъ-Миллеръ въ служебномъ отношеніи походилъ на своего преемника фонъ-Госслера, съ тою лишь разницею, что на него имѣла большое вліяніе его энергичная супруга, любившая вмѣшиваться въ дѣла и которой онъ подчинялся, такъ какъ онъ былъ слабѣе ея характеромъ; я не замѣчалъ этого вначалѣ, но понималъ, что это такъ по впечатлѣнію, которое они произвели на меня при личномъ знакомствѣ. Я вспоминаю, что въ бытность мою въ августѣ мѣсяцѣ 1865 г. въ Гастейнѣ, мнѣ пришлось однажды, отбросивъ всякую вѣжливость, настаивать на томъ, чтобы переговорить съ г. Миллеромъ съ глаза на глазъ по поводу одного королевскаго повелѣнія; и едва удалось убѣдить его супругу оставить насъ однихъ. Подобные случаи приводили его въ дурное настроеніе духа; хотя благодаря его служебной опытности, это не вредило дѣлу, но отъ этого страдали наши личные отношенія.

На политическіе взгляды г-жи Миллеръ имѣлъ вліяніе не ея супругъ, а ея величество: и она всегда старалась дѣйствовать въ смыслѣ желательномъ для королевы. Придворная атмосфера, чинопочитаніе, наружное проявленіе высочайшаго благоволенія нерѣдко имѣли на женъ нашихъ министровъ такое вліяніе, которое давало себя чувствовать въ политикѣ; личная политика императрицы Августы, противорѣчившая обыкновенно государственнымъ интересамъ, имѣла въ лицѣ г-жи Миллеръ служливую пособницу, а г. Миллеръ хотя былъ человекъ весьма неглупый и честный, но не обладалъ достаточно твердыми убѣжденіями, чтобы не дѣлать, для поддержанія домашняго мира, но въ ущербъ государственной политикѣ, нѣкоторыхъ уступокъ, когда это не слишкомъ бросалось въ глаза.

Министръ юстиціи, графъ Липпе, вѣроятно какъ бывшій прокуроръ, имѣлъ привычку говорить самыя рѣзкія вещи съ улыбкою и съ язвительнымъ выраженіемъ своего собственнаго превосходства, тѣмъ онъ несказанно раздражалъ парламентъ и своихъ коллегъ.

Государственный вопрос, по поводу котораго возникъ конфликтъ между правительствомъ и парламентомъ, и взглядъ, усвоенный на него кабинетомъ и заслужившій одобреніе короля, затронуть въ письмѣ его величества къ барону фонъ-Финке, о которомъ было упомянуто въ прессѣ, но которое, на сколько мнѣ помнится, не было напечатано полностью ¹⁾, хотя оно вполне заслуживаетъ быть обнародованнымъ, такъ какъ въ немъ выразился взглядъ короля на отвѣтственность министерства.

Баронъ фонъ-Финке, посылая королю поздравительное письмо къ новому году (1863 г.), заключилъ его слѣдующими словами: «Народъ преданъ вашему величеству, но въ то же время онъ твердо стоитъ за право, которое предоставлено ему 99-ю статьею конституціи. Да предотвратитъ Господь злополучныя послѣдствія крупнаго недоразумѣнія».

Король отвѣчалъ, 2-го января 1863 г.

«Я искренне вамъ благодаренъ за ваши любезныя пожеланія къ новому году. Не подлежитъ сомнѣнію, что мы не можемъ смотрѣть радостно на наступающій годъ. Но я не понимаю, почему и вы со своей стороны трубите о томъ, будто я не понимаю настроенія большинства націи; по всей вѣроятности вы не читали моего отвѣта депутаціи, явившейся ко мнѣ съ выраженіемъ своихъ вѣрноподданныхическихъ чувствъ. Я говорилъ неоднократно, что мое довѣріе къ народу непоколебимо, ибо я зналъ, что народъ мнѣ также довѣряетъ; но я проклинаю тѣхъ, которые хотятъ лишить меня этого довѣрія, такъ какъ ихъ планы могутъ быть осуществлены только въ томъ случаѣ, ежели это довѣріе будетъ поколеблено. Всему свѣту извѣстно, что они считаютъ пригодными для этого всѣ пути, ибо ихъ планы могутъ осуществиться только благодаря лжи и обману.

«Вы говорите даже, что народъ требуетъ исполненія § 99 конституціи. Я хотѣлъ бы знать, сколько человекъ знаютъ § 99 или когда-либо слышали о немъ!!! Но это, конечно, безразлично и не измѣняетъ сущности дѣла, такъ какъ для правительства этотъ параграфъ существуетъ и оно обязано его исполнять. Но кто же виновать, если исполненіе этого параграфа стало невысказано? Развѣ я не уступилъ послѣ зимней сессіи 4 милліона, къ сожалѣнію, измѣнивъ сообразно съ этимъ военный бюджетъ? Развѣ я не сдѣлалъ, къ сожалѣнію, и многія другія уступки, чтобы доказать новой палатѣ желаніе правительства придти съ нею къ соглашенію? А къ чему это повело? Къ тому, что палата депутатовъ поступила такъ, какъ будто я ровно ничего не сдѣлалъ, чтобы пойти ей навстрѣчу, и требовала все по-

¹⁾ Оно напечатано у Л. Шнейдера, „Aus dem Leben Wilhelms I“, ч. I 194, 197.

выхъ и новыхъ уступокъ; это привело наконецъ, къ тому, что управленіе страной стало почти невысказуемо. Тотъ, кто такъ пользуется своимъ правомъ, т. е. уменьшаетъ бюджетъ такъ, что вся государственная дѣятельность прекращается, того можно назвать сумасшедшимъ. Гдѣ сказано въ конституціи, что только одно правительство должно дѣлать уступки, а депутаты никогда?... Послѣ того, какъ я сдѣлалъ съ своей стороны уступки въ неслыханныхъ размѣрахъ, депутатамъ слѣдовало сдѣлать таковыя съ своей стороны. Но они ни въ какомъ случаѣ не хотѣли сдѣлать ихъ, и такъ-называемый «эпизодъ» доказываетъ ясно, какъ день, что намъ ставили одну ловушку за другой, въ которую попалъ даже вашъ двоюродный братъ Патовъ и Шверинъ, вслѣдствіе низости Boskim-Dolff'a. Для того, чтобы добиться принятія бюджета, намъ пришлось сбить въ 1862 г. 234.000 рейхсталера, хотя самая сущность вопроса подлежала обсужденію лишь въ 1863 г.; это было напечатано; и когда я изъяснилъ на это свое согласіе, тогда только Boskim-Dolffъ заявилъ, что съ ихъ стороны, т. е. со стороны его политическихъ друзей, эта уступка можетъ быть принята лишь въ томъ случаѣ, если въ коммисіи немедленно будетъ изъяснено согласіе на двухъ-годичный срокъ службы, и законопроектъ объ этомъ будетъ на другой же день внесенъ въ парламентъ. Когда я и на это согласился, то Boskim-Dolffъ осмѣялъ насъ въ прессѣ. «Можно себя представить, до чего доходить низость правительства, если оно требуетъ отъ палаты, чтобы она предложила миръ за 234.000 рейхсталеровъ!» Однако это предложеніе было сдѣлано палатою! Была ли совершена когда-либо большая гнусность съ цѣлью осрамить правительство и сбить съ толку народъ?

«Палата депутатовъ воспользовалась своимъ правомъ и уменьшила бюджетъ.

«Палата господъ воспользовалась своимъ правомъ и отвергла бюджетъ en bloc.

«Что предписываетъ въ подобномъ случаѣ конституція?

«Ничего!

«Такъ какъ палата депутатовъ воспользовалась своимъ правомъ для уничтоженія арміи и страны, то мнѣ пришлось въ виду этого «ничего» что-либо предпринять и управлять домомъ какъ хорошій отецъ семейства и въ послѣдствіи дать во всемъ отчетъ. Кто же сдѣлалъ невысказуемымъ соблюденіе § 99?.. Конечно не я! Вильгельмъ».

XIII.

Отношеніе русскаго правительства къ польскому вопросу. — Мнѣніе Александра II. — Императоръ предлагаетъ Бисмарку поступить на русскую службу. — Дружественныя отношенія къ Россіи могутъ быть полезны для нѣмецкаго объединенія. — Образъ дѣйствій Австріи во время польскаго возстанія. — Трудныя стороны польскаго вопроса для Пруссіи. — Значеніе Альвенслебенской военной конвенціи. — Отношеніе Горчакова къ польскому вопросу.

Колеблясь между сочувствіемъ къ полякамъ и абсолютизмомъ, въ Петербургѣ довольно долго не знали, какъ отнестись къ польскому возстанію, которое началось одновременно съ революціей въ Италіи, имѣло съ нею несомнѣнно нѣкоторую связь и выразилось вначалѣ національнымъ трауромъ, церковными процессіями въ память событій, носившихъ патріотическій характеръ, и волненіями въ сельско-хозяйственныхъ клубахъ. Полякамъ сочувствовала та часть высшаго русскаго общества, которая мечтала о конституціи, считая обиднымъ, что русскіе, люди образованные, не имѣли тѣхъ учреждений, которыя существуютъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, и не могли принимать участія въ обсужденіи вопросовъ внутренняго управленія. Разногласіе во взглядахъ на польскій вопросъ обнаружилось также въ высшихъ военныхъ сферахъ и повело къ извѣстному прискорбному столкновенію между варшавскимъ намѣстникомъ генераломъ графомъ Ламбертомъ и генералъ-губернаторомъ генераломъ Герстенцвейгомъ, которое окончилось загадочной смертью послѣдняго (въ январѣ 1862 г.). Я присутствовалъ при его отпѣваніи въ одной изъ лютеранскихъ церквей въ Петербургѣ. Лица, мечтавшія о конституціи, говорили какъ бы въ свое оправданіе, что русскіе не могутъ управлять поляками, которые, будучи болѣе цивилизованы, могутъ предъявить болѣе широкія требованія на участіе въ управленіи страной.

Это мнѣніе раздѣлялъ и князь Горчаковъ, коему парламентскія учрежденія могли открыть обширное поле для проявленія его краснорѣчія въ европейскомъ вкусѣ и который, жаждая популярности, былъ не въ состояніи идти противъ либеральныхъ стремленій русскаго «общества». При слушаніи дѣла Вѣры Зазуличъ (11-го апрѣля 1878 г.) онъ первый рукоплескалъ ея оправданію.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года, когда я уѣхалъ изъ Петербурга, тамъ происходила оживленная борьба мнѣній; она продолжалась и въ то время, когда я сталъ во главѣ кабинета. При вступленіи моемъ въ управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, я былъ того взгляда, что мятежъ, вспыхнувшій 1-го января 1863 года, затронулъ не только интересы нашихъ восточныхъ провинцій, но и гораздо болѣе важный

для насъ вопросъ о томъ, какъ отнесутся къ Польшѣ въ русскихъ правительственныхъ сферахъ: сочувственно или враждебно, будетъ ли тамъ преобладать стремленіе къ братанью съ поляками въ панславянскомъ, анти-нѣмецкомъ духѣ или возьметъ верхъ желаніе сблизиться съ Пруссіей. Говоря о своемъ желаніи сойтись съ поляками, русскіе были чистосердечнѣе ихъ; польское дворянство и духовенство не вѣрило, чтобы эти стремленія могли принести Польшѣ какую-либо пользу, и не считали единенія съ Россіей конечной цѣлью своихъ желаній. Врядъ ли хотя одинъ полякъ смотрѣлъ на примирительную политику иначе какъ на тактическій маневръ, рассчитанный на то, чтобы обмануть до поры до времени легковѣрныхъ русскихъ. Польское дворянство и духовенство отвергаетъ возможность сближенія съ русскими точно такъ же, какъ съ нѣмцами, съ послѣдними даже болѣе отчасти, вслѣдствіе антипатіи къ нѣмецкой расѣ и отчасти исходя изъ того убѣжденія, что въ государственномъ строѣ поляки скорѣе могли бы руководить русскими, нежели нѣмцами.

Вопросъ о томъ, какъ отнесется Россія къ польскому возстанію, имѣлъ первостепенное значеніе для будущаго Пруссіи, какъ германской державы. Доброжелательное къ Польшѣ отношеніе русскаго правительства могло повести къ сближенію Россіи съ Франціей, къ которому обѣ державы стремились со времени Парижскаго мира и даже раньше, а доброжелательный Польшѣ франко-русскій союзъ, о которомъ говорили еще до іюльской революціи, поставилъ бы тогдашнее прусское правительство въ весьма затруднительное положеніе. Намъ слѣдовало въ нашихъ собственныхъ интересахъ противодействовать польскимъ симпатіямъ русскаго кабинета, хотя бы онѣ выражались въ духѣ Александра I.

Изъ откровенной бесѣды моей съ княземъ Горчаковымъ и съ самимъ императоромъ я убѣдился, что Россія была не прочь отъ братскаго сближенія съ Польшей. Императоръ Александръ, какъ онъ высказалъ мнѣ откровенно, былъ готовъ отказаться отъ нѣкоторой части Польши; по крайней мѣрѣ отъ лѣваго берега Вислы, исключая Варшавы, которая, въ качествѣ крѣпости, имѣла значеніе для военныхъ цѣлей и принадлежала, со стратегической точки зрѣнія, къ треугольнику укрѣпленій на Вислѣ; впрочемъ императоръ не особенно настаивалъ на этомъ. Польша представляла, по его словамъ, для Россіи вѣчный источникъ тревоги и опасности, которая угрожала ей со стороны Европы; обрусѣніе ея немислимо вслѣдствіе различія вѣроисповѣданія и неспособности русской администраціи.—Вы можете онѣмечить польскія земли, говорилъ онъ, вы имѣете къ тому всѣ средства, такъ какъ нѣмецкій народъ образованнѣе польскаго. Русскій же человѣкъ не чувствуетъ въ себѣ необходимаго превосходства для того, чтобы властвовать надъ поляками; Россіи слѣдуетъ ограничиться наименьшимъ количествомъ польскаго

населенія, какое допускаетъ ея географическое положеніе, т. е. принять границу Вислу и Варшаву какъ тетъ-де-понъ.

Не знаю, было ли сказанное результатомъ зрѣло обдуманнаго государемъ плана, но, по всей вѣроятности, этотъ вопросъ обсуждался имъ съ государственными людьми, ибо императоръ никогда не высказывалъ мнѣ своихъ самостоятельныхъ политическихъ плановъ. Этотъ разговоръ происходилъ въ то время, когда было уже почти рѣшено, что я буду отозванъ изъ Петербурга; превратно истолковавъ мои слова, что я весьма сожалею объ этомъ и охотно остался бы въ Петербургѣ, которыя были сказаны вполне искренно, а не изъ простой вѣжливости, государь спросилъ, не желаю ли я поступить на русскую службу. Я отвѣчалъ на это вѣжливымъ отказомъ, но сказалъ съ особеннымъ удареніемъ, что мнѣ бы хотѣлось остаться при его величествѣ въ качествѣ прусскаго посланника. Мнѣ было бы очень пріятно, если бы императоръ сдѣлалъ съ этой цѣлью какіе-либо шаги, такъ какъ для меня не было ничего привлекательнаго въ перспективѣ быть министромъ или хотя бы посланникомъ въ Парижѣ или Лондонѣ, не имѣя возможности, при новомъ направленіи нашей политики, оказывать на нее вліяніе. Я не могъ себѣ представить какимъ образомъ, служа въ Лондонѣ или Парижѣ, я могъ бы быть полезенъ странѣ и какъ я могъ бы содѣйствовать успѣху своихъ взглядовъ, между тѣмъ какъ вліяніе, коимъ я пользовался у императора Александра и его государственныхъ дѣателей, имѣло, безъ сомнѣнія, большое для насъ значеніе. Мысль сдѣлаться министромъ иностранныхъ дѣлъ была мнѣ такъ непріятна, какъ то ощущеніе, которое мы испытываемъ купаясь въ морѣ въ холодную погоду; но всѣ эти соображенія были недостаточно сильны, чтобы побудить меня энергично приняться за устройство своей судьбы или чтобы заставить меня просить о томъ императора Александра.

Когда я все-таки былъ назначенъ министромъ, то меня болѣе занимали вопросы внутренней, нежели внѣшней политики; что касается послѣдней, то подъ вліяніемъ моего недавняго пребыванія въ Россіи меня интересовали преимущественно наши отношенія къ этой державѣ, и я старался упрочить вліяніе, которое наша политика имѣла въ Петербургѣ. Для меня было совершенно ясно, что Пруссія не могла ожидать въ своей политикѣ никакой поддержки отъ Австріи въ нѣмецкомъ вопросѣ. Трудно было также предполагать, что Франція искренно будетъ желать нашего усиленія и объединенія Германіи, но это не мѣшало намъ воспользоваться въ нашихъ интересахъ временной поддержкою Наполеона III, хотя бы и основанной на его ошибочномъ расчетѣ. Мы находились относительно Россіи въ такомъ же точно положеніи, какъ относительно Англіи, поскольку наши интересы не расходились по существу съ интересами той и другой державы и были скрѣплены много-

лѣтнюю дружбою. Отъ Англіи мы едва ли могли ожидать что-либо кромѣ платоническаго доброжелательства и поучительныхъ писемъ и газетныхъ статей. Помощь русскаго царя, какъ показала венгерская кампанія, могла, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, быть существеннѣе доброжелательнаго нейтралитета. Конечно, нельзя было разсчитывать, что онъ сдѣластъ что-либо подобное и для насъ, но легко могло случиться, что если бы Франція сдѣлала попытку вмѣшаться въ наши національныя дѣла, то императоръ помогъ бы намъ оградиться отъ этого вмѣшательства своимъ дипломатическимъ посредничествомъ. Доброжелательство къ намъ этого монарха, на основаніи котораго это можно было предположить проявилось и въ 1870 г., тогда какъ всѣ симпатіи нейтральной и дружественной намъ Англіи были въ то время на сторонѣ Франціи. Поэтому намъ слѣдовало, по моему мнѣнію, оберегать симпатію, которую питалъ къ намъ Александръ II, хотя ее не раздѣляли многіе его подданные и государственные сановники; ее слѣдовало оберегать по крайней мѣрѣ настолько, чтобы Россія не имѣла повода стать на сторону нашихъ враговъ. Въ то время нельзя было предвидѣть, какъ долго обстоятельства позволяютъ намъ пользоваться дружескимъ расположеніемъ царя въ нашихъ политическихъ выгодахъ. Во всякомъ случаѣ простой здравый смыслъ повелѣвалъ намъ дѣйствовать такъ, чтобы это дружеское расположеніе не перешло на сторону нашихъ враговъ, коими были поляки, всѣ сочувствующіе имъ русскіе и пожалуй даже французы. Австрія была занята въ то время главнымъ образомъ своимъ соперничествомъ съ Пруссіей на нѣмецкой національной почвѣ и легче могла справиться съ польскимъ возстаніемъ, нежели мы или Россія; несмотря на воспоминанія 1846 г. и на то, что головы польскихъ вельможъ были ею оцѣнены, католическая имперія все же пользовалась у поляковъ и у католическаго духовенства болѣе симпатіей, чѣмъ Пруссія и Россія.

Примирить австро-польскія и русско-польскія желанія врядъ ли было возможно; но сочувствіе, выраженное въ 1863 г. польскому возстанію австрійской политикой и западными державами, доказываетъ, что Австрія не боялась русскаго соперничества въ возстановленной Польшѣ. Въ апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ мѣсяцѣ 1863 года Австрія сдѣлала Россіи, совместно съ Франціей и Англіей, троекратно представленія въ интересахъ Польши.

«Мы обсудили, говорилось въ нотѣ, посланной Австріей 18-го іюня, условія, при какихъ въ Царствѣ Польскомъ могутъ быть возстановлены тишина и спокойствіе, и изложили ихъ въ нижеслѣдующихъ шести пунктахъ, которые мы представляемъ на благоусмотрѣніе петербургскаго кабинета: 1) Полная и всеобщая амнистія; 2) Национальное представительство съ участіемъ въ законодательныхъ работахъ и съ правомъ

фактического контроля. 3) Назначение поляков на государственныя должности съ такимъ расчетомъ, чтобы со временемъ образовалась особая національная администрація, могущая внушить довѣріе странѣ. 4) Полная свобода совѣсти и отмена всѣхъ мѣръ, стѣсняющихъ свободу католическаго вѣроисповѣданія. 5) Исключительное употребленіе польскаго языка въ дѣловыхъ сношеніяхъ въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ. 6) Введеніе правильной и законной системы рекрутскаго набора».

Австрія отвѣчала рѣшительнымъ отказомъ на предложеніе Горчакова, чтобы Россія, Австрія и Пруссія соединились для обсужденія вопроса о дальнейшей судьбѣ своихъ польскихъ подданныхъ, заявивъ, что «соглашеніе, состоявшееся между вѣнскимъ, лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, создало между ними такую связь, которую Австрія не можетъ нарушить, вступивъ отдѣльно въ переговоры съ Россіей». Таково было положеніе дѣлъ въ то время, какъ король получилъ въ Гастейнѣ собственноручное письмо императора Александра, въ которомъ государь сообщалъ ему о своемъ намѣреніи двинуть войска въ Польшу и просилъ содѣйствія Пруссіи.

Не подлежитъ сомнѣнію, что дружескія отношенія, существовавшія въ то время между обѣими западными державами, повліяли на предложеніе, сдѣланное императоромъ Францомъ-Іосифомъ 2-го августа, о созывѣ княжескаго сейма, но онъ ошибся въ расчетѣ и не подозрѣвалъ, что императору Наполеону наскучилъ уже польскій вопросъ и что онъ только и думалъ о томъ, какъ бы приличнымъ образомъ совершить отступленіе.

Графъ Гольцъ писалъ мнѣ 31-го августа ¹⁾:

«Вы увидите изъ моего сегодняшняго письма, что мы находимся въ наилучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ (дѣйствительно онъ никогда еще не былъ со мною такъ любезенъ и откровененъ, даже въ самомъ началѣ моей миссіи), что Австрія оказала намъ по отношенію къ Франціи большую услугу своимъ княжескимъ сеймомъ, и что если бы польскій вопросъ былъ рѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ, то благодаря отсутствію Меттерниха, и послѣдовавшему сегодня отъѣзду его высочайшаго друга, мы легко могли бы занять вновь такое политическое положеніе, при которомъ можно бы спокойно ожидать дальнейшихъ событій.

«Я не могъ отвѣтить на замѣчанія императора относительно польскихъ дѣлъ, какъ я бы того желалъ; мнѣ кажется его величество ожидалъ, что ему будетъ предложено посредничество; но инструкція, полученная мною отъ короля, заставила меня быть сдержаннымъ. Во вся-

¹⁾ Bismarck-Jahrbuch, V, 219.

комъ случаѣ, по моему мнѣнію, надобно ковать желѣзо, пока оно горячо; императоръ предъявляетъ въ настоящее время требованія болѣе скромныя, чѣмъ когда либо; но если Австрія захочетъ загладить недовѣренность, сдѣланную ею во Франкфуртѣ уступчивостью въ польскомъ вопросѣ, то надобно будетъ постараться, чтобы онъ вернулся къ прежнимъ требованіямъ. Онъ хочетъ теперь только выйти съ честью изъ этого положенія, самъ признаетъ всѣ шесть пунктовъ неудовлетворительными и готовъ смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ они будутъ осуществляться на практикѣ; поэтому ему было бы весьма удобно, если бы его не обязали слѣдить слишкомъ строго за ихъ выполненіемъ. Судя по тому какъ дѣло шло до сихъ поръ, я боюсь только, что русскіе лишатъ насъ заслуги окончить это дѣло, сдѣлавъ безъ насъ то, что мы собирались посовѣтывать имъ.

«Поѣздка великаго князя, который очевидно еще не отозванъ, внушаетъ мнѣ большое подозрѣніе. Что будетъ, если императоръ Александръ объявитъ теперь конституцію и сообщитъ о томъ императору Наполеону собственноручнымъ любезнымъ письмомъ? Это было бы конечно лучше, нежели продолжающаяся неурядица, но для насъ оно было бы менѣе благоприятно, чѣмъ если бы мы сказали предварительно императору Наполеону: «Мы готовы посовѣтывать это государю; будешь ли ты этимъ доволенъ?»

Мы не обратили вниманія на намекъ, сдѣланный недѣли двѣ тому назадъ генераломъ Флѣри одному изъ членовъ прусскаго посольства, что слѣдовало бы посовѣтывать императору Александру сдѣлать этотъ шагъ, и дипломатическій походъ трехъ державъ лопнулъ бы какъ мыльный пузырь. Планъ, предложенный графомъ Гольцемъ, показался мнѣ съ политической точки зрѣнія неправильнымъ, недостойнымъ и задуманнымъ скорѣе во французскомъ нежели въ нѣмецкомъ духѣ.

Польскій вопросъ не представляетъ для Австріи тѣхъ трудностей, какія сопряжены для насъ съ исполненіемъ требованій, предъявляемыхъ одновременно нѣмцами и поляками въ Польшѣ и въ Западной Пруссіи и съ положеніемъ Восточной Пруссіи въ случаѣ возстановленія независимости Польши. Наше географическое положеніе и смѣшеніе обѣихъ національностей въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, включая Силезію, вынуждаетъ насъ тормозить рѣшеніе польскаго вопроса; подобныя соображенія руководили нами и въ 1863 г., когда мы старались повліять въ томъ же смыслѣ на Россію. Одно время, руководясь теоріей Велепольскаго, въ Петербургѣ прочили великаго князя Константина Николаевича въ вице-короли Польши.

Военная конвенція, заключенная въ февралѣ мѣсяцѣ 1863 г. въ Петербургѣ генераломъ Густавомъ Альвенслебеномъ, имѣла для Пруссіи

скорѣе дипломатическое, нежели военное значеніе ¹⁾. Она олицетворяла собою побѣду, одержанную прусскою политикою въ кабинетѣ русскаго царя надъ польскими вѣяніями, коихъ представителями были Горчаковъ, Велепольскій и другія вліятельныя лица. Она была заключена по желанію самого императора вопреки мнѣнію его министровъ. Соглашеніе военно-политическаго характера, заключенное Россіей съ нѣмцемъ, противникомъ панславизма, противъ польскаго «братскаго народа» было рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ партіи, которая сочувствовала при дворѣ Польшѣ; съ военной точки зрѣнія, эта конвенція не имѣла почти никакого практическаго значенія; русскія войска были достаточно сильны и успѣхи повстанцевъ существовали большей частью только въ довольно фантастическихъ донесеніяхъ, которыя фабриковались по заказу изъ Парижа, въ Мисловицѣ, и посылались яко бы съ границы, или съ театра военныхъ дѣйствій, или изъ Варшавы и появлялись сперва въ одной берлинской газетѣ, а затѣмъ обходили всю европейскую прессу. Конвенція эта была искуснымъ шахматнымъ ходомъ, который рѣшилъ партію, разыгрывавшуюся въ петербургскомъ кабинетѣ между приверженцами антипольскихъ монархическихъ стремленій и панславистской партіей, сочувствовавшей полякамъ.

Князь Горчаковъ смотрѣлъ на польскій вопросъ не съ монархической, а съ либеральной или, такъ сказать, съ парламентской точки зрѣнія. Онъ считалъ себя прекраснымъ ораторомъ, былъ таковымъ на самомъ дѣлѣ и ему было пріятно думать, что Европа могла бы рукоплескать его краснорѣчію, если бы онъ имѣлъ возможность выказать его на трибунѣ въ Варшавѣ или въ Петербургѣ. Въ то время предполагали, что либеральныя уступки, которыя будутъ сдѣланы полякамъ, коснутся и русскихъ; поэтому всѣ русскіе, мечтавшіе о конституціи, были на сторонѣ поляковъ.

Въ то время когда общественное мнѣніе было занято у насъ польскимъ вопросомъ и конвенція, заключенная Альвенслебеномъ, возбудила непонятное негодованіе либераловъ въ ландтагѣ, мнѣ былъ однажды представленъ у кронпринца г. Гинцпетеръ. Такъ какъ этотъ господинъ видѣлъ кронпринца и его супругу ежедневно и казался мнѣ человѣкомъ консервативныхъ убѣжденій, то я завелъ съ нимъ продолжительный разговоръ и высказалъ ему свой взглядъ на польскій вопросъ, въ надеждѣ, что ему представится случай говорить въ этомъ смыслѣ съ кронпринцемъ. Нѣсколько дней спустя онъ писалъ мнѣ, что кронпринцесса спрашивала его, о чемъ я такъ долго говорилъ съ нимъ; онъ передалъ ей весь нашъ разговоръ, записалъ его и прислалъ мнѣ для исправленія.

¹⁾ Сравни письмо Бисмарка къ генералу Берпсторфу отъ 9-го марта 1863 г. Bismarck-Jahrbuch, VI, 172.

Я отвѣчалъ, что долженъ отклонить его просьбу, ибо послѣ того, что онъ сообщилъ мнѣ, это имѣло бы видъ, какъ будто я высказалъ свои взгляды, да притомъ еще письменно, не ему, а кронпринцессѣ, я же могу сдѣлать это не иначе какъ словесно.

XIV.

Бисмаркъ и императоръ Фридрихъ.—Распоряженіе о печати.—Данцигская рѣчь кронпринца.—Его жалоба и отвѣтъ короля.—Бисмаркъ удерживаетъ короля отъ крайнихъ мѣръ противъ его сына.—Нескромность Times'a.—Кто былъ заподозрѣнъ въ этомъ разоблаченіи.—Разговоръ съ кронпринцемъ въ Гастейнѣ.—Вторичный протестъ кронпринца.—Несогласіе между королемъ и Бисмаркомъ.

Императоръ Фридрихъ, сынъ монарха, котораго я называю *in specie* своимъ монархомъ, облегчилъ мнѣ своей обходительностью и довѣріемъ, которое онъ мнѣ оказывалъ, возможность перенести на него тѣ чувства, которыя я питалъ къ его отцу. Онъ болѣе понималъ чѣмъ его отецъ, что какъ министръ, я являлся, по смыслу конституціи, отвѣственнымъ за принимаемыя имъ рѣшенія. При исполненіи требованій внутренней и вѣншей политики, онъ былъ также менѣ стѣсненъ семейными традиціями.

Всѣ догадки по поводу того, будто бы между императоромъ Фридрихомъ и мною существовало довольно долгое время несогласіе, лишены всякаго основанія. Мимолетное недоразумѣніе между нами было вызвано только Данцигскимъ эпизодомъ. Въ виду обнародованныхъ нынѣ бумагъ Макса Дункера, я позволю себѣ быть откровеннѣе при передачѣ нѣкоторыхъ подробностей этого эпизода, нежели я сдѣлалъ бы въ иномъ случаѣ.

31-го мая 1863 г. кронпринцъ отправился въ прусскую провинцію на инспекторскій смотръ, обратившись предварительно къ королю письменно съ просьбою избѣгать всякихъ насильственныхъ мѣръ. Въ томъ самомъ поѣздѣ, въ которомъ ѣхалъ кронпринцъ, находился и оберъ-бургомистръ города Данцига, г. фонъ-Винтеръ, котораго принцъ пригласилъ въ свое купе и котораго онъ посѣтилъ нѣсколько дней спустя въ его помѣстьи близъ Кульма. 2-го іюня кронпринцесса послѣдовала за супругомъ въ Грауденцъ; наканунѣ былъ обнародованъ королевскій указъ относительно прессы ¹⁾, вызванный докладомъ кабинета, обнародован-

¹⁾ Конвенція, заключенная съ Россіей, усилила еще болѣе существовавшее уже враждебное отношеніе общества къ министерству Бисмарка, которое выразилось столь рѣзкими выходками либеральной прессы, что правительство воспользовалось правомъ, предоставленнымъ ему конституціей, и издало

нымъ одновременно. 4-го іюня, его королевское высочество отправилъ королю письмо, въ которомъ онъ выразилъ свое неодобреніе по поводу этого указа, жаловался на то, что онъ не былъ приглашенъ къ обсужденію этого вопроса въ кабинетъ, и высказалъ свой взглядъ на свои обязанности какъ наслѣдника престола.

5-го іюня въ Данцигской ратушѣ происходилъ пріемъ городскихъ властей; на этомъ пріемѣ г. фонъ-Винтеръ высказалъ свое сожалѣніе по поводу того, что обстоятельства не позволяютъ городу выказать вполне его радость по поводу пріѣзда его высочества. Кронпринцъ, въ отвѣтной рѣчи сказалъ между прочимъ слѣдующее:

— Я также весьма сожалѣю, что я пріѣхалъ сюда въ такое время, когда между правительствомъ и народомъ возникло недоразумѣніе, о чемъ я узналъ съ величайшимъ изумленіемъ. Мнѣ не были извѣстны распоряженія правительства, подавшія къ этому поводъ. Я былъ въ отсутствіи. Я не принималъ участія въ совѣщаніяхъ, коими были вызваны эти распоряженія. Но мы всѣ и я въ особенности, которому лучше чѣмъ кому-либо извѣстны благородныя и отеческія намѣренія и великодушныя желанія его королевскаго величества, мы всѣ увѣрены, что Пруссія подъ скипетромъ его величества неуклонно идетъ къ той великой цѣли, къ которой предназначила ее судьба.

Экземпляры «Danziger Zeitung» (Данцигской газеты), въ коихъ описывалось происшедшее въ ратушѣ, были разосланы въ редакціи берлинскихъ и другихъ газетъ, не получавшихъ означенную газету, которая посвящена исключительно вопросамъ мѣстнаго характера. Такимъ образомъ сказанное кронпринцемъ быстро стало извѣстно повсюду и вызвало оживленные толки въ Германіи и за границею. Онъ прислалъ мнѣ изъ Грауденца энергическій протестъ противъ указа о печати и требовалъ, чтобы этотъ протестъ былъ сообщенъ кабинету, что однако не было исполнено по повелѣнію короля. 7-го іюня ему былъ посланъ строгій отвѣтъ его величества на его жалобу отъ 4-го числа. Послѣ чего кронпринцъ просилъ у отца извиненія за шагъ, который онъ счелъ дол-

1-го іюня 1863 г. указъ, коимъ была нѣсколько ограничена свобода прессы, но который имѣлъ цѣлю только смягчить слишкомъ задорный ея тонъ и вернуть ее на путь болѣе благопристойной и объективной полемики. Всѣ прусскіе и заграничные либералы увидѣли въ указѣ о печати несогласное съ конституціей посягательство на священную свободу прессы и грозили его въ печати («Das Schweigen der Presse in Preussen». Grenzboten, 17-го іюля 1863 г., стр. 111 и др.), а когда кронпринцъ, находившійся подъ вліяніемъ своей супруги, выразилъ публично свой протестъ противъ этого указа, то услужливая пресса постѣшила оповѣстить весь міръ объ этомъ „событіи“, восхваляя либеральныя взгляды наслѣдника престола. (См. Wegweiser durch Bismarcks „Gedanken und Erinnerungen“ von Horst Kohl. Leipzig, 1899 г.).

В. В.

гомъ сдѣлать ради своего собственнаго будущаго и ради будущаго своихъ дѣтей, и просилъ уволить его отъ всѣхъ занимаемыхъ имъ должностей. 11-го числа онъ получилъ отвѣтъ короля, въ которомъ его величество прощалъ его, не упоминая ни о жалобѣ его на министра, ни о его просьбѣ объ увольненіи въ отставку, но приказывалъ ему впредь воздерживаться отъ публичнаго выраженія своихъ мнѣній.

Считая гнѣвъ короля вполне законнымъ, я боялся, чтобы онъ не выразилъ своего неудовольствія какимъ-нибудь правительственнымъ или официальнымъ актомъ. Въ интересахъ династіи, я считалъ долгомъ успокоить короля и удержать его отъ такого шага, который напоминалъ бы Вильгельма I и Кюстрина. Случай къ тому представился мнѣ 10-го іюня, когда мы ѣхали вмѣстѣ съ королемъ изъ Вабельсберга въ Новый дворецъ, гдѣ его величество производилъ смотръ учебному батальону. Чтобы не быть понятыми слугами, которые сидѣли на козлахъ, мы говорили по-французски. Мнѣ удалось смягчить гнѣвъ его величества, представивъ ему соображенія государственной важности; я доказывалъ ему, что при предстоявшей борьбѣ между королевской властью и парламентомъ, не слѣдовало оглашать розни, происшедшей въ королевской семьѣ, и что его величество, какъ король и отецъ, долженъ былъ позаботиться, чтобы интересы обѣихъ царственныхъ особъ не пострадали.

— Избѣгайте, ваше величество, всякаго рѣшенія *ab irato*, сказалъ я, — въ этомъ случаѣ должны имѣть рѣшающее значеніе только соображенія государственной важности.

Особенно сильное впечатлѣніе произвели на его величество мои слова, что въ столкновеніи между Вильгельмомъ I и его сыномъ симпатіи современниковъ и потомства будутъ на сторонѣ послѣдняго и что не слѣдуетъ придавать кронпринцу видъ жертвы.

Когда этотъ вопросъ былъ улаженъ, такъ сказать, съ внѣшней стороны вышеупомянутыми письмами, коими король обмѣнялся съ сыномъ, я получилъ изъ Штеттина письмо отъ кронпринца, написанное 30-го іюня, въ которомъ онъ осуждалъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ всю мою политическую дѣятельность, говоря что она лишена доброжелательства и вниманія къ народу и основана на весьма сомнительномъ толкованіи конституціи; это можетъ повести къ тому, что народъ не будетъ придавать конституціи никакого значенія, что, въ свою очередь, можетъ завести насъ на путь, совершенно несогласный съ духомъ конституціи. Съ другой стороны, кабинетъ, переходя отъ одного произвольнаго истолкованія къ другому, еще болѣе произвольному, дойдетъ до того, что посовѣтуетъ королю наконецъ вовсе нарушить конституцію. Затѣмъ кронпринцъ сообщалъ мнѣ о своемъ намѣреніи просить короля уволить его отъ участія въ засѣданіяхъ кабинета до тѣхъ поръ, пока нынѣшній кабинетъ будетъ у дѣлъ.

Несмотря на это заявленіе со стороны наслѣдника престола я продолжалъ идти по тому же пути, и это было лучшимъ доказательствомъ того, что я вовсе не заботился сохранить свой министерскій постъ при перемѣнѣ престолонаслѣдія, которое могло наступить весьма скоро, однако кронпринцъ вынудилъ меня подтвердить ему это лично, во время одного разговора, о которомъ будетъ рѣчь далѣе.

Къ великому удивленію короля, 16-го или 17-го іюня въ «Times's» было напечатано: «Во время поѣздки для инспектированія войска, принцъ позволилъ себѣ высказать мнѣнія, не согласующіяся съ политикой короля, и выразить сомнѣніе въ цѣлесообразности его мѣропріятій. Самое меньшее, что онъ могъ бы сдѣлать, чтобы смыть это жестокое оскорбленіе, было взять свои слова назадъ. Король потребовалъ этого въ своемъ письмѣ къ кронпринцу присовокупивъ, что онъ будетъ лишенъ знаковъ отличія и занимаемыхъ имъ должностей, если онъ этого не сдѣлаетъ. Принцъ, какъ говорятъ, съ согласія ея королевскаго высочества принцессы, отвѣтилъ на это рѣшительнымъ отказомъ. Онъ отказался взять что либо изъ сказаннаго назадъ, просилъ уволить его отъ занимаемыхъ имъ должностей и лишить орденовъ и испрашивалъ позволенія удалиться со своей супругою и семьей въ такое мѣсто, гдѣ на него не могло бы пасть подозрѣніе, что онъ какимъ бы то ни было образомъ вмѣшивается въ государственныя дѣла. Письмо это написано, какъ говорятъ, замѣчательно хорошо и принцъ можетъ похвастать тѣмъ, что супруга его не только раздѣляетъ его либеральныя взгляды, но даже въ состояніи поддержать его въ столь важный и критическій моментъ жизни. Трудно себѣ представить болѣе затруднительное положеніе, нежели положеніе кронпринца и его супруги; не имѣя дѣльнаго совѣтника они находятся между двухъ огней: съ одной стороны—упрямый монархъ и недостойный кабинетъ, а съ другой—возбужденный народъ».

Кто былъ авторомъ этой статьи, такъ и не удалось узнать несмотря на все стараніе. Нѣкоторые обстоятельства заставляютъ подозрѣвать въ этомъ совѣтника посольства Мейера.

Довольно обстоятельныя сообщенія, появившіяся въ «Grenzboten» и въ «Süddeutsche Post», подписанныя депутатомъ Братеромъ, были сообщены ему по всей вѣроятности однимъ второстепеннымъ нѣмецкимъ дипломатомъ ¹⁾, который пользовался довѣріемъ кронпринца и его супруги и лѣтъ 25 спустя злоупотребилъ этимъ довѣріемъ, обнародовавъ нѣкоторые документы, довѣренныя ему его высочествомъ.

Я вполне увѣренъ, что объ этомъ кронпринцу ничего не было извѣстно, какъ онъ и утверждалъ самъ; я не сомнѣвался въ этомъ даже

¹⁾ Геффеномъ. Примѣч. издателя.

тогда, когда я прочелъ его письмо къ Максу Дункеру отъ 14-го июля, въ которомъ его высочество писалъ, что онъ не особенно бы удивился, если бы Бисмаркъ сумѣлъ достать копии съ переписки, происходившей между нимъ и королемъ.

Мнѣ кажется я не ошибусь сказавъ, что въ этомъ нескромномъ сообщеніи было виновно то самое лицо, которое поддерживало кронпринца во всѣхъ его поступкахъ; нѣкоторые факты, случившіеся во время франко-прусской войны, и недавнее обнародованіе бумагъ Дункера подтверждаютъ справедливость моего мнѣнія. Если у насъ могла существовать цѣлая школа политическихъ писателей, цѣлые четверть вѣка превозносившихъ то, что они называли англійскою конституціей и о чемъ они не имѣли опредѣленнаго понятія, ставя ее какъ образецъ континентальнымъ народамъ и совѣтуя подражать ей, то весьма естественно, что кронпринцесса и ея мать не признавали своеобразный складъ прусскаго государства и отрицали возможность управлять имъ при помощи смѣнявшихся парламентскихъ партій; весьма естественно также, что изъ этой ошибки проистекла другая, а именно—опасеніе, что въ Пруссіи XIX столѣтія повторится та внутренняя борьба и возможны тѣ катастрофы, которыя Англія испытала въ XVII столѣтіи, если у насъ не будетъ введена та система управленія, которая положила конецъ этой борьбѣ. Я не могъ провѣрить, справедливо ли было полученное мною тогда извѣстіе, будто въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1863 г. королева Августа приказала президенту Людольфу Кампгаузену, а кронпринцесса—барону фонъ-Штокмару написать критическія записки о внутреннемъ состояніи Пруссіи и представить ихъ королю; но что королева, имѣвшая въ числѣ своихъ приближенныхъ совѣтника посольства Мейера, чрезвычайно боялась за цѣлость престола, это было мнѣ давно извѣстно. Удрученное состояніе, въ какомъ король (какъ выше описано) возвращался (въ 1862 г.) изъ Бадена, куда онъ ѣздилъ ко дню рожденія своей супруги, служить подтвержденіемъ этого. Либеральная партія, враждовавшая съ королевскою властью, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе надѣялась на побѣду и, пользуясь услугами прессы и отдѣльныхъ лицъ, не упускала случая изобразить положеніе дѣлъ въ такомъ свѣтѣ, который долженъ былъ особенно сильно подѣйствовать на женскій умъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ кронпринцъ былъ у меня въ Гастейнѣ; свободный отъ англійскаго вліянія, онъ держалъ себя этотъ разъ менѣе самостоятельно, какъ и соответствовало его характеру, отзывался почтительнѣе объ отцѣ и скромно и любезно объяснилъ свой поступокъ недостаточной политической подготовкою, малымъ знакомствомъ съ дѣлами; тономъ человѣка, признающаго себя виновнымъ, онъ объяснилъ свой поступокъ посторонними вліяніями.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда король вернулся вмѣстѣ со мною въ

Берлинъ черезъ Баденъ, а кронпринцъ проѣхалъ туда прямо изъ Гастейна, онъ снова подпалъ вліянію и поддался тѣмъ опасеніямъ, которыя побудили его заявить протестъ въ іюнь мѣсяцѣ. На другой день послѣ того какъ было рѣшено распустить палату депутатовъ, онъ писалъ мнѣ:

Берлинъ, 3/ix 1863.

«Я сообщилъ сегодня его величеству тѣ взгляды, которые я изложилъ вамъ въ письмѣ изъ Путбуса (правильнѣе изъ Штеттина) и которые я просилъ васъ не передавать королю прежде нежели я самъ это сдѣлаю. Вчера въ совѣтѣ принято важное рѣшеніе; въ присутствіи министровъ я не хотѣлъ ничего возражать его величеству. Я сдѣлалъ это сегодня; я высказалъ ему свои соображенія и изложилъ ему мои серьезные опасенія за будущее. Теперь королю извѣстно, что я самый рѣшительный противникъ министерства Фридрихъ Вильгельмъ».

Пришлось коснуться высказанной кронпринцемъ въ письмѣ отъ 30-го іюня просьбы освободить его отъ участія въ засѣданіяхъ кабинета. Слѣдующее письмо Бодельшвинга отъ 11-го сентября 1863 г. показываетъ, каковы были въ то время отношенія между высочайшими особами:

«Неизвѣстно когда именно вы вернетесь изъ вашей поѣздки, вызванной столь печальнымъ обстоятельствомъ, писалъ онъ¹⁾; и буду ли я тотчасъ по вашему приѣздѣ имѣть возможность говорить съ вами, поэтому сообщаю вамъ письменно, что согласно приказанію его величества, переданному мнѣ флигель-адъютантомъ, я сообщилъ адъютанту его королевскаго высочества по вашему порученію о вашемъ послѣднемъ отъѣздѣ и о причинѣ этого отъѣзда, и просилъ его сообщить это его королевскому высочеству на тотъ случай, если ваша просьба о назначеніи вамъ аудіенціи уже была передана ему или если эта аудіенція уже была назначена. Его величество, какъ передалъ мнѣ князь Готенлоэ, не нашелъ со своей стороны удобнымъ говорить съ кронпринцемъ о вашемъ отъѣздѣ и объ аудіенціи, которую вы спрашивали».

Король рѣшилъ, что кронпринцъ долженъ попрежнему присутствовать на засѣданіяхъ кабинета, какъ это было принято съ 1861 года, и поручилъ мнѣ извѣстить объ этомъ его королевское высочество. Кажется испрошенная съ этой цѣлью аудіенція не состоялась, такъ какъ мнѣ помнится, что я воспользовался случаемъ, когда кронпринцъ приѣхалъ на засѣданіе кабинета, которое въ тотъ день случайно не состоялось, чтобы заговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Я спросилъ его королевское высочество, почему онъ удаляется отъ дѣлъ, коль скоро ему придется

¹⁾ Кончина моей тещи. Я отсутствовалъ изъ Берлина съ 6-го по 11-е число. Примѣч. Бисмарка.

по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ управлять страной; если онъ не разделяетъ взглядовъ правительства, то ему слѣдуетъ лучше приготовить возможность перехода отъ этихъ взглядовъ къ своимъ, нежели быть постоянно въ оппозиціи. Онъ отвѣчалъ на это весьма рѣзко въ отрицательномъ смыслѣ, предполагая вѣроятно, что этими словами я хотѣлъ обезпечить себѣ возможность служить впоследствии при немъ.

Много лѣтъ я не могъ забыть того враждебнаго выраженія и того олимпійскаго высокомерія, съ какимъ это было сказано, и до сихъ поръ вижу закинутую назадъ голову, вспыхнувшее лицо и взглядъ, который онъ бросилъ на меня черезъ лѣвое плечо. Я подавилъ свое собственное волненіе, вспомнилъ Дона Карлоса и Альбу (актъ 2, сцена 5) и отвѣчалъ, что я сказалъ это единственно изъ преданности къ династии, изъ желанія сдѣлать возможнымъ сближеніе его съ отцомъ, какъ требуютъ интересы страны и династии, коимъ можетъ повредить происшедшее между ними охлажденіе. Я сдѣлалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ все отъ меня зависящее, чтобы удержать его величество отъ необдуманнаго шага, такъ какъ я считая необходимымъ поддержать въ королевской семьѣ согласіе въ интересахъ страны и въ виду предстоящей борьбы съ парламентаризмомъ. Какъ преданный и вѣрный слуга его величества я желаю ему найти, когда онъ вступитъ на престолъ, такого же преданнаго слугу, какимъ я былъ для его отца. Я не думаю, что онъ можетъ предположить, будто я желаю быть со временемъ при немъ министромъ. Этого никогда не будетъ.

Быстро раздражившись кронпринцъ такъ же быстро успокоился и окончилъ разговоръ весьма милостиво.

Онъ настаивалъ на своей рѣшимости не принимать болѣе участія въ засѣданіяхъ кабинета и прислалъ королю еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ записку, написанную вѣроятно подъ постороннимъ вліяніемъ, въ которой онъ объяснялъ мотивы, руководившіе его дѣйствіями, въ такомъ тонѣ, который могъ быть принятъ за оправданіе его образа дѣйствій въ іюнѣ мѣсяцѣ. По этому поводу мы обмѣнялись съ его величествомъ нѣсколькими письмами; наша переписка завершилась слѣдующей запиской:

«Бабельсбергъ, 7-го ноября 1863.

«Прилагаю при семъ отвѣтъ моему сыну кронпринцу на его записку, написанную имъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Для того чтобы вы могли лучше ориентироваться, посылаю вамъ вновь самую записку, а равно и ваши замѣтки, коими я пользовался писавши свой отвѣтъ».

Я не снялъ копию съ этой записки, но о содержаніи ея можно судить по моимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ на поляхъ этой записки, которыя я привожу здѣсь:

Къ стр. 1. Требованіе, чтобы предостереженіе, высказанное

его королевскимъ высочествомъ, имѣло вліяніе на рѣшенія его величества, принимаемыя имъ по весьма зрѣломъ и всестороннему обсужденію, придаетъ его положенію и опытности несоотвѣтствующее значеніе по сравненію съ положеніемъ и опытностью монарха и отца.

Никто не можетъ предположить, что его королевское высочество «причастенъ изданному королемъ указу, ибо всемъ извѣстно, что кронпринцъ не имѣетъ голоса въ министерствѣ и что по смыслу конституціи положеніе, какое занималъ въ прежнее время наслѣдникъ престола, въ настоящее время немыслимо».

Поэтому опроверженіе, сдѣланное въ Данцигѣ, было излишнее.

Стр. 2. Свобода дѣйствій его королевскаго высочества нисколько не стѣснена тѣмъ, что его королевское высочество присутствуетъ на засѣданіяхъ и, выслушивая мнѣніе другихъ лицъ и высказывая свое собственное, слѣдитъ за ходомъ государственныхъ дѣлъ, что составляетъ долгъ наслѣдника престола. Исполненіе этого долга, если о немъ будутъ говорить въ газетахъ, дастъ прекрасное понятіе о добросовѣстности, съ какою кронпринцъ готовится къ своему высокому и серьезному призванію.

Слова «со связанными руками» и т. п. не имѣютъ смысла.

Стр. 2. «Страна» никоимъ образомъ не можетъ отождествлять его королевское высочество съ кабинетомъ, ибо она знаетъ, что кронпринцъ не участвуетъ въ рѣшеніяхъ кабинета. Къ сожалѣнію, странѣ очень хорошо извѣстно, что кронпринцъ сталъ въ оппозицію къ правительству; каждый отецъ семейства, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, можетъ истолковать это превратно какъ стремленіе освободиться отъ авторитета отца, неуваженіе къ которому оскорбляетъ чувства народа. Ничто не могло бы въ такой степени повредить его королевскому высочеству какъ обнародованіе этой записки.

Стр. 2. Положеніе его королевскаго высочества во всякомъ случаѣ «въ высшей степени фальшивое», ибо водружать знамя оппозиціи противъ короля и отца совершенно не соотвѣтствуетъ положенію наслѣдника престола; онъ «обязанъ» выйти изъ этого положенія, и это можетъ быть достигнуто только путемъ возвращенія къ нормальному порядку вещей.

Стр. 3. Борьбы между долгомъ не предстоитъ, такъ какъ первый долгъ является плодомъ собственной фантазіи; забота о будущемъ Пруссіи—дѣло короля, а не кронпринца; будущее рѣшить, была ли сдѣлана «ошибка» и съ чьей стороны. Въ тѣхъ случаяхъ, когда «взглядъ» его величества находится въ противорѣчій со взглядами кронпринца, рѣшающимъ является всегда мнѣніе короля, слѣдовательно никакого конфликта не можетъ произойти. Его королевское высочество самъ при-

знаетъ, что въ нашей конституціи «нѣтъ мѣста для оппозиціи со стороны наслѣдника престола».

Стр. 4. Оппозиція въ совѣтѣ не исключаетъ повиновенія его величеству, когда подлежащій обсужденію вопросъ рѣшенъ. Министры точно также возражаютъ его величеству, если они не согласны съ нимъ въ мнѣніи, тѣмъ не менѣе они повинуются ¹⁾), рѣшенію короля, хотя имъ приходится выполнять самимъ то, что они оспаривали.

Стр. 4. Если его королевскому высочеству извѣстно, что министры поступаютъ согласно съ желаніемъ короля, то его королевское высочество не можетъ заблуждаться насчетъ того, что оппозиція наслѣдника престола направлена противъ царствующаго монарха.

Стр. 5. У кронпринца нѣтъ никакого повода идти противъ желанія короля; у него не можетъ быть въ этомъ случаѣ никакого оправданія, именно потому, что его королевское высочество не занимаетъ никакого служебнаго «status». Въ такомъ случаѣ каждый принцъ королевскаго дома имѣлъ бы такое же точно право считать своимъ «долгомъ» становиться въ открытую оппозицію королю въ случаѣ разногласія съ нимъ во мнѣніяхъ, дабы оградить этимъ «свои права и права своихъ дѣтей отъ послѣдствій тѣхъ ошибокъ, которыя могли бы быть сдѣланы королевскимъ правительствомъ, т. е. чтобы обезпечить себѣ престолонаслѣдіе въ духѣ Людовика Филиппа, въ случаѣ если бы король былъ свергнутъ съ престола революціей».

Стр. 5. По поводу сказаннаго главою кабинета въ Гастейнѣ слѣдовало высказаться обстоятельнѣе.

Стр. 7. Король требуетъ, чтобы кронпринцъ присутствовалъ на засѣданіяхъ не въ качествѣ королевскаго совѣтника, а для его собственнаго назиданія и для подготовленія къ его будущимъ обязанностямъ.

Стр. 7. Попытка «нейтрализовать» мѣропріятія правительства была бы равносильна объявленію борьбы правительству и мятежу.

Стр. 7. Примѣръ открытой оппозиціи со стороны наслѣдника престола и разлада въ средѣ царствующаго дома можетъ повести къ ослабленію узъ, связывавшихъ доселѣ народъ съ династіей, и поэтому можетъ быть опаснѣе всѣхъ нападокъ демократіи и подкапыванія «подъ основы монархіи».

Ежели сынъ и наслѣдникъ престола возстаетъ противъ авторитета отца и короля, то для кого же этотъ авторитетъ будетъ священнымъ? Если личное честолюбіе кронпринца можетъ быть удовлетворено тѣмъ, что онъ идетъ въ настоящее время противъ короля, то ослабленіе этихъ узъ можетъ принести въ будущемъ вредъ самому кронпринцу, когда онъ будетъ королемъ; подрывая авторитетъ нынѣшняго

¹⁾ Тутъ приписано рукою короля: если это не противорѣчитъ ихъ совѣсти.

правительства онъ посѣтъ дурное сѣмя для будущаго. Не можетъ быть ничего хуже такого правительства, въ которомъ существуютъ внутренній раздоръ и несогласіе; потрясеніе, вызванное кронпринцемъ, можетъ пошатнуть самыя основныя зданія, въ которое онъ самъ вступитъ въ будущемъ какъ король.

Стр. 7. По смыслу конституціи, Пруссіей управляетъ король, а не министр. Только одинъ законодательный, а не административный мѣры обсуждаются совмѣстно съ палатами, передъ коими министръ является представителемъ короля. Поэтому, согласно закону, министры суть слуги короля и признанные совѣтники его величества, а не правители Пруссіи, какъ это было до обнародованія конституціи. Прусское королевство и послѣ утвержденія конституціи нельзя сравнивать съ Бельгіей или съ Англіей: у насъ страной все еще управляетъ самъ король; онъ отдаетъ приказанія по своему усмотрѣнію, сообразуясь со смысломъ конституціи.

Стр. 8. Обнародованіе государственныхъ тайнъ не допускается закономъ. Что именно слѣдуетъ понимать подъ словомъ государственная тайна—зависитъ отъ повелѣнія короля относительно соблюденія служебныхъ тайнъ.

Стр. 8. Почему его высочество придаетъ такое большое значеніе тому, что дѣлается извѣстнымъ «за границею»? Если его королевское высочество высказываетъ свое мнѣніе въ совѣтъ по своему убѣжденію, то его совѣсть можетъ быть покойна. Кронпринцъ не принимаетъ офиціально участія въ государственныхъ дѣлахъ и не долженъ высказывать своего мнѣнія публично; ни одинъ человѣкъ, мало-мальски знакомый съ нашими государственными учрежденіями, не выведетъ заключенія, что его королевское высочество одобряетъ дѣйствія правительства, изъ того, что его королевское высочество присутствуетъ при преніяхъ, происходящихъ въ совѣтъ, безъ права голоса, слѣдовательно не имѣя возможности возражать противъ его постановленій.

Стр. 8. Вся ошибка состоитъ въ томъ, что придаютъ слишкомъ много значенія «показной» сторонѣ дѣла; главное быть и мочь, а это можетъ быть плодомъ только серьезной и обдуманной работы.

Стр. 9. Участіе его королевскаго высочества въ совѣтъ не есть «активное» положеніе, ибо кронпринцъ не имѣетъ права голоса.

Стр. 9. Сообщенія, дѣлаемые «должностнымъ» лицамъ, безъ соизволенія его величества противны законамъ. Его королевское высочество вѣдь не лишентъ права свободно высказывать свое мнѣніе, напротивъ, это весьма желательно, но оно должно дѣлаться только въ совѣтъ, гдѣ сказанное имъ только и можетъ имѣть вліяніе на рѣшенія, принимаемыя совѣтомъ. Желаніе «все объяснить странѣ» можетъ вызвать чувство удовлетвореннаго самолюбія, но легко можетъ имѣть послѣдствіемъ недо-

вольство и возмущеніе противъ власти и подготовить такимъ образомъ революцію.

Стр. 10. Присутствіе его королевскаго высочества, безъ сомнѣнія, затрудняетъ министровъ; ихъ трудъ былъ бы облегченъ, если бы его королевское высочество не присутствовало въ засѣданіяхъ. Но можетъ ли его величество, не нарушая долга, отказаться отъ своего требованія, чтобы кронпринцъ изучалъ дѣла и законы страны? не опасно ли держать будущаго короля въ невѣдѣніи государственныхъ дѣлъ, когда благо милліоновъ людей требуетъ, чтобы онъ былъ съ ними ознакомленъ?

Настоящей запиской его королевское высочество показываетъ незнаніе того обстоятельства, что участіе кронпринца въ совѣщаніяхъ никогда не было отвѣтственнымъ: онъ участвуетъ въ нихъ только для ознакомленія съ дѣлами, и отъ его королевскаго высочества никогда не могутъ требовать, чтобы онъ высказывалъ свое мнѣніе. Всѣ его разсужденія основаны на этомъ ошибочномъ взглядѣ. Если бы кронпринцъ былъ лучше знакомъ съ дѣлами, то онъ не угрожалъ бы обнародовать тайну совѣщаній, если его величество не согласится съ его мнѣніемъ, ибо это равносильно нарушенію закона и слѣдовательно уголовному преступленію. И онъ дѣлаетъ это лишь нѣсколько недѣль спустя послѣ того, какъ его королевское высочество такъ строго осудилъ обнародованіе его переписки съ его величествомъ.

Стр. 11. Вышеупомянутый упрекъ касается близко весьма многихъ; никто не приписываетъ его королевскому высочеству подобныхъ нападѣній; говорятъ только, что другія лица, питающія подобныя нападѣнія, надѣются осуществить ихъ при пассивномъ содѣйствіи кронпринца и что ихъ безчестныя поползновенія подають нынѣ болѣе чѣмъ когда либо надежду на перемѣну образа правленія.

Стр. 12. Требованіе его королевскаго высочества, чтобы его увѣдомляли своевременно о томъ, какіе вопросы будутъ подлежать обсужденію въ засѣданіяхъ, всегда признавалось правильнымъ и исполнялось какъ требованіе вполне основательное; даже высказывалось желаніе, чтобы его королевское высочество самъ старался быть болѣе au courant дѣлъ чѣмъ прежде, но для этого необходимо, чтобы мѣстопробываніе кронпринца всегда было извѣстно и доступно, чтобы кронпринцъ лично былъ доступенъ министрамъ и чтобы было обезпечено соблюденіе тайны. Въ особенности необходимо, чтобы докладчики, съ которыми его королевское высочество могъ бы быть уполномоченъ обсуждать подлежащіе разсмотрѣнію государственные вопросы, были не врагами правительства, а его доброжелателями или по крайней мѣрѣ безпристрастными критиками и не состояли бы въ интимныхъ отношеніяхъ къ оппозиціи въ ландтагѣ или въ прессѣ; самое затруднительное въ этомъ случаѣ было бы соблю-

деніе тайны, въ особенности по отношенію къ иностраннымъ державамъ до тѣхъ поръ пока его королевское высочество и ея королевское высочество кронпринцесса не прониклись бы убѣжденіемъ, что въ царствующихъ домахъ ближайшіе родственники, не будучи нашими соотечественниками, часто по необходимости и по долгу заботятся о своихъ собственныхъ, а вовсе не о прусскихъ интересахъ. Тяжело, когда отношенія между матерью и дочерью, между братомъ и сестрою обуславливаются пограничною линіей, но забвеніе этого правила можетъ еще тяжелѣе отразиться на странѣ.

Стр. 12. «Послѣднее засѣданіе совѣта» (3-го числа) было не засѣданіемъ совѣта, а частнымъ засѣданіемъ, назначеннымъ его величествомъ, о которомъ министрамъ предварительно не было извѣстно.

Стр. 13. Сообщение записки его королевскаго высочества министрамъ придадо бы ей официальный характеръ, котораго не могутъ имѣть мнѣнія, высказываемыя наслѣдникомъ престола.

XV.

Графъ Рехбергъ.—Какъ снискалъ Бисмаркъ его довѣріе.—Попытка дѣйствовать совмѣстно на почвѣ дуализма.—Какое вліяніе могла имѣть преобладающая роль Австріи?—Соглашеніе между Пруссіей и Австріей, вызванное опасеніемъ вѣншаательства Англіи и прочихъ европейскихъ державъ въ датскій вопросъ.—Разговоръ по поводу прусско-австрійскихъ отношеній между Бисмаркомъ и графомъ Кароли.—Плохое мнѣніе о Пруссіи въ Вѣнѣ.—Различіе характера Фридриха-Вильгельма IV и Вильгельма I.—Вѣра въ военное превосходство Австріи.—Австрія не желаетъ мирнаго дуализма.—Приглашеніе къ участію въ франкфуртскомъ княжескомъ сеймѣ.—Императоръ Францъ-Іосифъ въ Гастейнѣ.—Бисмаркъ находитъ участіе въ сеймѣ нежелательнымъ.—Король саксонскій Іоаннъ въ Баденѣ.—Впечатлѣніе, произведенное образомъ дѣйствій Пруссіи на средне-германскія государства.—Смерть короля датскаго Фридриха VII.—Блестящее начало дуалистической политики.—Бесѣда обоимъ монарховъ и ихъ министровъ въ Шенбруннѣ.—Переговоры объ участіи Австріи въ таможенномъ союзѣ.—Взглядъ на это Бисмарка.—Отставка Рехберга.—Изъ писемъ Тиле, Лебевена и Гольца.—Ненадежность и измѣнчивость австрійской дружбы.

Первые шаги къ нашему сближенію съ Австріей, которые привели къ заключенію съ нею союза въ 1879 году, были сдѣланы въ то время, когда главою кабинета и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ графъ Рехбергъ (съ 17-го мая 1859 г. по 27-е октября 1864 г.). Такъ какъ личныя отношенія, существовавшія между нами въ то время, когда я былъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ, оказали въ этомъ случаѣ не

малую пользу, то я упомяну о двухъ эпизодахъ, происшедшихъ между нами во Франкфуртѣ.

По окончаніи одного засѣданія, во время котораго я поспорилъ съ Рехбергомъ, оставшись со мною въ залѣ, наединѣ, онъ напалъ на меня за мою неговорчивость, назвалъ меня человѣкомъ сварливымъ и задорнымъ и сослался на нѣкоторые случаи, когда я возставалъ противъ излишняго вмѣшательства въ дѣла председательствующаго на сеймѣ. Я сказалъ, что я не знаю, какъ принять его слова: какъ извѣстный дипломатическій шахматный ходъ или вполне серьезно, но во всякомъ случаѣ его тонъ кажется мнѣ весьма оскорбительнымъ.

— Не можемъ же мы,—сказалъ я,—рѣшать дипломатическіе вопросы, касающіеся нашихъ государствъ, въ Бекенгеймскомъ лѣсочкѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

Онъ отвѣчалъ на это съ большою запальчивостью:

— Поѣдьте туда немедленно, я готовъ ѣхать хоть сію минуту.

Считая, что нашъ разговоръ перешелъ съ дипломатической на личную почву, я отвѣчалъ спокойно:

— Намъ не къ чему ѣхать туда; съ насъ хватитъ мѣста и тутъ, въ саду союзнаго парламента; напротивъ живутъ прусскіе офицеры, австрійцы также найдутся поблизости. Мы можемъ покончить это дѣло въ четверть часа, я попрошу у васъ только позволеніе изложить вкратцѣ сущность возникшаго между нами недоразумѣнія на бумагѣ, и надѣюсь, что вы подпишете ее вмѣстѣ со мною, такъ какъ я не хотѣлъ бы, чтобы его величество считалъ меня забіякой, который рѣшаетъ дипломатическіе вопросы поединкомъ.

Я началъ писать, а мой коллега расхаживалъ по комнатѣ взадъ и впередъ быстрыми шагами. Его гнѣвъ мало-по-малу улегся, и онъ взглянулъ спокойнѣе на положеніе, вызванное имъ самимъ. Я ушелъ, сказавъ, что пришлю къ нему г. фонъ-Эрпена, мекленбургскаго посланника, моего секунданта, чтобы условиться о дальнѣйшемъ. Эрпенъ уладилъ дѣло и примирилъ насъ.

Интересно также сказать, какимъ образомъ я приобрѣлъ довѣріе и, можно даже сказать, дружбу этого вспыльчиваго, но честнаго человѣка въ то время, когда мы уже были оба министрами. Однажды, когда я былъ у него по дѣлу, онъ вышелъ изъ комнаты, чтобы переодѣться и, уходя, передалъ мнѣ депешу, только что имъ полученную отъ своего правительства, съ просьбою прочитатъ ее. Ознакомившись съ ея содержаніемъ, я понялъ, что Рехбергъ ошибся и передалъ мнѣ бумагу, хотя и касавшуюся занимавшаго насъ вопроса, но предназначавшуюся для него лично, и которая несомнѣнно должна была сопровождаться другой депешей. Когда онъ вернулся, я возвратилъ ему депешу, сказавъ, что онъ ошибся, и что я забуду то, что прочелъ; дѣйствительно, я не

3р
нѣтъ у насъ Пушкина?.. Къ этой мысли нельзя привыкнуть!..

Нѣсколько подробнѣе сообщено было о смерти А. С. Пушкина въ газетахъ „Journal de St.-Petersbourg“ и „St.-Petersburger Zeitung“. Г-нъ Невзоровъ приводитъ подлинный текстъ французской и нѣмецкой газетъ и подъ нимъ—переводъ на русский языкъ.

Въ концѣ книги напечатано: Дѣло по прошенію умершаго коллежскаго ассессора Пушкина жены вдовы Натальи Николаевны о выдачѣ метрическихъ о рожденіи дѣтей ея свидѣтельствъ. Прошение Н. Н. Пушкиной,—какъ говорить г-нъ Невзоровъ,—писано на гербовой бумагѣ рублевого достоинства. Самое прошение воспроизведено съ соблюденіемъ орфографіи и пунктуациі подлинника.

Такое содержаніе новой книги Н. К. Невзорова. Имѣя въ виду, съ одной стороны, несомнѣнный интересъ сообщенныхъ въ ней свѣдѣній, а съ другой—благоприятную ¹⁾цѣль изданія,—нельзя не пожелать этой книгѣ самаго широкаго распространенія.

Н. К-ш-ъ.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Хронологическій сборникъ критико-библиографическихъ статей. Часть седьмая. Собралъ и издалъ В. Зелинскій. Москва, 1899 г. Цѣна 1 р.

Въ седьмую часть разсматриваемаго нами сборника вошли: Критика пятидесятихъ годовъ; „Разборъ библиографическихъ замѣтокъ г. Гаевского о сочиненіяхъ Пушкина и Дельвига“, статья Н. С. Тихонравова; „Замѣчаніе по поводу двухъ стиховъ въ Борисѣ Годуновѣ Пушкина“—статья С. Шевырева; „Библиографическая замѣтка о сочиненіяхъ Пушкина“, изъ „Современника“ за 1851 г.; „Разборы изданія сочиненій А. С. Пушкина“ (шесть т., СПб. 1855 г., изд. П. В. Анненкова) и статьи по поводу его (числомъ семь); критическія статьи о 7-мъ, дополнительномъ томѣ упомянутаго изданія: Н. Добролюбова изъ „Современника“, изъ „Библиотеки для Чтенія“—ст. И. Л. А. Станкевича изъ „Атеней“ и Л. Н. Майкова изъ „Библиографическихъ Записокъ“; кромѣ того—„Стенной дѣттокъ на могилу Пушкина“—статья Кохановской изъ „Русской Бесѣды“ за 1859 г.

Сборникъ г. Зелинскаго снабженъ алфа-

¹⁾ Чистая правда отъ настоящаго изданія предназначается на образованіе Пушкинскаго фонда при Обществѣ вспоможенія нуждающимся ученикамъ с.-петербургской 7-й гимназіи.

витнымъ указателемъ произведеній Пушкина, именъ писателей, названій сочиненій, статей, книгъ, журналовъ, газетъ,—встрѣчающихся въ текстѣ книги, что въ значительной мѣрѣ облегчаетъ справки. По внѣшности книга издана вполне удовлетворительно.

Н. К-ш-ъ.

А. С. Пушкинъ. Биографическій очеркъ изъ альбома Пушкинской выставки 1880 года. Составилъ А. А. Венкстернъ. Москва 1899 г. Цѣна 60 коп.

Послѣ московскихъ празднествъ въ честь Пушкина при открытіи ему памятника, Обществомъ любителей россійской словесности, состоящимъ при Московскомъ университетѣ, подъ редакціей Л. И. Поливанова, былъ выпущенъ въ свѣтъ „Альбомъ Пушкинской выставки 1880 года“. Въ составъ этого „Альбома“, кромѣ снимковъ съ портретовъ, видовъ, автографовъ и прочихъ предметовъ, бывшихъ на выставкѣ, вошелъ и этотъ очеркъ, перепечатанный теперь въ отдѣльную книгу почти безъ измѣненій, за исключеніемъ тѣхъ страницъ, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ иллюстраціямъ.

Онъ состоитъ изъ восьми главъ: въ первой говорится о происхожденіи А. С. Пушкина; во второй описывается семейная жизнь Пушкиныхъ и дѣтство поэта; третья глава отведена лицейскимъ годамъ Пушкина; въ четвертой мы находимъ свѣдѣнія о Пушкинѣ вслѣдъ за выпускомъ изъ лицея; въ пятой описано пребываніе поэта на югѣ, а въ слѣдующей—жизнь его въ Михайловскомъ; седьмая глава озаглавлена: „Передъ женитьбой“, а въ восьмой говорится о послѣднихъ годахъ жизни поэта. Въ концѣ этой главы авторъ приводитъ, со словъ В. А. Жуковскаго, описаніе послѣднихъ минутъ жизни Пушкина. „Очнувшись, онъ сказалъ: мнѣ было пригрѣзилось, что я съ тобою лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась“. Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку и, потянувъ ее, сказалъ: «ну, пойдемъ же пожалуйста, да вмѣстѣ». Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ бы проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось, и онъ сказалъ: «кончена жизнь!» Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: «да, кончено; мы тебя поворотили». «Жизнь кончена!»—повторилъ онъ внятно и положительно. Тяжело дышать, давить!»—были послѣднія слова его.

Биографическій очеркъ г. Венкстерна читается съ неослабвающимъ интересомъ.

Н. К-ш-ъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ
РУССКАЯ СТАРИНА
1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящіе въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнечій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, зв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются.

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о пѣльнѣ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственн., ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Огнѣны о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія. — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакцію.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предыдущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признаннымъ неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по 8 рублей; и съ 1888—1898 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.